

Дмитрий Вадимович Ольшанский

ПСИХОЛОГИЯ ТЕРРОРИЗМА

Издательство: Питер
2002 г.

До драматических событий в США осенью 2001 года терроризм воспринимался как явление исключительное и крайне редкое, незаботящее даже специалистов. Сегодня вряд ли найдется человек, который ни разу не задумался об истоках и развитии этого страшного явления.

Данная книга является серьезным научным исследованием этой проблемы. Она представляет собой системное изложение целостной и последовательной авторской концепции психологии терроризма. Автор подробно излагает собственные исследования психологических особенностей террористов и их жертв, вносит ясность в понятия «террор», «терроризм», «террористический акт», «мировой терроризм» и др.

Приведены яркие психологические портреты известных террористов Усама бен-Ладена и Рохуллы Хомейни. Книга написана на основе авторского опыта исследовательской работы, проведенной им в так называемых горячих точках.

Книга будет интересна не только специалистам в области психологии, политологии, философии, социологии, юриспруденции, но и студентам соответствующих специальностей вузов, а также всем тем, кого волнуют вопросы политического развития мирового сообщества и проблемы терроризма в этом контексте.

[Вместо предисловия](#)

- [Введение](#)
- [Часть 1. От террора до терроризма](#)
 1. [Путаница в понятиях: методы и результат](#)
 2. [Основные сферы терроризма](#)
 3. [Насилие и террор](#)
 4. [«Формула террора»](#)
 5. [Относительность оценок: «полезный» и «вредный» террор](#)
 6. [Масштабы оценок: от одиночного убийства - к взрывам небоскребов](#)
 7. [Проблема отношения к террору](#)
 8. [Резюме](#)
- [Часть 2. Психология массового террора](#)

1. [Страх](#)
2. [Ужас](#)
3. [Паника](#)
4. [Агрессия](#)
5. [«Болезнь колючей проволоки»](#)
6. [Психология геноцида и массовых убийств](#)
7. [Виктимология террора](#)
8. [Резюме](#)
- [Часть 3. Психология террориста](#)
 1. [Психологическая структура террористической деятельности](#)
 2. [Мотивация](#)
 3. [Личность террориста](#)
 4. [Патологический компонент](#)
 5. [Аномия](#)
 6. [Ущербность](#)
 7. [Логика и мышление](#)
 8. [Эмоции](#)
 9. [Моральные проблемы](#)
 10. [«Синдром Зомби»](#)
 11. [«Синдром Рэмбо»](#)
 12. [«Синдром камикадзе-шахэда»](#)
 13. [Преодоление страха смерти](#)
 14. [Психологические типы террористов](#)
 15. [Психология террористической группы](#)
 16. [Резюме](#)
- [Часть 4. От радикализма к терроризму](#)
 1. [Радикализм](#)
 2. [Экстремизм](#)
 3. [Фанатизм](#)
 4. [Фундаментализм](#)
 5. [Современный терроризм](#)
 6. [Змея, пожирающая свой хвост](#)
 7. [О неизбежности терроризма](#)
 8. [Резюме](#)
- [Часть 5. Исламские террористы: от аятоллы Хомейни до шейха бен-Ладена](#)
 1. [Рохулла Хомейни](#)
 2. [Усама бен-Ладен](#)
 3. [Резюме](#)
- [Вместо заключения](#)
 1. [Школа выживания \(краткий курс самозащиты от террора\)](#)
 2. [Помните о терроризме!](#)
 3. [Не попадайте в проблемные ситуации](#)
 4. [Расслабьтесь...](#)
 5. [Не поддавайтесь ужасу](#)
 6. [Как остановить панику?](#)
 7. [Умерим агрессию](#)
 8. [Умеете ли вы открывать дверь?](#)
 9. [Кто живет рядом с вами?](#)
 10. [Почтовые ящики](#)
 11. [О пользе утюгов](#)
 12. [Места скопления людей](#)
 13. [Как вы ходите по улицам?](#)
 14. [Кое-что о мусоре](#)
 15. [Удобно ли вы одеваетесь?](#)
 16. [О «внутреннем» употреблении](#)

17. [Вода](#)
 18. [О транспорте](#)
 19. [Отдельно - о метро](#)
 20. [Наши дети](#)
 21. [Резюме](#)
- [Литература](#)

Вместо предисловия

«Новые теракты в Москве вполне возможны. Становится реальным применение террористами биологических, химических и радиационных средств. Такое тревожное заявление сделал на недавнем расширенном заседании коллегии столичного ГУВД начальник УФСБ по Москве и области В. Захаров.

До сих пор и наши, и зарубежные спецслужбы, прежде всего, ориентировались на традиционные взрывы и захваты заложников. Потому сегодня ФСБ всерьез взялась за подготовку специалистов и разработку оригинальных способов противодействия «оригинальным» же акциям. В. Захаров же выступил с инициативой проведения столичными УФСБ и ГУВД командно-штабных учений на реальных объектах. Он не исключил, что к этим учениям будет привлечен и центральный аппарат МВД и ФСБ.

Такая стратегия появилась не вдруг, а после кропотливой работы аналитиков и оперативников антитеррористического ведомства ФСБ и последовавшей встречи Н. Патрушева с В. Путиным.

В подтверждение своих слов генерал В. Захаров привел статистику прошедшего года. По подозрению в причастности к терактам в Москве задержано 133 человека. 29 из них арестованы, им предъявлены обвинения. Изъято 24 взрывных устройства и около 100 кг взрывчатых веществ. Проверены 18 религиозных общественных мусульманских организаций. В деятельности 13 из них выявлены нарушения и поданы иски об их ликвидации.

Но в число победных репортажей вошло и задержание 18-летнего члена леворадикальной организации «Авангард красной молодежи» Данилова. Правда, генерал не стал уточнять, что взрыв готовился «Авангардом» в «Макдоналдсе» на Арбате. Видимо, слова «в непосредственной близости от здания МВД России» звучат более весомо. Вспомнил начальник УФСБ и тайник НРА в Царицынском лесопарке, в котором вместе со взрывчаткой нашли схемы изготовления взрывных устройств. Тогда утверждали, что он принадлежит А. Соколову – левому радикалу, уже отбывающему срок. До последнего выступления генерала В. Захарова о «леваках» не вспоминали. Зато теперь свалили для отчета в одну кучу всех: и НРА, и «религиозные молодежные организации экстремистского толка», и «мелкие террористические ячейки», и «отдельных лиц, способных на теракты». Но понятно, что фанаты-одиночки из НРА и прочая «молодежь» на серьезные теракты не способны: у них нет денег. Это под силу только богатым экстремистским организациям с полувоенной дисциплиной. Вот на них-то и собираются обратить теперь свое основное внимание чекисты. А то наши спецслужбы всегда выступают в роли догоняющих: не предотвращают теракты, а ищут исполнителей»^[1].

Трудно спорить: действительно, отечественные спецслужбы выступают в роли «догоняющих», причем догнать террористов им удастся далеко не всегда. Почему? Ответ до банального прост: потому, что они очень плохо знают психологию терроризма. Если рекомендации «аналитиков и оперативников» (что это за кентавр такой завелся в доблестных органах?) сводятся только к тому, чтобы провести «командно-штабные учения на реальных объектах» (как это? Ведь либо в штабе, либо на объекте, но в последнем случае это уже не командно-штабные, а вполне реальные учения), то дела явно обстоят не очень хорошо. Это значит, что ничего более удачного придумать просто не удалось, а отчитаться о «проделанной работе» необходимо. Печально.

Впрочем, не знает психологии терроризма и газета. Если бы знала, то поняла: для настоящего террориста счастье – не в деньгах. Настоящий теракт за деньги не покупается. Психология терроризма основана совсем на другом, и это «другое» надо знать не только

газетчикам или спецслужбам. Такое знание необходимо, прежде всего, всем нам, простым гражданам. Взрыв «в непосредственной близости от здания МВД России», конечно, ужасен для генералов. Для нас же готовившийся взрыв «Макдоналдса» намного ближе и опаснее. Все мы – потенциальные жертвы терроризма. Такова страшная реальность нашего времени. Знать психологию терроризма – значит получить лишний шанс на свою собственную безопасность.

Генералам тоже полезно читать книжки. Иногда в них можно встретить немало любопытного – например, что не стоит заново изобретать давно уже существующие велосипеды. В частности, в одной из совсем свежих книг можно прочитать следующее:

«В наши дни фантастика становится реальностью... В 1999 году Центр стратегических и международных исследований в Вашингтоне под руководством Уильяма Уэбстера провел имитационный эксперимент по сценарию, воплощающему опасения Совета национальной безопасности. Условная дата – 12 февраля 2001 года. В этот день президент Соединенных Штатов проводит в «комнате для чрезвычайных ситуаций» расширенное заседание Совета национальной безопасности, посвященное ядерному взрыву в России. Согласно сценарию, в 4 часа 35 минут US Atomic Energy Detection System (система обнаружения ядерных взрывов) зафиксировала взрыв ядерного заряда 10-15 килотонн в тротиловом эквиваленте, эпицентр которого располагается в 40 км к югу от Москвы. Через несколько часов русские все еще не способны точно оценить ущерб, им пришлось столкнуться с ситуацией, не имевшей прецедента со времен атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 года. Ответ за взрыв берет на себя группа исламских чеченских сепаратистов. Они заявляют, что готовы повторить его, если позиция российского правительства вынудит их к этому. Чеченцы требуют вывести российские войска из своей страны в двадцать четыре часа и признать ее независимость. Если Москва не подчинится, сепаратисты устроят второй взрыв, на этот раз уже в самой российской столице. Там уже царит паника.

Всего за тридцать минут до заявления чеченцев ливанская организация «Хезболлах», поддерживаемая хомейнистским Ираном, начала бомбардировать посольства западных стран на Ближнем Востоке, информационные агентства и телестудии звонками и факсами с текстом заявления, в котором утверждается, что у нее тоже есть ядерное оружие; она требует немедленного вывода немусульманских войск с Аравийского полуострова и возмещения за «святотатство» и ущерб, причиненный мусульманскому миру операцией «Буря в пустыне» во время войны в Персидском заливе в начале 1991 года. «Хезболлах» недвусмысленно угрожает: если Соединенные Штаты будут упорствовать, они дождутся новых взрывов, таких же, как под Москвой. Под ударом на этот раз окажутся американские, британские, французские города, а также военные базы в Саудовской Аравии. Пентагон пытается оценить риск и обнаруживает, что, по данным южноафриканской разведки, атомная электростанция в Пелиндабе, в окрестностях Претории, продала радиоактивные материалы некоему обществу со штаб-квартирой в Дубае, в Объединенных Арабских Эмиратах. Российским спецслужбам удается восстановить роковую цепь событий: ядерное топливо, около 20 кг плутония, было украдено в Челябинске-65»[2].

Разумеется, это вам не командно-штабные учения где-нибудь в Лоховицах проводить. Не верится? Пожалуйста - пример уже из совершенно реальной жизни.

«То, что произошло в Нью-Йорке в августе 1999 года, – и продолжается до сих пор – стало хорошим примером того, во что могла бы вылиться подобная террористическая угроза. История с вирусом «West Nile», или вирусом Западного Нила, заставила запаниковать нью-йоркских врачей после того, как умерло пять человек. Средствами массовой информации эта эпидемия даже была неоднократно подана как террористический акт, якобы на основании информации, исходящей от различных служб безопасности. По словам ученых, симптомы заражения вирусом Западного Нила – легкая лихорадка и рвота в течение 3–6 дней, переносчиками служат комары. У детей и людей с ослабленной иммунной системой... вирус Западного Нила может вызвать смертельный энцефалит. Вирус этот был известен и раньше. У него есть свое место в истории вирусологии: его открыли в 1937 году в Уганде в районе Западного Нила. Переносимый комарами и птицами, этот вирус – великий путешественник, которому случается следовать за сезонными миграциями перелетных птиц в Европу: некоторые штаммы были обнаружены в России – в Волгограде и Ростове-на-Дону».

В Нью-Йорке он появился в июне-июле 1999 года на севере Квинса и на юге Бронкса,

двух районах города на западе и севере Манхэттена. И тут же:

«... странное событие произошло в окрестностях зоопарка в Бронксе: к середине августа десятки ворон, явно страдавших от неврологических нарушений и потери способности к пространственной ориентации, больше не могли летать и падали на землю. Проведя вскрытие, эксперты сделали вывод, что птицы погибли от энцефалита. В последующие дни эпидемия охватила бакланов, фламинго и орлов – всех в окрестностях Манхэттена. И одновременно с этим в госпитале Квинса, в нескольких километрах от этого места, двое пожилых людей умерли от странной, еще неизвестной формы вирусного энцефалита. Анализы срезов ткани мозга обеих жертв, сделанные экспертами Центра по контролю за инфекционными заболеваниями в Атланте... показали, что речь шла на самом деле о вирусе, близком вирусу Западного Нила, вызвавшем массовую гибель птиц».

Странное совпадение: по сведениям, полученным от одного иракского перебежчика, Саддам Хуссейн лично рассказывал ему «с радостью и ликованием», что в апреле 1999 года отдал приказ о разработке биологического оружия на основе штамма SV1417 вируса Западного Нила и намерен использовать его для нанесения удара по цели, «известной лишь ему одному».

Не впечатляет? Жаль. А вот тогдашнего мэра Нью-Йорка Р. Джулиани это очень впечатлило. Настолько, что он приказал распылить с вертолета над Квинсом тонны инсектицидов. По сведениям муниципальных служб, занимавшихся этим кризисом, в несколько дней Нью-Йорк истратил «практически все резервные запасы инсектицидов США – более полумиллиона бидонов»^[3].

Интересно, а у нас есть такие запасы?

Все еще не страшно? А про Усаму бен-Ладена слышали? Вас не интересует его психология? По сведениям, полученным от иракского инженера-атомщика, недавнего перебежчика из «Аль-Каиды», в конце 2001 года бен Ладен потратил несколько миллионов долларов на приобретение в Казахстане с помощью неизвестных спекулянтов тактической ядерной боеголовки. В рапорте Национальной комиссии США по борьбе с терроризмом, под эгидой которой проходил описанный выше имитационный эксперимент, написано: «Террористическая атака с применением биологических, химических, радиоактивных или ядерных средств даже в случае частичного ее успеха может иметь тяжелые последствия для нации». Это еще мягко сказано.

Введение

Удивительно, но факт: после драматичных событий 11 сентября 2001 года в США террор внезапно оказался для человечества своеобразным «новым старым» явлением. То есть все как бы знали, что он есть, но давно об этом забыли. И вот рухнувшие небоскребы напомнили о нем и сразу же заставили напряженно думать: что же это такое?

До этого думать никому особенно не хотелось. Не так давно, лет 20-25 тому назад, в самом конце 1970-х годов, известные американские специалисты-криминологи, например, достаточно скуповато писали во вполне серьезных книгах: «Иногда в американском обществе возникают особые типы девиантного и преступного поведения. В конце 60-х – начале 70-х годов участились случаи угона пассажирских самолетов, что привело к принятию мер повышенной безопасности, включая досмотры пассажиров, введенные в аэропортах в 1972 и 1973 годах. Другим примером является похищение людей с целью получения выкупа. Так в феврале 1974 года произошло сразу два сенсационных похищения: в одном случае «Армия освобождения» похитила Патрицию Херст, в другом – «Американская революционная армия» похитила редактора Мэрфи из «Атланта конститьюшн»»^[4] Удивительно, но ничего больше на данную тему в этой толстой книге нет. Правда, специалисты уже тогда выделяли, скажем, «политические преступления особого типа», но относили к ним всего лишь «уклонение от службы в армии» и тому подобные вещи. Какая наивность!

Значит, нас всех, наконец, можно поздравить: получается, что еще 25 лет тому назад не было ни терроризма, ни террора. Во всяком случае, их не существовало, как гигантской сегодняшней проблемы, которая могла бы озаботить хотя бы специалистов. После похищения

Патриции Херст или убийства Джона Кеннеди никто не писал, что только за один день «мир стал другим», что в этот день «все почувствовали себя беззащитными», что дальше «прежней жизни уже не будет», и т. д., и т. п. А напрасно. Но зато теперь, похоже, что все эти долго копившиеся восклицания и эмоции одномоментно вывалились на газетные полосы и экраны телевизоров. Конечно, лучше поздно, чем никогда. Хотя... лучше все-таки было бы раньше.

Пожалуй, на фоне террористических актов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года долго придется искать, и трудно будет найти, какой-либо другой феномен, информация о котором за последнее время так быстро распространилась и мгновенно подчинила себе сознание миллиардов людей во всем мире. У международного терроризма это получилось намного быстрее, чем компьютерная революция, внедрение ксероксов или появление лазера в быту. Всеми овладел шок: долго не хотели замечать этот феномен, а теперь получили подтверждение ему, причем сразу в таком полномасштабном варианте. Значит, наше осмысление ситуации и отношение к ней просто слишком отстали от реальности.

Разумеется, это происходило постепенно. Мы очень долго относились к терроризму слишком терпимо, считая террористические акты всего лишь крайне редкими исключениями из нормально текущей повседневной жизни. Не так уж давно американцы писали: «Важно понимать, что, несмотря на сенсационность таких инцидентов (в то время, когда пишутся эти строки, передо мной на столе лежит «Нью-Йорк Тайме», на первой странице которой над пятью колонками крупно значится: «Вооруженный бандит терроризирует Центральный парк: двое убитых, трое раненых»)[5], они случаются довольно редко. На каждое из таких происшествий приходится тысяча мелких краж, хорошо организованных и проведенных ограблений квартир, профессиональных мошенничеств и должностных преступлений»[6].

Так, да не так. Конечно, семь лет, прошедшие между попыткой взорвать Всемирный торговый центр в Нью-Йорке в 1993 году и реальным взрывом двух его небоскребов, – немалый срок. Наверное, за эти годы произошло много мелких краж, ограблений и мошенничеств. Много было дано и получено взяток. Наверняка за эти годы только в автомобильных катастрофах погибло больше народа, чем шесть тысяч жертв в двух небоскребах Всемирного торгового центра. И все же другого такого разового, единовременного шока мир не переживал очень давно – наверное, со времен бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Но задуматься над их возможностью наверняка следовало сразу после событий 1993 года. Если кому-то захотелось устроить взрыв, стоило предположить: будут и новые попытки.

Справедливо утверждал И. Задорожник в середине 1990-х годов:

«В определенные времена, может быть не всегда крайне неблагоприятные (вспомним Германию 70-х, столь непохожую на Россию 90-х), в обществе может создаваться некий контагий, то есть умственно-эмоциональная атмосфера, благоприятствующая терроризму. Это происходит в периоды социальной нестабильности (или чрезмерного благополучия?), предчувствия и осуществления резких перемен. Тогда и усиливается мотивация протеррористического поведения.

Вряд ли стоит особо подчеркивать, что такая атмосфера в данное время действует очень уж угнетающе, а все это благоприятствует терроризму в любых формах и видах. Мелодии «криминального танго» все громче звучат на уровне любых социальных связей...».[7]

Террор стал частью нашей жизни. Похоже, всерьез и надолго. Трудно надеяться, что в одночасье удастся покончить с ним раз и навсегда. Ни одна, даже самая крупная межгосударственная антитеррористическая кампания не поможет справиться с этой напастью. Никакие бомбардировки стран-«спонсоров международного терроризма» не уничтожат это явление. Даже поимка того или иного крупнейшего террориста, этого «исчадия Ада» и нового «Всемирного Сатаны», почти наверняка ничего не даст – вскоре появятся новые. Потому что за появлением международного терроризма стоят до сих пор не замеченные нами изменения.

Их суть, вообще-то, достаточно проста. Международный терроризм появился как антигосударственное образование в международном масштабе. Террористы разных стран явно демонстрируют возможность успешного противостояния не только какому-то отдельному государству – они демонстрируют, что можно противостоять самой идее государственности как таковой. Связанные между собой неформальной, незримой

общностью, террористы проходят, как нож сквозь масло, через любые государственные границы. Они вполне успешно преодолевают все досмотры, контрольно-пропускные пункты – все, что могут противопоставить им государства, опирающиеся на свои формализованные структуры. И они взрывают не просто жилые дома – они взрывают символы государственности и межгосударственных, в частности, торговых связей.

«С каким бы лозунгом ни выступил террорист, он адепт и порождение глобализма. Основные заповеди глобализации: 1) каждый обязан быть услышанным; 2) должно быть пространство для высказываний. Террорист – тот, кто считает, что его не слушают и с кем не считаются в коммуникации и в практике. Поэтому он берет слово и весь мир «гласности» устремляется к нему. Терроризм сегодня – как художественное произведение, как шоу, как картина. Он творится перед объективом сотен тысяч фото- и кинокамер. Он только там и возможен, где есть эти камеры и эта гласность. То есть в цивилизованном мире. Но заложники, которых он берет, – это символ системы. Он убивает систему в их лице, как система убивает его. Стратегии чеченцев, арабов поразительно современны. Им дали западные ценности, но Запад сам не справляется с большим количеством своих адептов. И они берут свое то тем, то иным способом»[8].

Строго говоря, это противостояние двух способов организации, двух разных форм связей – формальных и неформальных. Вот почему теперь все развитые государства мира готовы объединиться против неформальной общности террористов – просто потому, что иначе всем станет очевидной бессмысленность государства как системы формализованных структур и связей, ничего не могущих толком противопоставить неформализованным связям террористов. Любое государство создается для того, чтобы защитить граждан, формализовать их взаимоотношения между собой и обеспечить всем им возможность законного, равного, одинакового для всех свода правил для регулирования этих взаимоотношений. Пока террористы вполне успешно демонстрируют, что современные государства не в состоянии сделать это. Рано или поздно налогоплательщик поймет это, и задаст естественный вопрос: а зачем мне такое государство, которое не может выполнять своих функций? Уж лучше будем жить не по законам (все равно террористы их не соблюдают), а «по понятиям». Опираясь не на формальные структуры, а на неформальные связи. Недавно мы это видели в Чечне. Но никому не понравилось.

В свое время именно подобной логикой руководствовались «идейные» анархисты. Они совершали террористические акты для того, чтобы сокрушить государство как таковое и создать свой вариант такого «гражданского общества» (как бы оно не называлось – ассоциация независимых производителей или как-нибудь иначе), которое могло бы заменить жесткое, репрессивное государство. Нынешние террористы в своем подавляющем большинстве не читали ни П. Кропоткина, ни М. Бакунина. Однако они неосознанно чувствуют те недостатки современных государств, которые делают их чужеродными для некоторых групп населения. Понятно, что в первую очередь это так называемые маргиналы и люмпены – основная социально-психологическая база для террористических организаций. Однако это далеко не только «отбросы общества» и «люди с обочины жизни». Это достаточно образованные люди – как-то не верится, что совсем неграмотный человек может научиться управлять самолетом типа «Боинг». Но люди, которых по самым разным причинам не устраивает излишняя формализованность нашей жизни и наших государств. Именно способ организации нашей привычной жизни они и пытаются подорвать. Некоторые исследователи пишут: «Терроризм более чем наполовину театр, это мрачный спектакль, разыгрываемый при помощи средств массовой информации с целью создать общую атмосферу кризиса и неустойчивости, подорвать доверие к правящему режиму и спровоцировать его на жесткие репрессивные меры, которые коснутся большинства населения страны»[9].

Сам факт, что террористические организации вышли за пределы своих стран и стали международными, говорит очень о многом. Во-первых, о том, что процессы глобализации реально идут, в том числе и в этой среде. Во-вторых, что глобализация – это никак не монополия какой-либо одной страны, политической силы, экономической системы, образа жизни, а что-то иное, в чем террористы хотят иметь свое место и отстоять его. Возможно, речь идет о каком-то новом типе общества, который мы сами еще не можем толком

определить. Уже ясно, однако, что в таком обществе не может быть одного «центра силы», не может быть никакой монополии – ни на истину, ни на безопасность. Каким будет это постепенно вызревающее новое мировое общественное устройство – покажет время. Не исключено, что «идейные» анархисты со своими ассоциациями независимых производителей, регулируемых рынком, были не такими уж глупцами. Впрочем, будущее всегда готово преподнести нам нечто новое. Поэтому не будем разыскивать его прообразы на свалках истории.

Согласимся в главном: осознание какого-то явного несовершенства нашего мира, порождающего постоянно усиливающийся терроризм, в принципе, продуктивно. Это, по крайней мере, гораздо полезнее, чем выстраивать очередной «образ врага» и винить его во всех смертных грехах. Лучше он от этого не станет – ему исправляться поздно. А вот нам есть смысл задуматься над психологией терроризма и, как знать, еще и над тем, что у нас тоже не все совершенно, если множатся ряды террористов. Задумавшись же, всегда можно извлечь какие-то уроки и сделать полезные выводы. Иначе, скорее всего, будет множиться международный терроризм.

Расцвет международного терроризма показал: нам всем надо учиться. И не только точности бомбометания против тренировочных лагерей какой-нибудь очередной «Аль-Каиды». Нам надо учиться понимать друг друга. И совершенствовать наши отношения – как формальные, так и неформальные.

Это аксиома: люди создают государства и государственные структуры всего лишь для облегчения своей жизни. Потом они сами мучаются и страдают под властью созданных ими структур и государственных органов. Однако терпят, рассчитывая на то, что «вынужденное зло» в лице государства, часто несправедливого, жестокого, репрессивного, окажется все-таки меньше, чем польза от него. Однако такой расчет все чаще оказывается ошибочным. Зла и проблем от государства меньше почему-то никак не становится, а вот свои функции оно выполняет все хуже. Не будем спорить: согласимся, что еще десять лет тому назад ничего похожего на 11 сентября 2001 года было просто невозможно даже представить. И не надо думать, будто дело в том, что террористы стали намного умнее и предприимчивее. Дело еще и в наших государственных структурах, которые даже в самой ведущей стране мира стали действовать гораздо хуже. В причинах предстоит разобраться. Но факт остается фактом: не ловят они ни мышей, ни террористов.

Возможно, самый главный урок осенью 2001 года был преподнесен государствам, а не людям. Это государственным структурам самой благополучной страны мира показали их полную несостоятельность, указали на их вопиющее несовершенство. Это они «проморгали», между прочим, не больше не меньше, как единовременный угон сразу четырех крупнейших самолетов. На фоне многих тысяч жертв мы несколько подзабыли масштабы самого террористического акта. Либо за всей его подготовкой и впрямь должны были стоять организации какого-то очень неслабого государства – ну, не афганские же талибы планировали и осуществляли все это? – либо приходится признать, что негосударственные объединения небольшого числа людей превосходят по своим возможностям любое государство.

Возможно, здесь и лежит самый главный вывод. Криминологи, политологи, социологи и другие специалисты еще расскажут всем нам много интересного о международном терроризме. Однако они ничего не скажут о самом главном – о психологии террора и современного терроризма. Впрочем, к этому главному выводу нам еще предстоит придти – в конце книги. Как и к еще одному, очень важному практическому вопросу: а что можем мы сами, пока будут «раскачиваться» наши государственные структуры и органы, сделать для посильного усиления своей собственной, самой что ни на есть личной безопасности от террористов, бандитов, несчастных случаев, стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций.

Часть 1.

От террора до терроризма

Путаница в понятиях: методы и результат

Основные сферы терроризма
Насилие и террор
«Формула террора»
Относительность оценок: «полезный» и «вредный» террор
Масштабы оценок: от одиночного убийства – к взрывам небоскребов
Проблема отношения к террору

Начнем с того, что глаза у страха не только велики – подчас они еще и откровенно слепы. Неверно информируя мозг, глаза запуганного человека зачастую приводят к явной путанице, откровенному смещению понятий. И тогда сливаются воедино три достаточно разных понятия: террор, терроризм и террористы становятся чем-то единым, «великим и ужасным». Центр стратегического анализа и прогноза провел специальный опрос среди москвичей вскоре после террористических актов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Один из вопросов был как будто достаточно прост: что же означает слово «терроризм»? Как выяснилось, простота только кажущаяся. Из тысячи опрошенных москвичей 47% ответили, что это – террористические акты, то есть определили одно слово через два связанных с ним, что никак не проясняет ситуацию. 38 % дали чисто оценочные ответы; «преступление», «варварство», «насилие» и т. п. 12 % затруднились с ответом или же не захотели говорить на данную тему. 2 % – нашлись и такие – честно сказали: «не знаю». И только 1 % опрошенных попытался определить террор как чьи-то действия, направленные на достижение какой-то определенной цели. Хотя и подобные объяснения в большинстве своем также были достаточно путанными.

По данным похожего опроса фонда «Общественное мнение» неясно и понимание людьми того, кто же такие «международные террористы». Это «бандиты, враги человечества, нелюди» – 26 %. «Преступники мирового масштаба» – 16 %. «Фанатики» – 6 %. «Группировки, банда, мафия» – 5 %. «Наемные убийцы» – 5 %. «Стремящиеся к мировому господству» – 4 %. «Агрессивные приверженцы ислама» – 3 %. «Психически нездоровые люди» – 2 %. «Мстители» – 2 %. То есть и здесь, что называется, «смешались в кучу кони, люди».

Итак, москвичи, пережившие взрывы жилых домов в своем городе осенью 1999 года и наблюдавшие по телевизору взрывы в Нью-Йорке осенью 2001 года, не смогли внятно назвать имя врага, нанесшего столь сокрушительные и ранее, вроде бы, совершенно немыслимые удары. Определение «международный терроризм» слишком расплывчато и нечетко, по нему невозможно представить себе что-то иное, кроме темной фигуры с неразличимым лицом. Эта фигура фокусирует на себе бурю эмоций, возмущения, негодования, но от этого не становится более ясной. Скорее, она превращается в какое-то собирательное мифическое обозначение зла. Что это? Очередной туманный «образ врага»? Новая «империя зла»? «Мировой Сатана»?

Честно говоря, совсем даже «не густо». Представляется, что такое наше весьма облегченное, без особых раздумий, отношение к одному из наиболее опасных явлений современного мира является одним из факторов, который как раз и позволяет ему столь свободно развиваться. Притупляя нашу бдительность, подобное отношение очень облегчает жизнь террористам.

Путаница в понятиях: методы и результат

Для начала проведем определенную понятийную работу – своего рода поиск наиболее точного понимания сущности, да и значения самого понятия «террор» так, как они даются в известных словарях. Наиболее доступный и массовый из них сразу же удивляет: «Террор (*Terror*) – потухший вулкан в Антарктиде, на полуострове Росса... назван в честь экспедиционного судна»^[10]. Понятно, что такая расшифровка мало что проясняет. Напротив, она только вызывает новые вопросы: а почему именно так было названо экспедиционное судно? Но об этом история (и словарь) почему-то умалчивают.

Смежные понятия откровенно сужают рассматриваемое явление. Тот же самый

Энциклопедический словарь определяет террористический акт как особо опасное государственное преступление, которое «заключается в убийстве или причинении тяжкого телесного повреждения государственному или общественному деятелю или представителю власти, совершенном в связи с его государственной или общественной деятельностью, с целью подрыва или ослабления советской власти». Внешне все очень просто. Однако понятно: списано с явно уже устаревшей, откровенно «уходящей» природы. Убийство С. М. Кирова, например, в СССР властями было сразу же объявлено террористическим актом и вызвало первую волну сталинских репрессий, которые, однако, никто уже террористическими актами почему-то не называл.

Если террористический акт осуществлен в отношении представителя иностранного государства, то тоже внешне как будто понятно; явно с целью провокации войны или международных осложнений. Здесь все еще более очевидно: убийство австрийского эрцгерцога Фердинанда в Сараево стало поводом для начала Первой мировой войны. Однако ясно и другое: данный словарь (впрочем, далеко не только он один) предлагает трактовки понятий, основанные на единичных фактах весьма отдаленного прошлого. К событиям 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне они явно не применимы. Что-то близкое можно прочитать в трактовке слова «терроризировать»: «преследовать, угрожая расправой, убийствами, держать в состоянии страха». Любопытно, между прочим, что специализированный юридический словарь вообще обходится без понятия «терроризм» и даже смежных понятий[11]. Получается, что юристы давно понимали, как трудно однозначно определить такое явление. И молчали...

Зато очень конкретен словарь русского языка С. И. Ожегова. В нем есть «террор» – «физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, по отношению к политическим противникам». Однако только ли физическое насилие? Ведь возможно насилие и совсем иного рода – психологическое, экономическое и др. Мы говорим об информационном, например, терроризме. Рядом в словаре находим слово «терроризировать» – «устрасить террором, насилием», «запугать чем-нибудь, держа в состоянии постоянного страха». Тут же, рядом, находится «террорист» – «участник или сторонник актов индивидуального террора»[12]. Однако только ли индивидуального? Террор существует и в массовых формах.

Словарь иностранных слов оказывается несколько точнее. В нем уже есть «террор – политика устрашения, подавления политических противников насильственными мерами»[13].

Здесь множественное число («противников») подразумевает явно не только индивидуальный террор. Еще жестче определяет террор «Военный энциклопедический словарь»: «Политика устрашения и подавления классовых и политических противников всеми средствами, вплоть до физического уничтожения»[14]. Однако все равно это выглядит как-то локально – политические противники всегда существуют в некоторых рамках: государства, власти, парламента, официальных структур и институтов. К массовому террору конца XX – начала XXI веков все это пока как-то не очень точно применимо.

Таким образом, в результате сравнительного анализа разных бытующих определений мы видим достаточно различающиеся между собой и явно не вполне адекватные нашему времени трактовки одного и того же понятия, а также связанных с ним, производных от него слов и выражений. Но еще сложнее оказывается соотнесение этих понятий между собой. Как, например, соотносятся понятия «террор» и «террористический акт»? А «террор» и «терроризм»? «Террор» и «террористические методы»?

Наиболее часто возникает смысловая путаница, при которой смешивается разное содержание, вкладываемое в одно и то же понятие «террор». Так, достаточно часто путаются террор как некоторая политика, осуществляемая насильственными методами (методы террора), и террор как результат, следствие такой политики. Путается террор как линия, состоящая из ряда отдельных компонентов, террористических актов, с отдельными проявлениями террора – по сути, отдельными террористическими актами. Наконец, террор как метод часто путается с терроризмом как особым, целостным явлением, включающим в себя не только отдельные методы. Существуют и другие варианты, в совокупности приводящие к смешению понятий и невозможности всерьез обсуждать реальные проблемы и находить их решение. Разобраться в понятиях и договориться об их адекватном употреблении – обязательная часть работы.

На самом деле все более или менее встает на свои места, если оттолкнуться от буквального, первичного, латинского значения слова «*terror*» – страх, ужас. То есть в буквальном смысле, террор – это и есть ужас. Ужас же психологически иногда определяется как циркулярное (повторяющееся и нарастающее) переживание страха. Значит, террор – такое повторяющееся и нарастающее переживание страха, которое приводит к ужасу.

В начале 1970-х годов К. Э. Изард исследовал отношение представителей разных стран (США, Англии, Германии, Швеции, Франции, Греции и Японии) к различным эмоциям [15]. В ответ на вопрос: «Какой эмоции вы больше всего боитесь?» – большинство людей назвало страх. То есть получалось, что эмоция страха сама по себе вызывает страх, а переживание страха еще больше его усиливает, доводя до экстремальной стадии ужаса. Ужас – это максимальная степень переживания страха, усиливающего самого себя за счет повторяющейся циркуляции этого переживания в психике. Образно говоря, ужас – это страх страха.

Ужас – очень сильная эмоция, именно поэтому люди испытывают ее достаточно редко. Опрошенные Изардом люди гораздо чаще сообщали о переживаниях печали, гнева, отвращения, презрения или даже стыда, чем о переживании страха. Обратим внимание: «Страх – это эмоция, о которой люди думают с ужасом... И все же страх – реальная часть нашей жизни. Человек может переживать страх в самых разных ситуациях, но все эти ситуации имеют одну общую черту. Они ощущаются, воспринимаются человеком как ситуации, в которых под угрозу поставлено его спокойствие или безопасность» [16]. Террор – это и есть возникающий в результате некоторых действий (прежде всего, насилия) ужас от утраты человеком спокойствия или безопасности. Таким образом, с точки зрения психологии террор – это состояние очень сильного страха (ужаса), возникающее как реакция на некоторые действия, имеющие целью вызвать именно это состояние у тех, в отношении кого они осуществляются или же тех, кто является их свидетелем. Значит, террор есть цель и результат используемых для их достижения действий и методов.

Террор складывается из террористических актов – отдельных слагаемых, звеньев, компонентов, способов и инструментов террора. В. Пирожков полагает:

«В зависимости от объекта посягательства теракт может быть направлен как против конкретных лиц, так и анонимных жертв, которые не имеют никакого отношения к террористам и их пути до сих пор не пересекались (например, взрывы и угоны самолетов, совершение диверсий на промышленных объектах, транспорте и т. п.). В последнем случае террористический акт имеет цель дестабилизировать обстановку в обществе, вызвать панику у людей. Террор в таком случае становится безадресным, его жертвы – случайные рядовые граждане. Террористы в подобных случаях принимают в расчет общественный резонанс, вызванный их действием, за которым следует обвинение в адрес правоохранительных и властных органов, неспособных защитить граждан. Держать население в страхе и неуверенности – это и своеобразное проявление власти над обществом в целом» [17].

Террористические акты осуществляют террористы, которые делятся на инициаторов, организаторов и исполнителей таких террористических актов. Чаще всего террористами называются непосредственные исполнители. Террористические методы – это методы осуществления террористических актов и террора в целом. Они могут быть очень разными, в зависимости от того, с каким именно видом террора мы имеем дело в тот или иной конкретный момент. Принято говорить, в первую очередь, о физическом, политическом, идеологическом, экономическом терроре.

Состояние ужаса можно вызвать, лишив человека спокойствия и безопасности практически в любой сфере – все зависит от того, насколько данная сфера значима для него. Чаще всего, естественно, это происходит в сфере физической, когда возникает непосредственная угроза самой жизни и физической безопасности. Исследуя подобный страх в ситуации войны, Н. Коупленд справедливо заметил: «После вступления государства в войну человека захлестывает новая волна страха: перед поражением неопределенностью, лишениями, убытками, ранением и т. д. Военнообязанный, подлежащий призыву в вооруженные силы, независимо от желания и энтузиазма, с которыми он идет на службу, несет с собой страх перед неизвестным... И самый великий из всех страхов – останется ли он жив?» [18]

Что же роднит разные сферы и методы террора? Их жесткость, экстремизм, крайность, насильственный характер. Террористические методы – всегда методы насилия.

Наконец, терроризм – это обобщенное понятие, обозначающее уже комплексное явление, включающее страх и ужас как цель определенных (террористических) актов и действий, сами акты и действия, их конкретные результаты и весь спектр более широких последствий. В общепринятом понимании, однако, терроризм сужается до набора отдельных террористических актов. В ФБР США, например, терроризм понимают как всего лишь «противозаконное применение силы или насилия против граждан или собственности с целью запугать или принудить к чему-либо правительство, население или какую-либо часть того и другого, оправданное политическими или социальными целями»^[19]. Политический терроризм понимается только лишь как «систематическое применение ничем не ограниченного политического насилия, имеющего целью достижение определенных результатов путем устрашения политических противников». Однако согласимся: это явно сужает смысл данного понятия, лишая его целого ряда важных, сущностных характеристик. Психологически терроризм – это еще и способ жизни, мышления и особой деятельности, включая ее мотивы, идеологические обоснования и оправдания тех, кто использует террор как цель (иногда – самоцель) и средство достижения своих потребностей и интересов, то есть – террористов. Но об этом – дальше.

Основные сферы терроризма

Не претендуя на полноту классификации (их ныне десятки), попытаемся более четко определить предмет обсуждения. Иначе существует опасность раствориться в многообразии слов, за которыми иногда скрывается одно и то же. С тем же успехом можно попасть впросак и на противоположном основании: подчас за одними и теми же словами прячутся совершенно разные явления. Слишком часто мы слышим о мужьях, «терроризирующих своих жен» регулярными выпивками; о «телефонных террористах», все время «достающих» милицию или добропорядочных граждан; о «террористических настроениях» в среде политической оппозиции и т. д.

Начнем с того, что любая классификация, разделяющая виды террора на основании предлагаемых самими террористами или пишущими на эти темы журналистами объяснений, принципиально порочна. Умножать число таких классификаций не имеет смысла потому, что они бесконечны и практически «безразмерны»: всякий раз найдется какое-нибудь новое объяснение, ради которого придется расширять такую классификацию. Трудно считать, например, продуктивными разнообразными идеологическими классификациями – ведь помимо лево- и праворадикального терроризма всегда найдется какая-нибудь новая его разновидность. И тогда, скажем, к терроризму троцкистскому можно будет до бесконечности добавлять маоистскую, полпотовскую и все прочие версии. Бессмысленно и выделение, помимо идеологического, скажем, еще и религиозного терроризма – тогда запутаемся в многообразии версий одного только ислама. Кроме того, ясно главное: такие классификации просто ничего не объясняют. Это всего лишь яркие «лэйблы» – ярлыки, наклеиваемые на террористов либо ими самими, либо бытописателями их акций. Более продуктивным представляется выделять разновидности терроризма по тем основным сферам, в которых он применяется. Эти сферы определяют цели, инструменты и ожидаемый эффект от конкретных действий, называемых террористическими. Понятно, что чисто военный терроризм (элементарные диверсии) не спутаешь с терроризмом политическим, а уличный терроризм – с информационным. Тут все относительно понятно. Разумнее всего отталкиваться от привычного словоупотребления. Есть очевидные сферы, в которых практически все языки мира используют понятие «терроризм» естественно.

Не будем претендовать на всеобъемлемость и выделять мельчайшие разновидности терроризма – остановимся на достаточно крупных блоках. Так, в частности, достаточно отчетливо выделяются политический, экономический и информационный терроризм. Помимо них существует и терроризм бытовой – так сказать, общесоциальный. Для начала этого вполне достаточно.

Политический терроризм – это террористические действия разного рода, имеющие целью оказание влияния на политических лидеров, власти или проводимую ими политику, вынудить те или иные политические действия или властные решения. В отдельных случаях политический терроризм направлен на устранение неугодных политических лидеров – в том числе и ради изменения политического строя в целом.

Мишенью политического терроризма часто являются символы государства, наиболее значимые общественные нормы и государство как таковое. Чем более политически структурированным и развитым является общество, чем больше у него культурных, материальных и нравственных ценностей, тем более привлекательным оно оказывается для террористов. Дело в том, что в политически организованном обществе воздействие на политическую сферу оказывается намного более эффективным, чем в обществе, политически не организованном.

Наиболее частый в последние годы метод терроризма – захват заложников, жизни которых предлагаются затем в обмен на более или менее серьезные уступки со стороны властей (например, требуя освобождения из тюрем своих сторонников), – имеет шанс на успех только в тех странах, в которых человеческая жизнь действительно является реальной, а не декларируемой ценностью. В таких странах общество не дает возможности правительству спокойно взирать на гибель попавших в руки террористов сограждан. В тоталитарных государствах такого рода акции крайне редки: для диктаторов жизнь человека не представляет особой ценности, и они не склонны менять ее ни на крупные суммы денег, ни тем более на отказ от каких-то своих планов. Захваты заложников – своеобразное свидетельство гуманизации и демократизации общества, становящегося объектом нападения террористов.

В современном мире существуют сотни чисто террористических групп и масса организаций, использующих террор как один из методов политической борьбы и достижения своих целей. Естественно, все они очень разные. Их цели подразделяются на реалистичные и утопичные. Например, цели Организации освобождения Палестины и связанных с ней организаций (создание собственного палестинского государства), несмотря ни на что, оказались достаточно реалистичными. Напротив, совершенно утопичными явились цели итальянских «Красных бригад» или группы Баадер-Майнхопф в Германии – попытки силового переустройства жизни Западной Европы по коммунистическому образцу не увенчались успехом.

Информационный терроризм – прямое воздействие на психику и сознание людей в целях формирования нужных мнений и суждений, определенным образом направляющих поведение людей. На практике, под информационным терроризмом обычно подразумевают такое насильственное пропагандистское воздействие на психику, которое не оставляет для человека возможностей для критической оценки получаемой информации. Как правило, откровенно тенденциозной информации, которая добывается своими целями не качеством манипулятивного воздействия, а его объемом. Помимо использования официальных средств массовой информации, информационный терроризм опирается на распространение определенного типа слухов. Слухи вообще играют значительную роль в проблеме терроризма. Как правило, они многократно усиливают ту атмосферу страха и ужаса, на создание которой направлены усилия террористов. Среди всех разновидностей слухов наиболее значимыми в рамках информационного терроризма являются два вида: так называемые слухи-пугало и агрессивные слухи.

«Слух-пугало» – это слух, несущий и вызывающий выраженные негативные, пугающие настроения и эмоциональные состояния, отражающий некоторые актуальные, но нежелательные ожидания аудитории, в которой они возникают и распространяются. Обычно слухи такого типа возникают или откровенно «запускаются» силами, развязывающими информационный террор, в массовое сознание в периоды социального напряжения (террористические акты, стихийные бедствия, война, подготовка военного переворота и т. д.). Их сюжеты варьируются от просто пессимистических до явно панических. Особое распространение такие слухи приобретают в ситуациях сложных социальных и политических реформ, смены власти, режима или социально-политической системы в целом. В подобных случаях появляется ограниченный набор сюжетов, выступающих в качестве стержней

пугающих слухов. Некоторые из них видоизменяются в зависимости от культурных, религиозных или национальных традиций, но основная часть остается неизменной.

Наиболее часто встречаются «слухи-пугала», основанные на якобы неизбежном повышении цен на продукты питания, их исчезновении и приближающемся голоде. Такие слухи были зафиксированы, например, в России в 1917 и в 1990-1991 годах, в Чили в 1971-1973 годах, в Никарагуа в 1980 году, в Афганистане в 1980 году. Принимая такие слухи за «чистую монету», доверяя им, часть населения бросается закупать подчас ненужные продукты в неразумных объемах, в результате чего действительно искажается конъюнктура рынка. Товары быстро исчезают с прилавков или стремительно растут в цене, может возникнуть голод. Классический пример – Россия 1917 года: хотя урожай был даже выше среднего, к октябрю в столичных магазинах исчез хлеб.

Аналогичным образом распространяются слухи о «грядущем контрнаступлении реакции», близком военном перевороте, «неотвратимом отмщении» лицам, активно сотрудничающим с новой властью, и т. д. В таких ситуациях усиление пессимистичных настроений стимулируется еще и типичными для таких ситуаций слухами о якобы имеющихся разногласиях, борьбе за власть в новом руководстве, безудержной коррупции и т. д. Примерами слухов такого рода полна новейшая история России. Особую роль играют слухи, непосредственно связанные с реальным террором. Как правило, они строятся на ожидании повторения происшедших террористических актов и возникновения новых. Множество слухов такого рода циркулировало в США в течение нескольких месяцев после событий 11 сентября 2001 года. «Сверхзадача» таких слухов понятна: это прямое запугивание населения, усиление атмосферы террора в сфере информационного воздействия, умножение хаоса и неразберихи.

«Агрессивный слух» – слух, не просто вызывающий негативные настроения и состояния, отражающие нежелательные ожидания аудитории, а конкретно направленные на стимулирование агрессивного эмоционального состояния и поведенческого «ответа», жесткого агрессивного действия. Слухи такого рода возникают в ситуациях острых противоречий, связанных с социальными межгрупповыми и межэтническими, межнациональными конфликтами. Приведем несколько известных примеров: «В Леопольдвиле негры вырезают бедре население» (Заир, 1960); «Беспорядки в Панаме вызваны кубинскими агентами» (США, 1964); «Новая власть грабит страну, отправляя зерно на Кубу и в Россию» (Никарагуа, 1980), и т. д. Основная функция агрессивных слухов – не просто запугивание, а прямая провокация агрессивных, террористических действий типа геноцида и массовых убийств. Эти слухи строятся отрывочно, «телеграфно». Короткие, рубленые фразы сообщают о конкретных «фактах», «взывающих к отмщению». Они несут сильный эмоционально-отрицательный заряд, формируя аффективную общность «мы» («нормальных людей») в противовес общности «они» («зверствующих нелюдей»). Такие слухи требуют ответной агрессии. Из последних примеров – слухи о «зверствах федеральных войск в Чечне», распространяемые чеченцами, и аналогичные – о «зверствах чеченских боевиков» в отношении федеральных войск.

Экономический терроризм – это различные дискриминационные экономические действия, имеющие целью оказание влияния на экономических конкурентов, социальные группы и слои населения, а также целые государства и их лидеров ради достижения конкретных экономических выигрышей или, шире, проводимой ими политики, что сводится к осуществлению требуемых действий или принятию нужных решений.

Экономический терроризм осуществляется на различных уровнях. На элементарном уровне, в рамках конкурентной борьбы между корпорациями, он может заключаться в игре на понижение стоимости акций конкурента, их скупке, доведения до банкротства и т. д. Создание экономических барьеров, ухудшение условий жизни и снижение ее уровня – проявления экономического терроризма одних социально-экономических групп по отношению к другим. На еще более высоких уровнях экономический терроризм достаточно часто становится инструментом давления в сложных политико-экономических отношениях. Так, достаточно часто используемые на практике экономическая блокада, введение разного рода эмбарго и запретов на ввоз или вывоз тех или иных товаров представляют собой средства экономического насилия, применяемые для устрашения противников и изменения их

намерений, в том числе и на межгосударственном уровне. «Экономическим терроризмом» называли кубинцы ту блокаду, которая была организована американцами после прихода к власти на Кубе Ф. Кастро. Аналогичный термин использовали советские власти в оценке принятой конгрессом США поправки Джексона-Вэника, ограничивающей экспорт в СССР высоких технологий.

Социальный (бытовой) терроризм – в данный разряд попадают те обыденные явления, которые в привычном смысле не классифицируются как террористические и вроде бы лишены конкретной цели и целенаправленных исполнителей. Бытовой терроризм – это то повседневное запугивание, с которым мы сталкиваемся на улице, в доме, в бытовом общении. Разгул уличной преступности, нарастающий криминалитет, общая социальная нестабильность и массовая бытовая неустроенность. Обилие беженцев и эмигрантов, маргинальных элементов, дестабилизирующих жизнь. Шайка подростков, терроризирующих двор; банда «скинхедов», терроризирующих рыночных торговцев; бригада рэкетиров, терроризирующих малые предприятия в округе и вымогающих регулярную плату за «охрану» от самих себя. Сюда же относятся взрывы в местах скопления людей, в транспорте. Здесь же – возникновение эпидемий, отравленная вода в водопроводе или колодцах. И т. д., и т. п. В целом, это социальная ситуация, держащая всех в страхе и постоянном напряжении. В физическом плане – это постоянная угроза жизни и здоровью. В социальном плане – деструкция управления и общественного самоуправления. В психологическом плане результат такой ситуации – утрата уверенности в завтрашнем дне, хаотизация сознания, иррациональное состояние психики, деструкция привычного, нормативного, «регулярного» поведения.

Выделим особую, физическую, разновидность социально-бытового терроризма. Это реальное воздействие на жизнь и состояние здоровья людей, создание постоянной угрозы для них. Оно может осуществляться с использованием самых разнообразных средств – от ножа и обрезка трубы до применения взрывчатых веществ и массового биологического или радиационного оружия. Так или иначе, это такое (как правило, массовое) воздействие на людей с помощью физических методов, которое не носит конкретного политического, информационного, экономического или социально-бытового характера, а создает такую массовую угрозу физического уничтожения, которая ведет к широкому распространению страха среди населения.

Описанные основные сферы терроризма тесно связаны между собой. Как правило, терроризм в одной из них отражается на другой. В итоге все это сказывается, прежде всего, на политической сфере как интегрирующей все остальные. Социально-бытовой терроризм, как и экономический и информационный, влечет за собой политические последствия, которые, в свою очередь, влияют на социальную, экономическую и информационную сферы. Круг замыкается.

«Террористы способны самым серьезным образом изменить общественную атмосферу, посеять страх, неуверенность, недоверие к институтам власти. Их действия могут быть особенно разрушительны для демократических государств, где раздражение и возмущение граждан вполне может выразиться в поддержке на выборах того, чьим единственным обещанием будет покончить с терроризмом...

Другим результатом террористических акций является недоверие правительству, причем вне зависимости от того, какую идеологию данное правительство исповедует, а также недоверие властным структурам, стремление к их изменению и, соответственно, дестабилизация общества»[\[20\]](#).

Даже такое предварительное выделение сфер, наиболее часто связываемых с терроризмом на основании привычного словоупотребления, позволяет увидеть главное: основой терроризма является насилие. Оно может проявляться в разных сферах – политической, информационной, экономической, бытовой. Оно может использовать разные инструменты – от политического убийства или захвата заложников до распространения слухов, введения экономических санкций или разгула уличного криминала. Это не принципиально. Описанные сферы терроризма охватывают практически всю жизнь человека. Они лишают жизни или угрожают ей. Различия в деталях не должны заслонять главного: терроризм – всегда насильственное воздействие на людей, преследующее цель запугать их и

добиться от них реализации своих целей.

Насилие и террор

С точки зрения психологии, террор – прежде всего, состояние ужаса, возникающее в результате насилия. Террористические акты – это изначально акты насилия. Занимая важное место в политической истории человечества, с древнейших времен и до наших дней именно насилие рассматривается субъектами политики как одно из основных, хотя и крайних, но неизбежных, не очень желательных теоретически, но достаточно удобных практически, средств достижения своих целей. Еще древние греки свидетельствовали об этом: «Если в речи Перикла только лишь признается тиранический характер афинского господства над союзниками, то в выступлении Клеона свойственный тирании террор объявляется уже единственно возможным способом сохранения этого господства, а в ультиматуме афинских представителей жителям маленького островка Мелоса откровенно и цинически провозглашается *profession de foi* насильников – их убеждение в санкционированном будто бы самою природою праве сильного на власть»[21].

Вместе с тем понятно, что использование насилия влечет за собой серьезные деструктивные последствия: гибель людей, разрушение материальных ценностей, дегуманизацию социальных отношений. Однако это мало кого и когда останавливало.

Наиболее простое объяснение насилия в социально-политической жизни исходит из следующей логики: «Жизнь человека и общества регламентируется множеством законов и правил. Эти регламентации существенно влияют и на активность субъектов политики. Крайняя и наиболее жесткая такая детерминация предстает в виде насилия. Насилие, как способ принуждения, в той или иной степени присуще любому обществу»[22].

Так обосновывается насилие над гражданами со стороны государства. С другой стороны, однако, практически всякое насилие, осуществляемое по отношению к государству, группе или личности террористом, также является способом принуждения к исполнению некоторых регламентации, представляющихся необходимыми теперь уже террористу. Бессмысленное насилие, насилие ради насилия – патологический симптом, психиатрический диагноз, не подпадающий ни под какую логику – даже под логику террора. «Насилие в политике имеет место как ее закономерное проявление, когда в достижении политических целей другие формы политической активности становятся малоэффективными». Расширим: это относится не только к политике и не только к достижению политических целей. Истоки насилия видятся в биосоциальной природе человека. «Агрессивность со времен раннего человека так же, как и его социальность, служит средством борьбы за выживание. Она в процессе эволюции не затухает, а приобретает характер насилия в целях удовлетворения прежде всего надбио-логических, социальных потребностей: в статусе, престиже, самоутверждении»[23]. Значит, терроризм – осмысленное явление.

Насилие как социально-политический феномен обычно трактуется как применение различных форм принуждения с целью приобретения или сохранения экономического и политического господства, завоевания тех или иных привилегий. Е. Дюринг считал, что насилие играет решающую роль в социально-политической истории. К. Маркс поначалу вроде бы ограничивал роль насилия только экономикой: «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция»[24]. Однако со временем данное понимание постепенно расширилось: «Исторический опыт показал, что господствующие классы не отказываются добровольно от своих привилегий и применяют в борьбе с угнетенными классами все доступные им средства борьбы, вплоть до массового террора. Соппротивление отживающих классов заставляет и революционные классы прибегать к ответным насильственным мерам, вплоть до вооруженной борьбы»[25]. Так насилие оказывается крайней степенью принуждения. В свою очередь «принуждение – это форма влияния, характеризующаяся высоким уровнем оказываемого давления»[26].

Безусловно, насилие можно классифицировать на самых разных основаниях – степени жестокости, способу обоснования, отношению общества к актам насилия и т. д. Однако все

такие попытки носят слишком частный, излишне конкретный для науки характер. Понятно, что конструктивнее параметрический путь. На данном этапе, при всех его понятных ограничениях, наиболее продуктивной и «объемной» можно считать типологию, основанную на использовании хотя бы двух параметров-координат. Во-первых, это важный количественный параметр – число участников, то есть тип субъекта насилия – массовый (групповой, коллективный) или индивидуальный.

В одних случаях насилие осуществляется группой, организацией или массой. В других – одним человеком. Вторая базовая координата – это степень организованности («структурированности») насилия. В одних случаях оно происходит организованно, «по правилам», в других – стихийно, спонтанно и непредсказуемо. Использование даже двух таких основных координат (для более тонкого анализа к ним добавляется третья – это степень жесткости насилия, от чисто духовного призыва (угрозы) до умерщвления «отказников») дает возможность систематизировать некоторое множество проявлений насилия и выделить хотя бы четыре основных встречающихся варианта насилия: 1) массовое (коллективное) организованное, 2) массовое (стихийное) неорганизованное, 3) индивидуальное организованное и 4) индивидуальное стихийное. Оценим их пока в общем виде.

1. Массовое (коллективное, групповое) организованное насилие, легитимированное государством («во имя общества»), осуществляют, например, армия и полиция – специально для этого создаваемые людьми социальные институты. В крайних формах тоталитарной диктатуры такое насилие ведет к государственному терроризму.

2. Массовое стихийное, спонтанно возникающее и изначально вроде бы никем не организованное насилие обычно направлено против государства и общественных институтов – это, как правило, разного рода восстания, бунты и другие аналогичные стихийные массовые действия. В крайних формах, в виде революций и разного рода переворотов, такое насилие подчас ведет к террору антигосударственному и даже антиобщественному.

3. Индивидуальное организованное насилие включает как тиранию монарха над подданными, так и, напротив, индивидуальный террор против монархов, в частности, цареубийство. Оно всегда основано на постулировании разных прав и разной ценности людей. Так, при рабовладении это полное право господина на рабов, включая их жизнь. При феодализме это и «право первой ночи», и право на жесткое наказание (вплоть до умерщвления) подданных. В современном обществе это, например, право работников правоохранительных органов на насилие по отношению к преступнику. Для террориста это – самопровозглашенное право на деструкцию или даже убийство ради достижения своих целей или во имя неких идеалов.

4. Индивидуальное стихийное насилие включает в себя предельно широкий круг явлений – от всем привычного бытового хулиганства до издевательств начальника над подчиненным или, напротив, убийства подчиненным начальника; от почти банальной «дедовщины» в армии – до бунта уголовников.

Даже если поневоле ограничить рассмотрение насилия только наиболее значимыми, социально-политическими его видами, исключив все многообразие насилия бытового, уголовного и т.д., все равно неизбежно возникает значительное множество вариантов классификации хотя бы только этих видов насилия. Насилие подразделяется по сферам действия (внутригосударственное и межгосударственное); по отношению к власти (государственное, негосударственное и антигосударственное); по источнику инициативы (оборонительное, ответное и наступательное, агрессивное); по числу жертв (высоко интенсивное, «сильное», имеющее среднюю или низкую интенсивность); по социальной характеристике (классовое, этническое, религиозное); по направленности и глубине социально-политических последствий (прогрессивное или реакционное, реформистское или радикальное); по способу воздействия (демонстрационное и инструментальное); по используемым средствам (вооруженное и невооруженное) и т.д. Соответственно, все эти типологии применимы и к крайним мерам насилия – к террористическим актам.

Общесоциальные истоки насилия давно известны. Прежде всего, это неравное положение групп и индивидов в стратификационной системе общества, связанной с распределением социальных благ. Любая группа всегда стремится повысить свой статус, чтобы расширить объем благ, которыми пользуется. Известно, что именно социальное

неравенство порождает экстремистские формы поведения, в том числе насилие и террор. Это понятно: пока стратификационная система общества находится в относительном равновесии, насилие возникает редко. Нарушение равновесия ведет к росту насилия, вплоть до бунтов, восстаний и революций. Нарушение равновесия вызывается двумя основными процессами: резким ухудшением социального статуса тех или иных групп или прерванной социальной мобильностью. Снижение статуса ведет к разрыву между притязаниями и реальными достижениями, к росту негативных массовых настроений, что выражается в росте «протестного» насилия. Блокирование восходящей социальной мобильности также порождает недовольство, фрустрационные реакции и понятное желание насильственно преодолеть неожиданную «блокаду». «Социальные сдвиги, нарушающие равновесие стратификационной системы, вызывают недовольство и сопротивление определенных групп, которые в рамках данной формы властных отношений не могут найти иных способов выражения и защиты своих интересов, кроме насильственных. Этому способствует кризис ценностно-нормативной системы, а также особенности господствующей политической культуры, традиционной морали. Этот механизм определяет особенности осуществления политического насилия в обществе и в межгосударственных отношениях». Оговоримся; по крайней мере, отчасти.

С точки зрения психологии, деятельность, связанная с применением насилия, отличается особым своеобразием. Прежде всего, ее особенностью является высокая эмоциональная напряженность, определяемая значительной долей риска. С одной стороны, субъекты насилия обычно руководствуются сильными эмоциями и чувствами, доходящими до бурной степени своего проявления: это гнев, ярость, ненависть, отчаяние. С другой стороны, последствия насилия вызывают соответствующую эмоциональную реакцию и у жертв насилия: унижение достоинства, боль, горе рождает не только страх, но и ответную ненависть, жажду мести. «Объект политического насилия подчиняется властной воле только в том случае, если уверен, что опасность применения к нему средств принуждения носит реальный характер. Поэтому угроза насилия должна периодически сопровождаться его применением»[27]. Жестоко, но верно. Хотя иногда высказывается и другая точка зрения: угроза страшнее ее исполнения.

В периодичности насилия заключается определенный психологический механизм террора: за счет регулярного использования террористами насилия и формируется состояние уверенности граждан в том, что это насилие может быть применено в любой момент к любому из них. Так возникает массовая угроза стабильности и безопасности, за счет чего быстро распространяется ужас. Далее террористам приходится только периодически его поддерживать все новыми террористическими актами, эмпирически выясняя, какова же продолжительность психологической инерции ужаса, вызванного насилием. Систематическое, грубое, крайнее насилие, длительный террор способны создать такую атмосферу всеобщего страха, которая парализует волю и способность к сопротивлению, вызывает своего рода трансформацию сознания. Хронический террор ведет к формированию своего рода внутренней привычки автоматически подчиняться репрессивному воздействию. Однако насилие, порождающее террор, эффективно лишь для решения тактических задач. В стратегическом плане, рано или поздно оно ведет к психическому истощению – люди устают бояться, и длительный террор редко бывает эффективным. Во всяком случае, террор никогда не бывает постоянным.

Любое насилие должно быть обосновано – такой каузальности требует природа человеческого мышления. Особенно это относится к политическому насилию. Разумеется, отношение общества и государства к насилию определяется многими причинами – историей и культурными традициями народа, конкретной политической и экономической ситуацией, личными качествами носителей власти, степенью развитости или, напротив, неразвитости структур гражданского общества. Однако, абстрагируясь от конкретных условий и особенности той или иной страны, можно выделить несколько факторов, способствующих тому, что насилие становится не чрезвычайным и вынужденным действием, а нормой и частью официальной политической идеологии государства.

Л. Гозман считает, что первый из этих факторов носит не столько политический, сколько мировоззренческий характер – речь об определенных представлениях о самой природе человека. Действительно, демократические режимы обычно исходят из презумпции

изначальной разумности и конструктивности человека; люди способны договариваться между собой, им не свойственны разрушительные тенденции, они склонны подчиняться правилам и нормам, существующим в обществе, поскольку понимают их разумность и необходимость. С таким взглядом на человека связано и отношение демократических государств к насилию. Оно допускается лишь как исключительная мера по отношению к меньшинству населения. Массовое политическое насилие принципиально отвергается. Противоположный взгляд на человека, неверие в то, что люди склонны добровольно следовать общепринятым нормам поведения, что они по своей природе глупы и агрессивны, закономерно приводит к выводу о необходимости сдерживать разрушительные тенденции, присущие людям, силой или угрозой ее применения. Следствие такого подхода – оправдание политического насилия и, в целом, ориентация на диктатуру.

Вторым фактором, способствующим тому, что насилие становится системообразующим условием и стержнем политической идеологии, является определенное представление об историческом процессе. «Если этот процесс видится хаотичным, случайным, в ходе которого постоянно возрастает энтропия, то для регулирования этого процесса, для введения его в какие-то рамки, нужен великий человек, который сможет этот процесс структурировать. Этот великий человек, таким образом, противостоит, с одной стороны, тупости и агрессивности каждого из своих подданных, а с другой – хаосу и разрушительности, свойственным историческому процессу вообще»[28]. Действительно, если согласиться с тем, что исторический процесс хаотичен, ведет к разрушению и гибели, то насильственные меры, принимаемые для того, чтобы противостоять такому хаосу и разрушению, могут восприниматься не только как вполне приемлемые, но даже как гуманные и необходимые, а сопровождающие насилие жертвы – как неизбежные.

Третий фактор – представления политика или политической элиты о некоей миссии. Это может быть своя, личная миссия или миссия своего народа, своей партии или любой иной группы, с которой идентифицируют себя субъекты политического процесса. Если «мы», к примеру, «белые люди» или «патриоты», «коммунисты», «демократы», призваны осуществить некую миссию, принципиальные преобразования в обществе, привести его к *Истине* или осуществить *Божественное предназначение*, то вопрос о допустимости насилия не вызывает сомнений. Согласно такой логике, его вполне можно использовать, чтобы быстрее достичь высокой цели – в подобных случаях она всегда оправдывает средства.

Четвертый фактор – ориентация в политике не столько на решение реальных проблем, сколько на некий собственный идеальный мир. Такая ориентация ведет к представлению о малой ценности текущего момента. Если сегодняшний день не самоценен, а является лишь переходным периодом на пути к лучшему будущему, то нет моральных барьеров на пути к тому, чтобы ради скорейшего достижения цели использовать различные формы насилия.

«Формула террора»

Истоки терроризма уходят в глубочайшее прошлое. Некоторые исследователи находят их даже в Библии, рассматривая в качестве примера первых «террористических актов» те жуткие кары, которые наслал на Египет Создатель. Как известно, «более двух с половиной тысяч лет назад на территории Египта в течение почти трех месяцев было последовательно осуществлено десять террористических акций, именуемых как «Казни Египетские» (Ветхий Завет, кн. Исход 5:12). В них были применены биологические, бактериологические, экологические, химические и другие средства массового поражения. Делалось это для устрашения фараона, державшего в рабстве еврейский этнос, но огромные жертвы понес народ Египта»[29].

Разумеется, речь ни в коем случае не идет о том, что Господь был первым террористом. За «Казнями Египетскими» стоит своя история. Нельзя рассматривать кару Божью как проявление терроризма. Скорее, это всего лишь основа того образа, который возникает в результате переосмысления современных событий. Однако формула связанных с ней событий и, в частности, насильственных действий корреспондирует с внешней фактурой терроризма. Современный террорист осознанно занимает позицию сверхчеловека и пытается уподобиться

Богу в своей власти над людьми. Здесь дело не в оценке такой позиции и факта ее принятия - она очевидна. Тем не менее, при всей неправомерности такой позиции, ее нельзя не учитывать. Террорист считает себя вправе распоряжаться человеческими жизнями – отсюда и базовая формула террора, «списанная» с библейской логики.

Согласно Ветхому Завету, объектами «Казней Египетских» стали все жители и все природные ресурсы страны – вода, растительность, урожай сельскохозяйственных культур, животные. Люди и скот в массовых количествах гибли от отравлений водой, превращенной в «кровь», страдали от нашествия жаб, мошек и песьих мух. В результате насланной на страну «моровой язвы» произошел массовый падеж скота. Впечатляюще, не правда ли?

Поражение людей, животных, «травы полевой и деревьев» градом и огнем (очевидно, молниями) довершила саранча, от которой «земли не было видно, поела траву земную, все плоды древесные...» Последней, десятой «казнью» стало массовое истребление «ангелом-губителем» (Евр. 11.28) или «истребителем» (Числа 14.37) всех первенцев в земле Египетской – «от первенца фараона до первенца узника в тюрьме, и все первородное от скота». В итоге возникла жуткая картина: «Не было дома, где не было мертвеца», но ни одна акция не затронула района Египта Гесем, где проживали сыны Израилевы.

Фараон после первой угрозы Моисея сформировал, говоря современным языком, «антитеррористическую спецгруппу» из своих лучших магов и чародеев, но они отступили после третьей акции, расписавшись в собственном бессилии.

Сценарии этих «Казней» и по сей день, уже более двадцати веков, являются классической моделью терроризма: выдвигание требований – угроза насилия – отказ – осуществление насильственной акции. Вот как сформулирована эта модель словами Моисея перед четвертой «Казнью»: «А если не отпустишь народа Моего, то вот, Я пошлю на тебя и на рабов твоих, и на народ твой, и в дома твои песьих мух, и наполнятся дома Египтян песьими мухами и самая земля, на которой они живут; и отделю в тот день землю Гесем, на которой пребывает народ Мой, и там не будет песьих мух... Я сделаю разделение между народом Моим и между народом твоим» (Исход 8.21-23).

Вскоре вслед за «Казнями» на каменных скрижалях появляется, опять-таки говоря современным языком, первая религиозно-этническая доктрина безопасности – Десятизаповедь, или десять заповедей. В ней уже достаточно концептуально разработан идеологический и этнический образ врага, порожденный в произнесенной Моисеем фразе о разделении народов. Именно тогда и появились «ближние» и «чужие», «идолопоклонники», «иноверцы» и «единоверцы», «вероотступники» и «неверные». С той поры все дальнейшее развитие общества проходило в противоборстве двух начал: Права Силы, то есть насилия, и Силы Права, то есть закона.

Затем человечество прошло через «законность» инквизиции и «беззаконие» революций, в последнее столетие переболело «коричневой чумой» фашизма, «краснухой» коммунизма и «желтой лихорадкой» обогащения. «Возбудитель» всех перечисленных «инфекций» всегда был один – вирус насилия, способный к бесконечным мутациям и очень стойкий к противодействию.

За тысячи лет природа насилия в своей основе практически не изменилась. Разница заключается только в том, что современное насилие стало еще более агрессивным, жестоким и молодым. Таким образом, терроризм как явление во многом традиционен и даже примитивен. Разумеется, он всякий раз меняет свои формы. В определенном смысле, как бы цинично это ни звучало, каждая террористическая акция – это всегда уникальное произведение страшного «искусства» насилия. В одних случаях, это новое сочетание старых средств и методов, как это было 11 сентября 2001 году. В других случаях, это применение самых современных технических устройств и технологий. Однако «формула» террора остается прежней. Главное в ней – даже не само по себе насилие, а, прежде всего, запугивание.

Запугивание осуществляемым или планируемым насилием действует не только само по себе, вызывая страх. Помимо непосредственной эмоциональной реакции, оно вызывает еще и неадекватные действия, усиливающие первичный страх. Банальная истина заключается в том, что 11 сентября 2001 года изменился не мир, а отношение людей к той угрозе, о которой в последнее время они слышали немало, но только теперь, сидя дома, на диване у телевизора,

увидели ее чудовищную реальность и осознали свою полную незащищенность. Кроме того, к шоку от непосредственно увиденного добавилась и дополнительная пугающая информация – например, о том, как метался над Америкой в поисках убежища «борт № 1», самолет с лидером могущественной мировой державы, который явно не представлял, что еще может последовать за акциями в Нью-Йорке и Вашингтоне. Первый страх породил неадекватные действия лидера, и они еще больше его усугубили. Страх порождает страх – это тоже часть «формулы террора».

Однако страх не просто порождает страх. Он порождает еще и особую моду на страх и стремление нажиться на этой моде. Так возникает индустрия «борьбы с терроризмом». После 11 сентября на глазах происходит коммерциализация усилий по борьбе с терроризмом. Невооруженным глазом заметно стремление к наживе на жертвах террористических актов. В США устраивают аукционы, на которых продаются предсмертные телефонные переговоры и даже фотографии людей, прыгающих из окон небоскребов Всемирного торгового центра. Неудержимо плодятся «авторитетные эксперты», заполняющие средства массовой информации многочисленными версиями, схемами, гипотезами. Даже в Москве создана общественная организация с громким названием – Всемирный Антикриминальный Антитеррористический Форум, который первым делом предлагает свои банковские реквизиты спонсорам и меценатам. Это также усиливает массовый психоз в обществе и тем самым повышает эффект устрашения – главную цель террористических акций. Кроме того, это еще и порождает преступления-имитации, провоцирует на насилие людей с неустойчивой психикой. И здесь – дополнительный выигрыш террористов.

Итак: выдвижение требований – угроза насилия – отказ – осуществление насильственной акции. Однако на этом «формула террора» не заканчивается. Она имеет свое продолжение: осуществление насильственной акции – ужас – неадекватные действия – новые волны страха – новые террористические акции.

Относительность оценок: «полезный» и «вредный» террор

Несмотря ни на что, в современной культуре укоренилось двойственное отношение к террору. Так, и частности, террористы обычно окутаны романтическим ореолом. Умная героиня романа С. Шелдона размышляла о баскских сепаратистах: «Вот странно, - думала Миган. – Он – террорист, убийца, грабитель, бог весть кто еще, а меня волнует, хорошо ли он обо мне подумает». Но вместе с тем она понимала, что на это можно было посмотреть с другой стороны. «Он – борец за свободу. Он грабит банки, чтобы добыть деньги на осуществление своей цели. Он рискует своей жизнью во имя того, во что верит. Он – храбрый человек».

Сам террорист рассуждал намного проще: «Все зависит от того, кто стоит у власти, и тогда меня можно назвать либо патриотом, либо мятежником. Нынешнее правительство считает нас террористами. Мы же называем себя борцами за свободу. Жан-Жак Руссо говорил, что свободен тот, кто волен сам выбирать себе цепи. Я хочу такой свободы»^[30].

Примерно так же мучался и герой Б. Савинкова: «Я спрашиваю: чем белый человек отличается от черных? Чем мы отличаемся от него? Одно из двух: или «не убий», и тогда мы такие же разбойники, как другие. А если «око за око и зуб за зуб», то к чему оправдания? Я так хочу и так делаю. Уж не скрыта ли здесь трусость, боязнь чужого мнения? Боязнь, что иные скажут: убийца, когда теперь говорят: герой? Но на что мне чужое мнение?»

И еще сильнее: «Говорят, нельзя убивать. Говорят еще, что одного можно убить, а другого нельзя. Всячески говорят. Я не знаю, почему нельзя убивать. И не пойму никогда, почему убить во имя вот этого хорошо, а во имя вот того-то – дурно»^[31].

В конечном счете, основной проблемой отношения к террору является проблема так называемого двойного стандарта. Ее суть проста. Террор всегда был и остается одним из инструментов социально-политического действия. Как и любой инструмент, он может быть и полезным, «продуктивным», и вредным, деструктивным. Это – вопрос оценок. Тот, кто применяет террор, всегда находит для этого массу оправданий, считая его «полезным», «продуктивным» или, по крайней мере, «вынужденным». Напротив, тот, против кого

применяется террор, обычно не находит (не хочет находить) этому никаких оправданий. Причем часто одна и та же сторона может и сама применять террор, и быть жертвой террора противников. И тогда «свой» террор будет всегда оправдан, «чужой» же не будет оправдан никогда. Значит, оценки террора всегда относительны.

Императора Александра II «Народная воля» ликвидировала в марте 1881 года. В июле того же 1881 года убили президента США. В ответ на это «Народная воля» опубликовала заявление, сурово осуждающее терроризм: «Выражая американскому народу глубокое соболезнование по случаю смерти президента Джеймса Авраама Гарфильда, Исполнительный комитет считает своим долгом заявить от имени русских революционеров свой протест против насильственных действий, подобных покушению Гито». За этим стояла предельно иезуитская, совершенно двойная логика оправдания своих действий: там, где существуют политические свободы (США), демократическая государственность, там «политическое убийство есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей»[32]. Значит, в России можно, в Америке – нельзя?

Спустя некоторое время эти же самые идеи повторил ЦК партии социалистов-революционеров. «Вынужденная решительность наших средств борьбы не должна ни от кого заслонять истину: сильнее, чем кто бы то ни было, мы во всеуслышание порицаем, как это всегда делали наши героические предшественники «Народной Воли», террор, как тактическую систему в свободных странах. Но в России, где деспотизм исключает всякую открытую политическую борьбу и знает только один произвол, где нет спасения от безответственной власти, самодержавной на всех ступенях бюрократической лестницы, – мы вынуждены противопоставить насилию тирании силу революционного террора». Все ставит на место одна деталь: это обращение («Ко всем гражданам цивилизованного мира») было опубликовано в Париже, на французском языке. Оно явно было рассчитано не на внутреннее, а на сугубо «внешнее потребление». Любопытно, что сами эсеровские террористы возмущались такой позицией руководства партии, противопоставляя ей Боевую группу. Б. Савинков цитирует своих товарищей: «Я не знаю, что бы я делал, если бы родился французом, англичанином, немцем. Вероятно, не делал бы бомб, вероятно, я бы вообще не занимался политикой... Но почему именно мы, партия социалистов-революционеров, т. е. партия террора, должны бросить камень в «итальянских и французских террористов? Почему именно мы отрекаемся от Лункена и Равашолья? К чему такая поспешность? К чему такая боязнь европейского мнения? Не мы должны бояться, – нас должны уважать. Террор – сила. Не нам заявлять о нашем неуважении к ней...»[33].

В отличие от откровенно двойной логики руководства эсеров, на противостоянии ей настаивали не только ее же собственные, партийные боевики, но и, несколько неожиданно. Октябрьская (1917 года) революция. В своем «Письме к американским рабочим» В. И. Ленин крайне эмоционально, но вполне логично восклицал: «Английские буржуа забыли свой 1649, французы свой 1793 год. Террор был справедлив и законен, когда он применялся буржуазией в ее пользу против феодалов. Террор стал чудовищем и преступен, когда его дерзнули применить рабочие и беднейшие крестьяне против буржуазии!»[34]. Логика понятна: если одним – можно, то почему другим – нельзя? Фактически это и был вопрос о «двойном стандарте».

Относительно оправданными в человеческой психологии считаются два варианта террора. Первый – это террор, используемый государством. В этом случае он относительно легитимирован и как бы выражает интересы достаточно заметных групп людей. В конечном счете, террор считается оправданным, когда выражает волю большинства (реальную волю или же ее имитацию со стороны правящей элиты) и направлен против тех, кого это большинство никак не приемлет. Так, в частности, всем известно, что почти единственными формами правления, которые сумели практически решить проблему криминальной преступности в своих странах, были гитлеровский режим в Германии и фашистский режим Б. Муссолини в Италии. Естественно, они добились этого, что называется, совершенно «гестаповскими методами» – по сути, террором. Но, при всех прочих упреках, никто не упрекал данные режимы именно за этот террор – против криминального мира.

Еще не так давно считалось, что в борьбе с уголовными преступниками, которые сами используют явно террористические методы (убийство, насилие), вполне допустим не менее

жесткий террор. В последние годы, правда, по мере общей гуманизации человечества, оценки смягчились: теперь в цивилизованных странах наиболее жесткие санкции (смертная казнь) не используются даже в отношении уголовников. Ныне в ряде стран считается, что цивилизованное государство не может использовать террористические методы даже в таких случаях, – в Европе смертная казнь отменена, хотя в США, например, она действует. Это еще раз подчеркивает, что понятие «террор» носит весьма относительный характер, причем его понимание развивается, а оценки меняются с течением времени.

Второй случай относительной легитимации террора – это террор в рамках официально введущейся войны. В этом случае он вроде бы тоже легитимирован и даже ограничен официально признанными правилами ведения войн (при всей относительности этих «правил»). Так, террор в самых разных формах (от уничтожения «живой силы» и боевой техники до информационного террора) считается вполне допустимым в отношении вражеской армии (это оправдывается, то есть легитимируется патриотизмом, необходимостью защиты своего государства и т. п.), однако жестко осуждается применение его наиболее жестких форм (убийство, членовредительство) против мирного населения противной стороны. Более того, даже против солдат регулярной армии противника террор считается допустимым лишь в ситуациях необходимости – например, открытых боевых действий; террор против военнопленных (не только убийство безоружных, но и, например, пытки) считается недопустимым и с начала XX века запрещен. Принято считать, что террор против угрожающей вам официальной армии вполне возможен, но также только со стороны регулярной («официальной») армии. Тогда это – никак не «террор», а хоть и «ужасные», но достаточно приемлемые «боевые действия». Конечно, все эти запреты довольно часто нарушаются, но тогда следуют моральные санкции со стороны всего человечества – нарушитель получает обвинения в человеконенавистничестве. Иногда моральные санкции оборачиваются физическими: так, по приговору Нюрнбергского суда в 1945 году, например, объявлены «вне закона» и казнены некоторые руководители гитлеровской Германии – за «преступления против человечества».

Другой аспект террора в рамках войны – боевые действия неофициальных вооруженных формирований против регулярной армии. Это выходит далеко за пределы официально признанных военных действий и считается уже «партизанщиной». Террором в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, собственно говоря, в равной степени были и поступок российского летчика Н. Гастелло, направившего свой уже подбитый самолет на танковые колонны немцев, и действия З. Космодемьянской, отравлявшей ядом воду в колодцах в местах квартирования немецкой оккупационной армии и поджигавшей конюшни для лошадей оккупантов. Однако в первом случае говорят о героизме военнослужащего, а во втором – о партизанских действиях и даже о биотерроризме. Опять-таки, все зависит от того, кто кого оценивает. Немцы считали партизан явными «бандитами» и вели с ними жесточайшую борьбу как с откровенно уголовным элементом. Хотя со стороны защищающейся страны, прибегающей к такого рода террористическим методам в случае (и по причине) откровенной слабости и недостаточности сил своей регулярной армии, совершенно непринципиально, одет или не одет в военную форму, имеет ли нужные знаки отличия человек, наносящий урон противнику. Оба названных выше человека были одинаково признаны Героями Советского Союза.

В первые годы советской власти в России для самой власти все было предельно ясно: существует «их» («белый»), плохой и варварский, и «наш» («красный»), хороший, и не то чтобы гуманный, но, во всяком случае, вынужденный и оправданный террор.

«Белый террор» - методы расправы буржуазных правительств с революционным движением трудящихся путем разгрома организаций рабочего класса, прежде всего коммунистических партий, путем массовых арестов, каторжных приговоров и убийств революционных деятелей. Применяя белый террор, реакционная буржуазия рассчитывает обезглавить революционное движение, утратить трудящихся и заставить их безропотно нести гнет капиталистической эксплуатации. На путь белого террора стали в своей борьбе против партии большевиков и советской власти эсеры. В 1918 году они по заданиям иностранных разведок убили тт. Урицкого и Володарского, произвели злодейское покушение на жизнь Ленина. На белый террор контрреволюционеров Советское Правительство ответило

красным террором - массовыми репрессиями против буржуазии и ее наймитов - эсеров. Враги народа, агенты иностранных разведок - троцкисты-бухаринцы злодейски убили Кирова, Куйбышева, Менжинского, Максима Горького. Бухаринско-троцкистские изверги были расстреляны по приговору советского суда»[\[35\]](#).

Извинимся за длинную цитату, но она очень точно передает как сущность, так и дух, и даже отдельные (сталинские) интонации применения пресловутого «двойного стандарта» по отношению к террору. Террор как таковой, как способ доведения людей до состояния ужаса, по сути, здесь даже не оценивается - это просто инструмент социально-политической борьбы, до поры - довольно нейтральный. Здесь скорее дается оценка того, какая сторона и в чьих интересах использует террористические методы.

Несмотря на явную условность таких диаметрально противоположных оценок террора, его психологическая сущность остается почти неизменной. Меняется, по сути дела, только один психологический компонент: мотивы совершения террористического акта или же осуществления террора в целом. Поскольку же оценивать принято не по поступкам, а, прежде всего (и, часто, исключительно), по тем мотивам, которыми руководствуется тот, кто совершает поступок (получается, что судят не о том, что сделал, а о том, что хотел сделать человек), возникает своеобразный психологический механизм оценивания. Оценивается не столько то, что совершено, сколько то, во имя чего оно совершено. Далее это соотносится с тем, насколько приемлемым (полезным для вас, соответствующим одобряемым и принимаемым вами «нормам», «правилам» и т. п.) вы сами считаете совершенное. Именно это и оформляется на языке той идейно-нравственной риторики, которой вы оперируете и с помощью которой манипулируете массами.

Вот почему один и тот же поступок в одинаковой степени может считаться и высшим благом, подвигом во имя народа, идеи или Отечества, и уголовно наказуемым преступлением против человечества. Приведу только один, но очень яркий пример. Не прошло и суток после убийства президента Египта А. Садата в результате весьма успешно осуществленного исламистами террористического акта, как одна из площадей сирийской столицы Дамаска была весьма срочно переименована и названа именем его убийцы.

Масштабы оценок: от одиночного убийства - к взрывам небоскребов

Динамика развития террора (и терроризма в целом) исторически развивалась по следующей цепочке: от индивидуального терроризма - к групповому - локальному - массовому террору. Для современного мира характерно все более массовое насилие. В подтверждение такой логики приведем только один афоризм из памятки, специально подготовленной для своих активистов-боевиков руководством широко известного своими террористическими акциями против Израиля палестинского движения «Хамас»: «Глупо охотиться на тигра, когда вокруг полно овец». Однако к пониманию этого сторонники террора пришли не сразу.

Предыстория массового террора. Первоначально террор был почти исключительно индивидуальным феноменом. Хотя, собственно говоря, в таком, индивидуальном, качестве террор не мог считаться действительно террором, в полном смысле этого слова. Однако такие цели вначале и не ставились, а если иногда и существовали, то исключительно как вторичные. Главным было ликвидировать некоего конкретного противника. Это было простое физическое уничтожение политического противника, за которым обычно даже не стояло специальной цели оказания соответствующего, ужасающего воздействия на сознание и психологию масс.

Индивидуальный террор служил обычным инструментом политической борьбы - крайним, использовавшимся за неимением иных, средством устранить заведомо более сильного и могущественного политического оппонента или соперника. Сильные в отношении слабых могли использовать иные средства - опалу, ссылку, тюремное заключение, позднее отставку, ограничение в правах или иные формы отстранения от активной (прежде всего, политической) жизни. Уделом слабых оставались интриги, заговоры и, наконец, физическое

устранение тех, против кого никак нельзя было применить иные средства борьбы.

В повседневной борьбе за власть в истории, скажем в жизни Древнего Рима, можно найти десятки, если не сотни примеров такого, индивидуального террора. Убийство Цезаря Брутом стало наиболее известным всего лишь потому, что убитым оказался именно Цезарь, а само убийство оправдывалось не банальной борьбой за власть, а некоторыми идейно-политическими соображениями: как известно, устранением тирана-монакрата предполагалось восстановить республиканскую форму правления.

Однако уже в Древнем Риме прибегали к групповому и даже локальному террору. Юлий Цезарь наказывал обратившиеся в бегство легионы методом децимации - казнью каждого десятого бежавшего солдата. В результате он породил этим террор - ужас у остальных, и как бы вытеснял этим ужасом тот страх, который бойцы испытывали перед неприятелем. Ужас побеждал страх, и после этого легион (точнее, теперь уже его остатки) вновь становился вполне боеспособным. В период Великой Отечественной войны против гитлеровской Германии, после многочисленных отступлений и массового страха армии перед немцами И. В. Сталин стал использовать психологически сходные методы, разработанные тогдашним шефом советской госбезопасности Л. П. Берией. Тут использовалась не сама казнь, а страх казни. Специальные части, получившие название заградительных отрядов («заградотряды»), располагались позади советских боевых частей. В результате последние оказывались как бы между двух огней: впереди - неприятель, сзади - свои (войска НКВД). Ужас от опасения получить пулю в спину в случае бегства оказывался сильнее страха перед атакой на врага. Среди прочего, например, «заградотряды» стали важным фактором победы над немцами в Сталинградской битве.

Практикой локального террора принято считать так называемые проскрипции или проскрипционные списки, введенные в практику одним из наиболее кровавых римских диктаторов Суллой. После того как он победил своих врагов и овладел Римом, пишет Плутарх, «Сулла занялся убийствами, кровавым делам в городе не было ни числа, ни предела, и многие, у кого и дел-то с Суллой никаких не было, были уничтожены личными врагами, потому что, угождая своим приверженцам, он охотно разрешал им эти бесчинства». То есть начался локальный и групповой террор, который грозил стать массовым - во всяком случае, по распространенности того ужаса, который сеяли приверженцы Суллы. Но именно это удалось предотвратить введением проскрипций: «Наконец, один из молодых людей, Гай Метелл, отважился спросить в сенате у Суллы, чем кончится это бедствие и как далеко оно должно зайти, чтобы можно было ждать прекращения того, что теперь творится. «Ведь мы просим у тебя, - сказал он, - не избавления от кары для тех, кого ты решил уничтожить, но избавления от неизвестности для тех, кого ты решил оставить в живых»».

Здесь и проходит тонкое психологическое различие между убийством противников и созданием атмосферы террора, ужаса у всех остальных за счет неопределенности в их собственной судьбе (то есть через создание угрозы их спокойствию и безопасности). Вначале Сулла с трудом, но согласился на предложение:

«На возражение Суллы, что он-де еще не решил, кого прощает, Метелл ответил: «Ну так объяви, кого ты решил покарать». И Сулла обещал сделать это... Не посоветовавшись ни с кем из должностных лиц, Сулла тотчас составил список из восьмидесяти имен». И тогда наступило определенное психологическое облегчение для остальных, кто не увидел себя в проскрипционном списке. Правда быстро поняв это, Сулла решил вначале неосознанно, а потом уже явно сознательно продлить террор именно как общее состояние сознания - состояние ужаса от неизвестности: «Несмотря на всеобщее недовольство, спустя день он включил в список еще двести двадцать человек, а на третий - опять, по меньшей мере, столько же. Выступив по этому поводу с речью перед народом, Сулла сказал, что он переписал тех, кого ему удалось вспомнить, а те, кого он сейчас запомнил, будут внесены в список в следующий раз».

После этого, естественно, уже никто не мог чувствовать себя сколько-нибудь уверенно.

С точки зрения психологии все понятно: наличие проскрипционных списков ужасно для тех, кто в них включен, но избавляет от ужаса всех остальных. Тем самым, попытка массового террора ограничивается террором групповым и локальным. Приговор, даже несправедный, еще не есть террор. Убийство человека на улице не внушает ужаса даже жителям ближайшего

дома. Обещание же составлять каждый день новые списки и тем самым выносить новые смертные приговоры сразу отнимает обретенную надежду, погружая в ужас уже все население. И действительно: «Списки составлялись не в одном Риме, но в каждом городе Италии. И не остались незапятнанными убийством ни храм бога, ни очаг гостеприимна, ни отчий дом. Мужей резали на глазах жен, детей - на глазах матерей». После этого, естественно, сенат и народ, элита и массы Рима были готовы абсолютно на все: «Он провозгласил себя диктатором, по прошествии ста двадцати лет восстановив эту должность. Было постановлено, что он не несет никакой ответственности за все происшедшее, а на будущее получает полную власть карать смертью, лишать имущества, выводить колонии, основывать и разрушать города, отбирать царства и жаловать их кому вздумается»[36]. Так Сулла перешел от локального и группового - к массовому террору. Однако это довольно редкая, даже единичная попытка в древней истории - ограниченные масштабы социально-политического действия как такового, отсутствие коммуникаций технически не позволяли придать террору массовые размеры. Для этого нужно было длительное развитие, принесшее, например, концентрационные лагеря и газовые камеры, или же транслирующее казнь телевидение.

Последующая история также демонстрировала немало примеров эффективного индивидуального, а также локального и группового террора, как и его своевременного прекращения. Так, описывая нравы средневековья, Н. Макиавелли пишет, что герцог Романский, завоевав Романью, отдал ее в управление наместнику, который быстро навел в ней порядок жесткими методами, доведя народ до крайности. Тогда герцог, «зная, что минувшие строгости все-таки настроили против него народ, решил обелить себя и расположить к себе подданных, показав, что если и были жестокости, то в них повинен не он, а его суровый наместник. И вот однажды утром на площади в Чезане по его приказу положили разрубленное пополам тело мессира Рамиро де Орко рядом с колодой и окровавленным мечом. Свирепость этого зрелища одновременно удовлетворила и ошеломила народ»[37]. То есть умный герцог понял: мало умертвить одного человека - для достижения нужного эффекта надо сделать этот факт всеобщим достоянием.

Другой пример, теперь уже группового и локального террора, следует из практики сицилийца Агафокла, ставшего властителем Сиракуз простым способом: «он созвал однажды утром народ и сенат Сиракуз якобы для решения дел, касающихся республики; и когда все собрались, то солдаты его по условленному знаку перебили всех сенаторов и богатейших людей из народа. После такой расправы Агафокл стал властвовать, не встречая ни малейшего сопротивления со стороны граждан». Естественно - все были просто в ужасе от такого властителя.

Таких примеров множество. Тот же Н. Макиавелли живописует террористический акт Оливеротто из Фермо, который заманил в свой дом на угощение всех именитых жителей города: «Не успели они, однако, сесть, как из засады выскочили солдаты и перебили всех, кто там находился. После этой резни Оливеротто верхом промчался через город и осадил во дворце высший магистрат; тот из страха повинился и учредил новое правление, а Оливеротто провозгласил властителем города. Истребив всех, кто по недовольству мог ему повредить, Оливеротто укрепил свою власть новым военным и гражданским устройством и с той поры не только пребывал в безопасности внутри Фермо, но и стал грозой всех соседей».

Исследуя вопросы террора в политике, Н. Макиавелли писал: «...жестокость жестокости рознь. Жестокость применена хорошо в тех случаях - если позволительно дурное назвать хорошим, - когда ее проявляют сразу и по соображениям безопасности, не упорствуют к ней и по возможности обращают на благо подданных; и плохо применена в тех случаях, когда поначалу расправы совершаются редко, но со временем учащаются, а не становятся реже. Действуя первым способом, можно... с божьей и людской помощью удержать власть; действуя вторым - невозможно. Отсюда следует, что тот, кто овладевает государством, должен предусмотреть все обиды, чтобы покончить с ними разом, а не возобновлять изо дня в день; тогда люди понемногу успокоятся, и государь сможет, делая им добро, постепенно завоевать их расположение... Так что обиды нужно наносить разом: чем меньше их распробуют, тем меньше от них вреда; благоденствия же полезно оказывать мало-помалу, чтобы их распробовали как можно лучше»[38].

То есть, вообще-то, террор - это плохо, но уж если его применять, то разово и в полном

объеме, а прекращать его надо постепенно.

Начало истории массового террора. Однако террор со стороны властителей постепенно приводил к тому, что тяга к террору возникала и в низах, у той самой массы, которую пытались, вслед за элитой, застрашать властители. Правда, путь этот не был простым. Любопытно проследить, как пришла к террору Великая французская революция - фактически, это была первая действительно массовая экспериментальная историческая площадка для социальной диктатуры и связанного с ней террора. Парадоксально, но путь этот начался с принятия якобинской конституции 1793 года - по всеобщему мнению, одной из самых демократических конституций Нового времени. Проникнутая идеями Ж.-Ж. Руссо и вполне искренним стремлением к широкой политической свободе, как она рисовалась тогда буржуазным демократам, конституция 1793 года представляла собой большой шаг вперед по сравнению с предшествовавшей ей цензовой конституцией 1791 года. Новая Декларация прав человека и гражданина, написанная М. Робеспьером, провозглашала «целью общества всеобщее счастье». Она объявляла «естественными и неотъемлемыми правами человека» свободу, равенство, безопасность и собственность.

Однако в ней была одна небольшая зацепка: «право на сопротивление угнетению», право на восстание, «когда правительство нарушает права народа». Значение таких положений хорошо осознавалось и творцами, и современниками конституции. «Такие статьи пишутся или вычерчиваются острием шпаги», - воскликнул при обсуждении конституции депутат Конвента Мерсье. И когда тот же Мерсье, отвергая проект одной из статей, обращаясь к Собранию, спросил: «Разве вы заключили договор с победой?», - то ему ответили (по одной версии - М. Робеспьер, по другой - Базир): «Нет, но мы заключили договор со смертью!»^[39] И сказанное слово не заставило долго ждать своего воплощения. Вначале был переизбран состав Комитета общественного спасения, во главе которого и встал М. Робеспьер. Затем события понеслись стремительно.

«16 июля в Лионе жирондистами и роялистами был казнен вождь лионских якобинцев, защитник санкюлотов и бедноты Шалье. Перед смертью он сказал: «Я доволен, что умираю, ибо гибну за свободу». Жирондистская контрреволюция встала на путь террора. Якобинское правительство ответило на контрреволюционный террор революционным террором, предоставив Комитету общественного спасения право ареста подозрительных лиц (должен заметить, что по декрету «О подозрительных» объявлялись подозрительными и подлежащими аресту лица, «своим поведением или связями, речами или сочинениями проявившие себя как сторонники тирании», дворяне, находившиеся в родстве или связях с эмигрантами и не доказавшие своей преданности республике, смещенные со своих постов государственные служащие и т. п. - прим. авт.), декретировав смертную казнь за спекуляцию, скупку и сокрытие предметов потребления; предав королеву Марию-Антуанетту суду революционного трибунала, реорганизовав его, упростив и ускорив судопроизводство. После этого об одобренной народом на плебисците конституции трудно было даже думать. Ничего не поделаешь: требования террора и всеобщего максимума остались популярными среди санкюлотов и после поражения «бешеных». Эти требования тогда находили большую поддержку в парижских секциях...

4-5 сентября в Париже произошли крупные волнения санкюлотов. Рабочие, ремесленники Септ-Антуанского предместья, городская беднота вышли на улицу с оружием в руках. Их главными требованиями были всеобщий максимум, террор, помощь бедноте. 5 сентября Шометт во главе делегации санкюлотов представил Конвенту требования народа. Конвент принял главные из них. Он постановил в соответствии с волей парижского народа «поставить террор в порядок дня». Это означало обрушить всю силу репрессий против врагов революции, «внушить ужас всем заговорщикам», как этого требовали делегаты парижских секций»^[40].

Естественно, что под это была подведена определенная идейно-риторическая база. М. Робеспьер, упразднив обычную законность как неспособную защитить революцию, утверждал: «Если в мирное время народному правительству присуща добродетель, то в революцию народному правительству присущи одновременно добродетель и террор: добродетель, без которой террор губителен, и террор, без которого добродетель бессильна. Террор есть не что иное, как правосудие, быстрое, суровое, непреклонное; он, таким образом,

есть порождение добродетели»[41].

Необходимость террора обосновывал и О. Сен-Жюст в докладе Конвенту 10 октября 1793 года: «Если бы заговоры не вносили смуту в нашу державу, если бы родина не становилась тысячу раз жертвой снисходительности законов, было бы приятно управлять на основании принципов мира и естественной справедливости, но эти принципы приложимы лишь к друзьям свободы; у народа и его врагов не может быть ничего; общего, кроме меча. Там, где нельзя управлять на основе справедливости, надо применять железо: нужно подавить тиранов...»[42].

Среди многих психологических факторов, объясняющих такой экстремизм якобинцев, отметим их возраст. Только Марат встретил революцию в зрелом возрасте - ему было 46 лет. В 1789 году, когда началась революция, Робеспьеру был 31 год, Дантону - 30, Демулену - 29, Бабёфу - 26, Сен-Жюсту - 22 года. Однако якобинский террор, как известно, завершился печально для его инициаторов: революция стала стремительно «пожирать своих детей», активно истреблявших друг друга в ходе самими же начатого, но повернутого друг против друга террора, а им на смену, в итоге, пришел император Наполеон Бонапарт. Так, в частности, после победы термидорианского переворота «наступила кровавая расправа с побежденными. Со свирепой яростью термидорианская буржуазия мстила плебейству Парижа за часы испытанного ею страха. Гильотина работала без отказа». [43] Спираль насилия раскручивалась очень быстро: «...террор, который термидорианцы лицемерно осуждали, не только не ослаб, но стал еще сильнее; он был обращен теперь против революционеров-якобинцев, преследуемых как «охвостье» Робеспьера. Улица перешла во власть «мюскаденов» - «золотой молодежи» - сынков спекулянтов и контрреволюционеров. Банды «мюскаденов», вооруженные дубинками, избивали санкюлотов, терроризировали население плебейских кварталов Парижа»[44].

Оценивая роль террора в крушении якобинской революции, К. Маркс связывал логическую цепочку из действий властителей (абсолютной монархии, феодальной аристократии) и масс: «Господство террора во Франции могло... послужить лишь к тому, чтобы ударами своего страшного молота стереть сразу, как по волшебству, все феодальные руины с лица Франции. Буржуазия, с ее трусливой осмотрительностью, не справилась бы с такой работой в течение десятилетий. Кровавые действия народа, следовательно, лишь расчистили ей путь»[45]. Независимо от субъективных намерений якобинских вождей, от чувств, воодушевлявших народ, все героические усилия оказались направленными на сокрушение врагов буржуазии. Однако дело не только в этом. Террор стал последним («плебейским») инструментом масс в борьбе против властителей. «Весь французский терроризм был ничем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством». Специально подчеркнем: кроме излюбленной «классовой сути», К. Маркс оценивает роль террора как крайнего инструмента политической борьбы. Опираясь на опыт французской революции, К. Маркс относился к террору романтически позитивно. Так, осенью 1848 года он писал: учитывая «каннибализм контрреволюции», есть «только одно средство сократить, упростить и концентрировать кроважидную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только одно средство - революционный терроризм»[46]. Затем он отдал дань уважения Венгрии, которая со времен 1793 года осмелилась «противопоставить трусливой контрреволюционной ярости революционную страсть, противопоставить *terreur blanche* - *terreur rouge*»[47]. Однако во второй половине XIX века гуманные либеральные настроения, распространившись в Англии и Германии, повлияли на позиции основоположников марксизма[48]. А уж в 1918 году, составляя проект Программы коммунистической партии Германии, Р. Люксембург особо оговаривала: «В буржуазных революциях кровопролитие, террор и политическое убийство были непременным оружием восходящих классов. Пролетарской революции для достижения ее целей не нужен террор, она ненавидит убийство, питает к нему отвращение»[49].

Однако, в отличие от Европы, в России принцип революционного террора никогда не отвергался революционными партиями. Известно, что в российской истории особую роль сыграла так прямо и называвшая себя террористическая фракция «Народной воли» - революционная народническая организация, существовавшая в С.-Петербурге в 1886-1887 годах. Ее основатели - П. Швырев, А. Ульянов и др. - пытались возродить разгромленную за

некоторое время до этого «Народную волю» или, по крайней мере, отстаивавшиеся ею методы революционной борьбы. После неудачного покушения 1 марта 1887 года на императора Александра III «террористическая фракция» была разгромлена, а ее члены сурово осуждены по делу «Второго 1-го марта».

Как известно, казнь родного брата Александра очень сильно повлияла на взгляды, последующую жизнь и деятельность молодого Владимира Ульянова (Ленина). Именно узнав о казни, он дал хорошо известную из мифологической «ленинианы» «клятву на верность революции» и произнес историческую фразу: «Мы пойдем другим путем!» Только спустя значительное время выяснилось, что одним из важных составляющих этого «другого пути» стало категорическое отрицание индивидуального террора, но не вообще, а совершенно конкретно - в пользу террора массового. Так, в 1901 году он писал: «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора. Это - одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях. Но суть дела именно в том, что террор выдвигается в настоящее время отнюдь не как одна из операций действующей армии, тесно связанная и сообразованная со всей системой борьбы, а как самостоятельное и независимое от всякой армии средство единоличного нападения»[50]. За два месяца до Октябрьской (1917 года) революции он уже писал по-другому: «Великие буржуазные революции Франции, 125 лет назад, сделали свою революцию великой посредством террора»[51], хотя это еще далеко не равно призыву к террору.

«Тактику индивидуального террора проводили во времена царизма народники и их продолжатели - эсеры. Марксизм-ленинизм решительно отрицает индивидуальный террор, считает его ошибочным и вредным для революции, так как индивидуальный террор расстраивает и ослабляет революционное движение, отвлекая трудящихся от массовой революционной борьбы с классом угнетателей»[52] - куда более определенно сказано в издании сталинских времен. В конечном счете, все достаточно просто: террор порождает террор, и террористическая спираль может раскручиваться до полного взаимоистребления. Описывая борьбу против той же террористической фракции «Народной воли» («бомбистов»), Б. Акунин писал от имени представителя власти: «Тут вопрос государственной безопасности. Когда власти страшно, она никого не жалеет. Надо на всех страху нагнать, и особенно на своих. Чтоб в оба смотрели и чтоб ее, власти, больше, чем убийц, боялись»[53]. Террор становится массовым не просто, когда он направлен против масс или когда осуществляется одними массами в отношении других. По-настоящему массовым он становится тогда, когда насилие порождает насилие, а террор раскручивается по спирали, вовлекая все более широкие массы.

Краткая история социально-политического террора показывает, среди прочего, еще одну интересную закономерность. При монархическом правлении, когда правил один

1
2
^
"

властитель, террор в истории был, прежде всего, индивидуальным. При правлении республиканском, аристократическом или олигархическом, когда у власти стоит группа людей, торжествовал групповой и локальный террор. При демократии, даже в ее первоначальных, примитивных формах, когда власть зависит от достаточно заметного множества населения, появляется террор массовый. Вывод прост: массовый террор - обратная сторона демократии. Однако это требует специального рассмотрения.

Террор и революции. Якобинский террористический период в истории Великой французской революции, как и антиякобинский, термидорианский террор, при всей своей «ужасности», все-таки были отдельным историческим эпизодом. Французская революция не получила эпитета «террористическая» - в отличие от революции 1917 года и последующего затем периода российской истории. Безусловно, российские революционеры опирались на опыт истории Франции. Хотя поначалу, как известно, все, казалось им значительно гуманнее. Приведем пример из заявления В. И. Ленина спустя первые десять дней после победы большевиков: «Нас упрекают, что мы применяем террор, но террор, какой применяли

французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять»[54]. Обратимся, однако, к анализу совсем независимого историка.

«В городах и по всей стране было много случаев, когда толпа совершала акты насилия. Немало жестокостей и зверств совершалось и революционерами, и их врагами. Но в первые три месяца существования нового строя, по-видимому, не было систематических казней ни по ускоренным приговорам, ни в ходе нормального судебного разбирательства... революционная традиция борьбы против смертных приговоров ослабела и угасла лишь тогда, когда вспыхнула гражданская война и началось открытое противодействие Советской власти. Однако было бы ошибкой другого порядка полагать, что репрессивные меры, которые в дальнейшем применялись для защиты победоносной революции, были навязаны большевистским руководителям вопреки их сокровенным убеждениям. Принцип террора входил в революционные традиции»[55].

Однако самым воинственным в российской революции все-таки был не В. И. Ленин, а Л. Троцкий. Вслед за подавлением восстания юнкеров на следующий день после революции он заявлял: «Пленные являются для нас заложниками. Если нашим врагам доведется брать наших пленных, то пусть они знают: каждого рабочего и солдата мы будем обменивать на 5 юнкеров... Они думали, что мы будем пассивны, но мы им показали, что, когда дело идет об удержании завоеваний революции, мы можем быть беспощадны»[56]. Когда вне закона была объявлена партия кадетов, он предупреждал: «Во время французской революции якобинцы более честных людей за сопротивление народу вели на гильотину. Мы никого не казнили и не собираемся казнить, но бывают минуты народного гнева, и кадеты сами набиваются на него»[57].

Ассоциации с французской революцией явно не давали покоя Л. Троцкому. Вскоре он обращается к кадетам: «Вы протестуете против слабого террора, который мы применяем против наших классовых врагов. Но вам следует знать, что не позднее чем через месяц террор примет очень сильные формы по примеру великих французских революционеров. Врагов наших будет ждать гильотина, а не только тюрьма»[58]. Менее чем через неделю после этого заявления появилась Всероссийская Чрезвычайная Комиссия. Еще через несколько дней был подписан декрет о создании революционного трибунала.

Любопытно, что большевики полностью повторяли путь якобинцев: террор стал осуществляться прежде всего против виновников экономического, а не политического хаоса: «...пока мы не применим террора - расстрел на месте - к спекулянтам, ничего не выйдет»[59]. Через три месяца он потребовал «поимки и расстрела взяточников и жуликов и т. д.»[60]. То есть, как и во времена Юлия Цезаря, относительно массовый террор поначалу стал применяться как инструмент наведения порядка и прекращения хаоса. Первоначально даже явно политический террор носил локальный характер и маскировался под борьбу с откровенным криминалом.

Так, например, в апреле 1918 года 600 арестованных в Москве анархистов по документам квалифицировались как «уголовный элемент»[61]. Но уже «с февраля, когда было объявлено, что «социалистическое отечество» в опасности, ВЧК осуществляла казни - в каком количестве, установить невозможно - без какого-либо регулярного или общественного судопроизводства»[62]. В августе 1918 года В. И. Ленин по телеграфу передал известное указание «провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города»[63]. Так революционный террор впервые в истории был назван массовым. 2 сентября 1918 года, после убийства Урицкого и покушения на В. И. Ленина, ВЦИК принял резолюцию: «На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов»[64].

«Не только совпадение дат напоминает о терроре в Париже 1 сентября 1793 года, когда после манифеста герцога Брауншвейгского, грозящего иностранной интервенцией и безжалостным подавлением революции, в Париже начались массовые репрессии... Для обеих революций эта дата обозначала поворотный момент, после которого террор, до этого нерегулярный и неорганизованный, был сознательно превращен в инструмент политики». Главная социально- и политико-психологическая особенность, «сущность» такого «террора в

том, что он носил классовый характер. Он отбирал своих жертв не на основе определенных преступлений, а на основе принадлежности к определенным классам»[65].

Террор и тоталитаризм. В отличие от революционного массового террора, тотальный террор вообще никогда не выбирает себе жертв, В рамках такого террора каждый человек, реально или потенциально, является как жертвой террора, так и палачом - участником массового террора. Так, например, давно известно: первостепенную роль в самом механизме власти нацистского режима в Германии играл именно террор[66]. Гитлеровский режим первым в истории человечества сумел превратить массовый террор из исключительной меры в политике в повседневную практику, обыденность политической жизни.

В карательных органах фашистской Германии служили (а значит, были включены как исполнители в систему тотального террора) миллионы людей. Только в СА - штурмовых отрядах всех категорий - в 1935 году насчитывалось свыше 3,5 млн человек. Войска СС - «Ваффен-СС» к концу войны достигли 950 тыс. Около 200 тыс. человек служили в центральном и провинциальном аппаратах Главного управления имперской безопасности, в отрядах СД, в специальных группах и зондеркомандах, в полевой жандармерии и уголовной полиции[67]. То есть абсолютное большинство всей нации, ее трудоспособного населения стало исполнителями террора. Это было естественно: ведь осуществлялась политика геноцида (прежде всего, по отношению к евреям). Геноцид - особый вид террора, «характеризуется массовыми убийствами, большой степенью вовлеченности в акты насилия не только властной элиты и сотрудников карательных органов, но и практически всего населения»[68].

С другой стороны, сотни тысяч людей стали непосредственными жертвами террора, а остальные были запуганы им настолько, что сами шли в каратели. Подчеркнем важную психологическую особенность: почти единственным способом защититься от массового террора стала собственная принадлежность к органам террора. «Нет и не может быть статистики, которая точно отвечала бы на вопрос, сколько немцев стали жертвами нацистского террора. По самым осторожным подсчетам, более 400 тыс. немцев прошло через концентрационные лагеря, не менее 210 тыс. человек было убито, десятки тысяч стали инвалидами в результате пыток и издевательств, перенесенных в нацистских застенках. Вся деятельность организации СС и других карательных организаций строилась по принципу полнейшей свободы действий по отношению к врагам фашизма и строжайшего повиновения по отношению к высшим инстанциям».

С особой силой террор проявлялся по отношению к представителям иных наций, государств и народов. «Все противники нацистского режима, проживавшие на оккупированных немцами территориях, подлежали физическому уничтожению. Сам процесс уничтожения осуществлялся в концентрационных лагерях: голод, бесчеловечное обращение, расстрелы быстро обрывали жизнь заключенных. Но начинался этот конвейер смерти еще раньше. Служба безопасности СС еще до оккупации той или иной страны составляла картотеку, в которую заносились фамилии и имена противников нацистов, на их основе создавались адресные книги. Эти люди подлежали уничтожению в первую очередь»[69].

То есть техника была отработана: заранее составлялись проскрипционные списки. В практике борьбы с сопротивлением, партизанами и т. п. широко использовалась система заложничества: в те же самые проскрипционные («черные») списки заносились наиболее известные лица, проживающие в данном районе. В случае возникновения каких-то «эксцессов» эти люди подлежали уничтожению. В отчете гестапо о мерах безопасности, принятых осенью 1939 года, спокойно говорится: «В момент начала военных действий против Польши в сентябре 1939 года в рамках мероприятий по обеспечению безопасности были молниеносно изъяты и подвергнуты превентивному аресту все коммунистические элементы, внушавшие опасение, что... они могут вести активную деятельность, враждебную государству».

Идеологическое обоснование необходимости тотального террора было достаточно простым. В отличие от всех иных исторических ситуаций, использовавших для этого сложные идейно-риторические конструкции, нацизм оперировал наиболее простыми формулами. Так, «второй человек» гитлеровского режима, Г. Геринг говорил: «У меня нет совести, мою совесть зовут Адольф Гитлер... Я не собираюсь соблюдать справедливость, - я должен лишь уничтожить и истребить, и ничего более!» Это имело корни в известной риторике А. Гитлера,

с постоянными призывами «Убивайте, убивайте, убивайте! Я возьму на себя ответственность за все» и знаменитой фразой: «Я избавлю молодежь от химеры совести».

Избавление от личной ответственности за любые террористические действия в такой супертоталитарной системе, основанной на тотальном, всепроникающем «фюрер-принципе», действительно осуществлялось за счет принятия ответственности за все вышестоящим фюрером. За это отвечали уже не карательные органы, а социально-политические структуры, которые не только идейно обосновывали, но и разъясняли правомерность, и оправдывали террор. На этом основывался не только гитлеровский фашизм: позднее сходные структуры стали использоваться исламской теократией. Прощение всех грехов и вечное блаженство обещал имам Р. Хомейни всем иранским солдатам в войне с Ираком, а иерархическая система мулл исправно отпускала им все грехи (то есть брала ответственность на себя), всем воевавшим.

Действие психологического механизма деиндивидуализации в результате снятия ответственности известно: С. Милгрэм экспериментально показал, что самые обычные люди, подчиняясь приказам того, кого считают начальником, «властью», могут спокойно совершать страшные поступки, вплоть до умерщвления на электрическом стуле своих товарищей, и не осознавать этого [70]. Для солдат и работников карательных органов, полицейских обычно в наибольшей степени характерна деиндивидуализация. Снижение чувства собственной уникальности, отличия себя от других людей ведет и к недооценке этих людей, ценности их жизни. Соответственно, это ведет к большей личной жестокости и готовности выполнять жестокие приказы. За счет действия таких механизмов террор, первоначально в гитлеровской Германии, постепенно стал массовым и хроническим, то есть он превратился в повседневность социально-политической жизни.

Иным был террор в другой тоталитарной системе. Террор в советской партийно-государственной системе («сталинщина») был следствием, прежде всего, внутренней

борьбы за власть и патологической структуры личности самого И. В. Сталина. Если первый этап активного советского террора (1918-1921 годы) был почти аналогом террора якобинского, преследуя, в первую очередь, цели сохранения власти и ликвидации социально-экономического хаоса (в целом, он завершился с началом нэпа и формальной ликвидацией ВЧК в 1921 года), то второй этап лишь только отчасти был аналогом термидорианского террора.

В отличие от террора термидорианского, сталинский террор был не только средством борьбы с «неякобинцами» (соратниками В. И. Ленина и, в еще большей степени, Л. Троцкого), но и способом утверждения личной власти, самореализации психологической структуры своей личности. Л. Троцкий писал: «Всякий, сколько-нибудь знакомый с историей, знает, что каждая революция вызывала после себя контрреволюцию, которая, правда, никогда не отбрасывала общество полностью назад, к исходному пункту, в области экономики, но всегда отнимала у народа значительную, иногда львиную долю его политических завоеваний. Жертвой первой же реакционной волны являлся, по общему правилу, тот слой революционеров, который стоял во главе масс в первый, наступательный, «героический» период революции. Уже это общее историческое наблюдение должно навести нас на мысль, что дело идет не просто о ловкости, хитрости, умении двух или нескольких лиц, а о причинах несравненно более глубокого порядка» [71].

Конечно, находясь в явном плену марксистских конструкций с их настоятельным поиском «объективных причин», а также реминисценций французской революции, Л. Троцкий видел лишь только часть причин сталинского террора. Опасаясь невольно возвеличить личность И. В. Сталина, он сводил все причины к «объективным истокам», целенаправленно игнорируя личностный фактор: «Сталин, второстепенная фигура пролетарской революции, обнаружил себя как бесспорный вождь термидорианской бюрократии, как первый в ее среде - не более того».

В отличие же от Л. Троцкого, для И. В. Сталина именно личностный фактор был на первом месте - об этом говорят хотя бы многочисленные направлявшиеся из Москвы террористические акты против самого Л. Троцкого и, в итоге, обстоятельства его убийства. Первоначально для И. В. Сталина важнейшим был индивидуальный террор против

соперников в борьбе за власть. И уже тогда он бывал очень жесток. Вновь из Л. Троцкого: «...уже в 1926 году Крупская говорила в кругу левых оппозиционеров: «Если бы Ильич был жив, он, наверное, уже сидел бы в тюрьме».

По ходу острой борьбы за власть, И. В. Сталин чувствовал необходимость на кого-то опираться. Тут ему и подвернулась та самая бюрократия, созданием которой он же и занимался, отвечая в партии за организационную работу. Сталин решал личные вопросы. Между тем бюрократия твердила: «Оппозиция хочет международной революции и собирается втянуть нас в революционную войну. Довольно нам потрясений и бедствий. Мы заслужили право отдохнуть. Да и не надо нам больше никаких «перманентных революций». Мы сами у себя создадим социалистическое общество. Рабочие и крестьяне, положитесь на нас, ваших вождей!»^[72] После этого И. В. Сталин создал новую риторику, основанную на идее победы социализма в одной, отдельно взятой стране посреди враждебного окружения, и провозгласил тезис о нарастании классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Только после этого неизбежным стал массовый внутренний террор.

При политико-психологическом рассмотрении ни в коей мере нельзя недооценивать роль и значение личностно-психологического фактора. Г. Тард считал, что масса сама находит себе лидеров, как бы «выталкивая их из себя». Г. Лебон выделял четыре типа «вожаков» толпы. Первый тип - «апостолы», «проповедники». Это - В. И. Ленин. Второй тип - «фанатики одной идеи». Вот он, Л. Троцкий. Третий же тип, по Г. Лебону, «принадлежит к обширной семье дегенератов. Занимая благодаря своим наследственным порокам, физическим или умственным, низкие положения, из которых нет выхода, они становятся естественными врагами общества, к которому они не могут приспособиться вследствие своей неизлечимой неспособности и наследственной болезненности. Они - естественные защитники доктрин, которые обещают им и лучшую будущность, и как бы возрождение». Этому типу мало свойствен фанатизм. Все решает личная заинтересованность. По своей сути, это лица с комплексом неполноценности, стремящиеся гиперкомпенсировать, преодолеть его с помощью массы, которую они хотят возглавить. Тут и следует вспомнить происхождение, детство, а также явную личную физическую ущербность И. В. Сталина (сухорукость, лицо в оспинах и т. п.).

Третий тип может переходить в четвертый, обычно идущий на смену предыдущим «вожакам», овладевающий массой после того, как ее сформировали и основательно «разогрели» фанатики - тиран или диктатор. Это лидер, подбирающий власть и пользующийся плодами того, что уже сделала для него возглавлявшаяся другими толпа. Он может сочетать в себе некоторые черты предшествующих, но не это главное. Он умеет заставить массу полюбить себя и возбудить боязнь к себе.

«За Суллою, Марием и междоусобными войнами выступали Цезарь, Тиберий, Нерон. За Конвентом - Бонапарт, за 48-м годом - Наполеон III»^[73]. Собственно говоря, тот же самый путь проделал и И. В. Сталин. По З. Фрейду, масса «уважает силу, добротой же, которая представляется ей всего лишь разновидностью слабости, руководствуется лишь в незначительной мере. От своего героя она требует силы, даже насилия. Она хочет, чтобы ею владели и ее подавляли, хочет бояться своего господина»^[74].

Добавим ко всему сказанному еще и откровенные психопатологические черты личности И.В. Сталина, даже диагностированные В. Бехтеревым при личном осмотре вождя, и логика его перехода от террора индивидуального к массовому станет более понятной. Подчеркнем, однако, что, в отличие тотального нацистского, системного террора, сталинский массовый террор носил, прежде всего, личный характер. В отличие от гитлеровского принципа «фюрерства», разделявшего ответственность за террор по вертикали власти, сталинская тоталитарная система в большей степени основывалась на монархических решениях одного вождя, его симпатиях и антипатиях. И. В. Сталин намного ближе к Сулле - он «периодически вспоминал» тех, кто должен был попасть в проскрипционные списки НКВД.

Разумеется, несмотря на вполне определенные различия, практика «гитлеризма» и «сталинщины» объединяется превращением террора в повседневный инструмент социально-политической жизни, а также, впервые, выработкой механизмов реального массового террора. Террор при тоталитаризме становится массовым в двух смыслах: как в отношении массовости числа жертв террора, так и в отношении массовости его исполнителей - карательных органов.

Террор и демократия. Аксиоматически подразумевается, что социальная, политическая, экономическая и всякая другая повседневная практика развитой демократии, «открытого общества», «правового государства», плюралистической идейной жизни просто несовместима с террором и терроризмом. Теоретически демократия предоставляет всем людям такое количество разнообразных возможностей, что, вроде бы, нет никакой необходимости прибегать к крайним, жестким, террористическим средствам социально-политического действия. Тем более что их вроде бы не провоцирует государство - ни в пользу его, ни против него.

При этом, безусловно, игнорируется даже тот очевидный факт, что проявления индивидуального террора вполне имеют место даже при самой образцовой и развитой демократии - вспомним так до сих пор и не раскрытое убийство президента США Дж. Ф. Кеннеди в ноябре 1963 года. Тем более постепенно вытесняется на периферию сознания еще недавно вполне массовый расовый (Ку-Клукс-Клановский) террор в США, апофеозом которого стало убийство М. Кинга в апреле 1968 года. С течением времени, для развитых демократий (за исключением Великобритании, хронически страдающей от жесткого терроризма Ирландской республиканской армии, и Испании, периодически раздираемой сепаратистским терроризмом баскских террористов) внутренние проявления террора стали забываться. Сменившей его реальностью стал внешний по отношению к ним, «международный терроризм».

Не только в США, но и, скажем, в современной России ныне принято говорить о «внутренних проявлениях международного терроризма» (именно так, например, квалифицировались действия чеченских боевиков, в частности захват больницы в дагестанском городе Кизляре боевиками С. Радуева, на судебном процессе против него в Махачкале в ноябре 2001 года). Понятно, однако, что существуют определенные общие социальные, экономические, политические и, тем более, социально-психологические корни вооруженных выступлений в негритянских гетто в США, например, в 1968 году, и террористических актов исламских боевиков против тех же США в 1990-2000 годах - точно так же, как и выступлений чеченских боевиков против России.

Есть и другие, более экзотические примеры. В декабре 2001 года в краевом суде Приморья судили четырех членов российского отделения японской экстремистской религиозной организации (секты) «Аум синрике». Москвичи Д. Сигачев и Д. Воронов, жители Подмосковья Б. Тупейко и Приморья А. Юрчук обвинялись в терроризме, незаконном приобретении и хранении оружия, изготовлении взрывчатых устройств. Летом 2000 года обвиняемые планировали приехать в Японию под видом туристов и провести серию террористических актов с захватом заложников, чтобы вынудить руководство страны освободить из тюрьмы лидера «Аум синрике» Секо Асахару. При аресте у них нашли автомат, несколько пистолетов, самодельное взрывчатое устройство, фотографии с видами японских городов с указанными местами терактов и письмо к премьер-министру Японии с требованием освободить Асахару. Как считают правоохранительные органы, несмотря на кажущуюся нереальность осуществления задуманного, сектанты представляли реальную угрозу для общественной безопасности. Д. Сигачев и Б. Тупейко ранее проходили по другому уголовному делу: стремясь пополнить кассу своей организации, они совершили «экс», убив при этом человека^[75].

Так что демократическая Россия не отстает от Запада, и даже готова «помочь» Японии.

Прежде чем переходить к рассмотрению корней терроризма, отметим некоторые общие особенности демократии, связанные с террором. Наиболее существенным является тот факт, что демократия, действительно, специально не порождает (или делает это в самой минимальной степени) и откровенно не провоцирует терроризм как особый социально-политический феномен. Однако, руководствуясь незыблемостью прав и свобод человека, она создает столь широкие и многообразные рамки для поведения людей, что именно за счет этого неизбежно возникают очень удобные возможности осуществления террористических актов для уже сформировавшихся террористов. Кроме того, всем хорошо известно, что от теоретических намерений до их практической реализации - дистанция огромного размера. Понятно, что любая, даже самая совершенная демократия в мире не может обходиться без насилия. Насилие же всегда связано с террором.

Осознание этого в США наступило после террористических актов 11 сентября 2001 года. При всей светлости идеалов индивидуальной свободы, практика их реализации дает террористам слишком много возможностей. История показывает, что террор является действительно объективно лишь нейтральным инструментом социально-политического действия, который может быть применен как государством, так и против него. Причем чем больше используется террор государством, тем меньше остается возможностей для террора против государства. То есть чем более тоталитарно государство, тем меньше в нем антигосударственного терроризма. Уже говорилось, что тоталитарные государства достигали наибольших успехов в борьбе против криминального террора. Известно и другое: например, на Гитлера (явного монакрата, фюрера и символа нацистского «Третьего Рейха»), при неизбежном наличии массы недовольных им людей, было произведено всего лишь одно, причем неудачное покушение («заговор генералов» в 1944 году). О попытках покушений на И. В. Сталина вообще ничего не известно.

Развитое демократическое общество минимизирует как государственный, так и антигосударственный террор, добиваясь определенного равновесия этих двух чаш весов. Однако всякая открытая борьба с антигосударственным (даже сугубо внешним, «международным») террором почти неизбежно ведет к тоталитаризации общества и усилению государственного контроля над его гражданами, то есть к ущемлению индивидуальных прав и свобод, что неизбежно рассматривается как шаг к возможному государственному насилию над индивидами.

Сразу после террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне в сентябре 2001 года в американском обществе возникла серьезная дискуссия относительно возможности введения новых, более жестких государственных мер по предотвращению террора, связанных с усилением контроля над гражданами. В частности, это касалось проблемы введения так называемой национальной идентификационной карты (современный вариант паспортизации населения). Такого рода карты существуют во многих государствах и в разных вариантах. Германия, пережившая нацистский тоталитаризм, исповедует минималистский подход: в личную карту гражданина записана базовая информация, включающая имя, место рождения и цвет глаз. Малайзия, напротив, в 2001 году запустила программу, в рамках которой планируется выдать два миллиона «многоцелевых карточек» только в Куала-Лумпуре. Компьютерный чип позволяет использовать такую карточку как водительские права, платежное средство, карточку национальной медицинской службы и традиционный паспорт. Причем это - только начало.

Современные цифровые технологии позволяют разместить на идентификационной карте данные о криминальном прошлом человека, иммиграционную информацию и многое другое. Фактически этих сведений может быть так много, что карточка станет портативным личным файлом человека. В США многие озабочены тем, что введение идентификационных карточек толкнет страну на скользкий путь. В конечном счете, говорят критики этой идеи, карточки могут лечь в основу создания новых баз данных. Начиная, например, с карточки малазийского образца, власти могут потребовать, чтобы информация считывалась всякий раз, когда люди что-то покупают, отправляются в путешествие или ведут поиск в Интернете. Таким образом, будет накоплен огромный массив самых разных сведений о гражданах, включая и те, которые гражданин не хотел бы афишировать.

Это - одна точка зрения. Популярный журнал «Бизнес-уик» писал: «США вступают в новую фазу войны с террором. И полезно помнить о сценарии в духе Оруэлла, хотя бы как о свете маяка, предупреждающего об опасности впереди. Приятно также осознавать, что принципы защиты неприкосновенности личной жизни, разработанные в прошлом, все еще актуальны в новом мире. Надзор и наблюдение находятся под контролем закона, который требует ставить граждан в известность о том, что проводится какая-то проверка, и который дает гражданам право исправить неверную информацию о себе. Это лучшая гарантия того, что, пытаясь поймать следующего Халида Адь Мидхара, мы не получим в итоге вместо него нового оруэлловского Большого Брата».

С другой стороны, даже люди, давно активно выступающие в защиту гражданских прав, сегодня уже постепенно пересматривают свои взгляды. «Я просто автоматически отвергал идею таких карточек, - говорит профессор-юрист из Гарвардского университета А.

Дершовитц. - Теперь же я должен все это обдумать заново»[\[76\]](#) Ситуация изменилась: налицо угроза личной безопасности. Террор дает результаты, вселяя страх в людей, уже почти готовых пойти на определенные ограничения демократии. Возникает вопрос: на какие ограничения они готовы? 19-24 сентября 2001 года социологическая служба Гэрриса[\[77\]](#) провела телефонный опрос на тему: что думают американцы о неприкосновенности личной жизни и где проходят допустимые границы этой неприкосновенности. Из полученных результатов достаточно отчетливо видны границы представлений американцев о демократии и, соответственно, их готовности поступиться демократией и индивидуальными свободами под влиянием страха. Вот они, эти границы, представленные по убыванию числа согласных с тем или иным ограничением:

	За	Против	Не знают
Использование технологий распознавания лиц в местах скопления людей, на публичных мероприятиях	86%	11%	2%
Более тщательный мониторинг банковских операций и операций с кредитными картами, чтобы обнаружить источники финансирования террористов	81%	17%	2%
Введение национальной идентификационной карточки	68%	28%	4%
Более широкое применение камер телевизионного наблюдения на улицах и в публичных местах	63%	35%	2%
Подключение правоохранительных служб к чатам и форумам Интернета	63%	32%	5%
Расширение мониторинга со стороны правительственных служб сотовых телефонов, электронной почты, перехвата сообщений	54%	41%	4%

Пока в Соединенных Штатах шли споры о том, насколько государство должно или может посягать на права личности и вмешиваться в частную жизнь после событий 11 сентября 2001 года в рамках контртеррористических акций, в Европе вопрос уже был давно решен. Когда речь идет о противостоянии личности и государства, в Европе всегда побеждает государство: упор традиционно делается на важности и возможности полицейского и государственного вмешательства, а степень свободы граждан значительно уступает американским нормам. Культура уважительного отношения к правительству в Европе дает возможность нарушать права скорее правительству, чем гражданам.

Опираясь на это, после событий 11 сентября правительства большинства стран еще больше ограничивают свободу личности. Так, например, Франция, и без того имеющая наиболее серьезную систему полицейского контроля в Евросоюзе, вводит новые стандарты: теперь полиция получает расширенные права по проведению обысков в автомобилях и домах без ордера. Все телекоммуникационные операторы в Интернете должны сохранять в течение года всю документацию, чтобы предоставить жандармам, например, возможность выяснить, на какие web-сайты вы заглядывали в последние месяцы. Французские юристы делают вывод, что некоторые аспекты новых законов явно нарушают основополагающие права личности.

Еще более сильный пример - Голландия, имеющая репутацию наиболее свободной страны во всей Европе. «Граждане, по существу, находятся здесь под очень жестким контролем. Голландцы обязаны иметь SoFi, социально-финансовый номер для уплаты налогов и установления личности. Голландская полиция за год устанавливает в среднем в четыре раза больше подслушивающих устройств, чем все федеральные органы США. Голландцы очень терпимые люди, и поэтому система наблюдения действует эффективно. О голландской модели мечтают все правоохранительные органы»[\[78\]](#).

Сравним с данными социологических опросов россиян. По данным фонда «Общественное мнение», после террористических актов против США осенью 2001 года 54 % россиян были согласны с тем, что ради безопасности американцам следует ужесточить контроль и ограничить гражданские свободы в стране, 29 % не согласились с этим, а 17 %

затруднились с ответом. 61 % россиян согласны с тем, что аналогичные шаги следует предпринять и России, 29 % не согласны, 10 % затруднились с ответом[79]. То есть между свободой и безопасностью народы уверенно выбирают безопасность.

«Главный вопрос заключается в том, до какой степени возможен компромисс между свободой и безопасностью. Верно то, что широкое использование подслушивающих устройств и средств слежения дает европейским полицейским силам преимущества перед их американскими коллегами по поиску скрывающихся террористов. Но, помимо выявления банды Баадера-Майнхофа, тайно действовавшей в Германии в 1970-е годы, организации баскских националистов ЕТА в Испании и ИРА в Великобритании, Европа ничего не смогла сделать против угрозы терроризма - несмотря на чрезмерные права, предоставленные правоохранительным органам»[80].

Верно, однако, и другое: то, что в Европе в последние десятилетия не было ни одной серьезной попытки осуществления террористических актов, сколько-нибудь сравнимых по масштабу с теми, что осуществились в США. Таким образом, логика доказательства «от противного» подтверждает уже сказанное: чем больше государство предоставляет гражданам индивидуальной свободы в рамках демократии и чем меньше контроль государства, тем, соответственно, больше возможностей для организации террористических актов. Придется согласиться: «В условиях демократии значительно сокращается основа для насильственных средств осуществления власти и овладения ею. Однако демократия отнюдь не имеет иммунитета против политического насилия, и в политической жизни демократических государств оно не исключено... демократизирующееся общество не только унаследует предшествующие отношения, но при активных усилиях деструктивных антидемократических сил не способно избежать насилия, в том числе с применением вооруженных сил в решении внутренних и внешних вопросов»[81]. Это верно и в отношении террора - крайней степени насилия.

Проблема осложняется тем, что борьба с терроризмом и сужение демократии связаны между собой не только прямыми, но и обратными связями. Несколько лет тому назад Л. Гозман был вполне категоричен: «Для защиты от террористов государство должно усилить роль спецслужб, пойти на ограничение ряда гражданских прав. Это неизбежно приводит к изменению политической атмосферы самого общества, к его тренду от демократии к авторитаризму. Правда, после обезвреживания террористических групп гражданские права восстанавливаются, а чрезвычайные полномочия спецслужб отменяются. И тогда появляются новые террористические группы. Круг замыкается». Вот именно. Между тем люди хотят не временных антитеррористических действий, а постоянной защищенности от террора. Значит, в современном мире, по мере развития терроризма, приходится признать пределы развития демократии. Видимо, это неизбежно - и люди готовы признать такие пределы. К тому же не все зависит от людей. Ведь однажды созданные (даже временные) антитеррористические структуры так быстро не ликвидируешь - возникнув, они становятся частью жизни общества и, как любые силовые структуры, начинают вносить свой вклад в развитие авторитаризма.

Проблема отношения к террору

Парадокс заключается в том, что очевидное далеко не всегда очевидно, а страшное не всегда пугает. При всей «ужасности» террора, он почти всегда вызывал и продолжает вызывать к себе сложное, подчас противоречивое отношение. Причем это - далеко не проблема «двойных стандартов». Это вопрос одного, причем благоприятного стандарта в оценке деятельности террористов. Как известно, ужас, при всем отторжении и отталкивании, может и притягивать: не зря говорят, что ужас имеет «сладковатый привкус». Говорят и о «сладком ужасе», о его «особой притягательной силе». Именно за счет этой «сладости» в мире почему-то никак не уменьшаются ряды террористов, особенно среди молодых людей.

Террор привлекает, прежде всего, благодаря своему сильному романтическому ореолу. Несмотря на то, что террор - это всегда страшно, это всегда насилие, смерть и разрушение, то есть во многом античеловеческие или даже бесчеловечные методы, часто он даже открыто одобряется и приветствуется людьми. Особенно это касается индивидуального террора - здесь

это, как правило, связано с предварительно уже сложившимся отношением к жертвам террора.

Так, например, из описаний современников известно, что в свое время народ России приветствовал многие акции Боевой группы эсеровской партии - в частности, убийство террористами генерал-губернатора Москвы. Вчитаемся: «... «чернь» сбежалась к месту происшествия: убит сын царя-освободителя, великий князь Сергей Александрович. При виде его останков, еще как бы дымящихся, никто не обнажил голову. «Все стояли в шапках», - сообщал в охранку уличный филер. Он же зафиксировал и похвалу злодеям: «Молодцы ребята, никого стороннего даже и не оцарапали, чего зря людей губить». Какая-то салопница подобрала не то косточку, не то палец убитого, мастеровой прикрикнул: «Чего стоишь, чай не мощи!». Кто-то пнул носком сапога студенистый комок: «Братцы, а говорили, у него мозгов нет!»[82].

«На месте казни лежала бесформенная куча, вышиной вершков в десять, состоявшая из мелких частей кареты, одежды и изуродованного тела. Публика, человек тридцать, сбежавшихся первыми, осматривала следы разрушения; некоторые пробовали высвободить из-под обломков труп. Зрелище было подавляющее. Головы не оказалось; из других частей можно было разобрать только руку и часть ноги. В это время выскочила Елизавета Федоровна в ротонде, но без шляпы, и бросилась к бесформенной куче. Все стояли в шапках. Княгиня ' это заметила. Она бросалась от одного к другому и кричала: «Как вам не стыдно, что вы здесь смотрите, уходите отсюда». Лакей обратился к публике с просьбой снять шапки, но ничто на толпу не действовало, никто шапок не снимал и не уходил. Полиция же все это время, минут тридцать, бездействовала...»[83].

А. Блок писал В. Розанову в ответ на его письмо: «Страшно глубоко то, что Вы пишете о древнем «дай полизать крови». Но вот: Сам я не «террорист» уже по одному тому, что «литератор». Как человек, я содрогнусь при известии об убийстве любого из вреднейших государственных животных... И однако так сильно озлобление (коллективное) и так чудовищно неравенство положений - что я действительно не осужу террор сейчас»[84]. Несмотря на последнюю, достаточно слабую оговорку, в истории российской культуры издавна прослеживается вполне терпимое отношение к террористам. До «неосуждающего» террор А. Блока, как известно, тиранам откровенно грозил еще А. С. Пушкин, прямо-таки призывая к террору:

Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Если Пушкин «видел», то М. Ю. Лермонтов вполне прозорливо «предвидел»:
Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пищей многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон.

Конкретные террористические акты в истории вызывали как минимум тайное одобрение, по крайней мере, у части российского общества. Так, например, Б. Савинков описывает ситуацию после убийства министра внутренних дел Плеве: «В Женеве, по случаю убийства Плеве, царило радостное оживление. Партия сразу выросла в глазах правительства и стала сознавать свою силу. В боевую организацию поступали многочисленные денежные пожертвования, являлись люди с предложением своих услуг... пожертвования после убийства Плеве исчислялись многими десятками тысяч рублей»[85]. Судя по всему, такие пожертвования делались явно не только из страха перед террористами, а и из симпатии к их борьбе.

Понятно, что в периоды открытого противостояния, войны, противоборствующие стороны всегда приветствовали террористические акты, которые совершались в их пользу. Партизаны всегда и везде были «супергероями» для своих соотечественников - от участников испанской герильи против наполеоновских войск в начале XIX века до массового партизанского движения в СССР или французского Сопrotивления в войне с гитлеровской

Германией. Напротив, немцы приветствовали массовый террор против евреев и населения оккупированных стран.

Очевидно, что террор властей всегда демонстративно приветствовался теми слоями населения, которые сами боялись стать его жертвами - обыватель стремится послушным одобрением «задобрить» власть. Но столь же очевидно, что террор против властей молчаливо одобрялся всеми, кто имел к властям претензии, но по разным причинам был вынужден терпеть притеснения и скрывать свое недовольство. Те же самые психологические механизмы действуют и в отношении международного, меж государственного террора. Атомная бомбардировка японских городов Хиросима и Нагасаки американцами на исходе Второй мировой войны вызвала ликование в странах антигитлеровской коалиции, хотя этот акт расправы с мирным населением уже не диктовался логикой войны. Акции международного исламского террора против США, начиная от первых попыток взрывов еще в начале 1990-х годов, постоянно вызывали одобрение в мусульманских странах.

Сразу же после трагических событий в США 11 сентября 2001 года в Палестине на городских площадях всю ночь продолжалось массовое народное гуляние. В Ираке через день был даже проведен военный парад, на котором президент С. Хусейн лично салютовал из винтовки в честь американской трагедии. В том же Пакистане «мировой террорист № 1» Усама бен-Ладен стал национальным героем.

Однако более чем терпимое отношение к антиамериканскому террору отличало далеко не только исламские страны. В органы МВД Украины осенью 2001 года обратилась женщина с просьбой изменить ее прежнюю фамилию на фамилию «Бенладен». Мотивируя свое желание, она пояснила, что считает бен-Ладена «величайшим политиком современности», разрушившим «миф о неуязвимости символа несправедливости» и «мирового супергегемонизма». Несмотря на официальное участие страны в мировой антитеррористической коалиции, в России, на сцене Якутского драматического театра уже через два месяца после сентябрьских террористических актов 2001 года был поставлен спектакль, в котором главным героем был все тот же У. бен-Ладен - причем как страдающая фигура, погибающая от «ковровых» бомбардировок.

Все это говорит о том, что пресловутый «двойной стандарт» имеет очень глубокие корни, которые отнюдь не сводятся к примитивным оценкам типа «наш» - «не наш», «выгодный» или «невыгодный» террор. Явное или неявное одобрение террора, очень удобная, психологически мало травмирующая человека форма признания собственной несостоятельности при внутренне скрытом желании быть состоятельным.

Одобряя террор, люди проецируют на совершенное террористом собственные, по различным причинам неосуществимые мотивы, желания и потребности. Террорист - фигура в ореоле борьбы, а глубинная потребность в борьбе свойственна людям хотя бы в силу их животного происхождения. Террор - метод борьбы. Значит, пока есть борьба, будет террор и будет, помимо негативного, еще и достаточно заметное позитивное к нему отношение. А это означает, что террор не только имел, но и долго еще будет иметь под собой определенную психологическую почву. Социально-психологический прогноз пессимистичен - ряды террористов еще долго не поредеют. Если же они и поредеют, то явно ненадолго: любая антитеррористическая акция, помимо истребления террористов, будет готовить и новых сочувствующих им людей, которые смогут очень быстро пополнить эти иногда все-таки редкие ряды. Просто для осознания этого необходимо понять некоторые психологические факты.

Резюме

Реальность такова, что в обычном словоупотреблении у нас часто смешиваются понятия «террор», «терроризм» и даже «террорист», представляя собой нечто общее, единое, «великое и ужасное». Пугающее и ослепляющее. Понимание того, что же такое террор, требует обращения к первичному, латинскому значению слова. Террор - это, прежде всего, буквально, «ужас», то есть эмоциональное состояние, возникновения которого как раз и добиваются террористы, осуществляя те или иные специальные действия - террористические акты.

Террористический акт для них оказывается всего лишь средством, методом, использование которого ведет реальные или потенциальные жертвы к состоянию террора (ужаса).

Подчеркнем: террор оказывается необходимым для террористов результатом их террористических (точнее, терроризирующих) действий. В совокупности же, вся цепочка «террорист - террористический акт - террор» составляет терроризм как целостное явление.

Терроризм - это устрашение людей осуществляемым насилием. Насилие существует в самых разных формах: это физическое, политическое, социальное, экономическое, информационное и т. д. насилие. При наличии множества конкретных видов насилия, наиболее продуктивной на данном этапе является их сложная, параметрическая типология, основанная, по крайней мере, на двух параметрах: степени массовости и мере организованности насилия. Пересечение этих двух координат позволяет выделить четыре вида насилия: массовое организованное и массовое стихийное, индивидуальное стихийное и индивидуальное организованное. Понятно, что каждое из них имеет свою специфику и особенности.

Главной проблемой человечества является исторически сложившаяся двойственная оценка терроризма. В зависимости от того, кто и, главное, против кого использует террористические методы, терроризм обычно утилитарно подразделяется на «наш» (полезный, продуктивный, направленный на противников) и «не наш» (вредный, деструктивный, направленный против нас нашими противниками). Из такой узко утилитарной логики следует пресловутый «двойной стандарт» в оценке терроризма, от которого все призывают друг друга отказаться. На самом деле, нет и не может быть «хорошего» и «плохого», «полезного» и «вредного» терроризма. Это всего лишь наши субъективные оценки, вносящие путаницу в понимание действительности. Реально терроризм - политически нейтральный инструмент. Это набор методов насилия, направленный на достижение определенной цели. Оценку он приобретает в зависимости от того, кто им пользуется, кто направляет и кто его оценивает.

Общее историческое развитие терроризма, с некоторыми исключениями, шло по цепочке: индивидуальный - групповой - локальный - массовый терроризм. По-настоящему, не метафорически, а реально массовый террор - достижение последнего столетия, и даже его последней четверти. В разные исторические эпохи, при разных формах организации социальной и политической жизни (например, диктатуры и демократии) терроризм обладал определенными особенностями. Еще недавно террор считался обязательным инструментом тоталитарных диктатур. В современном мире терроризм оказывается обратной стороной демократии.

Терроризм как специфический инструмент борьбы всегда вызывал к себе неоднозначное отношение. Будучи орудием слабых, индивидуальный, групповой и даже локальный терроризм часто опирался на определенное сочувствие со стороны тех, кто не был его жертвами. Поэтому всегда множились и продолжают множиться ряды террористов. Однако, становясь по-настоящему массовым, терроризм и террористы противопоставляют себя слишком большому числу людей и поэтому постепенно уходят за грань по-человечески приемлемых способов борьбы. Хотя, и почти наверняка, всегда будут находиться люди, сочувственно относящиеся к насилию, на современном этапе развития терроризм все больше начинает оцениваться как бесчеловечный и даже античеловеческий способ социального действия. Это порождение особой психологии, которая нуждается в специальном рассмотрении. Вначале, однако, стоит рассмотреть психологию того результата, к которому стремятся и которого достигают террористы: психологию самого террора - психологию страха и ужаса.

Часть 2.

Психология массового террора

Страх
Ужас
Паника

Агрессия
«Болезнь колючей проволоки»
Психология геноцида и массовых убийств
Виктимология террора

Общие цели террористов достаточно откровенны и совершенно очевидны хотя бы из широко известного проекта устава эсеровской Боевой организации: «Цель боевой организации заключается в борьбе с существующим строем посредством устрашения тех представителей его, которые будут признаны наиболее преступными и опасными врагами свободы. Устраняя их, боевая организация совершает не только акт самозащиты, но и действует наступательно, внося страх и дезорганизацию в правящие сферы, и стремится довести правительство до сознания невозможности сохранить далее самодержавный строй». В окончательном варианте устава было сказано проще и еще жестче: «Боевая организация ставит себе задачей борьбу с самодержавием путем террористических актов»^[86]. С точки зрения психологии, предельно откровенно провозглашенными основными целями террористической организации прямо названы «страх», «устрашение» и «дезорганизация». Однако, хотя суть осталась прежней, человеческое восприятие за сто лет несколько изменилось.

«От кадров катастрофы, транслировавшихся всеми мировыми телеканалами, невозможно было оторваться - чувствовалось в них что-то магическое и завораживающее. И первым ощущением очень многих было: да это же кино! Мы где-то уже что-то подобное видели - не то в фильме «День независимости», не то в «Бойцовском клубе», а может быть, в фильме Пола Верховуна «Звездный десант».

Западный мир, заскучавший от сытости и уверенный в своей силе, десятилетиями производил на своих «фабриках грез» эти катастрофические кошмары, приятно щекотал себе зажившие нервы, смотря сны о своей собственной гибели, и никому в голову не приходило, что найдутся в этом мире реальные люди - не инопланетяне и не Годзилла, а реальные враги западной цивилизации, которые воспользуются предложенными сценариями и хладнокровно осуществят кровавую постановку, чтобы ее увидел весь мир и содрогнулся от ужаса. И наверняка постановщики заранее расставили где надо операторов с видеокамерами - на случай, если телевизионщики «проморгают» события, как «проморгали» американские спецслужбы подготовку самого террористического акта. Но и сами телевизионщики не подкачали - трагедию и бессилие единственной на свете сверхдержавы в прямом эфире увидел весь мир. Думается, это и было главной задачей акции: наглядно продемонстрировать беззащитность Америки и вообще западной цивилизации перед лицом иной логики борьбы - логики, основанной не на прагматизме и не на презумпции ценности человеческой жизни, а на свирепой готовности умирать и убивать. Это был акт презрения: чего стоит все богатство Америки, все ее высокие технологии и спецслужбы в сравнении с решимостью нескольких человек умереть, разрушив такой ценой великий американский миф о неуязвимости острова благоденствия?»^[87].

По сути, это все та же «борьба с самодержавием путем террористических актов». Когда социологи спросили россиян, какие конкретные цели ставили перед собой те, кто подготовил террористические акты против США в сентябре 2001 года, больше всего опрошенных ответило, что целью террористов было запугивание, устрашение. Люди расшифровывали это по-разному: «устрашение», «ввергнуть в ужас страну», «навести страх и ужас на всех», «повергнуть всех в ужас», «запугать американский народ и народы всего мира», «запугать человечество», «испугать Америку», «запугать правительство США», «нагнать страх на американцев и весь мир», «внести страх и бессилие в умы людей», «напугать политиков», «держать в страхе мир» и т. п. Очевидно, что, при различиях в деталях, в сознании людей существует достаточно устойчивая связь между понятиями «террор» и «страх». То есть цели террористов и восприятие их населением примерно одинаковы - в этом смысле, можно констатировать достаточное «взаимопонимание». Такое же «понимание» существует и в отношении результатов террористических акций. По данным тех же социологических опросов, после террористических актов 11 сентября 2001 года «люди стали по-другому ко всему относиться - они напуганы, насторожены», «испуг - все испугались», «жить стали по-

другому - стали осторожнее», «жить стало страшней: бандитов стало много, за детей страшно», «жизнь стала другой», «страх у людей появился, независимо от того, где они живут», «больше стали бояться, появилась настороженность», «появились страх, напряженность» и т. п. [88]

Страх

Итак, очевидно: в основе террора, прежде всего, лежит страх достаточно большого числа людей. Это то самое чувство, которое в первую очередь вызывают у людей террористические акты. Нет страха - нет террора. Тогда есть просто какое-то относительно привычное, «обычное» насилие (уголовное преступление), пусть даже тяжкое, вплоть до убийства, но не вызывающее, в силу привычности, в восприятии людей опасения массовой угрозы.

В общепринятой психологической трактовке, как пишут известные психологические словари, страх - это эмоция, возникающая в ситуациях угрозы биологическому или социальному существованию индивида и направленная на источник действительной или воображаемой опасности. В отличие от боли и других видов страдания, вызываемых реальным действием опасных для существования факторов, страх возникает при их предвосхищении. В зависимости от характера угрозы, интенсивность и специфика переживания страха варьируется в достаточно широком диапазоне оттенков (опасение, боязнь, испуг, ужас). Если источник опасности оказывается неопределенным или неосознанным, возникающее состояние может определяться как тревога. Функционально страх служит предупреждением субъекта о предстоящей опасности. Он позволяет сосредоточить внимание на ее источнике, побуждает искать пути ухода от опасности. В тех случаях, когда страх достигает силы аффекта (панический страх, ужас), он способен навязать человеку определенные стереотипы поведения и подчинить его им (бегство, оцепенение, защитная агрессия).

В социальном развитии человека страх выступает как одно из средств воспитания и научения: например, сформировавшийся страх общественного осуждения используется как фактор регуляции социального поведения. Поскольку в условиях организованной общественной жизни индивид пользуется защитой правовых, правоохранительных и других социальных институтов, повышенная склонность человека к страху лишается приспособительного значения и обычно оценивается негативно. Считается, что человек, особенно мужчина, должен быть «бесстрашным», «не бояться» и «уметь преодолевать страх». Хотя сформировавшиеся реакции страха являются сравнительно стойкими. Они способны сохраниться даже при понимании людьми их полной бессмысленности. Поэтому воспитание устойчивости по отношению к страху обычно направлено не на избавление от него человека, а на выработку умений владеть собой при его наличии. Неадекватные реакции страха наблюдаются при различных психических заболеваниях.

Внешне все выглядит просто. Получается, что адаптивная рудиментарная защитная эмоциональная реакция вроде бы не нужна в современном мире. Постепенно она как бы исчезает и поддается преодолению. Ну а если не поддается преодолению, то это уже болезненный симптом - фобия. На самом деле со страхом в современном мире все обстоит далеко не так просто. Ясно главное: это действительно древнейшая биологическая реакция, роднящая Человека с животными. Однако насколько она адаптивна и почему? Только потому, что побуждает к бегству? Не зря, однако, бытует выражение: «безумный страх», то есть страх, лишаящий разума, рассудка. Представляется, что в таком понимании он далеко не всегда адаптивен. Напротив, именно вызывая страх, террористы хотят лишить людей способности к рациональной оценке ситуации, опустить их до животного уровня. Тогда малейшая угроза - даже не бомба, а всего лишь муляж взрывного устройства - будет вызывать дезадаптивное, иррациональное поведение. Поэтому природа страха требует внимательного анализа, и рассматривать ее придется с самого начала.

«Страх кратко можно определить как эмоцию, вызываемую надвигающимся бедствием. Естественная реакция испугавшегося человека - стремление укрыться или спастись бегством.

Ребенок, застигнутый за озорством, прячется. Пожилой джентльмен, который, наступив на кожуру банана, плашмя падает на асфальт, жаждет, чтобы земля расступилась и поглотила его, избавив от насмешек прохожих. Когда ребенок подрастает, он начинает понимать, что, спрятавшись, не всегда можно спастись от наказания, поэтому он убегает прочь. Когда пожилой джентльмен поднимается на ноги, он тоже старается скрыться, хотя и пытается сохранить при этом достоинство. Каждый индивидуум много раз в своей жизни испытывал страх в различных формах и степенях, и первобытный инстинкт вызывал у него стремление укрыться или спастись бегством».

Страх - это предвосхищение угрозы. Н. Коупленд очень точно писал: «Хорошо известно, что на поле боя солдаты обычно чувствуют себя спокойнее после перехода противника в атаку, чем до ее начала. Когда люди не знают, что их ожидает, им свойственно подозревать худшее. Когда же факты, какими бы ошеломляющими они не были, известны людям, они могут противостоять им. Но человек не может противостоять неизвестному»[89].

Страх - это Сильное специфическое отрицательное переживание, негативная эмоция особой интенсивности. Чувство страха стоит особняком от других переживаний. Так, в частности, К. Изард утверждает, что «страх нельзя отождествлять с тревогой. Страх - это совершенно определенная, специфичная эмоция, заслуживающая выделения в отдельную категорию... Тревога - это комбинация, или паттерн эмоций, и эмоция страха - лишь одна из них». Исходя из этого «сформулируем краткое рабочее определение: страх складывается из определенных и вполне специфичных физиологических изменений, экспрессивного поведения и специфического переживания, проистекающего из ожидания угрозы или опасности».

Л. Китаев-Смык считал, что для человека в экстремальной ситуации возможны два альтернативных полюса на шкале чувственной окраски. С одной стороны этой шкалы - беспокойство, тревожность, страх, ужас, панический ужас. С другой стороны - бесстрашие, отвага, безукоризненно смелое поведение. При этом он возражал большинству западных авторов, считающих, что основной, базисной является шкала страха, ужаса, а континуум, противоположный ей, - всего лишь «маска» страха. Основываясь на результатах собственных экспериментов и наблюдений, он выступал против того, что смелость - это результат сокрытия некоего первородного ужаса, ужаса смерти.

Практически вся мировая традиция основана, однако, на возвышении роли страха. «Первое, что нам нужно сделать с героизмом, - это обнажить его внутреннюю сторону, показав, что же дает человеческой героине ее специфический характер и толчок. Здесь мы прямо указываем на одно из крупнейших «вновь открытий» современной мысли, которое заключается в том, что из всего, что движет человеком, главным является ужас смерти»[90]. За этим стоит богатая традиция. Н. Шайлер вообще считал, что героизм - это прежде всего рефлекс ужаса смерти. Страх перед смертью естествен и присутствует в каждом человеке. Это «основной» страх, который влияет на все проявления этого чувства, страх, от которого никто не огражден, независимо от того, как бы ни был этот страх замаскирован. В. Деймз называл смерть «червем в сердцевине» всех человеческих претензий на счастье. М. Шелер полагал, что все люди должны иметь определенную интуицию относительно этого «червя в сердцевине» независимо от того, признают они это или не признают. Г. Зильбург утверждал: большинство людей полагают, что страх перед смертью отсутствует - потому, что он редко показывает свое истинное лицо. Вместе с тем «никто не свободен от страха смерти. Неврозы тревожности, разные фобические состояния, даже значительное число депрессивных состояний, самоубийств и многочисленные формы шизофрении демонстрируют вечно присутствующий страх смерти, который вплетается в главные конфликты указанных психопатологических состояний. Можно ручаться за то, что страх смерти всегда присутствует в нашем умственном функционировании». И далее - аргументы: «Постоянная трата психологической энергии на дело сохранения жизни была бы невозможной, если бы столь же постоянно не присутствовал страх смерти. Сам термин «самосохранение» предполагает усилие против какой-то силы дезинтеграции; эмоциональный аспект этого усилия - страх, страх смерти»[91].

Анализ позволяет вычленить, по меньшей мере, четыре достаточно разных эмоциональных состояния, характеризующиеся страхом смерти.

Первая разновидность страха - страх перед «просто смертью», перед исчезновением собственной индивидуальности, перед разрушением своей телесности, перед болью как провозвестницей нарушения физической целостности, угрожающей, в конечном счете, смертью. Такое чувство страха может сочетаться с мыслями, направленными на поиск к спасению от опасности, порождающей страх. Принятие решения в этом случае может быть мгновенным, инсайтным (правильным или неправильным), и затянувшимся, отсроченным. Такое решение может реализовываться как активное либо пассивное поведение, либо же может не влиять на внешние проявления, оставаясь во внутреннем плане.

В основе второй разновидности страха лежит сформированный в ходе биологической эволюции страх такой смерти, которая может быть результатом исключения особи из общности (стада, стаи). Обычно особь вне стаи нежизнеспособна, не приспособлена к окружающей среде. Этот социально обусловленный вид страха опосредуется в сознании человека представлением об утрате своего социального статуса и опасности десоциализации.

К третьей разновидности страха относятся смутные ощущения дискомфорта («тошно», «муторно», «противно», «сосет под ложечкой» и т. д.), способного привести к физическому ущербу.

Наконец, «страх смерти четвертого вида - это чувство, опосредованное «страхом» за сохранность популяции (и отдельных ее членов), к которой принадлежит особь, индивид и которая поддерживает сохранность ее членов... информация об исчезновении окружающих данную особь членов популяции... равноценна информации о ее собственном скором уничтожении. Может быть, такого рода «страх» за жизнь популяции, за жизнь своего рода лежит в основе страха за детей, за родителей, за родных и знакомых»[92].

Использованные примеры приводят к мысли о том, что страх перед своей личной, индивидуальной смертью может быть иерархически «ниже» других рассмотренных видов этого чувства. То есть в ряде случаев страх перед частным фактом собственного исчезновения менее значим, чем боязнь потери личного престижа или страх за сохранность рода, семьи, популяции. Хотя, по мнению ряда авторов, такой подход не вполне точен. Скорее, он отражает своеобразный «культ интеллигентского ужаса», возникший в свое время в науке как реакция на «культ звериной храбрости», приписывавшийся З. Фрейдом нашим древним предкам. Современный человек, однако, не настолько интеллигентен, как это кажется сторонникам первого «культа». По сути, он недалек от «звериного культа».

Первичными и наиболее глубинными причинами, вызывающими страх, являются опасение личного физического повреждения и боязнь собственной смерти. Они прямо связаны с инстинктом самосохранения, свойственным всем живым существам. И чем беззащитнее человек, тем сильнее проявляется у него этот инстинкт. Абсолютно прав К. Изард: «У маленьких детей, так же как и у животных, ощущение угрозы или опасности сопряжено с физическим дискомфортом, с неблагоприятием физического «Я»; страх, которым они реагируют на угрозу, это боязнь физического повреждения». Однако с годами этот страх постепенно слабеет: «По мере взросления человека меняется характер объектов, вызывающих страх. Потенциальная возможность физического повреждения для большинства из нас не представляет собой угрозы, хотя бы в силу ее редкости. Гораздо чаще нас страшит то, что может уязвить нашу гордость и снизить самооценку. Мы боимся неудач и психологических потерь, которые могут произвести в душе каждого из нас настоящий переворот»[93].

Однако такая боязнь не может вызвать ощущение террора. Террор возникает тогда, когда идет воздействие на самые глубинные страхи, когда человек теряет взрослую ориентацию и уподобляется ребенку или животному, у которого вдруг просыпается слепой инстинкт самосохранения. Именно поэтому наиболее сильным инструментом террора является убийство, то есть лишение жизни, причем не одного человека и не конкретной группы, а некоторого случайного множества. Именно тогда у обычного, рядового, «массового» человека как раз и возникает ощущение того, что членом этого множества может стать любой, в том числе и он сам. Тогда глубинный страх за свою жизнь или боязнь физического повреждения просыпаются у каждого человека, и террор становится массовым.

Помимо пробуждающихся инстинктов («драйвов», по терминологии З. Фрейда),

источниками страха обычно являются эмоции и когнитивные процессы. По данным С. Томкинса, эмоции типа интереса-возбуждения могут перерасти в страх или, по меньшей мере, усилить его[94]. Человек, предмет или ситуация могут стать источником страха и в результате работы мышления, как следствие 1) формирования гипотез (воображаемых источников вреда), 2) ожидания вреда, 3) непосредственного столкновения человека со сконструированным (воображаемым) объектом страха. Эти механизмы обычно также используются террористами - не случайно они стремятся не только осуществить террористический акт, но и придать свои действия и их результаты как можно более широкой гласности.

После того или иного взрыва, убийства и т. д. обычно всегда следуют телефонные звонки в средства массовой информации: именно таким образом террористы и террористические организации «берут на себя ответственность» за совершенное. Это делается, среди прочего, и с точным психологическим расчетом на пробуждение эмоций интереса и возбуждения среди масс людей, а также в расчете на то, что впредь люди будут «домысливать» соответствующие угрозы и заранее их бояться.

И такой расчет террористов оказывается вполне оправданным - так, например, после событий 11 сентября 2001 года американцы на некоторое время практически перестали летать на самолетах из-за страха, возникшего как результат работы воображения. Социологические опросы показывают, что страх охватил далеко не только американцев. По данным фонда «Общественное мнение», сразу после событий 11 сентября 2001 года сильный комплекс отрицательных эмоций («страх, ужас, тревога») испытали 21 % россиян, а близкие к этому комплексу чувства («шок, потрясение») - еще 9 %. Еще более сильными были отдаленные последствия: к концу сентября 2001 года 70 % россиян согласилась с тем, что лично бояться стать жертвой террористического акта (не бояться 27 %, затруднились с ответом 3 %). 64 % ожидали новой вспышки терроризма в мире в ближайшее время, а 40 % считали вполне возможной новую крупномасштабную акцию террористов, причем оценили как равную вероятность новых террористических актов в США, Европе и России[95].

Сила страха такова, что он оказывает сильное влияние на перцептивно-когнитивные процессы и в целом на все поведение. Когда мы испытываем страх, внимание обычно резко сужается, заостряясь на объекте или ситуации, сигнализирующих об опасности. Интенсивный страх создает особый эффект «туннельного восприятия» (в частности, «туннельного зрения»), существенно ограничивая восприятие, мышление и свободу выбора, а также свободу всего поведения. Образно говоря, в страхе человек перестает принадлежать себе; он движим единственным стремлением устранить угрозу, избежать опасности. Слабый страх переживается как тревожное предчувствие, беспокойство. По мере нарастания страха человек испытывает все большую неуверенность в себе и своем благополучии. Интенсивный страх обычно переживается как чувство абсолютной незащищенности и неуверенности людей в своей безопасности. Возникает ощущение, что ситуация выходит из-под контроля, появляется ощущение угрозы своему физическому и(или) психическому «Я», а в экстремальных случаях - угрозы жизни.

Считается, что страх - «самая токсичная, самая пагубная эмоция». Пагубность страха в том, что он в буквальном смысле может лишить жизни - известны случаи смерти, вызванной страхом перед «порчей». «Крайнее проявление страха, которое мы называем ужасом, сопровождается чрезвычайно высоким уровнем активации вегетативной нервной системы, ответственной за работу сердца и других органов. Избыточная активация вегетативной нервной системы создает непомерную нагрузку на жизненно важные органы, которые в этих условиях работают на грани срыва»[96].

Наиболее опасен вызываемый террористическими актами массовый страх, боязнь «всего и вся». Такой массовый страх не просто ослепляет общество. Он сеет раздоры: мы начинаем бояться не только завтрашнего дня и дальнейшего шокового развития событий - мы начинаем бояться друг друга. Такой страх раскалывает общество, вынуждая одних его членов опасаться других, заставляя их действовать наперекор друг другу. Так возникают действительно неуправляемые и неконтролируемые ситуации. Известно: общее желание «порядка», который каждый толкует по-своему, обычно ведет к массовым беспорядкам, к откровенному хаосу и бардаку. И тогда многократно нарастают все страхи сразу, и возникает

высшая и последняя стадия страха - то, что называется «фобия». Это уже болезненное состояние, в котором люди, даже осознавая необоснованность и бессмысленность своих страхов, даже относясь к ним как всего лишь к мучительным переживаниям, не могут от них избавиться. Сознание огромных масс населения после громкого террористического акта обычно находится в кризисном, болезненном, невротическом состоянии. И именно из такого, кризисного состояния - большая часть наших многочисленных бытовых страхов. Иногда они беспочвенны, иногда достаточно обоснованны. Ясно, однако, главное: массовый страх - это именно то, чего хотят от нас добиться террористы. И совершенно понятно, что чувство страха не только не помогает нам в решении каких-то проблем, а напротив, вредит их решению. Снижая способность к рациональному мышлению, страх всегда парализует способность к рациональному поведению. Однако человек не сразу замечает это.

К. Изард приводит описание страха, пережитого девушкой Джулией в результате акта бытового террора - нападения грабителя и угрозы насилия. Психологический анализ четко расчленяет предшествующие событию эмоции, эмоции непосредственно при нападении и последующие, «отсроченные» эмоции.

«Это было в сочельник. Я шла к своему другу, чтобы вместе с ним отправиться на вечеринку, которую устраивал у себя один из наших приятелей. Я знала, что там будут все наши друзья, и поэтому набила сумочку подарками... Я вышла из дома примерно в половине восьмого вечера - вся в радостном волнении, в предвкушении веселой рождественской вечеринки, которая обязательно затянется до утра. Я не дошла до дома моего приятеля несколько кварталов, как вдруг из кустов наперерез мне выскочил какой-то мужчина и схватился за мою сумочку».

Первой была реакция испуга. Сама Джулия говорила о «потрясении» и «изумлении», носивших очень краткосрочный характер (не более двух-трех секунд).

«Я была потрясена, но не выпустила сумку. Тогда грабитель схватил меня за волосы и, резко дернув мою голову, приставил к щеке револьвер. Он сказал: «Отпусти сумку или я разнесу к чертовой матери твою башку». Я была так изумлена, что время как будто остановилось для меня, - я просто не могла поверить в происходящее. Вихрь мыслей пронесся в моей голове. Я подумала - не дать ли ему по голове бутылкой, которую я держала в левой руке или лучше попробовать договориться с ним, или предпринять что-то другое... Но тут я ощутила на своей щеке холодное дуло револьвера, снова услышала этот голос, и моя рука сама собой разжалась. Он выхватил сумку и убежал».

Однако на этом дело не кончилось. После периода злости на преступника, потом на себя, потом периода разрядки, возник наиболее интересный в нашем контексте феномен «отложенного страха». Собственно страх пришел не раньше, чем через день после случившегося. Девушка испугалась после того, как стихли гнев и злость, и когда она, вспоминая о случившемся, смогла оценить, насколько серьезной была опасность.

«Позже, вспоминая о том вечере, я испытывала уже не только злость, но и сильнейший страх. Ведь грабитель мог сделать со мной все что угодно, я целиком была в его власти. Как поспоришь с человеком, который держит пистолет у твоего виска, который может убить тебя в любой момент, - а вот этого-то мне тогда совсем не хотелось. Вновь и вновь представляя себе ту сцену, я каждый раз чувствовала, как меня охватывает липкий, тошнотворный страх в такие мгновения я чувствовала себя страшно одинокой и беззащитной. Я стала бояться выходить по вечерам на улицу. Когда мне приходилось поздно возвращаться домой, мои нервы были напряжены до предела. Я постоянно озиралась, оборачивалась, чтобы проверить, не преследуют ли меня, мои ноги дрожали, я шла быстрой семенящей походкой, едва сдерживая себя, чтобы не побежать. Эта нервозность, этот страх преследовали меня до тех пор, пока я не пережила еще более сильный испуг. Но даже сейчас, спустя два года после того случая, я с подозрением отношусь к незнакомым людям, а отправляясь куда-нибудь в сочельник, не могу без страха дойти от подъезда до машины».

Этот момент можно считать ключевым. Действительно, страх никогда не возникает сразу, мгновенно. Даже после появления угрожающего стимула определенное время действует инерция прежнего состояния. Тогда человек стремится включить такой стимул в контекст предшествующей деятельности. Если это рабочая реакция, то все его реакции будут операциональными, «рабочего типа», направленные на скорейший и, по возможности,

оптимальный выход из пугающей ситуации. Если это ситуация отдыха, то реакции, напротив, бывают облегченными: человек пытается свести пугающую ситуацию к шутке, найти в ней что-то веселое, расслабляющее. И только спустя некоторое время, иногда короткое, но чаще все же достаточно длительное, приходит настоящий страх. Естественно, что это происходит после того, как преодолевается инерция предыдущего состояния и осуществляется рефлексия (не важно, осознанно или неосознанно, на биологическом уровне) новой ситуации и ее возможных последствий. Это и есть главный, серьезный отсроченный страх - в отличие, скажем, от конкретно-ситуативного испуга.

Приведем несколько ставших нам доступными описаний событий 11 сентября 2001 года - так, как они были восприняты их непосредственными участниками, немногими людьми, которым удалось выбраться из одного из небоскребов Всемирного торгового центра до того, как он обрушился.

«Я сидел за компьютером, постепенно углубляясь в работу. Вдруг меня как будто качнуло. Потом послышался жуткий скрежет металла. Подняв голову, я увидел, что начали качаться стены. Они скрежетали по углам, на стыках. Колебался потолок. Первой моей реакцией был шок, как бы столбняк. Я не шевелился, боясь малейшим движением нарушить шаткое равновесие. Потом я подумал, что, наверное, это землетрясение. Спокойно, даже как-то деловито я встал, вышел из программы и выключил компьютер (вспомнил, что при землетрясениях нельзя оставлять включенными электроприборы, может быть короткое замыкание и пожар). Собрал вещи, сложил в кейс. Надел пиджак (я его обычно снимаю, сидя за компьютером) и пошел к лифту. В это время скрежет прекратился, и я подумал, что, наверное, уже можно возвращаться. Но это было уже очень трудно сделать. В холле скопилась масса народа. Все ждали лифта, но его не было. В воздухе висело напряжение, хотя внешне все были относительно спокойны. Особой паники не было. Вообще, было относительно тихо. Многие люди переговаривались между собой, но тихо, почти шепотом. Было похоже, что все были в шоке, как-то оцепенели. Потом из шахты лифта запахло дымом. Тут я понял, что лифта, наверное, уже больше не будет. И тогда часть людей, и я вместе с ними, пошли по лестницам пожарного выхода. На лестницах было полно людей. Кто-то бежал, кто-то падал... Иногда приходилось перепрыгивать через людей. На некоторых этажах сильно пахло дымом, гарью. Постепенно я перешел на бег. Дыхание сбилось. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Вот тут на меня и стал наваливаться страх. Наверное, под внешним влиянием. Вокруг все кричали, бежали, некоторые даже дрались и хватили меня за одежду. Лестницы тряслись, слышался нарастающий скрежет металла и бетона. Где-то со звоном вылетали окна. Я плохо помню, как добежал до нижнего этажа и выскочил из здания. Навстречу шли полицейские и пожарники. Я закричал, что там ужас и чтобы они уходили. После этого я из последних сил бросился бежать куда-нибудь. Последнее, что помню, это взрыв за спиной. Я упал и потерял сознание».

Еще одно описание подтверждает: страх приходит не сразу, он как бы вызревает в человеке, и только потом дает о себе знать. Для этого необходима какая-то пауза. Приведем еще одно описание тех же событий, в том же здании.

«Я готовила кофе. Вдруг где-то наверху раздался страшный, тяжелый удар. Все здание содрогнулось, и будто запрыгало на месте. Со всех сторон послышался жуткий скрежет - стены ходили ходуном, потолок шатался, как будто хотел обрушиться. Сверху сыпалась пыль, в углу оторвались и упали подвесные панели. По большому оконному стеклу прошла огромная трещина, прямо посередине. Другие сотрудники повскакали с мест, некоторые стали кричать, все спрашивали друг друга, что случилось. Я первой бросилась к двери. Наверное, мне повезло - лифт стоял прямо на этаже. Вместе со мной в него вскочили несколько человек. Кто-то пытался держать двери открытыми и звал своих друзей, но его отпихнули, двери закрылись, и мы поехали вниз. Лифт ходил ходуном. Его трясло, я испугалась, что трос оборвется и мы рухнем вниз. Именно тут мне стало по-настоящему страшно. Несколько раз лифт останавливался на этажах, но мы не давали открыться дверям - мы понимали, что там много народа, они нас сомнут, и этот лифт просто не выдержит. Когда я выскочила из здания, я была как в тумане. Я ничего не видела. Мне хотелось бежать, бежать без оглядки. Хотелось куда-то спрятаться, лучше всего под землю. Очень быстро я спустилась в метро, и куда-то поехала. В себя я пришла только через час или два, оказавшись на совсем

отдаленной станции. Только позднее, вернувшись домой, я узнала, что же произошло. И вот тут мне стало по-настоящему страшно. До этого все происходило как будто не со мной, а тут я вдруг поняла, что тысячи людей там погибли, а я вот осталась жива. Это было ужасно».

Страх действительно вызывает в человеке практически только одно желание - как можно быстрее и, главное, как можно дальше убежать от источника страха. В этот момент эмоциональная сфера на время как бы «отключается». Переживание страха приходит позднее. Приведем еще одно аналогичное описание.

«В первые минуты я ничего не понимал. Глухой удар, какой-то взрыв, скрежет стен и потолков, как при землетрясении... Все выскочили в холл, но лифты почему-то не останавливались. То есть понятно почему - все хотели уехать... Тогда мы побежали по лестнице. Страшно мне не было - некогда было бояться, надо было просто бежать, и желательно побыстрее. Наверное, это была еще начальная стадия - народу было мало, да и офис наш находился не высоко. Поэтому удалось спуститься достаточно быстро. Но в холле мной овладел страх: со всех сторон появлялись оборванные, запыхавшиеся, испачканные люди. Я испугался вначале почему-то за них, а потом до меня дошло, что могу погибнуть сам. Когда я выбежал из здания, то увидел, что наверху все горит, а из окон прыгают люди. Тут уже стало совсем страшно: все решали минуты. Это было невыносимое зрелище. В голове была только одна мысль: бежать, бежать и бежать... И я бежал, бежал, пока хватило сил. Потом силы кончились, ноги стали ватными и сами собой остановились. Где-то тут меня как раз и остановили какие-то люди. Они хотели помочь и отправить в больницу. Все вокруг говорили, что я чудом остался жив, что мне сказочно повезло. В больницу я не поехал, а, немного отдохнув, сразу отправился домой».

Ужас обычно приходит позже. Тот же человек продолжал свой рассказ следующим образом: вначале страх как бы «отпустил» его, но потом, спустя время, он стал к нему регулярно возвращаться.

«Когда я оказался дома, я хорошо рассмотрел по телевизору, что же на самом деле произошло. Позвонили родственники, они знали, где я работаю, и все восхищались тем, что я остался жив. Вот только тут, к вечеру, после того как я много раз увидел, что же произошло, пришел ужас. Я неделю практически не мог спать - снились кошмары. Я все время бежал по лестнице, бежал, бежал... Неизвестно куда. До сих пор я во сне бегу по этой лестнице. Это ужас, это кошмар, но ничего поделать я не могу. Наверное, теперь это останется со мной навсегда».

Именно на вызов стойкого, длительного «отсроченного страха» обычно направлены действия террористов. Собственно говоря, психологически «террор» и есть тот страх, ужас, который может не возникать непосредственно в момент угрозы, но сопровождает людей после террористического акта в течение длительного времени, побуждая их к действиям, выгодным террористам. Из самоотчетов людей, побывавших в заложниках у террористов, не следует, что они все время переживали непосредственный страх. Первые реакции заложников обычно связаны с испугом, сильным удивлением, злостью и, в разной степени, с попытками освобождения.

Спустя некоторое время возникает известный «стокгольмский синдром», когда заложники начинают относиться к похитителям лучше, чем к тем, кто пытается их освободить (пассажиры угнанных самолетов пугает опасность неосторожных действий штурмовиков из спецназа, страх «шальной пули» и т. д.; заложников, захваченных в расчете на выкуп, раздражает медлительность и даже «жадность» родственников, и т. д.). В итоге, зарегистрированы случаи, когда заложники отказывались добровольно покинуть террористов, иногда даже желая «разделить их судьбу до конца».

И лишь позднее, по прошествии еще более длительного времени, после переоценки всей ситуации, у жертв террора возникает сильнейший страх. Часто это происходит только после завершения ситуации - например, после освобождения заложников. Однако оговоримся: для нашей темы такие индивидуальные переживания имеют значение, прежде всего, как отдельные иллюстрации тех психологических механизмов, которые определяют массовую реакцию на террор. Сами непосредственные жертвы террористических актов редко остаются в живых. Если же это в отдельных случаях и происходит, то их воспоминаниям обычно трудно доверять, они отрывочны, а описания переживаний часто бывают просто

неадекватными. Основным же для нашего анализа является тот эффект, который оказывают террористические акты на массовое сознание. С этой точки зрения понятно, что эффективно запугать большие массы населения, дезорганизовать массовое поведение в серьезных масштабах и на долгое время удобнее всего именно через феномен «отсроченного страха», что и используется террористами. Социологи писали сразу после террористических актов в США 11 сентября:

«Современная история не знала подобного - по охвату (весь мир), по выразительности (рухнувшие небоскребы-символы), по моментальности - тектонического сдвига в субъективных «моделях мира». Произошла не только - и не столько - кошмарная трагедия, сколько катастрофа в ментальных представлениях людей всего мира об устройстве этого мира. Самое ужасающее последствие 11 сентября - не обломки небоскребов, а «руины в головах людей». В ментальном пространстве землян произошел «всемирный потоп». И многие слова и понятия, еще произносимые по инерции, многие рассуждения, игнорирующие эпохальность изменений, - это все «допотопное» в самом прямом смысле данного слова»[97].

Итак, страх - это сильная эмоция, вызываемая подлинной или воображаемой, превосходящей опасностью. Страх имеет большой защитный смысл для человека: он предупреждает о возможной опасности, сосредоточивает внимание на вероятном ее источнике, побуждает искать возможности ее избежать. Однако в тех случаях, когда страх достигает максимальной силы, он поработывает человека и вызывает так называемое вынужденное, автоматическое поведение: бегство, оцепенение, защитную агрессию. Сформировавшиеся реакции страха носят стойкий характер; они способны сохраняться и воспроизводиться даже при понимании человеком их бессмысленности. Поэтому воспитание устойчивости к страху обычно направлено не на избавление от него, а на выработку умения владеть собой при возникновении страха. Боятся все, только одни поддаются страху, а другие преодолевают его и идут в атаку на врага.

Сегодня в цивилизованном мире происходит выработка новых понятий и моделей мира. Ничего не поделаешь - теперь они будут включать в себя значительно большую долю страха и даже ужаса. Парадокс: по мере развития и усложнения цивилизации мир становится не безопаснее, а напротив, все более страшным.

Ужас

«Пока страх не выходит за пределы разумного, в нем нет ничего ужасного...»[98]. Умеренный страх, в целом, обычно играет адаптивную роль - он заставляет человека учитывать многочисленные риски повседневной жизни и, по возможности, заранее минимизировать их.

Крайняя степень страха - это ужас. В отличие от просто страха, сигнализирующего о вероятной угрозе, превосходящего ее и сообщающего о ней, ужас констатирует неизбежность бедствия. А. Конан-Дойль (врач по профессии) описывал эмоциональное состояние ужаса в относительно «чистом виде», как следствие медикаментозного воздействия:

«После первого же вдоха разум мой помутился, и я потерял власть над собой. Перед глазами за клубилось густое черное облако, и я внезапно почувствовал, что в нем таится все самое ужасное, чудовищное, злое, что только есть на свете и эта незримая сила готова поразить меня насмерть. Кружась и колыхаясь в этом черном тумане, смутные признаки грозно возвещали неизбежное появление какого-то страшного существа, и от одной мысли о нем у меня разрывалось сердце. Я похолодел от ужаса. Волосы у меня поднялись дыбом, глаза выкатились, рот широко открылся, а язык стал как ватный. В голове так шумело, что казалось, мой мозг не выдержит и разлетится вдребезги»[99].

Соответственно, ужас вызывает иные, нежели просто страх, реакции человека, иное поведение людей. «Субъективное переживание страха ужасно, и что странно - оно может заставить человека оцепенеть на месте, тем самым приводя его в абсолютно беспомощное состояние, или, наоборот, может заставить его броситься наутек, прочь от опасности». Причем первый тип поведенческой реакции, оцепенение и в результате беспомощность,

обычно преобладает. Второй тип реакции, бегство, представляет собой общий способ ответа как на страх, так и на ужас. Значит, бегство не специфично для ужаса, как не специфичны для него и некоторые другие следствия страха. С. Томкинс считал, что существует базовая взаимосвязь между эмоциями страха, удивления и интереса. Н. Балл, изучая реакции на гипнотически внушенный страх, установил, что люди, переживая такой страх, одновременно стремились исследовать пугающий объект и избежать его[100].

Ужас никогда не вызывает стремления исследовать вызвавший его объект - напротив, он парализует даже ориентировочные рефлексy (типа рефлекса «что такое?»).

В отличие от страха, при ужасе нет ни удивления, ни интереса. Реакция бегства возможна и при ужасе, но только как вторичная, когда ужас если не проходит, то несколько ослабевает, для чего необходимо определенное время.

Ужас - это аффект, то есть высшая степень эмоционального напряжения, доходящая до совершенно иррациональных реакций. Если со страхом еще можно как-то «бороться», ему можно пытаться «противостоять», то в случае откровенного ужаса психологическое противостояние практически бесполезно. Психологически, от ужаса нет никакого спасения. Этот аффект совершенно парализует рассудок и отключает способность человека к рациональному мышлению.

Такая реакция на ужас была подмечена человечеством достаточно давно. Уже в древнегреческой мифологии хорошо известна жуткая история о трех сестрах Горгонах, порождениях морских божеств. Они отличались ужасным видом: крылатые, покрытые чешуей, со змеями вместо волос, с клыками, со взором, превращающим все живое в камень. Наиболее известна среди них Медуза Горгона: Персей смог ее обезглавить только спящую, глядя в медный щит на ее отражение. Судя по всему, в мифе отражено базовое свойство ужаса: всякий, кто смотрел на Горгону, «каменел» - то есть, фактически, он впадал в оцепенение. Всякий, кто смотрит на нечто ужасное, впадает в состояние особого «столбняка».

Террористические акты вызывают ужас не только сами по себе. Как правило, распространению ужаса способствуют и сами террористы. Подчас террористические акты выглядят (оформляются - для большего впечатления) даже как сугубо ритуальные убийства. Именно так, например, рассматривая убийство Николая II и его семьи в Екатеринбурге, Ю. Давыдов писал:

«Сторонники «ритуальной версии» указывают: над трупами царской семьи глумились; такое невподым крещеному человеку. Да, глумились. Не только расстреляли, а и горячим облили, и... Язык немеет. Кромешный, как черная дыра, ужас. А невдолге после екатеринбургской трагедии труп Фанни Каплан, облитый бензином, жарко пылал в железной бочке под сенью Александровского сада. Кремацию спроворил матрос, комендант Кремля П. Д. Мальков. Пособлял ему случившийся рядом пролетарский стихотворец Демьян Бедный... Тут-то, надо полагать, матросу и вспомнилось, как в марте Семнадцатого заживо кремировали в корабельных топках кронштадтских офицеров»[101]. Источник? А сожженный уже японцами в паровозной топке С. Лазо?

Теперь приведем несколько примеров из реальных психологических самоотчетов испуганных (ужаснувшихся) людей: «Я хотел отвернуться... и не мог... я был слишком испуган, чтобы сдвинуться с места... я не мог поднять руку». Или: «Я хотел отвернуться... я почувствовал сильное напряжение». Или: «Все мое тело словно стало ватным... я хотел убежать... но словно окаменел и не мог двигаться». Или: «Все мое тело окостенело... хотел убежать... я окаменел и не мог двигаться». Или: «Сначала у меня напряглись челюсти, потом ноги и ступни. Пальцы на ногах у меня свело настолько, что стало больно. Я хотел избежать всего этого и сделаться как можно незаметнее». И так далее, и тому подобное[102].

Психологи затрудняются в объяснении механизма «столбняка» или оцепенения. Возможно, что такая реакция унаследована людьми от животных предков, которые замирали, притворяясь мертвыми, чтобы не стать добычей хищника. И сегодня есть хищники, которые нападают только на движущуюся добычу. С другой стороны, известно, что система тренировок специальных полицейских частей (в частности, российского ОМОНа) по борьбе с массовыми беспорядками направлена на то, чтобы выработать у полицейского автоматизм в реакции именно на движущегося человека (движущийся представляет опасность). Соответственно, первым правилом поведения в толпе, против которой используются

специальные части, обязательным для самосохранения попавшего в толпу человека является его замирание в любой позе. Цель ОМОНа обычно близка к целям террористов: массовые беспорядки подавляются чувством страха, вызываемого у толпы. Таким образом, замирание как своеобразная имитация переживания сильного страха (ужаса) убеждает террориста (или спецназовца в борьбе с беспорядками, что здесь означает просто обратную сторону одной и той же медали насилия) в том, что задача уже решена, сопротивление подавлено, и он может двигаться дальше.

Любопытно, что такое «оцепенение» в результате отдельного террористического акта может распространяться и на действия больших государственных структур, хотя они едва ли отдадут себе отчет во влиятельности именно этого психологического фактора. Так, например, в период советской оккупации Афганистана в 1980-х годах моджахеды периодически осуществляли террористические акты в Кабуле. Прежде всего, это были отдельные взрывы в местах скопления людей (рынки, кинотеатры). И каждый такой террористический акт вызывал странную, на первый взгляд, реакцию оккупационных властей. Прежде всего, столица сразу же объявлялась «закрытой» на три дня. Это означало, что находящийся в городе гражданский советский персонал лишался права выезда в город и посещения мест скопления людей.

То есть город сразу становился «закрытым» прежде всего именно для советских людей. Оккупационная колония как бы резко «замирала» и «цепенела» в ожидании непонятно чего - то ли следующих, новых террористических актов (что было крайне маловероятно хотя бы потому, что сразу же усиливались и другие меры безопасности, осложнявшие жизнь террористам), то ли, напротив, поимки организаторов конкретного взрыва. Никакого реального смысла такое «закрытие» города для колонистов не имело. Судя по всему, однако, оно имело некоторый социально-психологический смысл: это было отражение все того же «столбняка», в который впадает отдельный индивид при столкновении с террором. Таким образом структуры защищались от ужаса и получали время, необходимое для того, чтобы прийти в себя. Паузы такого рода бывают крайне необходимы для последующего принятия хотя бы относительно адекватного решения.

Рассказывая о битве Цезаря с войсками Помпея, Плутарх так описывал состояние ужаса и оцепенения полководца, уже понимающего неизбежность поражения: «Когда Помпей с противоположного фланга увидел, что его конница рассеяна и бежит, он перестал быть самим собою, забыл, что он Помпей Маги. Он походил, скорее всего, на человека, которого божество лишило рассудка. Не сказав ни слова, он удалился в палатку и там напряженно ожидал, что произойдет дальше, не двигаясь с места до тех пор, пока не началось всеобщее бегство и враги, ворвавшись в лагерь, не вступили в бой с караульными. Тогда лишь он как бы опомнился и сказал, как передают, только одну фразу: «Неужели дошло до лагеря?»^[103]. После чего он принял единственно возможное правильное решение - обратился в бегство.

А. Камю, описывая реакцию населения города на появление чумы, разделял первые реакции удивления, испуга, оцепенения и ужас, который приходит позднее. «Они еще надеялись, что эпидемия пойдет на спад и пощадит их самих и их близких. А, следовательно, они пока еще считали, что никому ничем не обязаны... Они были напуганы, но не отчаялись, поскольку еще не наступил момент, когда чума предстанет перед ними как форма их собственного существования и когда они забудут ту жизнь, что вели до эпидемии». Только спустя время стало понятно: «Последующий период оказался... и самым легким, и одновременно самым тяжелым. Это был период оцепенения». Потребовалось некоторое время, чтобы оно прошло, и тогда «в нашем городе поселился страх; и по глубине его, и по охвату стало ясно, что наши сограждане действительно начали отдавать себе отчет в своем положении». И только спустя еще некоторое время, возник настоящий ужас:

«На заре по городу проносится легкое веяние. В этот час, час между теми, кто умер ночью, и теми, кто умрет днем, почему-то чудится, будто мор на миг замирает и набирается духу. Все магазины еще закрыты. Но объявления, выставленные кое-где в витринах: «Закрыто по случаю чумы», свидетельствуют, что эти магазины не откроются в положенное время. Не совсем еще проснувшиеся продавцы газет не выкрикивают последних известий, а, прислонясь к стенке на углу улицы, молча протягивают фонарям свой товар жестом лунатика. Еще минута-другая, и разбуженные звоном первых трамваев газетчики рассыплются по всему

городу, держа в вытянутой руке газетный лист, где чернеет только одно слово: «Чума»[\[104\]](#).

Испуг - страх - ужас: именно так выглядит цепочка нагнетающихся отрицательных переживаний. Можно сказать, что страх - это усилившийся испуг, а ужас - это усилившийся страх. Как правило, ужас является следствием повторения пугающих событий: то, что не вызвало сильного страха первоначально, гарантированно ужаснет, случившись повторно. Таким, например, оказалось действие современного аналога «чумы» - биотерроризма, реально проявившегося в США в конце 2001 года в форме рассылаемого по почте в конвертах белого порошка со спорами бактерий сибирской язвы. Социологи считают: «Этот страшный феномен явился как бы продолжением террористической атаки, хотя никто не доказал их реальную взаимосвязь. Но для формирования массовых представлений совсем не обязательна логическая связь между явлениями - факты не следуют один из другого, а укладываются в ассоциативные ряды. В этом смысле террористическая атака на Америку не просто продолжается, а воспринимается как перманентное состояние».

Самое интересное, пожалуй, заключается в том, что ужас случайных свидетелей, то есть людей, непосредственно не бывших жертвами того или иного террористического акта, а наблюдавших его последствия или узнавших о нем, скажем, по телевидению, значительно превышает ужас непосредственных жертв, которым удалось выжить. Вот уж, что называется «у страха глаза велики». Страх и, позднее, ужас непосредственных участников событий носит конкретный, так сказать, «рабочий» характер. Ужас тех, кто стал свидетелем, обобщеннее, как бы абстрактнее, и не является «рабочим». У прямых жертв ужас все время связан с повторными переживаниями того, как они вырываются из страшной ситуации - они бегут, и это кажется им нескончаемым процессом. У тех, кто оказался свидетелем, нет таких конкретных воспоминаний - их мучает ужас от того, что они еще и просто не знают, как надо вести себя в таких случаях. У жертв это ужас от неверия в то, что удалось спастись. У свидетелей - от незнания, что иногда бывает можно спастись.

Террористические атаки против США осенью 2001 года вызвали массовое состояние ужаса по всей стране. При всей оптимистической риторике руководства этой страны, число авиапассажиров сразу же упало на 20-25%. Люди захотели усилить гарантии своей безопасности и снизить количество рисков. Сравним с отечественными реалиями. Сразу после взрывов жилых домов в Москве осенью 1999 года основной фокус внимания людей был прикован, к подъездам и подвалам жилых домов. В Америке же весь фокус внимания немедленно сосредоточился на дверях между пассажирскими салонами и кабинами пилотов самолетов. Это вполне естественно: именно двери, как важнейший и наиболее привычный символ защиты и безопасности, в первую очередь привлекали внимание людей.

Еще одно сравнение. Как в США сразу после 11 сентября 2001 года резко сократились междугородные передвижения людей, так и в России в сентябре 1999 года сразу резко уменьшилась интенсивность движения во дворах и подъездах жилых домов. Вообще, события в Москве 1999 года были особым проявлением массового террора. Если в США были взорваны определенные символы - известные миру деловые центры, то в России террор, как и возникшие вслед за ним шок и ужас, носили во многом экзистенциальный характер. Вспомним: ночью были взорваны жилые дома. То есть, психологически, террористы совершили ранее никем никогда немыслимое покушение на физическое существование абсолютно незащитных и никак не готовых к этому людей. Этим они резко поставили под сомнение саму правомерность их бытия, сам факт их физического существования. Тем самым и был достигнут сильнейший эффект: населению был сразу же внушен максимальный страх. Причем этот страх мгновенно достигал интенсивности ужаса в форме самого запредельного, действительно биологического, животного страха за свою жизнь. Именно за свою - при такой силе ужаса человеку бывает не до близких.

После этих террористических актов в России и, особенно, через два года в США люди вдруг поняли, что никто не может считать себя защищенным в этом мире. И это понимание оказалось самым ужасным: «Жизнь уже происходит в условиях применения новых типов оружия, причем они не есть результат открытия, а «всего лишь» плод ухищрений злоумышленников, для которых прежние ограничения оказались ничего не значащими. То, что было под внутренним запретом даже для маньяков (ибо разве раньше не было возможности рассылать зараженные письма?), стало возможным. Для обывателя из этого

следует, что можно ждать «чего угодно», так как раскрепощенное воображение носителей Зла может теперь подтолкнуть их на самые неожиданные и самые немислимые действия»[105].

Вот это действительно ужасно: когда страх не просто повторяется, но открывается вероятность его теперь уже бесконечного повторения в будущем. Это оборачивается фобиями и кошмарами.

Фобия определяется как навязчивое интенсивное иррациональное состояние страха, связанного с достаточно определенными объектами или ситуациями, обычно имеющее приобретенный характер. Иногда сильные фобии рассматриваются как особого рода условные эмоциональные реакции. Основой возникновения фобии обычно является сильный стресс. Наиболее известными видами фобий являются агорафобия (страх пребывания на открытых местах), клаустрофобия (боязнь замкнутых пространств), страх смерти и т. д.

Кошмар определяется словарем русского языка как «нечто тягостное, неприятное, отвратительное». В частности, например, это может быть «тяжелый сон с гнетущими видениями»[106]. Кошмаром называется и постоянное, регулярное или периодическое переживание человеком страха и ужаса. Террор основан в том числе и на этом: как «отложенный страх», так и связанное с ним предвосхищение будущего страха приводят человека к ужасу, связанному с постоянными кошмарами. Это могут быть далеко не только сны, но и навязчивые состояния, галлюцинации или другие близкие к ним явления, при которых человек видит наяву, ощущает конкретную угрозу своей жизни и безопасности - например, различного рода галлюцинации или кошмарные видения, устрашающие человека. Террор, в значительной мере, погружает большие массы людей в постоянный кошмар переживания и ожидания смерти.

Обратимся к конкретным примерам иллюстративного плана. Подобные ощущения и переживания отчетливо видны на примере достаточно частного, но типичного случая террора - захвата заложников. В науке давно и хорошо известно:

«Ситуация заложничества является максимально психотравматичной и обладает наибольшим теоретически возможным агрессологическим потенциалом. При ней максимальных значений достигает реальная перспектива смерти, максимально выражена фрустрация потребностей самосохранения - противодействовать невозможно (переживание беспомощной подверженности смертельной угрозе). Столь же максимально выражена фрустрация потребностей самоопределения - отрицается самооценочность жизни и личности заложника. Интенсивность переживания угрозы вырастает до масштабов параноидности - переживаются ужас, пересекаторность, парализующий страх. Источником этой смертельной угрозы является активный внешний стрессор ~ террористы, которые ставят заложников в ситуацию, характерную для шизофрении, непреодолимой слабости интегративной функции Эго заложников. Поэтому ситуацию можно охарактеризовать как максимально психопатогенную, причем ее агрессологический потенциал усугубляется астенизирующим дискомфортом обстановки выживания»[107].

Заложничество отличается от непосредственной террористической атаки (взрывов, выстрелов) тем, что сразу заставляет человека переживать вероятность скорой смерти. Этого переживания нет при непосредственной атаке - там оно появится спустя время. В ситуации заложничества, напротив, ожидание смерти появляется сразу. Здесь нет той самой паузы, которая обычно дает облегчение эмоциональному состоянию. Более того, в психологическом плане в ситуации заложничества один страх (отсроченный, в виде запоздалых переживаний уже происшедшего захвата заложников) постепенно накладывается на другой страх (ожидания смерти), как бы удваивая переживания. На самом деле они даже не удваиваются, а как бы возводятся в степень: так и возникает максимальный ужас - как страх, умноженный на страх, как страх «в квадрате».

Человеческая психика, однако, устроена парадоксально. Описав все негативные характеристики и субъективные проявления ужаса, нельзя не отметить еще одну, подчас странную его сторону. Она заключается в том, что ужас бывает притягательным. Известно выражение «сладкий ужас»: действительно, иногда человек начинает испытывать парадоксальное удовольствие от медленно накатывающего на него, постепенно овладевающего им и заставляющего цепенеть ужаса. Не случайно в человеческой культуре достаточно большое место занимают, например, детские сказки-«страшилки», кинофильмы-

»ужастики», разного рода триллеры. Не случайно кинорежиссер А. Хичкок, создатель первых фильмов ужасов, достиг выдающихся вершин популярности, и зрители, оценивая его кинопродукцию типа фильмов «Психо», «Птицы» или «Детище Франкенштейна», находили психологически удивительную оценку: «Какой ужас!» В этих словах был заключен не страх и не негативная оценка. Напротив, это был восторг и сладостное замирание (оцепенение), выражавшие предельно позитивное отношение.

Значит, ужас не только отталкивает. Переживание ужаса «со стороны», ужаса «понарошку» доставляет удовольствие. Вот почему террористы - умелые режиссеры, постановщики и актеры своеобразной «видеоиндустрии ужасов», никогда не потеряют своего зрителя. Причем, как ни цинично это звучит, благодарного (хотя и не всегда осознающего это) зрителя. Миллионы людей неотрывно смотрели круглосуточный сериал Си-Эн-Эн под названием: «Террористическая атака на Америку». Наверное, они испытывали при этом разные чувства, в том числе и чувства жалости к жертвам, отвращения к террористам. Все они давали соответствующие комментарии, но дело не в этом. Психологически, главное заключается в том, что все они неотрывно смотрели на весь этот ужас. Это подтверждает: ужас обладает огромной притягательной силой. Психологической основой этой притягательной силы выступает открытый еще З. Фрейдом феномен садомазохизма. Ничего не поделаешь: есть не только люди, любящие причинять насилие по отношению к другим. Помимо этого есть люди, которые любят насилие по отношению к себе и готовы получать от него удовольствие. А еще есть люди, любящие причинять себе боль и испытывать наслаждение от этого. Если верить З. Фрейду, в глубинах человеческой психики находятся садомазохистские комплексы. Но тогда это значит, что террор, причиняя страдания одним людям (непосредственным жертвам террора), способен доставлять наслаждение не только маньякам-террористам. Тогда это означает, что он удовлетворяет некоторые вполне определенные подсознательные потребности немалого количества и совсем других, совершенно случайных и посторонних людей - зрителей. Более того, даже уступая поначалу эмоциям страха и ужаса как непосредственному последствию террористического акта, со временем именно эти подсознательные установки зрителей берут верх. Это проявилось и совсем недавно.

«Ясно, в сущности, только одно: 11 сентября человечеству был преподан очень масштабный урок и в ответ был осязаем некий всплеск мировой энергии. Энергия была объединяющей - мир был искренне утрачен увиденным и как бы раскрылся для восприятия каких-то новых мыслей. В сущности ведь показано было, насколько мир един в своей незащищенности перед злом. Повяло было катарсисом, нравственным просветлением, но настроение первых дней как-то удивительно быстро испарилось, энергия ушла в песок, чиновники всех стран потянули одеяло на себя, и миллионы людей с облегчением возвратились в роль телезрителей, которые с нетерпением ждут, когда же им наконец покажут захватывающий сериал под названием «Операция возмездия»^[108].

Наличие таких зрителей или, говоря психологическим языком, «свидетелей» делает террор вечным. Пока будут зрители, испытывающие сладострастное, доходящее до оргазма, наслаждение от просмотра сцен насилия, сопереживающие жертвам не на уровне вербального сочувствия, а на уровне испытания тех же самых ощущений боли и гибели, не доводящих до реальной смерти, а лишь «щекочущих нервы» и раздражающих определенные мозговые «центры удовольствия», до тех пор насилие и террор никуда не исчезнут из жизни.

Повторим еще раз: психика парадоксальна. Есть люди, сеющие ужас. Есть люди, ужасающиеся этому. А есть люди, получающие наслаждение от созерцания чужого страдания и ужаса. Это не террористы. Это всего лишь психологическая база террора. Вот почему терроризм был и остается одновременно предметом борьбы для одних людей и предметом восхищения для других. Пока рациональное или просто охранительно-биологическое отторжение ужаса окончательно не возьмет верх, наряду с ним будет существовать и совершенно иррациональный «сладкий ужас», опирающийся на инверсии охранительно-биологических инстинктов. Будем отдавать себе отчет в том, что тот самый «стокгольмский синдром», проявляющийся в сочувствии заложников к террористам, представляет собой еще и скрытое, неосознанное проявление этого самого «сладкого ужаса».

Однако, понимая роль такого иррационального ужаса, наука все-таки стоит на

рациональных позициях - потому она и наука, а не «фильм ужасов». Поэтому научный психологический анализ строится на основании рационального или охранительно-биологического поведения большинства людей. Их поведение основано все-таки не на садомазохизме. Страх и ужас у них, даже при отключении рационального мышления, рано или поздно требуют иного поведенческого выхода, связанного со стремлением избежать их. Их ужас - «горький», а не «сладкий». На такой основе развивается паника - как своего рода промежуточное психическое состояние человека между этими сильными отрицательными эмоциями и последующими поведенческими действиями, обуславливаемыми данными эмоциями.

Паника

Так или иначе, но наиболее частым и общим поведенческим следствием эмоциональных переживаний страха и ужаса является массовая паника. Именно такая паника является основным выражением террора как массового явления в его наиболее частом проявлении - как массовая паническая реакция на испытываемый людьми страх и его экстремальную форму - ужас. Паника - один из наиболее заметных видов поведения массы (толпы) и одновременно это особое эмоциональное состояние, возникающее как следствие либо дефицита информации о какой-то пугающей или непонятной ситуации, либо ее чрезмерного избытка, и проявляющееся в стихийных импульсивных действиях. Паника - сложный, промежуточный, психоповеденческий феномен. Соответственно, на основе паники как эмоционально-поведенческого состояния возникают массовые панические толпы со специфическим поведением.

В общепринятом смысле под «паникой» как раз и понимают массовое паническое поведение, обусловленное страхом (ужасом). Об этом напоминает само происхождение термина: слово «паника», почти идентичное во многих языках мира, происходит от имени греческого бога Пана, покровителя пастухов, пастбищ и стад. Его гневу древние греки как раз и приписывали «панику» - безумие стада, бросающегося в пропасть, огонь или воду, внешне без всякой видимой на то причины.

«Начинаясь внезапно, это безумие распространялось с пугающей быстротой и влекло всю массу животных к гибели. Спасаящаяся толпа представляет собой типичный случай панического поведения. Известны также многочисленные случаи панического поведения и вне толпы, например, биржевая паника... Иногда эти случаи определяют как панический ажиотаж, которым обозначается массовое возбуждение, сопровождаемое лихорадочной деятельностью, направленной на избавление от возможной опасности»[\[109\]](#).

Обычно выделяются четыре основные группы условий возникновения паники.

Во-первых, это ситуационные условия. Вероятность развития массовых панических настроений и панических действий обычно резко возрастает в периоды особенного обострения текущей ситуации. В частности, эта вероятность заметно нарастает, когда люди напряженно ожидают каких-то нерадостных событий. В таких случаях они становятся особенно восприимчивыми ко всякого рода пугающей информации. Такого рода ожидание может быть и проявлением уже рассмотренного «отсроченного страха». Именно к ситуационным условиям в первую очередь относятся действия террористов.

Во-вторых, это физиологические условия. Усталость, голод, алкогольное или наркотическое опьянение, хроническое недосыпание и тому подобные факторы резко ослабляют людей не только физически, но и психически, снижают их способность быстро и правильно оценить положение дел, делают их более восприимчивыми к эмоциональному заражению и за счет этого как бы снижают пороги воздействия заразительности, повышая вероятность возникновения массовой паники. За счет действия данных факторов значительно снижаются стрессоустойчивость и способность психологического сопротивления людей страху.

В-третьих, психологические условия. Сюда относятся, прежде всего, неожиданность пугающего события, сильное психическое возбуждение, крайнее удивление или испуг людей. Особыми психологическими факторами, расцениваемыми как «естественные активаторы

страха», обычно принято считать ощущение боли, чувство одиночества, внезапное изменение привычной стимуляции и стремительное приближение объекта, а также необычность положения и высота, на которой оказывается человек. Считается, что у человека существует даже биологическая предрасположенность реагировать на эти факторы страхом.

В-четвертых, идеологические и социально-психологические условия появления паники. Обычно сюда относится нечеткое осознание людьми общих целей, отсутствие эффективного управления и, как следствие этого, недостаточная сплоченность группы. Реальная практика, а также весьма многочисленные экспериментальные исследования показали, что от этой группы условий в очень значительной мере зависит, сохранит ли общество целостность, единство действий в экстремальной ситуации или распадется на панический человеческий конгломерат, отличающийся всего лишь необычным, вплоть до эксцентричного, поведением каждого, разрушением общих ценностей и норм привычной деятельности исключительно ради своего индивидуального спасения. Так, многочисленные эксперименты прежде всего американских исследователей показали, что в не осознающих общность целей, слабо сплоченных и неструктурированных группах паника провоцируется минимальной опасностью (например, даже опасностью потерять несколько долларов или получить слабый удар током). Напротив, ситуации естественного эксперимента (войны, боевые действия) демонстрируют высокие уровни сплоченности специально подготовленных, тренированных и объединенных общими ценностями (например, патриотизм) и нормами общностей людей.

Возникновение и развитие паники в большинстве описанных случаев связано с действием шокирующего стимула, сразу отличающегося чем-то заведомо необычным (например, сирена, возвещающая начало воздушной тревоги). Частым поводом для паники являются пугающие слухи (прежде всего, так называемые слухи-«пугала»). Эпидемии слухов способны приводить к очень серьезным социальным последствиям. Известно, например, что летом 1917 года в России выдался один из самых обильных урожаев зерновых. Тем не менее уже через два-три месяца, осенью в стране разразился голод, который и стал одним из факторов последовавшей вскоре революции. Голоду способствовала массовая паника, которую вызвали «всего лишь» слухи о возможном предстоящем голоде - паника буквально опустошила прилавки, амбары и закрома. Ожидание и предвосхищение угрозы вызвало страх, страх потребовал действия - так возникла паника.

Для того чтобы привести к настоящей панике, действующий на людей стимул должен быть либо достаточно интенсивным, либо длительным, либо повторяющимся (например, взрыв, сирена, автомобильный клаксон, серия гудков и т. п.). Он должен привлекать к себе, и, как правило, всегда привлекает, сосредоточенное внимание и вызывать эмоциональное состояние подчас неосознанного, животного страха.

Первый этап реакции на такой стимул - как правило, это резкий испуг, потрясение, ощущение сильной неожиданности, шока и одновременно восприятие ситуации как кризисной, критической, угрожающей, и даже безысходной.

Второй этап реакции - обычно замешательство, в которое переходит потрясение, а также связанные с ним хаотичные, индивидуальные, часто совершенно беспорядочные попытки как-то понять, интерпретировать происшедшее событие в рамках прежнего, обычного своего личного опыта или же путем совершенно лихорадочного припоминания аналогичных ситуаций из известного человеку чужого, как бы заимствованного им опыта. С этим связано острое чувство реальной угрозы. Когда необходимость быстрой интерпретации ситуации становится особенно актуальной и требует немедленных действий, именно это ощущение ее остроты часто как раз мешает логическому осмыслению происходящего и вызывает новый страх. Первоначально этот страх обычно сопровождается криком, плачем, двигательной ажитацией. Если такой страх не будет подавлен, то развивается следующая стадия.

Третий этап реакции - усиление интенсивности страха по известным психологическим механизмам «циркулярной реакции» и «эмоционального кружения». Тогда страх одних людей отражается другими, что, в свою очередь, еще больше усиливает страх первых. Усиливающийся страх стремительно снижает уверенность в коллективной способности противостоять критической ситуации и создает у большинства смутное ощущение обреченности. Завершается все это неадекватными действиями, которые обычно

представляются людям, охваченным паникой, как раз наоборот, спасительными. Хотя на деле они могут совсем не вести к спасению: это этап «хватания за соломинку», в итоге все равно оборачивающийся паническим бегством (разумеется, за исключением тех случаев, когда бежать людям просто некуда). Тогда может возникать подчеркнуто агрессивное поведение: известно, насколько опасен бывает «загнанный в угол» самый трусливый заяц.

«Панику обычно характеризуют как индивидуалистическое и эгоцентрическое поведение. Это... справедливо в том смысле, что целью такого поведения служит попытка личного спасения, которая не укладывается в признанные нормы и обычаи. Однако паника - это одновременно и массовое поведение, поскольку при ее возникновении осуществляют свое действие механизмы циркулярной реакции, внушения и психического заражения - характерные признаки многих видов стихийного массового поведения»[\[110\]](#).

Четвертый этап реакции - массовое бегство. Паника именно как особый вариант массового поведения реально становится заметной, только проявляясь в реально наблюдаемых феноменах - прежде всего, в массовом бегстве. Рано или поздно именно бегство становится естественным следствием любой паники. Стремление спрятаться, укрыться от надвигающегося страха (ужаса) - естественная реакция. Безоглядное бегство - как правило, апофеоз паники.

Проиллюстрируем уже сказанное литературным примером. Г. Уэллс предельно ярко живописует исход населения из Лондона в панике перед внешним вторжением:

«Стало попадаться больше народу. Беженцы шли изнуренные, угрюмые, грязные, неохотно отвечая на вопросы. Какой-то человек прошел мимо, опустив глаза в землю. Он разговаривал сам с собой; одной рукой он схватил себя за волосы, а другой наносил удары невидимому врагу. После этого приступа бешенства он, не оглядываясь, пошел дальше... Впереди, насколько можно было видеть, вся дорога от Лондона казалась сплошным клокочущим потоком грязных и толкающихся людей, катившимся между двумя рядами вилл. Черное месиво тел становилось более отчетливым у поворота, на миг выступали отдельные лица и фигуры, потом они пронеслись мимо и снова сливались в сплошную массу, полускрытую облаком пыли.

- Пропустите!.. - раздавались крики. - Дорогу, дорогу!

Руки задних упирались в спины передних... казалось, происходило переселение народов. Трудно описать эти полчища. Это была безликая масса, появлявшаяся из-за угла и исчезающая за поворотом. По обочине дороги плелись пешеходы, увертываясь от колес экипажей, сталкиваясь, спотыкаясь, падая в канаву. Повозки и экипажи тянулись вплотную друг за другом. Более проворные и нетерпеливые иногда вырывались вперед, заставляя пешеходов жаться к окаймлявшим дорогу оградкам и воротам вилл.

- Скорей, скорей! - слышались крики. - Дорогу!..

В одной повозке стоял слепой старик в мундире Армии спасения, он размахивал руками со скрюченными пальцами и вопил: «Вечность, вечность!» Он охрип, но кричал пронзительно... Многие сидевшие в экипажах без столку нахлестывали лошадей и переругивались; некоторые сидели неподвижно, жалкие, растерянные; другие грызли руки от жажды или лежали, бессильно растянувшись, в повозках. Глаза лошадей налились кровью, удила были покрыты пеной. Тут были бесчисленные кэбы, коляски, фургоны, тележки, почтовая карета, телега мусорщика с надписью «Приход св. Панкратия», большая платформа для досок, переполненная оборванцами, фургон для перевозки пива с забрызганными свежей кровью колесами.

- Дайте дорогу! - раздавались крики. - Дайте дорогу!..

Тут были женщины, бледные и грустные, хорошо одетые, с плачущими и еле передвигавшими ногами детьми; одежда их была вся в пыли, усталые личики заплаканы. Со многими женщинами шли мужья, иногда заботливые, иногда озлобленные и мрачные. Тут же прокладывали себе дорогу оборванцы в выцветших темных лохмотьях, с дикими глазами, зычно кричавшие и цинично ругавшиеся. Рядом с рослыми рабочими, энергично пробиравшимися вперед, жались тщедушные растрепанные люди, похожие по одежде на клерков или приказчиков...

Но, несмотря на это разнообразие, у всех в толпе было общее выражение: лица у всех были испуганные, измученные; чувствовалось, что всех гонит страх. Всякий шум впереди на

дороге, спор из-за места в повозке заставлял всю толпу ускорять шаг. Даже люди, до того напуганные и измученные, что у них подгибались колени, вдруг точно гальванизированные страхом, делались на мгновение более энергичными. Жара и пыль истомили толпу. Кожа пересохла, губы почернели и потрескались. Всех мучила жажда, все устали, все натрудили ноги. Среди диких криков можно было расслышать споры, упреки, стоны, вызванные изнеможением и усталостью; у большинства голоса были хриплые и слабые...»

Пятый этап реакции - завершение паники. Внешне паника обычно заканчивается по мере выхода отдельных индивидов из всеобщего бегства. Либо они это делают по причине усталости, либо - начиная осознавать бессмысленность бегства и возвращаясь в «здравый рассудок». Но паническое поведение не обязательно завершается бегством от опасности. Обычные следствия паники - либо усталость и оцепенение, либо состояние крайней тревожности, возбудимости и готовности к агрессивным действиям. Реже встречаются вторичные проявления паники.

Любопытное исследование проявлений и хронологических этапов развития паники в современной ситуации аварии на Чернобыльской атомной электростанции в 1986 году было проведено Н. Пуховским. Оно представляет интерес прежде всего потому, что отражает многие черты паники, возникающей и после террористических актов. Как известно, взрыв на ЧАЭС имел естественную природу, но с таким же успехом, однако, он мог быть и следствием террористического акта. Известно также, что во многом схожие переживания испытывали и жертвы террористических актов в Нью-Йорке осенью 2001 года. Это делает данный анализ показательным и в нашем контексте: как известно, 11 сентября 2001 года ожидалось, что один из захваченных террористами самолетов будет направлен на одну из американских атомных электростанций. По всем прогнозам, вероятность таких террористических актов в будущем становится все более высокой - как и вероятность «аутотеррористических», технотронных катастроф.

Ситуация на Чернобыльской АЭС сразу после радиационной аварии (существенно, что субъективные этапы катастрофы оказались прямо связанными с объективно-физическим характером возникшей чрезвычайной угрозы) может быть разделена на четыре основных этапа: 1) шоковый этап, 2) этап «гнетущей неопределенности», 3) этап «разрешения» чрезвычайной ситуации, 4) этап «адаптации» к экстремальности.

1. «Шоковый этап. 26.04-10.05.1986. Авария на четвертом блоке «обрушилась как гром среди ясного неба» и первоначально не воспринималась в своем истинном значении. Так, инженер-оператор управления, находившийся в ночь аварии на берегу теплообменника со своим малолетним сыном на рыбалке, посадив сына на плечи, с интересом рассматривал на другом берегу «оранжевое сияние». Спустя три месяца... он с заметным аффектом недоумения отмечал, что как специалист-ядерщик обязан был понимать опасность своих действий для себя и для сына, но «...в голове не укладывалось». В течение первых суток среди всех, знавших о событии, царил атмосфера растерянности и неспособности осмыслить происходящее. Дежурный персонал совершал инспекционные действия без соблюдения правил радиационной безопасности или с прямым их нарушением. Как средство поддержания работоспособности использовался алкоголь в «ударных» дозировках.

В последующие дни, по мере распространения информации среди населения, отмечались панические реакции в семьях операторов - жителей г. Припять. Среди молодежи фиксировались острые поведенческие расстройства по типу «пир во время чумы», связанные с многочисленными алкогольно-сексуальными эксцессами. На первом этапе психотравма имела двойственный, внутренне противоречивый характер.

Сознание апокалиптического компонента, переживание смертельной опасности вступало в конфликт с мистически бесплотным характером угрозы. Это создавало для одних людей атмосферу «царства невидимой смерти», а для других - ситуацию непонятной политической игры.

2. «Этап «гнетущей неопределенности». 10.05-01.08.1986. Постепенно... специалисты осознают истинный масштаб технологической и человеческой катастрофы. Справиться с последствиями аварии не удастся, стратегии борьбы пока не существует. Необходимы постоянный дозиметрический контроль, соблюдение строжайших правил индивидуальной защиты в условиях все возрастающего радиоактивного загрязнения. Для

работников ЧАЭС все это означает растущее осознание личной и семейной трагедии, они все в большей степени интеллектуально перерабатывают сам механизм аварии».

В связи с эвакуацией началось резкое расслоение персонала - формируются группы специалистов, в буквальном смысле слова жертвующих собой на начавшихся работах по ликвидации последствий аварии. Другая часть персонала покидала зону поражения. Взаимоотношения между группами уже изначально были предельно холодными, и психологически это абсолютно понятно. Оставшиеся на станции живут и работают в «боевой» обстановке: «семьи эвакуированы, дома оставлены, имущество безвозвратно потеряно, благосостояние разрушено». У них доминирует выраженное переживание трагизма происходящего, пронизывающее всю психику, а также сильные чувства утраты и потери, порождающие переживания вины, отвращения и стыда, манифестные тревожно-депрессивные расстройства в связи с «самоупреками» в действительных или мнимых упущениях.

3. «Этап «разрешения» чрезвычайной ситуации. 01.08-25.09.1986 (до дня завершения сооружения саркофага). За это время в макросоциальном плане разрешилась проблема стратегии и тактики борьбы с последствиями аварии, начались работы по сооружению саркофага, была оценена степень вредности и опасности труда, отработаны методы и способы коллективной и индивидуальной защиты. Для большинства... стали близки к разрешению (или разрешились) психотравмирующие обстоятельства семейного, имущественного и профессионального порядка. На первое место среди переживаний постепенно вышли заботы и планы, а не драмы и трагедии, сформировалась психическая адаптация к особо вредным условиям труда, который, несмотря на вредность, постепенно становится рутинным; в то же время явно накапливается утомление».

Выявляются астенические, депрессивные, дисфорические расстройства, а также расстройства психики и поведения, связанные со злоупотреблением алкоголем. Падает трудоспособность, нарушаются внимание и память. Выявляются эмоциональная лабильность, расстройства сна, потеря аппетита и веса, мышечная слабость и разбитость. Упоминание темы аварии на четвертом блоке вызывало аффективно окрашенный отказ «обсуждать эту тему с неспециалистами». Преобладала депрессивная оценка происходящего, аффект «мучительного недоумения», идеи «косвенной вины», «готовности к искуплению», сосредоточенность на психотравмирующих событиях аварии, горечь и озлобленность. Устойчивым был злобно-тоскливо-напряженный аффект, на фоне которого спонтанно или при незначительных поводах выявлялись реакции враждебного недоверия, отчужденности, настороженности. Настроения колебались от мрачной подавленности к злобно-дурашливому веселью с язвительными, оскорбительными выпадами в адрес окружающих. Сформировалась особая радиационная субкультура, для которой было характерно использование обычных слов в иных, метафорических значениях. Так, строка из популярной в то время песни В. Леонтьева «Светофор» («...все бегут, бегут, бегут, а он им светит; все бегут, бегут, бегут, а он горит...») подразумевала состояние разрушенного реактора и панику населения в связи с аварией.

4. «Этап «адаптации» к экстремальным нагрузкам. 26.09.1986 - вплоть до запуска второго блока ЧАЭС. В этот период на первый план вышли экстремально-физиологические факторы - резко увеличенные профессиональные нагрузки, усугубляемые вахтовой системой работы, накоплением дозы облучения, необходимостью соблюдать правила радиационной защиты... В содержании переживаний операторов на первый план вышли житейские планы, бытовые заботы. Заметное звучание получили темы государственных компенсаций, получения нового жилья, адекватного вознаграждения за тяжелый труд в экстремальной обстановке».

Таким образом, психологическая ситуация на ЧАЭС постепенно менялась по пути от чрезвычайной, психотравмирующей, мистически-грозной - уже к экстремально-физиологической, профессионально рутинно-вредной. За это время переживания людей прошли путь от шоковой растерянности и паники, аффекта недоумения, через жестокую и (или) хроническую тревогу, чувства вины, стыда, отвращения к адаптации - к экстремальным нагрузкам [111].

По сути, данные этапы почти полностью соответствуют перечисленным выше общим этапам развития паники. Присутствуют и шок, и определенное оцепенение, и другие этапы. Единственное, что связано со спецификой именно такой, техногенной ситуации - это

отсутствие случаев стихийного массового бегства (оно наблюдалось только среди не связанного прямо с ЧАЭС мирного населения). Это, естественно, объясняется наличием фактора организации - все-таки здесь паника проходила в несколько «стертой», смазанной форме, и наличие организации, а также организационной дисциплины камуфлирует обычную стихийность паники.

Оценивая же весь цикл панического поведения, надо иметь в виду следующие три момента.

Во-первых, если интенсивность первоначального стимула очень велика, то все предыдущие, до бегства, этапы могут «свертываться». Это продемонстрировала паника в Хиросиме и Нагасаки сразу же после сброса американских атомных бомб. Внешне данных этапов может как бы вообще не быть - тогда только бегство становится непосредственной индивидуальной реакцией на панический стимул. Индивидуальной, но одинаковой для многих людей - соответственно, массовой.

Во-вторых, словесное обозначение пугающего стимула в условиях его ожидания может само непосредственно вызвать реакцию страха и панику даже до его появления. Так, страхом и паническим бегством реагировали солдаты в Первую мировую войну на один только крик: «Газы!» Для разгона протестных демонстраций во всем мире иногда бывает достаточно одного только крика «Полиция!» или «Они вооружены!», «Спасайтесь!» и т. д. Как известно, только одна фраза-«страшилка» («Русские идут!») на долгое время предопределила и саму «холодную войну», и ужас западных стран от ожидаемого «вторжения советских войск», и всю мировую политику.

В-третьих, всегда надо принимать во внимание ряд специфических факторов: общую социально-политическую атмосферу, в которой происходят события, характер и степень угрозы, глубину и объективность информации об этой угрозе и т. д. Это имеет значение для прекращения или даже предотвращения паники. Оценивая все ту же кризисную ситуацию на ЧАЭС например, надо иметь в виду, что сотрудники АЭС относятся к «профессиональной элите», специально подготовлены к возможным радиационным авариям и проходят специальный отбор по состоянию психического здоровья.

Агрессия

Не менее заметным, а часто даже более важным видом поведения толпы является стихийная агрессия, обычно определяемая как массовые враждебные действия, направленные на нанесение страдания, физического или психологического вреда или ущерба, либо даже на уничтожение данной массой (толпой) других людей или общностей. Это тоже террор, только как бы с другой стороны: террор массы, подчас направленный против тех террористов, которые поначалу вызвали страх, ужас и панику самой этой массы. В свое время, анализ конкретной ситуации показал нам:

«На гребне массового страха обычно вскипает такая «волна» отчаянной агрессивности, которая может опрокинуть любой политический авианосец. И тогда обломки погребут всех, кто был в этом Ноевом ковчеге, - и «чистых», и «нечистых», и «левых», и «правых»^[112].

Психологически, за внешне стихийной агрессией - разрушительным поведением всегда стоит внутренняя агрессивность - эмоциональное состояние, в основе которого лежат гнев и раздражение, возникающее как реакция на фрустрацию, то есть на переживание непреодолимости каких-то неожиданных барьеров или недоступность чего-то желанного. Такое состояние может возникать как реакция на ту фрустрацию, которую вызывает террор. Действительно, террор создает фрустрацию, прерывая спокойную жизнь, создавая барьеры для ее нормального течения. Размеренно живущий человек, сталкиваясь с террором, испытывает ощущение непреодолимой преграды на пути самой его жизни и безопасности.

Вернемся к приведенным выше описаниям переживаний американской девушки Джулии, возникшим у нее вследствие нападения грабителя. После того как этот бандит выхватил у нее сумку и убежал, у девушки сразу же возник новый сложный комплекс эмоциональных переживаний:

«Я стояла на улице в ошеломленном оцепенении, а потов вдруг совершенно внезапно и

без всякой видимой причины почувствовала дикую злость. Я так разозлилась, что у меня даже потемнело в глазах. Помню, как я пронзительно завизжала и, стиснув кулаки, в слепой ярости бросилась догонять негодяя. Я бежала и думала: «Как он посмел? Это неправда! Это сон!» А потом, когда вспомнила, что в сумке были деньги и подарки, разозлилась уже на себя за то, что не могу бежать быстрее.

Я не догнала его и очень рада этому. Я понятия не имею, что сделала бы, если б догнала его! Всю ночь меня душила ярость. Я чувствовала себя невероятно сильной. Мне хотелось крушить все вокруг, хотелось бить и ломать вещи. И еще мне хотелось разыскать мерзавца и поквитаться с ним. Мой приятель, видя мое состояние, позволил мне побить все пустые бутылки, что были у него в ванной. Я никогда не забуду то злорадное удовольствие, которое я испытала, слыша звон бьющегося стекла. Вряд ли когда-нибудь я вновь смогу с таким же образом выплеснуть свой гнев, но никогда не забуду, с каким восторгом я была о белую ванну бутылку за бутылкой»[\[113\]](#).

После нападения террористов, вызвавших массовый страх, тоже всегда возникает психологическая потребность «побить посуду». Вспомним еще раз реакции населения на взрывы жилых домов в Москве осенью 1999 года и взрывы небоскребов в Нью-Йорке осенью 2001 года. Сравнивая эти события, социологи верно писали по «горячим следам» происшедшего:

«Еще одна аналогия - это нетерпеливое выстраивание образа врага как первоочередная реакция на пережитый стресс. «Кто?!» И вот простое объяснение- «исламский след». Разве не так реагировала Россия, когда после взрывов в Москве появился только намек на «чеченский след»? Тогда российское общественное мнение дало карт-бланш на «антитеррористическую операцию» в Чечне, а сегодня американцы - на «акцию возмездия» в Афганистане. Хотя с точки зрения «чистой логики» и «чистой юриспруденции» ни действия в Чечне, ни действия в Афганистане по-настоящему не обоснованы. Только косвенные улики, только мифологизированные имена (Басаев, Хаттаб, с одной стороны, и бен-Ладен, «Аль-Каида» - с другой), только не находящие выхода горечь и ярость...»[\[114\]](#).

Эти приведенные аналогии совершенно не случайны. Они хорошо отражают вполне типизированные реакции обыденного, массового сознания на крупномасштабные ментальные, психические потрясения. А также они достаточно хорошо отражают и типизированные реакции властей на то, что же происходит в головах и сердцах потрясенных соотечественников. Посмотрим, например, на практически одинаковое поведение лидеров России и США в периоды совершения террористических актов в России и США, и оценим совпадение результатов этого поведения.

Массовая агрессивность порождает массовую потребность в военном вожде. Так было у индейских племен, так и осталось поныне. После взрывов в Москве перед народом России выступил В. Путин, назначенный премьер-министром за шесть недель до этого, в начале августа 1999 года. Он обратился в тот момент по телевидению к людям, находившимся примерно в одинаковом психологическом состоянии. В. Путин заявил о необходимости «мочить» террористов везде, где удастся их найти - даже в туалете, и объявил о начале новой, второй чеченской кампании. Тогда на короткое время мысли и ощущения жителей России были синхронизованы террором; индивидуальные различия между ними отступили на второй план, так как шок завладел всеми-и все стали в этом смысле похожими. В. Путин своим выступлением попал «в резонанс» массовым настроениям, и его рейтинг (до этого стабильно державшийся шесть недель на уровне 2% - страна просто не замечала появления нового руководителя) стал расти на 4-5 процентных пунктов в неделю в течение четырех месяцев - вплоть до невиданного в России уровня 57 % в январе 2000 года. И Россия начала новую чеченскую войну: в надежде хотя бы на этот раз победить террор во главе с таким военным вождем.

Относительно рекордных показателей рейтинга президента США Дж. Буша, по данным всех социологических опросов после 11 сентября 2001 года, хорошо известно: около 90% американцев выразили ему поддержку, чего не было в Америке за почти 60-летний период систематических опросов населения. «Для объяснения этого феномена достаточно... заменить фамилию «Путин» на «Буш» в предыдущем абзаце»[\[115\]](#). Откинем в сторону все до сих пор бытующие спекуляции на тему «подстроенности» терактов спецслужбами в интересах

политического и военно-промышленного руководства стран - это мало что объясняет. В 1999 году Запад не понимал новую российскую войну в Чечне - не понимал психологического состояния жертвы террора и ее потребности «мочить» врага; расценивал общенациональную консолидацию вокруг идеи отпора как «имперскую дикость». Через два года, пережив нечто весьма похожее, американцы бросились бомбить Афганистан, и резко изменили тональность в оценках российских событий. Странно было бы предполагать, что в США будет какая-то иная реакция на жесткий вызов террористов, нежели в России, - действуют единые психологические закономерности. «Мечь!» - такие надписи, по свидетельству прессы, во множестве появились на автомобилях американцев в 2001 году, сразу после 11 сентября.

В том, что США быстро сублимируют бушующие страсти в акции возмездия, не сомневался никто. Одинокие голоса тех, кто предлагал все-таки «разобраться, доказать, обосновать», были едва слышны в общем возмущенном гуле массового сознания, требовавшего: «Доставить живым или мертвым!» Именно этот слоган-девиз, как бы реанимирующий архетип «старого доброго» американского шерифа, самоотверженно преследующего злоумышленника, стал самым ключевым в начальной фазе войны США против «международного терроризма». Здесь воедино соединились две, стихийная массовая и организованная армейская, формы агрессии.

Как известно, стихийная агрессия психологически достаточно отличается от агрессии организованной, при которой солдаты атакующей армии, например, вполне могут не испытывать сильных эмоций к своим противникам, даже убивая их, именно высоким эмоциональным накалом. На практике стихийная массовая агрессия всегда сопровождается еще и, дополнительно, сильными эмоциями негативного комплекса типа гнева, враждебности, ненависти и т. п. Впрочем, будем помнить, что в психологии существует несколько десятков различного рода теорий, объясняющих те или иные аспекты агрессивности - от врожденных биологических инстинктов до специальных форм социального научения, необходимых для успешной социальной адаптации в нашем сложном мире. Нет необходимости вдаваться в подробности.

Важнее иное, обычно агрессия является формой отсроченной реакции на террор. Пережив состояния испуга, страха, ужаса, оцепенения, люди начинают искать способы противодействия террористам для того, чтобы пресечь такие угрозы своей жизни. Так случилось после взрывов в Москве и Волгодонске, так же произошло и после взрывов в Нью-Йорке и Вашингтоне. Однако, вернемся к более общему контексту.

В психологическом контексте важно иное - то, что на основе агрессивности и агрессии в истории и современной политике периодически возникают агрессивные толпы с весьма специфическим поведением. Если войны обычно ведут организованные армии, то восстания и революции делали именно агрессивные толпы. В общепринятом смысле под «агрессией» как раз и понимают массовое агрессивное поведение толпы. Один из многих исследователей стихийного массового агрессивного поведения, Дж. Роуэн определял агрессию как «неприкрыто насильственную, угрожающую, преднамеренную и не подчиняющуюся нормам силу», действия которой не спровоцированы аналогичными, противоречат обычаям, закону, ценностям[116].

Приведем пример описания агрессивной толпы, возникшей в свое время на Ходынском поле в Москве, во время коронации императора Николая II. Собравшаяся наблюдать за коронацией толпа, простояв ночь, была спровоцирована традиционным разбрасыванием денег в честь коронации. Люди бросились собирать швырявшиеся им монеты, в результате возникла давка, которая повлекла за собой массовое агрессивное поведение нескольких тысяч людей.

«Макаров, посмотрев в трубу и передавая ее Климу, сказал, сонно шурясь:

- Икра.

Да, поле, накрытое непонятным облаком, казалось смазано толстым слоем икры, и в темной массе ее, среди мелких, кругленьких зерен, кое-где светились белые, красные пятна, прожилки.

- Красные рубахи - точно раны, - пробормотал Макаров...

Огромный город гудел, ревел, непрерывно звонили сотни колоколов, сухо и дробно стучали колеса экипажей по шишковатым мостовым, все звуки сливались в один, органнй,

мощный. Черная сеть птиц шумно трепетала над городом, но ни одна из них не летела в сторону Ходынки. Там, далеко, на огромном поле, под грязноватой шапкой тумана, утвердилась плотно спрессованная, икряная масса людей. Она казалась единым телом, и, только очень сильно напрягая зрение, можно было различить чуть заметные колебания икринок; иногда над ними как будто нечто вспухало, но быстро тонуло в их вязкой густоте. Оттуда на крышу тоже притекал шум, но - не ликующий шум города, а какой-то зимний, как вой метели; он плыл медленно, непрерывно, но легко тонул в звоне, грохоте и реве.

Не отрывая глаз от медного ободка трубы, Самгин зачарованно смотрел... Он различал, что под тяжестью толпы земля волнообразно зыблется, шарики голов подпрыгивают, точно зерна кофе на горячей сковородке; в этих судорогах было что-то жуткое, а шум постепенно становился похожим на заунывное, но грозное пение неисчислимого хора. Представилось, что, если эта масса внезапно хлынет в город, - улицы не смогут вместить напора темных потоков людей, люди опрокинут дома, растопчут их руины в пыль, сметут весь город, как щетка сметает сор...

Осторожно поворачивая шею, перекатывая по подушке голову, Маракуев говорил, откашливаясь, бессвязно и негромко, как в бреду:

- Передали друг друга. Страшная штука. Вы - видели? Черт... Расползаются с поля люди и оставляют за собой трупы... Впечатление такое, что они все еще дают, растопчут человека и уходят, не оглядываясь на него. Вот это - уходят... удивительно! Идут, как по камням...

В меня...

Маракуев приподнял голову, потом, упираясь руками в диван, очень осторожно сел и, усмехаясь совершенно невероятной гримасой, от которой рот его изогнулся серпом, исцарапанное лицо уродливо расплылось, а уши отодвинулись к затылку, сказал:

- В меня - шагали, понимаете? Нет, это... надо испытать. Человек лежит, а на него ставят

ноги, как на болотную кочку! Дают... а? Живой человек. Невообразимо...

Трупов - сотни. Некоторые лежат, как распятые, на земле. А у одной женщины голова затоптана в ямку...

Женщина лежала рядом с каким-то бревном, а голова ее высунулась за конец бревна, и на голову ей ставили ноги. И втоптали...

Я пришел туда в полночь... и меня всосало. Очень глубоко. Уже некоторые стояли в обмороке. Как мертвые даже. Такая, знаете, гуща, трясина... И - свинцовый воздух, нечем дышать. К утру некоторые сошли с ума, я думаю. Кричали. Очень жутко. Такой стоял рядом со мной и все хотел укусить. Били друг друга затылками по лбу, лбами по затылкам. Коленями. Наступали на пальцы ног. Конечно, это не помогало, нет! Я - знаю. Я - сам бил, - сказал он, удивленно мигая, и потыкал пальцем в грудь себе. - Куда же деваться? Облеплен людьми со всех сторон. Бил...

Чудовищную силу обнаруживали некоторые, - вспоминал он, сосредоточено глядя в пустой стакан. - Ведь невозможно сорвать рукою, пальцами, кожу с черепа, не волосы, а - кожу?..

А один... человек сорвал, вцепился ногтями в затылок толстому рядом со мною и вырвал кусок... кость обнажилась»[\[117\]](#).

Согласно принятым в западной цивилизации воззрениям, теоретически каждый человек должен иметь право на самоутверждение, а лишенный его - на самозащиту, чтобы восстановить чувство своей значимости, необходимое ему для нормального существования. Блокирование права на самозащиту ведет к агрессивности, особенно если оно носит длительный характер (как это часто бывает, например, в отношении к национальным меньшинствам). Агрессия вторгается в сферу власти или престижа, или на территорию другого (человека, народа, государства), и частично захватывает то, что удастся. Если же агрессия блокирована, то спираль ее принимает еще более крутую форму, а взрывы насилия происходят по причинам, прежде всего, психологическим, приобретая подчас экзотический характер, когда, скажем, восстание становится самоцелью, вершиной жизни его участников (как, например, это было среди молодежи во Франции весной 1968 года).

Как показывают исследования современных массовых беспорядков, волнений и

восстаний, «важнейший лежащий в их основе фактор - чувство полного блокирования всех надежд». Тот же Дж. Роуэн приводит достаточно частую и потому типовую схему событий, рассматривая ее на примере расовых волнений в негритянском гетто в пригороде Лос-Анджелеса. Обратим внимание: исследование Дж. Роуэна проводилось спустя более чем десять лет по отношению к беспорядкам 1965 года, о которых мы говорили в самом начале этой книги. Однако ситуация и, главное, ее психологические причины изменились мало. Так, в частности, было еще раз подтверждено: факторы, предшествующие агрессии, достаточно хорошо известны. Это постоянная и массовая безработица одних на фоне неинтересной и низкооплачиваемой работы других. Это напряженные с обеих сторон отношения населения негритянского гетто и полиции. Однажды таким фактором оказывается не вполне законное требование полисмена к подозреваемому. В ответ следует его отпор, активно поддержанный группой близких ему людей. Следующий фактор, вступление в действие дополнительного наряда полиции, ведет к превращению группы в толпу, а локального сопротивления властям - в восстание. Далее же оно охватывает уже весь район со всеми присущими восстанию атрибутами. «Какое-либо действие, любое действие должно было в конце концов показать, что здесь человеческие существа, а не роботы»[\[118\]](#). Таким действием и оказалось восстание. В материалах специальной комиссии Кернера по расследованию массовых беспорядков в Лос-Анджелесе летом 1965 года приводится очень показательный фрагмент допроса одного из участников таких же беспорядков:

«Вопрос: Вы сказали, что почувствовали прилив гордости, когда присоединились к толпе? Ответ: Да, я был горд, ей-богу, горд оттого, что я негр. Я почувствовал себя так, словно я стал полноправным гражданином. И мне не было стыдно за то, что они делали»[\[119\]](#).

Все правильно: именно беспорядки, террористические акты часто оказываются чуть ли единственным способом поднять самооценку. И тогда участие человека в подобных агрессивных действиях как бы облегает его душу.

Помимо достаточно очевидного неравенства социальных условий, условиями возникновения агрессии обычно считается целый ряд психологических факторов.

Во-первых, это элементарные физиологические и, главное, психофизиологические условия - алкоголь, наркотики, солнечные пятна, геомагнитные возмущения и «бури», а также прочие факторы энергетического возбуждения организма.

Во-вторых, это более сложные психологические факторы - в первую очередь, уже упоминавшееся ощущение фрустрации, сравнимое с тем, что будет испытывать быстро бежавший человек, наткнувшись на высочайший забор, и психологически означающего для человека осознание «невозможности исполнения никаких надежд».

В-третьих, это ситуационные факторы в виде наличия подходящих лидеров (тех самых «военных вождей»), а также подходящих средств проявления агрессии (здесь часто помогает тот самый пресловутый «булыжник - орудие пролетариата») и, главное, доступных возмездия (часто не важно, за что) жертв.

В-четвертых, это провокационные факторы - прежде всего, неадекватные действия властей или их отдельных представителей, иногда могущие спровоцировать агрессию, что называется, «на пустом месте», вместо того чтобы принять превентивные меры по ее заблаговременному предупреждению и профилактике.

Для развития массовой агрессии обычно, во-первых, всегда требуется некоторый конкретный повод, подчеркивающий психологическую безнадежность ситуации для людей. Таким поводом для бунта заложников, например, может стать переход некоторой психологической «границы» террористами, после чего положение заложников становится настолько безысходным, что они решаются на, скорее всего, обреченный протест. Во-вторых, для ее развития всегда требуются люди, готовые поддержать это ощущение безнадежности, но одновременно и «качнуть» толпу против тех, кто в этом может быть обвинен. В-третьих, для развития агрессии всегда требуется конкретный ее объект агрессии - будь то отдельный представитель власти, угнетающего большинства или просто символ властного института, или же, напротив, антигосударственного «международного терроризма». Примерно эти условия, в частности, совпали осенью 2000 года в Белграде, когда конституционный суд страны объявил недействительными итоги президентских выборов, на которых вроде бы

проиграл действующий президент С. Милошевич. Собравшаяся вскоре перед парламентом оппозиционная и поначалу достаточно мирная толпа быстро стала агрессивной, смела полицейское ограждение и по сути осуществила если не революцию, то вполне эффективный переворот.

Среди наиболее важных для нашего понимания вариантов агрессивного поведения различаются экспрессивная, импульсивная, аффективная и враждебная агрессии. Из самого названия понятно, что экспрессивная агрессия - это устрашающе-агрессивное поведение, главной целью которого является выразить и обозначить свои потенциально агрессивные намерения, запугать оппонентов. Это далеко не всегда и не обязательно выражается непосредственно в жестоких, деструктивных, разрушительных действиях. Классические примеры экспрессивной агрессии - ритуальные танцы, военные парады, различного рода массовые шествия типа широко использовавшихся в свое время немецкими фашистами ночных факельных шествий. Это, кстати, те же самые наклейки «Мсть!» на автомобилях американцев после событий 11 сентября 2001 года.

Импульсивная агрессия - обычно спровоцированное в результате действия какого-то фактора, мгновенно возникающее, но и достаточно быстро проходящее агрессивное поведение. Такая агрессия часто может носить прерывистый («импульсный») характер, возникая и развиваясь как бы «волнами», в виде своеобразных «приливов» и «отливов» агрессивного поведения. В таких формах чаще всего проявляется сам террор - как особые импульсы протеста в ответ на репрессивное поведение властей.

Аффективная агрессия - чисто эмоциональный феномен, практически полностью лишенный действенного компонента. Этим она и отличается от экспрессивной формы поведения агрессивной массы. Аффективная агрессия, как правило, представляет собой наиболее впечатляющий и даже естественный, но с социально-политической точки зрения наиболее бессмысленный вид агрессии. В состоянии аффективной агрессии массы нападающих повстанцев, например, могут неоднократно разбиваться о хорошо организованную оборону властей, и будут обречены на поражение. Однако это то самое поведение, которое иногда прямо называется «агрессивным ажиотажем», что означает особое психологическое состояние, требующее немедленных, любой ценой, жертв и разрушений. В частности, именно его мы часто наблюдаем как стремление к немедленному мщению, которое как раз очень редко бывает возможным. Как правило, жертвы во всех таких случаях значительно превосходят достигаемые результаты.

В отличие от перечисленных выше форм, особняком стоят еще две. Во-первых, это практически неэмоциональная так называемая враждебная агрессия, которая ясно характеризуется целенаправленным, осознанным намерением нанесения реального вреда и ущерба другому человеку, народу, государству. Во-вторых, инструментальная агрессия, где цель действия субъекта нейтральна, а агрессия используется как одно из средств ее достижения. Родители могут физически наказывать ребенка, даже прибегая к ремню, не потому, что не любят его, а напротив - потому, что желают ему только добра и очень любят его. Понятно, что обе названные формы агрессии относятся к числу организованных, хотя внешне они подчас могут маскироваться под стихийное поведение масс, подчиняясь задачам скрытно управляющих ими сил.

Оценивая психологические механизмы стихийной массовой агрессии, согласимся с известными вещами: «Для форм агрессии, развивающихся в массовых социальных и политических явлениях (террор, геноцид, расовые, религиозные идеологические столкновения), типичны сопровождающие их процессы заражения и взаимной индукции, стереотипизации представлений в создаваемом «образе врага»^[120]. Однако особую роль в возникновении и поведении агрессивной массы играет анонимность ее участников.

Многочисленными лабораторными и полевыми исследованиями давно доказано, что анонимность действует на толпу побуждающе и возбуждающе. На этом, в частности, психологически был основан весь расовый террор в тех же США в середине XIX - XX веков, прежде всего, знаменитые «суды Линча» с непременно повешением заведомо осужденного негра, еще и осененные устрашающей ку-клукс-клановской символикой. Таким образом, в целом, массовая агрессия подчиняется всем основным законам стихийного массового поведения.

Соответственно, всем общим психологическим законам подчиняются и механизмы управления агрессивной массой. Так, в частности, давно известно, что лишение толпы анонимности с помощью средств массовой информации (крупные планы в телерепортажах, позволяющие фиксировать лица участников толпы) препятствует росту ее агрессивности и даже способствует ее организованности. В свое время изобретение несмываемой краски, которой полиция могла «метить» активистов таких толп, надолго искоренило сам феномен агрессивной толпы из политической практики.

Как и в любой толпе, важную роль в агрессивной массе играют лидеры. Однако здесь есть одна весьма существенная особенность. Роль лидеров велика, прежде всего, в самом начале, когда они выступают в качестве инициаторов агрессии. Затем она понемногу уменьшается - скажем, по мере увеличения толпы и усиления ее агрессивности, - именно в таких ситуациях масса становится наименее управляемой. Роль лидеров, таким образом, велика лишь до тех пор, пока вокруг них не образуется масса, далее действующая уже по законам собственного, стихийного поведения. Агрессивная масса не выбирает себе вождя - он заранее известен: это тот самый «военный вождь». Агрессивная масса сама назначает себе того или иного человека «военным вождем». Далее же он просто подчиняется стремлениям массы. Если он попытается идти наперекор, масса сметет его, и быстро найдет себе другого, нового «военного вождя».

Завершая раздел, приведем для иллюстрации классический пример, одновременно демонстрирующий проявления обоих рассмотренных феноменов - и массовой паники, и массовой агрессии. Осенней ночью 1938 года в небольшом городке Гроверс-Милл (штат Нью-Джерси, США), согласно знаменитой радиоинсценировке фантастического романа английского писателя Г. Уэллса «Война миров», приземлился бело-желтый «корабль марсиан». Радиопостановка, осуществленная в ту далекую пору О. Уэллсом и актерами руководимого им театра «Меркьюри», была настолько реалистичной, что многие радиослушатели поверили в полную достоверность происходящего и в панике стали покидать свои дома, спасаясь самым настоящим тотальным бегством. Действительно, населению было от чего прийти в ужас. Радиошоу началось без всякого предварительного объявления, вклинившись в программу обычных передач компании Си-Би-Эс. «Мы прерываем наши запланированные передачи, - услышали огорошенные радиослушатели, - чтобы передать срочное специальное сообщение. На пересечении двух сельских дорог близ Гроверс-Милл, нарушив пасторальную тишину здешних живописных мест, приземлились кровожадные существа, прилетевшие к нам с планеты Марс...» Далее шли интервью с полковником - командиром батареи артиллерийских орудий, уже прибывших к месту приземления марсиан с приказом их уничтожить; интервью с членами конгресса и сената, и т. д., и т. п.

В итоге эффект был достигнут потрясающий. Паника охватила миллионы жителей Нью-Йорка и десятков городов побережья. Бросая все и давя друг друга, люди обратились в бегство. Потребовалось несколько дней для того, чтобы их успокоить, несколько недель, чтобы вернуть по домам, и несколько месяцев, чтобы ликвидировать нанесенный этой паникой ущерб.

Самое удивительное, что через 50 лет в Гроверс-Милл был поставлен бронзовый монумент, изображающий корабль марсиан и О. Уэллса у микрофона. На памятнике надпись: «Марсиане снова посетят наш город».

Однако величайшая паника века завершилась не менее жестокой шуткой. Позднее, уже в середине XX в., произошла еще одна история, уже иного рода. В 1958 году в Боливии решили сделать аналогичный радиоспектакль - разумеется, с учетом теперь уже всем известного негативного американского опыта. Были сделаны все необходимые предупреждения, а затем... в эфир был пущен перевод инсценировки О. Уэллса. Уже через несколько минут перед зданием радиостанции собралась возмущенная агрессивная толпа, потребовавшая немедленно остановить эту передачу. Когда руководство радиостанции отказалось это сделать, толпа превратилась в безудержно агрессивную и просто разгромила здание радиостанции.

Наука объясняет разные варианты массового поведения, от паники до агрессии, возникающие в ответ на один и тот же стимул, разными условиями ситуации. Если в преддверии Второй мировой войны люди подсознательно были готовы к паническим

реакциям, то в значительно более спокойную послевоенную пору они были больше склонны к фрустрационным реакциям на попытки нарушить их теперь уже спокойную жизнь. Общий вывод: в кризисные и предкризисные периоды наиболее вероятным последствием террора является стихийная массовая паника, тогда как в периоды хотя бы относительно стабильного развития доминирующей реакцией становится массовая стихийная агрессия.

Такие примеры часто рассматриваются еще и как провокационное влияние средств массовой информации и активно распространяющихся через них слухов. Справедливо подмечено: «Атмосфера страха и ожидания насилия, создаваемая подобными преувеличениями, зачастую полностью выдуманная сообщениями, содержит в себе серьезную угрозу повышенного реагирования людей и, следовательно, опасность ненужного применения силы» [121]. Однако действие психологии слухов не является самостоятельным - оно также подчиняется общей психологической логике стихийного массового поведения. Вот почему слухи, играющие, к примеру, очень важную роль в так называемом информационном терроризме, не порождают самостоятельных явлений: опять-таки все сводится к страху, ужасу, а затем к панике и агрессии.

«Болезнь колючей проволоки»

Этот термин ввел А. Вишер [122] для обозначения всего сложного симптомокомплекса «тюремной психологии», который возникает у людей в ситуации насильственного ограничения их свободы. «Болезнь колючей проволоки» наблюдается в разных случаях. Это может быть и обычное пребывание человека в тюрьме за криминальное преступление, и пребывание в качестве заложника у террористов, и даже нахождение в качестве заложника у государства - например, пребывание в концентрационном лагере. Основным компонентом данной «болезни» считается рано или поздно захватывающая людей апатия. Именно апатия, приходя на смену страху и ужасу, выступает третьей возможной реакцией человека - после паники и агрессии - на насилие, осуществленное против него.

Апатия или смирение - достаточно массовая (если не самая массовая) реакция на террор. Более того: в той или иной степени, но все реакции на террор - и паника, и агрессия - если не дают быстрого результата, спасения или устранения террористов, то рано или поздно заканчиваются истощением. Тогда и приходит апатия - когда двигательная и психическая активность человека резко падают вследствие панических или агрессивных реакций. Специальные исследования показали, что апатия может развиваться в двух формах: и как непосредственная реакция на террор, и как отсроченная реакция, представляющая собой некоторое завершение сложной цепи психологических реакций на тот же террор.

Лучшие исследования апатии как особой реакции людей на такой массовый террор, от которого заведомо не видно спасения, проведены в концентрационных лагерях. Помещение в концлагерь сродни захвату заложников, только в данном случае это происходит в заведомо массовых масштабах и обставлено таким образом, что человек сразу ощущает свою обреченность и невозможность вырваться из концентрационного лагеря.

Психологические реакции заключенных в концлагерь можно разделить на три фазы: 1. Шок поступления. 2. Характерологические изменения при длительном пребывании в лагере. 3. Освобождение. Однако последнее - наиболее простой и потому редкий вариант. В целом данная трехфазная цепочка основана почти исключительно на фактологии и хронологии: поступление, пребывание, освобождение (если оно происходит), к. Коэн выделял другие, на наш взгляд, психологически более точные этапы пребывания людей в концентрационном лагере: 1. Фаза первичной реакции. 2. Фаза адаптации. 3. Фаза апатии,

«Шок поступления». В качестве первичной реакции обычно фигурирует «шок поступления» - своего рода инициация апатии. Сам побывавший в концентрационном лагере, К. Коэн в свое время описывал свою реакцию (в той мере, в какой он мог ее рефлексировать) как ощущение расщепленности личности. «У меня было чувство, как будто я не имею к этому отношения, как будто все в целом меня не касается. Моя реакция выражалась в диссоциации субъекта и объекта» [123]. В. Франкл так описывал свое первое знакомство с Освенцимом:

«Теперь видно уже больше: в поднимающихся утренних сумерках направо и налево от

железнодорожных путей на километры тянутся лагеря огромных размеров. Бесконечные, в несколько рядов ограждения из колючей проволоки, сторожевые вышки, прожекторы и длинные колонны оборванных, завернутых в лохмотья человеческих фигур, серых на фоне серого рассвета, медленно и устало бредущих по прямым и пустынным улицам лагеря - никто не знает куда. Тут и там слышатся отдельные повелительные свистки надсмотрщиков - никто не знает для чего. Наконец мы въехали на станцию. Ничто не шевелится. И вот - слова команды, произнесенные тем своеобразным грубым пронзительным криком, который отныне нам придется постоянно слышать во всех лагерях. Он звучит как последний вопль человека, которого убивают, и вместе с тем иначе: сипло, хрипло, как из горла человека, который все время так кричит, которого все время убивают...»[124].

Попадая за колючую проволоку, поначалу люди плохо понимают, куда и зачем попали. Они выглядят неплохо, они в хорошем расположении духа и даже смеются - после прежней неопределенности своей судьбы они получили некоторую определенность. В психиатрии хорошо известна болезненная картина так называемой «иллюзии помилования»: приговоренный к смерти человек начинает в последний момент, непосредственно перед своей казнью, верить в то, что его вот-вот непременно помилуют. Однако вскоре это проходит.

«Я спрашиваю товарищей, которые находятся в лагере дольше, куда мог подеваться мой коллега и друг. «Его отправили на другую сторону?» «Да», - отвечаю я. «Тогда ты увидишь его там», - говорят мне. «Где?» Рука показывает на расположенную в нескольких ста метрах трубу, из которой в далекое серое небо взвиваются жуткие остроконечные языки пламени многометровой высоты, чтобы раствориться в темном облаке дыма. «Что это там?» «Там, в небе, твой друг», - грубо отвечают мне. Это говорится как предупреждение. Никто еще не может как следует поверить, что человек действительно лишается буквально всего. ...Теперь я знаю, как обстоят дела. Я делаю то, что является кульминацией всей этой первой фазы психологических реакций: я подвожу черту под всей моей прежней жизнью!»[125].

Безысходность ситуации, ежедневно, ежечасно и ежеминутно подстерегающая угроза смерти, близость смерти других, - все это приводило к мыслям о самоубийстве. Однако самоубийства в концентрационных лагерях, как показывает статистика, случались чрезвычайно редко. Так, например, в нацистском концлагере Терезиенштадт за период с 24 февраля 1941 по 31 августа 1944, то есть за три с половиной года, из общего числа 32 647 смертей число самоубийств составило 259.

«В Освенциме заключенный, находящийся еще на стадии шока, вообще не боится смерти. В первые дни его пребывания газовая камера уже не вызывает ужаса: в его глазах она представляет собой всего лишь то, что избавляет от самоубийства. Вскоре, однако, паническое настроение уступает место безразличию»[126].

Шоковое состояние можно рассматривать как острую деперсонализацию, при которой его часто можно наблюдать, и интерпретировать как проявление механизма психологической защиты «Эго». Так, новоприбывшие были (еще) в состоянии смеяться над выданной в их распоряжение одеждой. Однако, продолжает К. Коэн, в конце концов дело доходило до сильнейшей психической травмы, когда новоприбывшим становилось известно о существовании газовых камер. Мысль о газовой камере вызывала реакцию ужаса, и эта реакция прорывалась в очень резкой форме у тех, кому пришлось услышать о том, что их жены и дети были убиты. Е. де Винд в этой же связи также говорит о «сильнейшей травме из всех, которые известны нам в психологии фобий»[127]. Ответим на нее, отмечает К. А. Коэн, не могло быть ничего иного, кроме острой реакции ужаса, которой не избежал и он, когда прибыл в Освенцим. В. Франкл считал это «реакциями аномальных переживаний», но оговаривался: «При этом только нельзя забывать, что в такой аномальной ситуации, которую представляет собой концлагерь, подобная «аномальная» реакция переживания есть нечто нормальное. «Есть вещи, перед которыми человек теряет разум - или же ему терять нечего» (Гейбель)»[128].

Апатия как фаза адаптации

«Эта апатия является как бы защитным механизмом психики. То, что раньше или позже могло возбуждать человека или отравлять ему жизнь, приводить его в возмущение или в отчаяние, то вокруг него, чему он был свидетелем или даже участником, теперь отскакивало, как от какой-то брони, которой он себя окружил. Здесь перед нами феномен внутреннего

приспособления к специфической среде: все происходящее в ней достигает сознания лишь в приглушенном виде. Снижается уровень аффективной жизни. Все ограничивается удовлетворением сиюминутных, наиболее насущных потребностей. Кажется, что все помыслы сосредоточиваются на одном: пережить сегодняшний день. Когда вечерами заключенных, усталых, измученных и спотыкающихся, замерзших и голодных, пригоняли с «рабочего задания» в заснеженных полях обратно в лагерь, каждый раз у них вырывался тяжелый возглас: «Ну вот, еще один день выдержали». В общем, про обитателя концлагеря можно сказать, что он спасается, впадая в «культурную спячку». Сохраняется только то, что способствует самосохранению. Психологически, развивается регрессия - возврат к более примитивным формам поведения».

«Интерес не выходил за рамки одного вопроса: как бы мне получить побольше еды и попасть на относительно терпимую работу? Этот стиль жизни и эту жизненную позицию нельзя понять иначе, как регрессию. В концлагере человека низводили до животного начала. Здесь перед нами регрессия к примитивнейшей фазе влечения, к самосохранению»[\[129\]](#).

«Примитивность внутренней жизни обитателей концлагеря находит характерное выражение в типичных мечтах заключенных. В основном они мечтают о хлебе, тортах, сигаретах и о теплой ванне. Разговоры были то и дело о еде: когда выведенные на работу заключенные оказывались стоящими рядом и поблизости не было охранника, они обменивались кулинарными рецептами и расписывали друг другу, какими любимыми блюдами они будут угощать друг друга, когда в один прекрасный день после освобождения один пригласит другого к себе в гости»[\[130\]](#).

Появляются сверхценные идеи. Такой идеей, в частности, очень быстро становится питание. На этом фоне вскоре как бы исчезают практически все остальные признаки активности. Обычными становятся такие симптомы, как двигательная апатия, замедление реакций и ослабление концентрации внимания и памяти. Далее события развивались по схеме: ухудшение памяти - снижение либидо - полная апатия. Так, например, в концлагерях давно зафиксировано полное притупление сексуальных влечений, вплоть до асексуальности и даже отсутствия разговоров и вроде бы типичных для мужских компаний анекдотов на сексуальные темы. Однако еще более страшным заключенные называли исчезновение чувства будущего. Когда человек попадал в лагерь, наряду с концом неопределенности одного этапа у него появлялось предельно угнетающее чувство неопределенности конца вообще.

«Насколько завидным казалось нам положение преступника, который точно знает, что ему предстоит отсидеть свои десять лет, который всегда может сосчитать, сколько дней еще осталось до срока его освобождения... счастливчик! Ведь мы все без исключения, находившиеся в лагере, не имели или не знали никакого «срока», и никому не было ведомо, когда придет конец.

...множество слухов, циркулировавших ежедневно и ежечасно среди сконцентрированной на небольшом пространстве массы людей, слухов о том, что вот-вот всему этому наступит конец, приводило каждый раз к еще более глубокому, а то и окончательному разочарованию. Неопределенность сроков освобождения порождала у заключенных ощущение, что срок их заключения практически неограничен, если вообще можно говорить о его границах. Со временем у них возникает, таким образом, ощущение необычности мира по ту сторону колючей проволоки. Сквозь нее заключенный видит людей снаружи так, как будто они принадлежат к другому миру или скорее как будто он сам уже не из этого мира, как будто он «выпал» из него. Мир не-заключенных предстает перед его глазами примерно так, как его мог бы видеть покойник, вернувшийся с того света: нереальным, недоступным, недостижимым, призрачным».

Об аналогичных ощущениях нам сообщали и россияне, оказавшиеся в качестве заложников у чеченских боевиков в 1990-е годы. Ощущение «безвременья» и «вечности угрозы» было зафиксировано у многих американцев сразу после террористических актов в сентябре 2001 года. Тогда для многих жителей США вся Америка воспринималась как огромный концентрационный лагерь, в который ее жители заключены жестокими террористами. Соответственно, очень зримым для них также стало разделение на «свой», «внутренний», и «внешний», «чужой» мир. Очевидным было также понимание «бессрочности угрозы», постоянно исходящей от международного терроризма. В психологическом плане,

война США против режима талибов в Афганистане в связи с идеей поиска У. бен-Ладена как раз и должна была снять это ощущение «вечности». С помощью этой войны угроза была представлена не «вечной», а локальной, и вполне устранимой: стоило только поймать или, на худой конец, убить бен-Ладена.

«Бессрочность существования в концлагере приводит к переживанию угрозы будущего. Один из заключенных, маршировавших в составе длинной колонны к своему будущему лагерю, рассказал однажды, что у него в тот момент было чувство, как будто он идет за своим собственным гробом. До такой степени он ощущал, что его жизнь не имеет будущего, что в ней есть лишь прошлое, что она тоже прошла, как если бы он был покойником. Жизнь таких «живых трупов» превратилась в преимущественно ретроспективное существование. Их мысли кружились все время вокруг одних и тех же деталей из переживаний прошлого; житейские мелочи при этом преображались в волшебном свете».

Все это усиливало апатию. Душевный упадок при отсутствии духовной опоры, тотальная апатия были для обитателей лагеря и хорошо известным, и пугающим явлением, приводившим к катастрофе буквально за несколько дней.

«Люди просто лежали весь день на своем месте в бараке, отказывались идти на построение для распределения на работу, не заботились о получении пищи, не ходили умываться, и никакие предупреждения, никакие угрозы не могли вывести их из этой апатии; ничто их не страшило, никакие наказания - они сносили их тупо и равнодушно. Все было им безразлично. Это лежание - порой в собственной моче и экскрементах - было опасным для жизни не только в дисциплинарном, но и в непосредственном витальном отношении».

В. Франкл приводит очень конкретные примеры столь сильной апатии и проявлений «запрограммированного конца жизни». Так, например, один из его товарищей по заключению 2 февраля 1945 года увидел «вещий сон»: пророческий голос предсказал ему, что освобождение для него настанет 30 марта. Уже 29 марта этот человек свалился в бреду и лихорадке, 30 марта потерял сознание, а 31 марта умер. «Для него война действительно «кончилась» 30 марта - в день, когда он потерял сознание. Мы можем с основанием и со всей клинической строгостью предположить, что разочарование, которое вызвал у него реальных ход событий, привело к снижению жизненного тонуса, иммунитета, сопротивляемости организма, что чрезвычайно ускорило развитие дремавшей в нем инфекции»[\[131\]](#).

Фаза освобождения. Многократно показано на примере освобождения узников тюрем, заключенных в концлагерях, заложников и т. д., что само по себе физическое решение не только не решает всех вопросов, но, напротив, часто открывает новые, не менее сложные психологические проблемы.

«То, что касается реакции заключенного на освобождение, может быть коротко описано так: вначале все кажется ему похожим на чудесный сон, он не отваживается в это поверить... Освобожденный из лагеря пока еще подвержен своего рода ощущению деперсонализации. Он еще не может по-настоящему радоваться жизни - он должен сначала научиться этому, он этому разучился. Если в первый день свободы происходящее кажется ему чудесным сном, то в один прекрасный день прошлое начнет казаться ему лишь более чем кошмарным сном».

«Болезнь колючей проволоки» часто имеет рецидивы, связанные с возвращением кошмаров. Известно, что люди, хотя бы однажды подвергнутые такого рода террору, никогда окончательно не могут забыть соответствующие ощущения. К сожалению, оказать им психологическую (психотерапевтическую) помощь в сколько-нибудь массовых масштабах оказывается практически невозможным. Таким образом, получается, что апатия представляет собой гораздо более опасное в психологическом плане явление, чем массовая паника или агрессия. Впрочем, все-таки это зависит, в конечном счете, от самих людей, оказавшихся жертвами террора. Примеры людей, прошедших через концлагеря (в том числе и авторов цитированных работ), хорошо показывают это.

Психология геноцида и массовых убийств

Как известно, понятие «геноцид» происходит от греческого слова, *genos*, означающего «род, племя», и латинского слова *caedo*, что значит «убиваю». Геноцид - одно из тяжчайших

преступлений против человечества, разновидность массового террора, истребление отдельных групп населения по расовым, национально-этническим или религиозным признакам, а также умышленное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение этих групп, равно как и меры по предотвращению деторождения в их среде (биологический геноцид). В определенном смысле, один из первых случаев геноцида как раз и описан в Ветхом Завете - это уже упоминавшиеся «Казни Египетские».

Однако геноцид не является исключительной принадлежностью варварских времен. На протяжении XX века террор с массовыми убийствами, в которых жертвы выбирались по этническому и религиозному признакам, осуществлялся в разных частях нашей планеты, в том числе и в странах с сильными традициями законности и уважения к личности. Такие преступления совершались в массовых масштабах гитлеровцами во время Второй мировой войны, особенно против славянского и еврейского населения. Убивали армян, славян, курдов, евреев, католиков и т. д. Геноцидом признаны некоторые акты апартеида. Международная конвенция «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» (1948) устанавливает международную уголовную ответственность лиц, виновных в совершении геноцида.

Массовые убийства и геноцид относятся к особому виду политического насилия.

«От других видов террора и репрессий геноцид отличается не только масштабами (массовые репрессии против политических противников могут унести не меньше жизней), но и степенью вовлеченности в акты насилия не только властной элиты и сотрудников карательных органов, но и практически всего населения данной территории. В отличие от всех других видов насилия, геноцид осуществляется, кажется, самим народом. Геноцид выглядит восстанием народа, возмущенного притеснениями со стороны инонационального или инорелигиозного меньшинства. Геноцид - это преступление, характеризующееся не только огромным числом жертв, но и еще большим числом преступников. Поэтому, хотя акты геноцида столь ужасны и бессмысленны, столь сильно противоречат нормам человеческой морали, что существует соблазн объявить массовые убийства делом больных людей, свести все к массовому помешательству, помутнению сознания, это было бы в корне неверно. Большинство тех, кто участвует в актах геноцида, психически здоровые люди»[\[132\]](#).

Оговоримся: но не в тот момент, когда они осуществляют массовый террор.

Действительно, бывают обстоятельства, когда значительные массы людей начинают осуществлять античеловечные действия. Им, да и окружающим, вполне может казаться, что они - психически здоровые люди. Но это верно только до определенного предела. В конечном счете, многие тысячи гитлеровских эсэсовцев из зондеркоманд тоже были психически здоровые люди - за этим в рейхе следили строго. Однако они совершали то, что они совершали.

Действительно, геноцид никогда не возникает на пустом месте. Для того чтобы вполне нормальные, добропорядочные люди вдруг стали убивать своих, говорящих на другом языке или молящихся другому Богу соседей, с которыми они до этого, пусть и без особой любви, много лет прожили вместе, психологически явно недостаточно появления во власти преступника или маньяка, экстремиста-демагога, как бы «сворачивающего» общество, «заражая» людей безумными и жестокими идеями. Преступники и авантюристы в политике есть всегда. Призывы к убийству и насилию в той или иной форме существуют в любой стране. Везде есть экстремистские организации. Однако остается вопрос: когда и почему обычный, средний человек-обыватель становится сенситивен к безумным кровавым призывам.

В попытке объяснить феномен геноцида, американский психолог И. Страуб ввел понятие «тяжелых времен», которые, по его мнению, всегда предшествуют геноциду. «Тяжелые времена» - совсем не обязательно самый трудный период социально-экономической жизни. Это не объективное, а субъективное, не социальное, экономическое или политическое, а психологическое понятие. «Тяжелые времена» - это ощущение депрессии, безнадежности, окруженности врагами. Это чувство несправедливости происходящего по отношению к «моему народу», «моей религии», «моей стране». Согласно И. Страубу, именно такой комплекс чувств является обязательной предпосылкой массовых

убийств и геноцида. Дело в том, что за годы «тяжелых времен» в обществе накапливаются раздражение и агрессия, которые потом ищут и неизбежно находят выход в актах агрессии. «Тяжелые времена» действуют в качестве целого ряда факторов скрытого, психологического терроризма. Они исподволь, постепенно угнетают психику в общем-то нормальных людей, не доводя их до сумасшествия, непрерывным страхом того, что «будет еще хуже». «Субъектами терроризма» здесь оказываются внешние факторы - и падение жизненного уровня, и плачевное состояние экономики, и социальный хаос, и все остальные факторы реальной нестабильности. Однако большинство людей не способно к рациональному анализу происходящего. Поэтому им постоянно хочется «опредметить», а еще лучше, персонифицировать этот психологический террор. Вот тогда и возникает неосознанное ощущение себя, соплеменников, единоверцев как жертв этого террора. Вслед за этим, естественно, приходит персонификация «террористов», в роли которых может оказаться кто угодно - от мирового коммунизма до столь же мирового капитализма, от евреев до цыган. Это неважно, кто подвернется, - он все равно будет Великим Сатаной, представителем дьявола, «выродком» и т. д. Так и возникают «нелюди», с которыми необходимо бороться самыми жестокими средствами - ради вытеснения собственного страха и ужаса этих самых «тяжелых времен».

Вторым обязательным условием геноцида как раз и является наличие врага. Конкретный враг нужен для того, чтобы избавить психику от депрессивного, угнетающего влияния постоянного страха. Во-первых, враг всегда несет ответственность за неприятности и несчастья, происходящие с нами. Во-вторых, с устранением врага жизнь наверняка станет лучше. Так считает затерроризированное «тяжелыми временами» массовое сознание.

«Иначе говоря, геноцид осуществляется не только как мщение. Опыт осуществлявшихся геноцидов показывает, что большинство людей, в геноцидах участвовавших, не только мстят этому врагу за те проблемы, которые по его, как они считают, вине возникли, но и надеются, что устранение врага поможет в решении этих проблем. Не в том (не только в том) дело, что «они» (арабы, евреи, армяне, негры) виноваты в наших несчастьях, а в том, что если «их» не станет, то жизнь станет лучше».

Геноцид невозможен без аффективной агрессии, в основе которой лежит острое чувство ненависти к народу или религии, предназначенным на роль жертвы. Эта ненависть оказывается столь сильной, что неизбежно приводит к снижению уровня рациональности мышления. Такое чувство вполне позволяет человеку нарушать даже заповедь «Не убий», продолжая считать себя вполне достойным Царства Божьего.

«Эта ненависть долго воспитывается и развивается. Корни ее - в школьных учебниках, где рассказывается о том, какой замечательной была жизнь моих предков в прошлом, когда еще не было «их», каким могущественным и справедливым было мое государство до того, как пришли или даже напали «они», о том, какие ужасные заговоры «они» всегда строили против моей страны. Корни ненависти - в привычной и как будто естественной, бытовой дискриминации - в скамейках «только для белых», в анекдотах про «хохлов» или «москалей», в оскорбительных кличках. Корни ненависти - в диких представлениях, связывающих преступность с каким-либо одним этносом, в псевдонаучных публикациях, обосновывающих то, что иного отношения «они» и не заслуживают. Все это подготавливает людей к участию в акте геноцида, убеждает потенциальных убийц в том, что жертвы, в общем, и не заслуживают другой участи».

В 1960-е годы М. Лернер выдвинул так называемую теорию веры в справедливый мир. Согласно этой теории, люди предпочитают верить в то, что мир, в котором они живут, имманентно справедлив. Или, по крайней мере, справедлив в целом, по преимуществу, несмотря на отдельные козни «плохих парней». Добро в этом мире, однако, обычно вознаграждается, а зло рано или поздно наказывается. Честный труд, так или иначе, ведет к успеху, а жулик, в конце концов, останется ни с чем. Следствием такой веры, в частности, оказывается жестокое отношение к жертвам различных несчастий - ведь если человеку не повезло, значит, он сам и виноват в этом. Так подсказывает вера в справедливый мир. Иное признать психологически трудно - ведь если не повезло хорошему человеку, то это означает, что мир несправедлив. Тогда надо пересматривать исходную концепцию мироустройства, чему препятствует уже существующая вера.

Массовое сознание, верящее в бытовую, повседневную справедливость мира, легко распространяет такую дискриминацию тех, кому «не повезло», на жертв погромов и массовых убийств. Действует логика, исходящая из принципа «нет дыма без огня». В современном российском массовом сознании глубоко укоренилось убеждение, что если чеченцев убивают, значит, они сами это заслужили. Точно так же и с тем же успехом в массовом сознании даже мирных чеченских жителей присутствует убежденность в том, что если русских убивают, значит, они тоже сами в этом виноваты.

После Второй мировой войны, когда мир узнал о преступлениях гитлеровцев против евреев, в странах антигитлеровской коалиции был зафиксирован рост антисемитизма. Выраженные антисемитские настроения фиксировались в ГДР в 1970-е годы среди молодежи 18-23 лет, по определению не видевших евреев в жизни вообще (в послевоенной Германии, по понятным причинам, их практически не было). После армянского погрома в азербайджанском Сумгаите в 1988 году, первого массового кровопролития на этнической основе на территории бывшего СССР, делались заявления о том, что хотя погром, конечно, вещь плохая, но в армянах есть что-то такое, что провоцировало погромщиков. Подтекст: они сами виноваты.

«Естественно, не все люди имеют одинаковую склонность участвовать в актах геноцида. Вероятность участия повышают авторитарность, плохое образование, низкая самооценка, низкий уровень социальной адаптированности, ощущение себя аутсайдером и неудачником. Участники погромов - люди, не умеющие работать на отсроченной мотивации, они требуют результатов немедленно. Но немедленные изменения - это не реальная жизнь, в ней все меняется постепенно, а чудеса - сказка, добрая или страшная. Погром и является воплощением такой сказки, когда враги исчезнут и все твои проблемы решатся, как по мановению волшебной палочки».

Как правило, погромщики не готовы к сопротивлению. Они уверены в том, что сопротивления не будет, что жертвы не способны к нему и согласны быть жертвами. Убежденность в отсутствии сопротивления и полной безнаказанности входит в идеологию геноцида и конституирует весь психологический «симптомокомплекс геноцида». Они не думают о том, что могут быть наказаны. Они не верят, что их могут убить, защищаясь, те, на кого они нападают. Любой вред и ущерб, нанесенный им в ходе погрома, они воспринимают как неоправданную агрессию со стороны жертв и как явное нарушение ими некой «неписаной конвенции», в которой одни обречены убивать, а другие - быть убитыми. Они абсолютно уверены в том, что никогда не предстанут ни перед каким судом, ни официальным, ни общественным. Кстати, именно из-за этого сопротивление жертв, когда оно оказывается, бывает эффективным, несмотря на многократно превосходящие силы нападающих как в физическом, так и моральном планах.

Одним из примеров исключительно успешного морального сопротивления геноциду была демонстрация, состоявшаяся в 1942 году в Берлине. В ней участвовали женщины-немки, мужья которых были евреями. В конце 1930-х годов, несмотря на нацистские репрессии по отношению к евреям, не арестовывали тех из них, которые были женаты на немках. Впоследствии, однако, репрессии коснулись и этой группы, после чего в 1942 году их жены и вышли на улицы с требованием вернуть их мужей домой. Казалось бы, эта наивная демонстрация не могла иметь никаких шансов на успех и, напротив, привела бы только к новым жертвам. Однако все произошло по-другому. Не ожидавшие ничего подобного власти настолько растерялись, что требования были удовлетворены и мужья этих 150 женщин были освобождены из концлагерей.

«Помимо жертвы и погромщика в актах геноцида есть и третий участник - свидетель. Геноцид всегда направлен против меньшинства, и если, например, поджигают дом одного узбека, армянина или представителя любой другой национальности, живущего в инациональном окружении, то, естественно, поджигателей будет всего несколько человек. В то же время толпа, которая стоит вокруг и вроде бы никакого насилия сама не осуществляет, насчитывает десятки людей. Известно, что ни один геноцид, ни один случай массовых убийств не происходил без такой толпы и бурно выражаемого одобрения тех, кто не участвует в актах насилия. Погром в Сумгаите был осуществлен примерно 50 бандитами, которые убивали, насиловали и поджигали, переходя от квартиры к квартире. Но эту относительно небольшую группу сопровождала толпа, примерно человек 300, которая не

принимала участия в зверствах, но бурно одобряла все, что совершали погромщики. И все это происходило в городе с населением в 100 тысяч человек, в котором была создана та атмосфера одобрения насилия по отношению к армянам, без которой, по всей вероятности, не мог бы произойти и сам погром»[\[133\]](#).

Свидетель - особая психологическая фигура в психологии терроризма. Без их одобрения и поддержки невозможно не только массовое, но даже индивидуальное насилие. Баскский или североирландский сепаратизм давно бы «сошел на нет», если бы не было тех свидетелей, той «социально-психологической базы», ради одобрения которых действуют террористы. Как правило, нормальные люди не нарушают общепринятых норм и опасаются подвергнуться санкциям за такие нарушения. Те, кто участвует в актах насилия, нуждаются в том, чтобы их террористические действия были санкционированы какой-либо сочувствующей им общностью. Они нуждаются в том, чтобы их действия были признаны не просто правильными, но и героическими. Им требуется одобрение тех, во имя кого, по представлению самих террористов, они действуют. Для этого пригодится и непосредственный свидетель ~ та же толпа, но лучше всего массовый свидетель. Вот почему террористы падки на внимание прессы.

Известно и другое: без свидетелей не было бы террора. Свидетелями являются все - и соседи, и сограждане, и мировое сообщество. Осуждение со стороны всех этих уровней, психологическая изоляция - уже достаточные факторы для того, чтобы заронить в погромщиках сомнения в правильности и санкционированности их действий. Это один из путей к снижению вероятности актов геноцида.

Виктимология террора

Виктимология - наука о жертвах и, в частности, о психологических особенностях жертв. Известно, что далеко не всякие люди оказываются в числе жертв, например, террористических актов. Есть некая непонятная, загадочная предрасположенность, особая «жертвенность», пока еще недостаточно изученная наукой. Один из самых свежих примеров имеет имя. Его зовут Марк Соколов. Он чудом уцелел 11 сентября 2001 года, успев спуститься с 38-го этажа того из небоскребов Всемирного торгового центра, который был протаранен первым самолетом, угнанным террористами. Этот человек не просто пережил сильнейший психологический шок. Кроме того, он был тяжело ранен обломками рушащегося здания, поскольку не успел слишком далеко отбежать от места катастрофы. Однако всего этого было мало. После пребывания в госпитале он поправился и решил навестить родственников в Иерусалиме, а заодно и помолиться Богу в святых местах за чудесное спасение от неминуемой гибели. Однако 20 января 2002 года правомерность существования виктимологии подтвердилась в Иерусалиме. М. Соколов ждал своего израильского друга, который хотел передать через него посылку родственникам в Нью-Йорке, на улице, около небольшого кафе. В ожидании, он зашел в это кафе, чтобы выпить чашечку кофе. Именно в этот момент взорвалась бомба: на воздух взлетела половина этого кафе вместе с палестинским террористом-камикадзе, который вошел в него вслед за М. Соколовым. С тяжелейшими ранениями, жертва теперь уже повторного террористического акта, он вновь оказался в госпитале - теперь уже израильском. Согласитесь, трудно считать это случайным совпадением. Бомбы падают дважды в одни и те же воронки - особенно, если в них прячутся одни и те же люди.

К сожалению, пока виктимология сосредоточена почти исключительно на жертвах бытового насилия - прежде всего, сексуального. Однако это - лишь частная сторона вопроса. Масштабные виктимологические исследования пока еще впереди. Ясно, что частые террористические акты последних лет активизируют такие исследования, однако они упираются в некоторые объективные трудности.

Как уже говорилось, изучение психологии жертв террора обычно представляет собой сложное дело. Во-первых, мало кто из жертв остается живым и достаточно сохранным. Во-вторых, оставшиеся в живых не хотят вспоминать о происшедшем и тем более говорить об этом. Показательные цифры: из более трех тысяч свидетелей и потерпевших в результате

террористической акции чеченских боевиков во главе с С. Радуевым против жителей дагестанского г. Кизляр (захват больницы, заложников и т. д.) приехали на судебный процесс над С. Радуевым всего лишь около шестидесяти, а согласились выступить в суде еще меньше людей. К тому же понятно, что их допросы преследовали юридические, а не психологические цели.

Тем больший интерес представляет исследование, проведенное Н. Пуховским в г. Буденновске сразу после аналогичного террористического акта, осуществленного также чеченскими боевиками во главе с Ш. Басаевым летом 1995 года. Оно дает возможность оценить как общие психологические черты разных типов жертв террора (непосредственно пострадавших от террористических действий заложников, их родственников, а также невольных свидетелей - жителей города), так и отдельные психопатологические особенности этой жертвенной психологии, а также быструю динамику психологии жертв и те психологические последствия, которые остаются в ней даже спустя время после совершения самого террористического акта.

Первоначальная «атмосфера растерянности и страха (террора), царившая в городе в первые дни после нападения, быстро сменилась на двойственную, внутренне противоречивую атмосферу бессильной, беспомощной подверженности чужой злой воле, ожидания вреда и ущерба, с одной стороны, и оскорбленного достоинства, настороженности и повышенной готовности к отражению угрозы, с другой. Все это проявлялось расстройствами поведения и деятельности - почти полным падением трудоспособности, концентрацией внимания на психотравмирующих событиях, пандемическим распространением слухов. Широкая распространенность расстройств сна (бессонница), избытие жалоб на плохое самочувствие... сопутствовали подспудному чувству вины в форме самоупрека за испытываемое чувство радости и облегчения, что «миновала чаша сия»^[134].

Первая группа лиц, вовлеченных в террор, ~ близкие родственники заложников и «пропавших без вести» (предположительных заложников) - внезапно оказалась в ситуации «психологического раскачивания»: они метались от надежды к отчаянию. Все эти люди обнаружили острые реакции на стресс с характерным сочетанием целого комплекса аффективно-шоковых расстройств (горя, подавленности, тревоги), паранойяльности (враждебного недоверия, настороженности, маниакального упорства) и соматоформных реакций (обмороков, сердечных приступов, кожно-аллергических высыпаний).

В силу мощного, причем очень стойкого, ригидного отрицательного аффекта, они заражали значительную часть благополучного населения города (которых непосредственно не коснулся террористический акт) отрицательными эмоциями, а также сомнениями в отношении возможности эффективной помощи и искреннего сочувствия со стороны людей, специально приехавших в город для ликвидации чрезвычайной ситуации. Основными индукторами такого рода эмоциональных состояний стали пожилые родственники заложников, у которых ресурсы адаптации были объективно снижены и которые в силу этого вызывали повышенное сочувствие к себе, а также чувство самоупрека собственной вины у относительно благополучного окружения.

Состояние представителей второй группы - только что освобожденных заложников - определялось остаточными явлениями пережитых ими острых аффективно-шоковых реакций. В клинко-психологическом плане это была достаточно типичная картина так называемой адинамической депрессии с обычно свойственными ей «масками» астении, апатии, ангедонии - неспособности испытывать удовольствие. Характерным было массовое нежелание жертв террора вспоминать пережитое, стремление «скорее приехать домой, принять ванну, лечь спать и все забыть, поскорее вернуться к своей обычной жизни». Особо отметим навязчивое желание поскорее «очиститься», в частности, «принять ванну» - оно было особенно симптоматичным и высказывалось многими освобожденными заложниками.

По рассказам самих освобожденных заложников, в ситуации заложничества среди захваченных людей наблюдалось поведение трех типов. Первый тип - это регрессия с «примерной» инфантильностью и автоматизированным подчинением, депрессивное переживание страха, ужаса и непосредственной угрозы для жизни. Это апатия в ее прямом, немедленном виде. Второй тип - это демонстративная покорность, стремление заложника «опередить приказ и заслужить похвалу» со стороны террористов. Это уже не вполне

депрессивная, а, скорее, стеническая активно-приспособительная реакция. Третий тип поведения - хаотичные протестные действия, демонстрации недовольства и гнева, постоянные отказы подчиняться, провоцирование конфликтов с террористами.

Понятно, что разные типы поведения наблюдались у разных людей и вели к разным исходам ситуации для них. Третий тип отличал одиноких людей, мужчин и женщин, с низким уровнем образования и способностью к рефлексии. Второй тип был типичен для женщин с детьми или беременных женщин. Первый тип был общим практически для всех остальных заложников.

Кроме таких, назовем их общеповеденческими, различий, отдельно отмечались специфические психопатологические феномены двух типов.

Феномены первого типа - ситуационные фобии. В очаге чрезвычайной ситуации заложники испытывали явно ситуационно обусловленные интенсивными боевыми действиями агорафобические явления. Это были боязнь подойти к окну, встать во весь рост, старание ходить пригнувшись, «короткими перебежками», боязнь привлечь внимание террористов и т. п. Естественно, все это определялось стремлением уцелеть в происходящем вокруг бое. Однако уже в ближайшие дни после своего освобождения заложники с выраженным аффектом жаловались на появление навязчивой агорафобии (ландшафтофобии) и склонности к ограничительному поведению. У них вновь появились такие симптомы, как боязнь подходить к окнам - уже в домашних условиях; боязнь лечь спать в постель и желание спать на полу под кроватью, и т. п. Наиболее характерны такие жалобы были прежде всего для молодых женщин, беременных или матерей малолетних детей. Напомним: в ситуации заложничества их поведение отличалось максимальной адаптивностью (демонстрационной покорностью) - за этим стояло стремление спасти своих детей. Действия террористов эти женщины оценивали с позиций отчуждения: «Они обращались с нами хорошо - как хороший хозяин с бараном, которого намерен зарезать к Новому году». Спустя некоторое время после своего освобождения они вновь вернулись примерно к тому же типу поведения. Либо заложничество оставляет такие сильные и длительные, хронические последствия, либо поведение данных лиц вообще отличается такими особенностями.

Второй тип феноменов - это ситуационные дисторсии. В структуре «синдрома заложника» уже после освобождения иногда возникали высказывания о правильности действий террористов; об обоснованности их холодной жестокости и беспощадности - в частности, «несправедливостью властей»; об оправданности действий террористов стоящими перед ними «высокими целями борьбы за социальную справедливость»; о «виновности властей в жертвах» в случае активного противостояния террористам и т. п. Такие высказывания, по сути соответствующие «стокгольмскому синдрому», были характерны для немолодых, одиноких мужчин и женщин с невысоким уровнем образования и низкими доходами. Эти высказывания были пронизаны аффектом враждебного недоверия и не поддавались критике. Парадоксально, но такие оценки возникли только после освобождения - в период заложничества именно эти люди демонстрировали описанное выше поведение третьего типа, отличались хаотичными протестными действиями, провоцировавшими конфликты и угрозы агрессии со стороны террористов. Судя по всему, такое реактивное оправдание террористов можно рассматривать как проявление своеобразной «истерии облегчения».

Таким образом, сравнительно массовая психология жертв террора складывается из пяти основных слагаемых. Они могут быть выстроены хронологически. Это страх, сменяемый ужасом, вызывающим либо апатию, либо панику, которая может смениться агрессией. Мужчины и женщины в качестве жертв террора ведут себя по-разному. Определенные поведенческие различия связаны с уровнем образования, развитостью интеллекта и уровнем благосостояния человека (чем меньше у него есть чего терять, тем больше склонность к хаотичному, непродуктивному протесту). Спустя время после террористического акта у его жертв и свидетелей сохраняется психопатологическая симптоматика - прежде всего, в виде отложенного страха, а также разного рода фобий и регулярных кошмаров. Отдельные факторы и обстоятельства можно считать некоторыми «чертами виктимности». В описанных случаях такими чертами был пол (жертвами, прежде всего, становились женщины), наличие маленьких детей или же состояние беременности.

Резюме

Подведем некоторые промежуточные итоги. Смысл террора - в устрашении людей. Либо это устрашение общества за счет террористических актов против его отдельных представителей, либо массовый террор.

В основе террора лежит страх достаточно большого числа людей. Это то самое чувство, которое в первую очередь вызывается у людей террористическим актом. Нет страха - нет террора. Страх определяется как эмоция, вызываемая надвигающимся бедствием. Страх - это предвосхищение угрозы. Страх - это сильное специфическое отрицательное переживание, негативная эмоция особой интенсивности. Страх складывается из определенных и вполне специфических физиологических изменений, экспрессивного поведения и специфического переживания, проистекающего из ожидания угрозы или опасности. Первичными и наиболее глубинными причинами, вызывающими страх, являются боязнь физического повреждения и опасения смерти. Они прямо связаны с инстинктом самосохранения, свойственного всем живым существам. И чем беззащитнее человек, тем сильнее проявляется этот инстинкт.

Страх редко ощущается при непосредственном приближении опасности. Обычно в этот момент действует инерция предыдущего эмоционального состояния, в котором находился человек. Однако, как правило, страх овладевает человеком спустя некоторое время после опасной ситуации и продолжает преследовать его потом в аналогичных или похожих ситуациях. Так действует механизм «отложенного страха», на котором, в основном, и играют террористы.

Умеренный страх, в целом, обычно играет достаточно адаптивную роль - он заставляет человека учитывать многочисленные риски повседневной жизни и, по возможности, заранее минимизировать их.

Крайняя степень страха - это ужас. В отличие от просто страха, сигнализирующего о вероятной угрозе, предвосхищающего ее и сообщающего о ней, ужас констатирует неизбежность бедствия. Соответственно, ужас вызывает иные, нежели просто страх, реакции, иное поведение людей. Субъективное переживание страха ужасно. Оно может заставить человека оцепенеть на месте, тем самым приводя его в абсолютно беспомощное состояние, или, наоборот, может заставить его броситься наутек, прочь от опасности. Первый тип поведенческой реакции - оцепенение и, в результате, беспомощность обычно преобладают в жизни. Второй тип реакции - бегство - представляет собой общий способ ответа как на страх, так и на ужас. Значит, бегство не специфично для ужаса, как не специфичны для него и другие следствия страха. Ужас никогда не вызывает стремления исследовать вызвавший его объект - напротив, он парализует даже ориентировочные рефлексы. В отличие от страха, при ужасе нет ни удивления, ни интереса. Реакция бегства возможна и при ужасе, но только как вторичная, когда ужас несколько ослабевает, для чего необходимо время.

Основными поведенческими следствиями страха и ужаса являются паника, агрессия и апатия. Паника - особое эмоциональное состояние, возникающее как следствие либо дефицита информации о какой-то пугающей или непонятной ситуации, либо ее чрезмерного избытка, и проявляющееся в стихийных импульсивных действиях. Паника - сложный, промежуточный, психо-поведенческий феномен. На основе паники как эмоционально-поведенческого состояния возникают массовые панические толпы со специфическим поведением. В общепринятом смысле, под паникой понимают массовое паническое поведение, обусловленное страхом (ужасом).

Не менее заметным видом поведения является стихийная агрессия, обычно определяемая как массовые враждебные действия, направленные на нанесение страдания, физического или психологического вреда или ущерба, либо даже на уничтожение других людей или общностей. Это тоже террор, только с другой стороны: террор массы, подчас направленный против тех террористов, которые вызвали страх, ужас и панику массы. Он проявляется в разных формах - например, в форме геноцида и массовых убийств. Психологически, за агрессией - разрушительным поведением стоит внутренняя агрессивность - эмоциональное состояние, в основе которого лежат гнев и раздражение, возникающие как реакция на фрустрацию, на переживание непреодолимости неожиданных барьеров или недоступность чего-то желанного. Такое состояние может возникать как реакция на ту

фрустрацию, которую вызывает террор.

Апатия или смирение - третий вид массовых реакций на террор. Более того: в той или иной степени, но все реакции на террор, и страх, и ужас, и паника, и агрессия, если не дают быстрого результата, спасения или устранения террористов, то рано или поздно заканчиваются истощением. Тогда и приходит апатия - когда двигательная и психическая активность человека падают вследствие панических или агрессивных реакций. Исследования показывают, что апатия может развиваться в двух формах: как непосредственная реакция на террор и как отсроченная реакция, представляющая собой завершение сложной цепи психологических реакций на тот же террор.

Виктимология террора фиксирует три типа поведения в ситуации заложничества. Первый тип - регрессия с «примерной» инфантильностью и автоматизированным подчинением, депрессивное переживание страха, ужаса и непосредственной угрозы для жизни. Это апатия в прямом, немедленном виде. Второй тип - демонстративная покорность, стремление заложника «опередить приказ и заслужить похвалу» со стороны террористов. Это стеническая активно-приспособительная реакция. Третий тип - хаотичные протестные действия, демонстрации недовольства и гнева, отказы подчиняться, провоцирование конфликтов с террористами. Третий тип отличает одиноких людей, мужчин и женщин с низким уровнем образования и способностью к рефлексии. Второй тип характерен для женщин с детьми или беременных. Первый тип - общий для всех остальных заложников.

Часть 3.

Психология террориста

Психологическая структура террористической деятельности

Мотивация

Личность террориста

Патологический компонент

Аномия

Ущербность

Логика и мышление. Эмоции. Моральные проблемы

«Синдром Зомби»

«Синдром Рэмбо»

«Синдром камикадзе-шахэда»

Преодоление страха смерти

Психологические типы террористов

Психология террористической группы

Разобравшись с нашими собственными, массовыми, так сказать, «жертвенными» переживаниями при столкновении с террором, теперь обратимся к нашим противникам - к той самой «темной фигуре с неразличимым лицом», которую теперь именуем неопределенным понятием «международный терроризм». Кто же он такой, этот террорист? Чем руководствуется, совершая насилие и сея ужас? Чем отличается от нас, обычных людей, столь же обобщенно именуемых «мирными жителями»? И еще один, теперь уже не совсем привычный вопрос: за что они нас наказывают?

Это значит, что мы не будем рассматривать здесь все насилие как таковое. Нас не интересуют люди, отвечающие на вопрос «Почему?» простыми фразами типа: «Убил потому, что хотел убить!» Нас не интересует немотивированное насилие или же насилие вынужденное, оборонительное. Не очень интересует нас здесь и официальное, профессиональное, государственное насилие. Конечно, небезынтересно было бы понять, например, психологию личности палача, однако такой анализ относится скорее к психологии профессиональной деятельности, а не к террору. Нас интересует такое насилие, смыслом и целью которого является не просто насилие как таковое, а его последствия в виде запугивания других людей, не являющихся непосредственными жертвами данного насилия. Это насилие, имеющее сложную мотивацию, что связано, прежде всего, со сложной структурой

террористической деятельности. Естественно, ее можно рассматривать по-разному: объективно, с внешней стороны, и субъективно, со стороны самого террориста. Картины будут различаться, но наша задача состоит в том, чтобы совместить их, добившись «многомерности изображения».

В. Пирожков полагает:

«Террорист в момент совершения теракта кажется себе мужественным, благородным, жестоким, бескомпромиссным борцом за «справедливость». Так, «политическому террористу» кажется, что во имя достижения понимаемой им справедливости можно и должно жертвовать жизнями других людей. «Экономический» террорист убежден, что действия его конкурента несправедливы и требуют «крайних мер». «Психологическому террористу» кажется, что общество не позволило реализовать заложенные в нем возможности и он может кануть в Лету неизвестным, а совершая теракт, он не только реализует возможность власти над людьми, но и прославляется на века своим мужеством»^[135]. Верно и то, и другое, и третье.

В основе этой части книги лежат далеко не только литературные описания и давно известные заключения. В свое время, работая в Институте общественных наук при ЦК КПСС (обычно именовавшемся за рубежом «Международной ленинской школой для подготовки террористов»), мне доводилось преподавать социальную психологию и пропаганду членам целого ряда борющихся за власть в своих странах политических партий и организаций, в том числе и откровенно экстремистско-террористического типа (например, бойцам Народного фронта освобождения Палестины, активистам намибийской организации СВАПО, иранским феодинам и т. д.). Естественно, невозможно было удержаться от соблазна и не попытаться провести хотя бы скромные, локальные и, разумеется, совершенно «подпольные» собственные исследования психологических особенностей наиболее откровенных (не скрывавших этого, гордившихся этим) участников разных террористических актов. Затем, уже работая советником высших руководителей Афганистана в период советской оккупации этой страны, я имел возможность многократно лично общаться и, в доступной мере, изучать психологию террористов-моджахедов («душманов»), задержанных за выполнение тех или иных террористических актов против мирного населения (прежде всего, организаторов частых взрывов в Кабуле).

Первоначально передо мной, как первым и единственным профессиональным психологом в Афганистане, была поставлена простая практическая задача: попытаться как-нибудь сократить число постоянно звучащих в столице страны взрывов, жертвами которых были не военные, а исключительно мирные афганские жители и советские люди. Через некоторое время задачу удалось решить. Психологический анализ показал, что террористы-моджахеды испытывали сильный внутренний мотивационный конфликт. С одной стороны, они должны были выполнить задание и осуществить взрыв. С другой стороны, действовал и мотив самосохранения: им очень хотелось уцелеть, не попасться в руки органов охраны порядка и, вернувшись в Пакистан, получить обещанные деньги за осуществленный теракт. Понятно, что, таким образом, мотив совершения эффективного террористического акта вступал в конфликт с мотивом безопасности, а мотив заработать деньги - с мотивом их получить. На этом конфликте мотивов и удалось успешно сыграть: мы создали ситуацию такого равновесия этих конфликтующих мотивов, при котором террористу удавалось и задание выполнить, и самому наверняка уцелеть. Правда, выполнить задание удавалось ценой серьезного снижения качества его выполнения. Наши спецслужбы стали специально «подставлять» потенциальным террористам такие «площадки», на которых можно было легко осуществить взрыв как для террориста (в смысле путей отхода), так и для нас - в смысле отсутствия массового посещения этих мест советскими людьми. В итоге все быстро оказались вполне довольны. Террористы производили свои взрывы и получали, вернувшись в Пакистан, свое вознаграждение. В Пакистане тоже были довольны: как же, шла активная террористическая война против Советов. Но больше всего были довольны мы - ведь реально шума было много, но зато жертвы практически прекратились.

В ходе работы по этому эпизоду, мне удалось самому получить и более широкое представление о психологии террориста. Тем интереснее теперь сравнить личные наблюдения и данные собственных исследований с тем, что известно из литературы. Перед этим, однако,

повторим привычные и необходимые оговорки относительно сложности изучения психологии террористов. Они естественны для всех попыток такого рода и абсолютно правомерны. Хотя... Трудности понятны, но изучать же надо!

«Изучение членов террористических групп - дело крайне трудное. Пока террористы на свободе, они, практически, недоступны для исследования. Они готовы встречаться, но не с исследователями, а с журналистами, и используют эти встречи, прежде всего в целях саморекламы. Информация, которую можно получать от таких встреч, вряд ли может считаться валидной. С другой стороны, террористы вполне доступны, когда их группы обезврежены и они находятся в тюрьме. Но в этом случае они могут не менее активно искажать информацию в расчете на снисхождение, амнистию, снижение сроков, а, кроме того, сам факт прекращения террористической деятельности может очень сильно повлиять на этих людей. Они могут пересматривать свои взгляды, как это случилось, например, с лидерами группы Баа-дер-Майнхопф, которые, отбывая в тюрьме пожизненное заключение, поняли полную наивность своих действий. Таким образом, при попытке изучения террористов мы сталкиваемся с теми же проблемами, которые возникают при исследовании самоубийц. Нельзя изучать тех, кто действительно покончил с собой, а можно - лишь тех, кто пытался покончить с собой, но сделал это неудачно. Мы никогда не знаем, насколько данные по этой, доступной для изучения группе могут быть экстраполированы на другую группу»[136].

Тем не менее все эти трудности приходится преодолевать. По результатам тех контактов, которые есть у действующих террористов с журналистами, по результатам исследований уже арестованных и обезвреженных террористов, по данным собственных наблюдений и литературным данным можно сделать определенные выводы о том, что это за люди.

Психологическая структура террористической деятельности

Анализ большинства высказываний самих террористов демонстрирует, что террор - не просто «работа» или «профессия». Это нечто большее - определенный способ жизни и деятельности, который целиком захватывает человека и подчиняет его себе. Это понятно: при всей опасности и рискованности террора как сферы занятий он требует подчинения всего человека. Террор не может быть просто увлечением в свободное время, своеобразным «хобби». Иначе же степень риска многократно возрастает, и террорист-любитель обречен на неудачу в конкретном деле и скорый провал вообще. Провал же одного террориста обычно тянет за собой провал всей организации.

Нельзя рассматривать террористическую деятельность и как вполне примитивный бандитизм. Все обстоит значительно сложнее, хотя насилие и составляет стержень такой деятельности, а элементы бандитизма в ней видны невооруженным глазом. Тем не менее терроризм к бандитизму не сводится. Поверим опытному полковнику советской разведки: «По ходу описания мы употребляем слово «бандиты» по отношению к похитителям. Мы будем и далее называть их так чисто условно. Конечно, они не бандиты в обычном понимании. Это члены экстремистской религиозно-политической организации (или организаций) с присущей ей дисциплиной, идеологией и нравственными нормами, хотя довольно своеобразными, но вполне определенными. Эта четкость и определенность, наряду с логичностью действий террористов, позволяла пленникам в какой-то степени прогнозировать их поведение и их дальнейшие шаги, что было немаловажно в той ситуации»[137].

Классик террора Б. Савинков когда-то писал:

«Существование террористической организации... невозможно без дисциплины, ибо отсутствие дисциплины неизбежно приводит к нарушению конспирации, а таковое нарушение в свою очередь неизбежно влечет за собой частичные или общие всей организации аресты. Дисциплина же террористической организации достигается не тем, чем она достигается, например, в армии, - не формальным авторитетом старших; она достигается единственно признанием каждого члена организации необходимости этой дисциплины для

успеха данного предприятия. Но если у организации нет практического дела, если она не ведет никаких предприятий, если она ожидает в бездействии приказаний центрального комитета, словом, если она «находится под ружьем», т. е. люди хранят динамит и ездят извозчиками, не имея перед собой непосредственной цели и даже не видя ее в ближайшем будущем, то неизбежно слабеет дисциплина: отпадает единственный импульс для поддержания ее. А с ослаблением дисциплины организация становится легкой добычей полиции»[138].

Известное исламское террористическое движение «Хамаз» учит своих боевиков: «Успех борьбы зависит от того, насколько нам удастся запугать противника и сломить его сопротивление. Для этого необходимо совершать акции устрашения во имя Аллаха, причем каждая акция должна быть хорошо спланирована и иметь смысл. Планирование подразумевает полную дисциплину, подчинение плану и решениям руководителей. Акции должны идти одна за другой; противник ни на минуту не должен чувствовать себя спокойно. Воины Аллаха - борцы, в этом постоянный смысл всей их жизни».

Из сказанного понятно, что жизнь террористической организации в целом, как и каждого террориста в отдельности протекает в непрерывном движении, в котором подготовка террористического акта сменяется его осуществлением для того, чтобы сразу же начался поиск объекта следующего теракта. То есть это постоянная форма жизни и регулярной деятельности.

Всякая деятельность имеет свою психологическую структуру. Согласно базовой схеме А. Леонтьева[139], любая деятельность имеет трехчленное строение. Деятельности в целом соответствует мотив - предмет потребности человека, на удовлетворение которой направлена деятельность. Мотив как предмет, удовлетворяющий потребность, обладает двумя функциями. Во-первых, это побудительная функция, побуждающая человека к данной деятельности. Во-вторых, смыслообразующая функция, придающая данной деятельности особый личностный смысл. Деятельность распадается на действия, каждое из которых направлено на достижение целей. Обычно достижение мотива всей деятельности как раз и складывается из реализации цепочки промежуточных целей. Действия, в свою очередь, складываются из отдельных операций. Операция - первичная единица деятельности. Это задача, данная в определенных условиях. Решая такие задачи, человек совершает действие. За счет осуществления цепочки действий достигается мотив, то есть осуществляется определенная деятельность.

С данной точки зрения, террор можно представить как особый вид деятельности, основным, главным объективным мотивом которого является достигаемое каким-либо образом устрашение других людей. Наличие такого объективного мотива, разумеется, ни в коем случае не отменяет множества различных субъективных мотивов, которыми руководствуются отдельные террористы. Однако, объективно, именно чужой страх, как мотив, движет действиями террориста и придает смысл всему его существованию. Для достижения такого объективного мотива, то есть для массового распространения страха, террорист совершает самые различные действия: готовит оружие, выслеживает жертвы, присматривает место совершения будущего террористического акта, решает транспортные вопросы и т. д. Каждое действие распадается на отдельные операции: например, подготовка оружия складывается из его выбора, приобретения, приведения в боевое состояние, проверки, оснащения боеприпасами, маскировки и т. д.

Все, что находится над мотивом, как правило, представляет собой мотивировки - те или иные специально выстроенные или заимствованные у кого-то, усвоенные людьми извне идейно-риторические конструкции, так или иначе объясняющие для них и оправдывающие деятельность террориста, придающие ей некий «высший смысл» и осеняющие ее той или иной надличностной идеей. В зависимости от масштаба такой идеи террористическая деятельность приобретает ту или иную идеологическую окраску. Мотивировки могут быть более или менее развернутыми, носить программный, стратегический, или конкретно-ситуативный, чисто тактический характер.

Наличие мотивировок не всегда обязательно: иногда люди все-таки занимаются террором просто потому, что им это нравится. Более того, в террор никогда не идут «насильно» - им занимаются исключительно те, кому нравятся подобные занятия. Однако

здесь и таится главный вопрос: почему им это нравится? Так или иначе, но в ответе на этот вопрос террорист и обнаруживает свое отличие от обычного убийцы. Для террориста очень важны идейно-риторические компоненты. Он совершает безличностное убийство - в том смысле, что не знает и никак лично не относится к своей жертве. В отличие просто от обычного уголовника, террорист совершает идейное преступление. И во всех подобных случаях террористы всегда нуждаются в каких-то оправданиях - «безыдейное», обычное преступление возможно далеко не для каждого человека. Более того, осознанно совершенное чисто уголовное преступление все-таки психологически возможно только для единиц. Как правило, любой убийца в той или иной форме решает для себя сложные нравственные вопросы; он ищет и находит для себя те или иные мотивировки, оправдывающие, как бы «легитимирующие» (психологически «узаконивающие», объясняющие) его преступление если не в юридическом, то хотя бы в житейско-человеческом смысле.

Сложности анализа личностных компонентов деятельности террориста связаны с тем, что эта деятельность принципиально надличностна. Тем не менее, осуществляют ее личности. В этом заключен серьезный парадокс, осложняющий весь анализ. Сами террористы, с субъективной точки зрения, многократно уверяли, что именно в идейном терроре происходит освобождение «акции» (деятельности) от индивидуально-личностных наслоений. Некая идея (даже просто идея террора, независимо от наличия или отсутствия его идеологических и политических обоснований) вроде бы освобождает деятельность от личности. Известно, например, что тот же самый Б. Савинков многократно был готов отказаться от идейных позиций партии социалистов-революционеров (как он отказался до этого от социал-демократических идей) ради сохранения своей преданности идефикс - террористической деятельности. В итоге, Савинков так и сделал: он многократно менял свои идейно-политические воззрения, но всегда сохранял преданность террору как «работе», то есть как особой форме деятельности. Изучение субъективных самоотчетов и воспоминаний самих террористов явственно демонстрирует: как правило, не имеет значение то, кто именно из террористической группы осуществляет конкретное преступление. То есть личностный фактор всегда, причем совершенно открыто и вполне целенаправленно минимизировался теоретиками терроризма.

Обратим внимание на то, как обрисован крайний вариант российского террориста-революционера в знаменитом «Катехизисе революционера» В. Нечаева[140].

Там он выглядит следующим образом: это всегда «обреченный человек. Он не имеет личных интересов, дел, чувств, привязанностей, собственности, даже имени. Все в нем захвачено одним исключительным интересом, одной мыслью, одной страстью: революцией», которая тогда выделась, прежде всего, как террор. Такой человек «порвал с гражданским порядком и цивилизованным миром, с моралью этого мира. Он живет в этом мире, чтобы его уничтожить. Он не должен любить и науки этого мира. Он знает лишь одну науку - разрушение». Террорист-революционер, то есть террорист, легитимированный революционной идеей (безотносительно к ее содержанию), «уничтожает всех, кто мешает ему достигнуть цели. Тот не революционер, кто еще дорожит чем-нибудь в этом мире. Революционер должен проникать даже в тайную полицию, всюду иметь своих агентов. Нужно увеличить страдание и насилие, чтобы вызвать восстание масс. Нужно соединиться с разбойниками, которые настоящие революционеры. Нужно сосредоточить этот мир в одной силе, всеразрушительной и непобедимой». Такая психология, по Нечаеву, требует полного отречения от мира и личной жизни, исключительной работоспособности, исключительной целостности и сосредоточенности на едином (террористической деятельности), согласия на страдание и пытку, к перенесению которой нужно готовиться.

Таким образом, максимальная операционализация террористической деятельности («террорной работы») обезличивает ее, делает максимально надличностной - во всяком случае, в идеале самих террористов. Жизнь, однако, берет свое: нет и не может быть надличностной деятельности. Террорист - это далеко не бездушный робот. Это не просто разрушительная машина, способная осуществлять свои деструктивные функции бессмысленно и безлично. Главное, без чего никогда не может действовать человек, - это мотив его деятельности, придающий ей личностный смысл.

Мотивация

Наиболее важным вопросом для объективного понимания личности террориста является вопрос о том, ради чего и почему террорист занимается террором - вопрос о его внутренней мотивации. Обобщенный ответ на этот вопрос носит несколько образный характер.

По мнению В. Пирожкова, «в какие бы одежды ни рядились террористы, какие бы цели ни преследовали (политические - захват власти, смена общественного строя; нравственные - достижение ложно понимаемой ими «справедливости»; экономические - устранение ненавистных конкурентов; религиозные - отстаивание чистоты своей веры; психологические - получить известность, прославиться, оставить след в истории и т. п.) - за всем этим стоит стремление испытать власть над людьми. Не случайно говорят: власть - всегда власть. Власть над людьми - это своеобразный наркотик, и кто хотя бы раз его «отведал», тот вновь и вновь стремится к нему. Это показывает и изучение психологии наемничества, лиц, кочующих из одного конфликтного региона в другой. На определенном этапе их перестают интересовать деньги, неотвратимой тягой обладает сама возможность убивать. Поэтому в процессе занятия терроризмом цель теряется - какой бы справедливой она ни выглядела, - а возникает неукротимая жажда испытать власть над людьми»^[141].

На основе анализа деятельности наводившей страх на Европу в 1970-х годах террористической группы Баадера-Майнгоф (которая в 1976 году покончила жизнь самоубийством), Г. Ньюман выделил три основных мотива террористической деятельности. Во-первых, мотив культурологический - по логике террористов, общество надо время от времени «будоражить», лучше всего «с помощью крови». Во-вторых, мотив рациональный - террор трактуется ими как эффективный инструмент политической деятельности. В-третьих, мотив идеологический - террор выступает как прямо навязываемое орудие регуляции социальных процессов. Однако Ньюман подчеркивал, что теория и практика терроризма резко расходятся между собой. Теоретически терроризм «равняет», а в социальной практике противопоставляет людей и группы друг другу, ставя между ними стену страха. На уровне личности терроризм как орудие поиска идентичности превращается в орудие ее ломки. Верно писал И. Задорожник: «...терроризм это почти всегда путь к саморазрушению носителей протеррористического поведения, которое не может не наступить, если сохраняется общество. Террорист или некая группа всегда слепа в постановке и осуществлении своих целей, даже несмотря на тщательную проработку акта террора. Один из важных параметров указанной слепоты - расхождение мотивов, когда малая гомогенная (этническая, социально, религиозно и т.п.) группа как бы навязывает свою волю сообществу, которое гетерогенно, т. е. отличается плюрализмом в постановке и осуществлении своих целей»^[142]. Однако этот самый плюрализм неизбежно порождает значительно больше трех мотивов, выделенных Г. Ньюманом.

В самом общем виде мотивы участия в терроре делятся на два больших блока: корыстные и бескорыстные. С корыстными мотивами, в общем, все достаточно понятно: террор - действительно, определенная работа; как и всякая работа, она стоит денег и может являться способом добычи средств для существования или для продолжения террористической деятельности (хотя в последнем случае она приобретает смешанный характер).

С корыстными мотивами все относительно просто и достаточно понятно. Человека обучают некоторым навыкам, дают аванс и обещают заплатить определенные деньги после того, как он выполнит полученное задание. Желая заработать деньги, он идет и выполняет это задание: взрывает здание, угоняет самолет, убивает политического лидера или производит взрыв в местах массового скопления населения. При такой мотивации, обычно отличающей так называемых профессиональных террористов («профессиональный» - не значит «опытный»; это, прежде всего, означает получение денег за производимую работу), они, в сущности, мало чем отличаются просто от профессиональных киллеров - обыкновенных наемных убийц.

Однако, как правило, сами террористы не соглашались с этим. Впрочем, с этим редко соглашались и самые обычные убийцы - даже они создают для себя и окружающих

всевозможные идейно-риторические конструкции, придумывают разнообразные мотивировки для оправдания своих действий. Так, например, наиболее распространенная из них - идеология волка, считавшего себя «санитаром леса». Или, в научно оформленном виде, давно введенное Р. Мертоном представление о преступнике как «социальной критике общества», то есть органично присущей любому обществу его же собственной части, вскрывающей его недостатки и пользующейся ими.

Разумеется, сами террористы хотят отличаться от криминала и весьма стремятся к этому. Так, например, один из самых известных террористов второй половины XX века, Ильич Родригес Санчес, захвативший в заложники в 1970-е годы группу «нефтяных министров» - представителей стран-членов ОПЕК, потребовал за их освобождение не только весьма значительную сумму денег, но и возможность широкой публикации своего заявления, носившего откровенно идеологический, левацкий смысл. Понятно, однако (и хорошо известно из собственных показаний впоследствии осужденного террориста), что данное заявление играло далеко не ведущую, а лишь вспомогательную, «психологическую» роль. Это заявление, действительно, придавало некий «высокий смысл» террористической деятельности и позволяло отличать ее от чисто криминальной акции. Реально, однако, основным мотивом и здесь была добыча денег, остро необходимых в тот период для поддержки создаваемых Ильичом террористических групп и организаций. Тем не менее необходимо различать «платный» терроризм в чистом, сугубо корыстном виде, и терроризм, направленный на овладение деньгами. Особенно это касается тех случаев, когда деньги идут на то, что сами террористы считают идеологически оправданным, «святым делом» - например, на развитие своих организаций. Исторический опыт показывает: даже такие известные во всем мире террористы, специализировавшиеся на так называемых «эксах» (идейно оправданных «экспроприациях» крупных денежных сумм), как легендарный Камо (Тер-Петросян) или тот же самый Б. Савинков, попадая в руки правоохранительных органов, никогда не судились в качестве уголовных преступников. Значит, даже противники признавали отличие таких «эксав» от обычных уголовных преступлений.

Для всех террористов, причем особенно для тех, кто занимается этой «работой» из корыстных мотивов, важным является вопрос о мотивировке, то есть о том, как он сам объясняет свои действия не кому-то, а прежде всего самому себе. Убийство человека для подавляющего большинства людей всегда остается нравственным преступлением, которое (при минимально сохранном интеллекте) требуется хотя бы объяснить другим людям. Как известно, потребность в понимании - одна из глубинных потребностей человека, делающая его социальным существом. Однако мотивировки, даже искренние, носят все-таки во многом привносимый, внешний характер по отношению к террористу. Анализ реальных субъективных мотивов, которыми, по их собственным словам, руководствовались люди, хотя бы однажды участвовавшие в террористическом акте, позволяет выделить следующие основные группы таких мотивов. Хотя, разумеется, такое выделение носит достаточно условный характер (в реальной жизни люди, в том числе и террористы, руководствуются сложными мотивационными комплексами, включающими несколько мотивов и хотя бы по минимуму одну мотивировку), расположим их по частоте встречаемости в самоотчетах террористов.

Во-первых, это меркантильные мотивы. К сожалению, для террористов именно они оказываются на первом месте (хотя и не всегда являются единственными в мотивационном комплексе террористов), будучи наиболее широко распространенными в современном мире на обширном пространстве от Чечни до Афганистана. Террор, как и любая сфера человеческой деятельности, представляет собой на определенном уровне оплачиваемый труд. Соответственно, для определенного числа людей занятие террором - просто способ заработать. И таких людей в современном мире немало.

Во-вторых, идеологические мотивы. Это более устойчивые мотивы, основанные на совпадении собственных ценностей человека, его идейных позиций с идеологическими ценностями группы, организации, политической партии или любой иной идейно-политической силы. Такой мотив возникает как результат вступления человека в некоторую общность или же, возникнув, сам ведет человека в ту общность, которая соответствует имеющейся у него мотивации. В таких случаях террор становится для него не просто

средством реализации некоторой идеи, а еще и своего рода «заданием», «поручением», «миссией» со стороны данной общности. Множество существующих идеологических мотивов подразделяется на мотивы идейно-политические, чисто политические, религиозные, социальные, социокультурные и т. д.

В-третьих, мотивы преобразования, активного изменения мира. Это очень сильные мотивы, связанные с пониманием несовершенства и несправедливости существующего мира и настойчивым стремлением улучшить, преобразовать его. Как правило, мотивы такого рода в той или иной степени присущи, прежде всего, людям, профессионально занимающимся террором. Их захватывает сам процесс преобразования мира силовыми способами. На самом деле, даже при наличии соответствующих мотивировок, для них не имеет особого значения та или иная идея, для будущего осуществления которой они действуют. Для них террор и есть и инструмент, и цель преобразования мира.

В-четвертых, мотив своей власти над людьми. Это один из наиболее древних, самых глубинных мотивов. От наших животных предков, насилие применялось для утверждения личной власти одной особи над другой. В «снятом» виде это сохраняется в глубине психики террориста. Чем бы он ни прикрывался, какие бы иные мотивы или, тем более, мотивировки он ни приводил, данный мотив в той или иной степени всегда имеет место. Хотя, разумеется, далеко не всякий террорист признается в наличии такого мотива. Тем не менее, через насилие террорист утверждает себя и свою личность, обретая власть над людьми. Вселяя страх, он усиливает эту власть.

В-пятых, мотив интереса и привлекательности террора как сферы деятельности. Для определенного числа, особенно из числа лиц обеспеченных (которых не волнуют меркантильные мотивы) и достаточно образованных (не зашоренных идеологически), террор бывает интересен просто как новая, необычная сфера занятий. Их занимают связанный с террором риск, разработка планов, всевозможные детали подготовки к террористическому акту, нюансы его осуществления. Соответственно, такие люди и избирают террор в качестве сферы приложения своих сил.

В-шестых, «товарищеские» мотивы эмоциональной привязанности в разнообразных вариантах - от мотива мести за вред, нанесенный товарищам по борьбе, единоверцам, соплеменникам, родственникам, соратникам по политической деятельности и т. д., до мотивов традиционного участия в терроре потому, что им занимался кто-то из друзей, родственников, соплеменников или единоверцев. Тогда в террор идут, что называется, «за компанию». Эта группа мотивов основана на сугубо эмоциональных факторах и обычно не имеет никаких рационализирующих мотивировок. Руководствующиеся такими мотивами люди занимаются террором, совсем не вдумываясь в то, зачем и почему они это делают. Ими движут эмоции, им все ясно.

В-седьмых, мотив самореализации. Это - парадоксальный мотив. С одной стороны, самореализация - удел сильных духом людей, наиболее полное осуществление личности, ее полная самоотдача, растворение человека в террористическом акте, вплоть до самопожертвования. Однако, с другой стороны, такая самореализация - признание ограниченности возможностей и констатация несостоятельности человека, не находящего иных способов воздействия на мир, кроме насилия и деструкции. Такая самореализация, оборачивающаяся самоуничтожением, означает, прежде всего, признание факта психологической деструкции личности.

Сравним выделенные нами мотивы с тем, что в литературе обычно называется «стремлением к реализации деформированных социальных потребностей». Мотив - это всегда предмет некоторой потребности человека. Значит, за тем или иным мотивом террористической деятельности действительно лежит та или иная, вполне возможно, деформированная потребность. Криминологи и правоведы считают, что деформируются прежде всего социогенные потребности - в общении, товариществе, уважении, признании, самоутверждении. Собственно говоря, проблема и состоит в том, что в некоторых случаях эти нормальные человеческие потребности искажаются, извращаются, переходят в стремление к превосходству над окружающими, навязыванию своей воли, насилию над другими людьми.

По данным специальных исследований, проведенных правоведами; за 42 % насильственных действий обычно стоит так называемое «стремление к насилию над

окружающими» (мотив демонстрации своей власти над людьми, в нашей терминологии). 25 % лиц, совершающих такие действия, руководствуются стремлением к самоутверждению (у нас - мотив самореализации). 10% исходят из стремления к превосходству над окружающими. 7% - из стремления властвовать. 6 % - из эгоцентризма. Три последних стремления, на самом деле, представляются всего лишь разновидностями предыдущих, основных, - им не соответствуют какие-то новые возможные мотивы. В 90 % случаев потребности, лежащие в основе насилия, связаны с проявлениями своего «я», чаще всего, в извращенной форме. Обратим внимание на то, что, по данным того же исследования, более чем в 80 % случаев эти потребности были вполне осознаны преступниками, в более чем в 30 % случаев имели устойчивую личностную значимость. Еще один показательный факт: «Из деформированных потребностей вытекают и антиобщественные цели, преследуемые в противоправном поведении, направленном на их удовлетворение. Так, в 68 % случаев насильственные преступники стремились к установлению отношений авторитарной власти (подчинения, превосходства и страха)»[143].

Всеми «иными интересами» руководствуются только 10% лиц, совершавших насильственные действия. Среди таких «иных интересов» присутствуют неудовлетворенные потребности в уважении со стороны окружающих, в любви, товариществе (у нас - «товарищеские» мотивы эмоциональной привязанности), в нормальной семейной жизни, в независимости и признании. Правда, эти потребности очень слабо выражены: по 1-2 % случаев. Однако оговоримся: приведенные результаты получены в результате исследования значительного контингента преступников, безотносительно к виду применявшегося ими насилия. Значит, исследуемая нами психика террориста явно отличается от психологии обычного преступника. Как мы видим, террористам свойственны гораздо более «высокие» мотивы и, тем более, мотивировки своих насильственных действий. Возможно, только лишь за одним явным исключением.

Особым, психопатологическим мотивом террористических актов иногда является желание собственной гибели. Так, описывая одного из членов своей боевой группы, Б. Савинков писал, что в нем «гармонично сочетались две основные черты психологии каждого террориста. В нем, в одинаковой степени, жили два желания: желание победы и желание смерти во имя революции. Он не представлял себе своего участия в терроре иначе, как со смертным концом, более того, он хотел такого конца: он видел в нем, до известной степени, искупление неизбежному и все-таки греховному убийству. Но он с не меньшим напряжением желал и победы, желал умереть, совершив террористический акт, трудный по исполнению и значительный по результатам»[144]. На наш взгляд, попытка психологического анализа Б. Савинкова носит исключительно декларативный, демагогически-показательный характер. Наши наблюдения показали, что террористы редко стремятся к собственной гибели - в конце концов, для этого есть значительно более удобные и простые средства, чем организация и осуществление террористического акта. Большинству террористов так или иначе свойствен инстинкт самосохранения. Отдельные исключения из этого правила представляют собой патологические случаи, подробно рассматриваемые далее в рамках изучения «синдрома камикадзе».

Личность террориста

Именно личность террориста всегда привлекала к себе внимание исследователей. Считалось, что стоит изучить это сложноорганизованное целое, как все станет понятным в психологии террориста, и проблема борьбы с ними получит надежную научную базу. Однако именно это оказалось самой сложной, до сих пор не разрешимой задачей.

С. Рощин предлагал три психологические модели личности. Первая модель - психопата-фанатика. Она расшифровывалась следующим образом: это «человек, который руководствуется своими убеждениями (религиозными, идеологическими, политическими) и искренне считает, что его действия, независимо от их конкретных результатов, полезны для общества. Это человек, у которого сфера сознания крайне сужена теми или иными доктринами, и им же подчинена его эмоциональная сфера. Поэтому он оказывается

способным совершить все что угодно. На политическом языке - это фанатик, психологическом - психопат. Психопат может совершить великие и добрые дела, если его устремления и установки совпадают с потребностями общества, но он же способен сотворить огромное зло, если мотивы его действий носят объективно антиобщественный характер. Любой психопат-фанатик может стать террористом». Это верно, но объясняет только часть проблем.

Вторая модель, фрустрированного человека, базируется на бихевиористской теории фрустрации-агрессивности: «Чувство фрустрации, порожденное невозможностью для человека по каким-то причинам достичь жизненно важных для него целей, неизбежно порождает у него тенденцию к агрессивным действиям. Сознание в этом случае может сыграть роль инструмента в рационализации этих действий, то есть в подборе тех или иных поводов для их оправдания. Если не абсолютизировать названную концепцию как единственный и универсальный способ объяснения агрессивного поведения человека, то можно признать, что в отдельных случаях она применима для понимания склонности человека к террористическим актам». Отчасти и это верно.

Третья модель - человека из ущербной семьи. «Жестокое обращение родителей с ребенком, его социальная изоляция, дефицит добрых отношений могут привести к формированию озлобленной личности с антисоциальными наклонностями. При определенных условиях люди такого психологического склада легко могут стать инструментами террористической организации». В целом и это верно. Однако, в целом, единой четкой и целостной картины не возникает.

С. Ениколопов вообще считает, что, несмотря на наличие определенного числа общих психологических характеристик, говорить о существовании единого личностного террористического комплекса нет оснований. Он выделяет два относительно явных психологических типа, часто встречающиеся среди террористов. «Первые отличаются высоким интеллектом, уверенностью в себе, высокой самооценкой, стремлением к самоутверждению, вторые - не уверены в себе, неудачники со слабым «Я» и низкой самооценкой. Но как для первых, так и для вторых характерны высокая агрессивность, постоянная готовность защитить свое «Я», стремление самоутвердиться, чрезмерная поглощенность собой, незначительное внимание к чувствам и желаниям других людей, фанатизм. Для большинства террористов характерна тенденция к экстернализации, к поиску источников своих личных проблем вовне. Они проецируют низкооцениваемые составляющие своего «Я» на истеблишмент, который воспринимается как источник угрозы»^[145].

Соглашаясь с перечислением таких отдельных признаков к качеств личности, придется признать, однако, недостаточную продуктивность и этого пути. Из сказанного следует одно: значит, понимание личности должно быть сложнее. Ключ к ее пониманию - не поиск умозрительных моделей и не бесконечный перечень качеств, а мотивационный анализ структуры деятельности личности.

Именно личность, в целом, внутренне преобразует мотив, как предмет потребности, в тот или иной вариант деятельности и поведения, направленных на достижение этого мотива, то есть на удовлетворение потребности. В социально-психологическом плане связь нормальных потребностей с обычными правонарушениями часто объясняется тем, что даже нормальная (не деформированная) потребность человека, признаваемая и гарантируемая обществом и государством, может встретить препятствие при своем осуществлении в конкретной жизненной ситуации, в малой социальной группе. Тем более верно и другое: неудовлетворенность сложившимися отношениями неизбежно порождает у человека представление о несоответствии той жизненной ситуации, в которой он находится, его самооценке, претензиям, желаниям, вызывает конфликты и состояние фрустрации.

Достаточно сказать, что даже в случаях совершения тяжких насильственных преступлений 14 % лиц, их совершавших, в сложившейся конфликтной ситуации стремились к установлению отношений равенства и взаимопонимания со своими близкими, чему препятствовали потерпевшие. В таких случаях ведущие интересы субъектов нередко состоят всего лишь в том, чтобы «содействовать сохранению условий, благоприятных для жизни... и бороться с условиями, затрудняющими их существование»^[146]. «Однако для этого указанные лица в силу разных причин не находят (а часто и не особенно стремятся найти)

подходящие средства, допускаемые законом»[147]. То есть помимо мотива (который может быть и обычным, нормальным «правильным») важнейшую роль играют способы его достижения.

В отличие от мотива, который далеко не всегда контролируется сознанием, выбор способов и средств его достижения уже носит вполне произвольный характер, представляя собой акт принятия решения. Стадия планирования и принятия решения в террористической деятельности включает оценку реальной возможности удовлетворения потребностей и интересов, выбор объектов, постановку на основе сложившейся мотивации конкретной цели действия, поступка, и выбор средств ее достижения, решение практических задач. На каждом из этих этапов возможны определенные деформации линии поведения, что в итоге может привести к правонарушению вместо правомерного поступка.

Решение совершить террористический акт представляет собой комплекс нескольких решений личности: о цели, объекте, средствах, времени и месте акта, о побочных обстоятельствах, способных содействовать или воспрепятствовать задуманному. Применительно к каждому такому вопросу из множества вариантов поведения террорист должен выбрать оптимальный, с его точки зрения, вариант. Такой выбор связан с личностными свойствами, к которым обычно относятся направленность личности, ее мировоззрение, опыт, установки, ценности и ценностные ориентации, внутренняя система нравственного и социального контроля. Связан выбор и с оценкой внешней среды, оценкой наличной и предвидением будущей ситуации, в которой будет осуществляться террористический акт, а также представления об отношении к действию и его результатам со стороны микросреды или общества в целом, в том числе и в связи с существующими социальными, нравственными, правовыми нормами поведения.

Мы исходим из того, что террорист адекватно оценивает внешнюю среду, в которой он действует. Современного террориста никак нельзя сравнить с героем чеховского «Злоумышленника», не соображающего, каков вред от отвинчивания гаек на железнодорожных рельсах. Однако, как и этот персонаж, террорист неверно оценивает отношение к своим действиям и его результатам со стороны общества, прежде всего в связи с социальными, нравственными нормами. «Искаженное представление о нравственном или социальном значении происходящих событий, с которыми связан планируемый поступок, порождается либо особенностями сложившейся ситуации, ее напряженностью, конфликтностью, либо особенностями личности (низкий интеллектуальный уровень, слабый самоконтроль, переоценка личных свойств, болезненная обидчивость, излишняя самоуверенность и др.). В результате ситуация оценивается совсем не так, как она должна быть оценена с объективных позиций»[148].

Любопытно сравнить психологию личности обычного, уголовного преступника с личностью террориста. Так, по данным О. Дубовик[149], только около 20 % лиц, совершивших убийство, расценивали ситуацию перед преступлением как безвыходную (хотя для этого и не было достаточных оснований). Среди террористов так оценивают ситуацию более 80 %. Среди обычных преступников, совершивших тяжкие преступления, свыше 45 % уверены, что в трудных жизненных ситуациях преступление совершило бы большинство людей. Тем самым этими лицами явно переоценивалось значение трудных, конфликтных ситуаций и недооценивались возможности волевых усилий человека по их преодолению. В отличие от обычных преступников, практически никто из террористов не считал, что на террористический акт способно большинство людей. Напротив, каждый из них был убежден, что только он и его товарищи в состоянии его совершить, что это превышает способности большинства обычных людей. Здесь также переоценивались как трудность ситуаций, так и собственные личностные качества.

Справедливо указывал А. Ратинов: «Принципиально различают преступников и не преступников и отдельные категории преступников между собой не одно какое-то свойство или их сумма, а качественно неповторимое сочетание и особый при этом «удельный вес» каждого, т. е. пока еще недостаточно изученный комплекс личностных особенностей, который имеет характер системы»[150]. Так считают криминологи. В отличие от них, организаторы террора давно на практике «изучили» необходимый для террористической деятельности «комплекс личностных особенностей».

В общем виде основные качества личности террориста известны достаточно хорошо. Обычно они выступают как требования к членам террористических организаций и одновременно ожидания организации от них. Как правило, такие требования носят вполне формализованный (зафиксированный в каких-либо документах), значительно реже - неформализованный характер (при понятной абсолютной конспиративности террористической группы или организации, когда принципиально не формализуется ничего в ее деятельности). Приведем перечень основных требований к члену Боевой организации партии социалистов-революционеров начала XX века, как они были сформулированы в проекте ее устава, который составлял сам Б. Савинков - человек, много лет лично занимавшийся, как он часто определял, «террористической работой» («работал в терроре») и явно знавший, какие именно качества в первую очередь нужны террористу: , «Особые условия деятельности боевой организации делают необходимым предъявление к членам особо строгих требований:

а) Член боевой организации должен быть человеком, обладающим безграничной преданностью делу организации, доходящей до готовности пожертвовать своей жизнью в каждую данную минуту.

б) Он должен быть человеком выдержанным, дисциплинированным и конспиративным.

в) Он должен дать обязательство безусловно повиноваться постановлениям общего собрания распорядительной комиссии, если он член или агент комиссии, и распоряжениям комиссии или районного представителя комиссии, если он член местной боевой организации.

г) Прием в члены какого-либо из отделов боевой организации допускается лишь при согласии на то всех членов данной группы».

Спустя десятилетия, уже в конце XX века, исламское движение «Хамаз» приводит почти аналогичные требования теперь уже к членам своих террористических отрядов:

«Воин Аллаха и борец с неверными обязан безгранично верить в наше общее дело, борьбу за истинную веру и освобождение нашей земли; он готов стать шахэдом и в любую минуту отдать свою жизнь ради победы.

Послушание старших - святая обязанность воина Аллаха.

Тайна организации, подчинение ее решениям, дисциплина - святые обязанности воина Аллаха.

Воин Аллаха должен стараться расширить ряды нашей организации, но всякий раз на это нужно получить согласие своих товарищей и руководителей».

Таким образом, несмотря на всю разницу во времени, отчетливо выделяются шесть базовых качеств, таких, как: 1) преданность своему делу (террору) и своей организации; 2) готовность к самопожертвованию; 3) выдержанность, дисциплинированность; 4) «конспиративность»; 5) повиновение; 6) коллективизм - способность поддерживать хорошие отношения со всеми членами своей боевой группы.

Если укрупнить эти качества, то возникнет одно основное и два «технических». Основным качеством выступает преданность. Это преданность своему делу, своей организации и своим товарищам, включающая готовность к самопожертвованию. С данным основным качеством связаны качества «технические», производные - прежде всего, дисциплинированность и «конспиративность».

Преданность подразумевает высокую степень цельности, целостности личности, ее «растворенности» в деятельности и организации. Не случайно, принимая в террористическую организацию, от людей требуют самоотверженности, самоотдачи, способности отказаться от «всего личного» ради достижения общей цели организации. В конечном счете, это требование относиться к себе всего лишь как к «материалу», средству достижения такой цели. Таким образом, целостность личности террориста подразумевает ее деиндивидуализацию. В этом содержится серьезный парадокс. С одной стороны, активно противопоставляя себя другим людям, государству, всему миру, террористы подчеркивают свою выраженную индивидуальность, достигающую надличностного уровня. С другой стороны, предельная деиндивидуализация возможна только для террориста-одиночки, что практически неосуществимо в современном мире. Деятельность террориста-одиночки редко бывает эффективной. Обычно она обречена на провал. Непонимание этого со стороны террориста-

одиночки заставляет усомниться в его психической адекватности. Так, например, явно неадекватное впечатление производил капитан С. Ильин, попытавшийся в свое время осуществить одиночное покушение на высшее руководство СССР во главе с Л. И. Брежневым. Только исходя из этого он не был подвергнут репрессиям, а всего лишь отправлен в психиатрическую больницу - в связи с явной неадекватностью даже не суждений, а, прежде всего, своих непосредственных действий.

Современный терроризм, так или иначе, является групповым действием. Для обеспечения его эффективности, в подготовку и осуществления террористического акта должны быть вовлечены несколько человек. Понятно, что по техническим причинам (прежде всего, по соображениям конспиративности) совершенно не обязательно, чтобы они действовали группой как на завершающей стадии, так и на подготовительных этапах. То есть физические сборы террористической группы не всегда являются обязательными. Однако, с точки зрения психологии, присутствие стоящей за террористом группы, организации, если даже не реальное, то виртуальное, является почти обязательным для претендующей на эффективность террористической деятельности. Это определяется тем, что террорист всегда противопоставит не отдельному человеку, а группе, организации, в том числе и такой мощной, как государство или даже межгосударственные организации. Для противодействия сложно организованной групповой деятельности людей, естественно, необходима аналогичная организация террористической деятельности. Потому она и приобретает групповой характер, налагая соответствующие требования на личность террориста.

Для такой личности весь мир замыкается на своей группе, своей организации, на целях своей деятельности. Поэтому, разумеется, такая цельность и целостность личности ограничивают ее, прежде всего накладывая жесткие ограничения на индивидуальность человека и свободу его выбора. «Вступая в организацию, человек перестает принадлежать себе, своей семье, своим родителям - он принадлежит только Аллаху и своей организации», - говорится в одной из памяток для боевиков исламской террористической организации «Хамаз». Естественно, что все личные мнения, идеи, мысли и соображения человека, вступившего в такую организацию, достаточно быстро отходят далеко на задний план. Вот для чего нужна строжайшая дисциплина - прежде всего для того, чтобы не было дурной самодеятельности. Отдавая себя организации, человек отдает и свое сознание целиком во власть идеям организации или даже еще шире, куда более высоким идеям надорганизационного уровня. Например, идеям победы мировой революции или, скажем, в современном варианте, установлению мирового исламского порядка (различие в содержании идей в данном случае не имеет принципиального значения).

Для террориста весь мир сосредоточен только - и именно на терроре, на террористической деятельности. Тот же Б. Савинков писал, что «террор - важнейшая задача исторического момента, что перед этой задачей бледнеют все остальные партийные цели, что для успеха террора должно и можно поступиться успехом всех других предприятий, что боевая организация, составляя часть партии социалистов-революционеров, близкой ей по направлению и целям, делает вместе с тем общепартийное, даже внепартийное дело, - служит не той или иной программе и партии, а всей русской революции в целом»^[151].

С точки зрения психологии, помимо, условно говоря, статичных характеристик (особого рода «целостность») личности террориста, не меньший интерес представляют и ее динамические характеристики. Они же прямо противоположны статичным. В динамике личность террориста - непрерывное колебание по синусоиде с широчайшей амплитудой, от демонстрируемой абсолютной веры в свою правоту до ее внутреннего отрицания или, по крайней мере, достаточно частых сомнений. Это метание между абстрактными глобальными идеями, «великими мотивами» и, чаще, мотивировками, и конкретными акциями, скучной, рутинной работой. Это постоянно неустойчивая самооценка, которую приходится подтверждать все новыми террористическими действиями. Именно нестабильность самооценки представляет собой важнейший фактор экстремального поведения. И здесь неважно, завышенная она (до ощущения себя сверхчеловеком, решающим судьбы других людей) или, напротив, заниженная (нуждающаяся в подтверждении за счет этих других людей). Важно, что она неадекватная и, как правило, неустойчивая.

Личность террориста - это постоянное, непрерывное психологическое движение. Такие

внешние характеристики, как целостность или целеустремленность, - всего лишь фиксированные моменты психологической неустойчивости, подчас достигающей даже уровня ненормальности.

Патологический компонент

Первый вопрос, обычно возникающий у людей в отношении террористов, прост: а не сумасшедшие ли они? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Вообще-то говоря, признать их полностью здоровыми бывает трудно. И хотя отечественные правозащитники в свое время пытались в меру всех своих сил защищать упрямого в психиатрическую лечебницу капитана С. Ильина, пытавшегося осуществить покушение на жизнь советского лидера Л. И. Брежнева, судя по всему, все-таки такое решение было наиболее адекватным. Подобная, заведомо обреченная на неудачу акция, да еще предпринятая в одиночку, никак не свидетельствует о достаточной психической сохранности такого человека. Точно так же трудно признать психически полноценным человеком А. Шмонова, стрелявшего снизу вверх из охотничьего ружья в другого советского лидера, М. Горбачева, прямо из рядов праздничной демонстрации на Красной площади 7 ноября 1990 года (Горбачев в это время занимал свое место на трибуне Мавзолея). Охотничий обрез в ситуации массового скопления людей, когда каждый четвертый или даже третий окружающий тебя человек - это обязательно либо милиционер, либо сотрудник спецслужб, больше напоминает орудие самоубийства, чем инструмент претендующего на успех террористического акта. В. Соснин считает:

«Большинство исследователей мотивации терроризма отмечают, что явная психопатология среди террористов достаточно редкая вещь, и для этого утверждения есть основания. Вместе с тем можно выделить ряд личностных предрасположенностей, которые часто становятся побудительными мотивами вступления индивидов на путь терроризма: сверхсосредоточенность на защите своего «Я» путем проекции с постоянной агрессивно-оборонительной готовностью; недостаточная личностная идентичность, низкие самооценки, элементы расщепления личности; сильная потребность в присоединении к группе, т. е. в групповой идентификации или принадлежности; переживание большой степени социальной несправедливости со склонностью проецировать на общество причины своих неудач; социальная изолированность и отчужденность, ощущение нахождения на обочине общества и потери жизненной перспективы. При этом нельзя сказать, что приведенный набор этих характеристик является каким-то обобщенным психологическим профилем личности террориста»[\[152\]](#).

В конечном счете, психическая нормальность или, напротив, ненормальность - достаточно условные, статистические понятия. Не вполне адекватный человек - не значит маньяк. Нет, бывает, конечно, и так, что в основе терроризма лежит откровенно патологическая тяга к насилию, убийству. Среди террористов встречаются откровенные маньяки-человеконенавистники. Убийство, само по себе, всегда противно человеческой природе, и если оно все же осуществляется, то убийца испытывает не только психическое, но и сильнейшее физиологическое потрясение. Так, например, по признанию ряда известных террористов, даже в их практике иногда дело доходило до того, что они испытывали оргазм, когда убивали. «От того, что отнимаешь чью-то жизнь, чувствуешь себя Богом», - это из признаний одного из террористов.

Однако даже самое обоснованное признание террориста душевнобольным ничего не проясняет. «Разумеется, среди преступников, прибегающих к насилию, встречаются и лица с психопатологическими отклонениями». Однако если концентрироваться только на этом факте, то мы ничего не поймем. Тогда «нам придется признать, что и «снайпер», залезающий на крышу дома и стреляющий оттуда по людям, прежде чем полиция застрелит его самого, и субъект, зверски нападающий на женщин и наносящий им тяжелые увечья, страдают серьезными душевными заболеваниями»[\[153\]](#). Ну, и что же дальше? Ведь сама по себе такая констатация еще ничего не объясняет.

Понятно, что, при всех нюансах, поведение террориста обычно представляет собой некоторую яркую и вполне очевидную разновидность асоциального отклоняющегося

(девиантного) поведения. По общей оценке, такое поведение в той или иной мере является аномальным и неизбежно включает в себя некоторый патологический компонент. Разумеется, это ни в коей мере не означает признания террористов просто «сумасшедшими» - подобный, слишком облегченный путь откровенно неверен и непродуктивен для понимания психологии террориста. Однако общепризнанной является констатация того, что террорист - личность не то чтобы не вполне нормальная, а акцентуированная. Это означает, что террорист - в целом, клинически и психологически, - нормальный человек, однако определенные черты личности у него акцентуированы, то есть выражены необычно сильно, ярко, не вполне «нормально».

Это прекрасно чувствовал еще Ч. Ламброзо, разделявший откровенно преступный (дегенеративный, атавистический) антропотип и отличный от него так называемый нравственно порочный психотип «привычного преступника». Террориста нельзя отнести к откровенно преступному типу. В большинстве случаев это все-таки далеко не маньяк, не тот «прирожденный преступник», который самореализуется, совершая привычные атавистические преступления. Тем более что подобный тип достаточно редко встречается даже в откровенно криминальной среде - основную массу такой преступности составляют так называемые криминалоиды, случайные преступники без существенных признаков явной дегенерации. Террорист по своему психическому складу наиболее близок к тому, то Ч. Ламброзо называл «привычным преступником» - «не случай обуславливает преступление привычных преступников, а они сами создают внешние события, обуславливающие преступление». Это вполне соответствует тому, что во времена Ч. Ламброзо определялось специалистами как «моральное помешательство». Клинико-психологически это абсолютно соответствует тому, что принято называть эпилептоидной психопатией - такой конституциональной деформацией личности, при которой личность отличается неспособностью различать добро и зло, часто путая их местами. В современной трактовке к этому приближается и понятие социопатии, хотя мы и не считаем вполне правомерным такое выделение чисто социального, прежде всего функционального расстройства.

Термин «психопатия» впервые был введен И. Балинским в 1886 году для обозначения пограничных между нормой и патологией врожденных психических расстройств, при которых отсутствует прогрессивность течения. Впоследствии В. Кандинский был склонен считать часть психопатий своеобразными формами психического уродства. По его мнению, подобно врожденным физическим уродствам, существуют отклонения от нормального типа и в развитии личности, особенно в формировании характера.

Психопатии - это такие аномалии характера, которые, по словам П. Ганнушкина, «определяют весь психический облик индивидуума, накладывая на весь его душевный склад свой властный отпечаток», «в течение жизни... не подвергаются сколько-нибудь резким изменениям» и «мешают... приспособляться к окружающей среде». Эти три критерия были обозначены О. Кербиковым как тотальность и относительная стабильность патологических черт характера и их выраженность до степени, нарушающей социальную адаптацию. Степень проявления психопатий, как писал П. Ганнушкин, «представляет прямо запутывающее богатство оттенков - от людей, которых окружающие считают нормальными, - и до тяжелых психотических состояний, требующих интернирования»^[154]. В последние годы в судебно-психиатрической экспертизе получил распространение термин «глубокая психопатия»: им обозначают наиболее сложные случаи, в которых на высоте декомпенсации возникают психотические расстройства или исключаящая вменяемость утрата способности к «вероятностному прогнозированию своей деятельности и соответствующей коррекции своего поведения»^[155]. Это справедливо: террористы действительно не вполне адекватно прогнозируют последствия своих действий. Однако и это объясняет далеко не все.

«С самого начала становления учения о психопатиях возникла практически важная проблема - как разграничить психопатии как патологические аномалии характера от крайних вариантов нормы. Еще в 1886 году В. Бехтерев упоминал о «переходных степенях между психопатией и нормальным состоянием», о том, что «психопатическое состояние может быть выражено в столь слабой степени, что при обычных условиях оно не проявляется».

В 1894 году бельгийский психиатр Dalemagne... выделил наряду с «desequilibres», т. е. «неуравновешенными» (термин во французской психопатии того времени, аналогичный «психопатиям»), еще и «desequilibrants», т. е. «легко теряющих равновесие». Подобные

случаи Е. Kahn (1928) назвал «дискордантно-нормальными», П. Ганнушкин - «латентными психопатиями»[\[156\]](#).

Затем было предложено много других наименований, но наиболее устоявшимся можно считать термин К. Леонгарда «акцентуированная личность». Это название подчеркивает, что речь идет все-таки о крайних вариантах нормы, а не об откровенной патологии - максимум, о ее зачатках, «предпсихопатиях», и что эта крайность проявляется в усилении, акцентуации отдельных черт. Совершенно понятно, что в данном случае речь идет, прежде всего, об акцентуациях характера, а не всей личности. Именно характерология выступает в качестве основы личностных типов террористов, причем многие собственно личностные качества надстраиваются над соответствующей характерологией позднее. «Патологический компонент» в психике террориста находится на своеобразной условной шкале, где-то между явной акцентуацией характера, на одном полюсе, и психопатией, как иногда называется, эпилептоидного типа - на другом полюсе. Наиболее сохранные террористы отличаются «всего лишь» выраженной акцентуацией, наименее сохранные - тяжелой психопатией. В первых случаях акцентуированные черты часто компенсированы, могут проявляться лишь в определенные периоды времени и в определенных ситуациях. Поэтому при обследовании после задержания за совершенный террористический акт или хотя бы за его попытку эти черты могут и не проявляться. Так, например, они практически никак не проявлялись у молодых людей из группы «Р.В.С», задержанных в 1999 году в Москве за подрыв памятника Николаю II в Подмоскowie и попытку подрыва памятника Петру I на Москва-реке.

В отличие от случаев акцентуации, тяжелая психопатия более наглядна даже в отсутствие конкретного террористического события. А. Личко так описывал ее явные проявления: компенсаторные механизмы крайне слабы, едва намечаются или бывают лишь парциальными, охватывая только часть психопатических особенностей, но зато достигают такой гиперкомпенсации, что сами выступают уже как психопатические черты. Компенсации всегда неполные и непродолжительные. Декомпенсации легко возникают от незначительных причин и даже без видимого повода. На высоте декомпенсаций картина может достигать психотического уровня. Нарушения поведения могут достигать уровня уголовных преступлений, суицидных актов и других действий, грозящих тяжелыми последствиями для самого психопата или его близких. Обычно имеет место постоянная и значительная социальная дезадаптация. Рано бросают учебу, почти не работают, живут за счет других или государства. Очевидна неспособность к поддержанию семейных отношений - связи с семьей разорваны или натянуты из-за постоянных конфликтов или носят характер патологической зависимости психопата от кого-либо из членов семьи или последних от психопата. Самооценка характера неправильная или отличается парциальностью - подмечаются лишь некоторые черты, особенно проявления патологической гиперкомпенсации. Критика к своему поведению заметно снижена, а на высоте декомпенсаций может полностью утрачиваться.

Сравните с описаниями террористов Б. Савинкова и согласитесь, что очень похоже: молодых террористов, в большинстве недоучившихся студентов, бросает из крайности в крайность, от попыток царевубийства до готовности к самоубийству в случае неудачи террористического акта, а можно даже вместе с ним. Достаточно тяжелая психопатия вполне очевидна.

Приведем пример современного психопата, задержанного за, возможно, наименее опасный, хотя и экзотический вид правонарушений - так называемый телефонный терроризм:

«Геннадий У., 18 лет. С 15 лет не работает и не учится, находится на иждивении у престарелой бабки. Отец - алкоголик, давно бросил семью. Мать также злоупотребляла алкоголем, умерла от отравления метиловым спиртом. Воспитывался бабкой, которая всегда и во всем ему потакала. С раннего детства непослушен и капризен. С 1-го класса школы обнаружилось нарушение поведения: не хотел учиться, убегал с уроков, грубил учителям. Способности были удовлетворительными, но из-за прогулов дублировал 3-й и 5-й классы. Стремился в компанию более старших уличных подростков. За мелкое хулиганство и воровство не раз был задержан милицией. В 13 лет в связи с нарушениями поведения был впервые направлен в детскую психиатрическую больницу, где были отмечены эмоциональная лабильность, лживость и склонность к фантазированию. В 15 лет... бросил школу. Несколько раз начинал работать в разных местах... Всюду бездельничал, опаздывал, прогуливал, затем

вообще бросал работу. Дни проводил в компании уличных подростков, выпивал, отнимал деньги у малышей, идущих в школу.

Все более обнаруживалась склонность к фантазированию и псевдологии. Развлекался ложными вызовами по телефону то милиции, то пожарных, то скорой помощи, при этом обнаруживал изрядный артистизм, легко вживаясь в роль. В беседе с врачом на ходу сочинял истории о том, что его мать была из мести отравлена соседкой, что сам он около банка нашел крупную сумму потерянных денег, расписывал, как их тратил, как якобы путешествовал в Сочи; заявил, что дома у него тайный склад оружия и боеприпасов, собранных в местах бывших боев, что он помог милиции изловить бандитов и т. п. К своему поведению относился без критики: часть проступков отрицал, в части, как и в своем характере, не видел ничего особенного»[\[157\]](#).

По мнению Н. Пуховского, психопатология террориста обычно связана с эпилептоидной психопатией. Такой эпилептоидный психопат обычно страдает сам и заставляет страдать других. «Эпилептоидная (антисоциальная, возбудимая) психопатия - сравнительно редкая форма патологии (неуравновешенности) характера... может иметь реактивный характер, как направление повторных декомпенсаций психопатий, патологического развития личности или формирования хронических психопатических расстройств в ситуациях хронического жестокого стресса выживания (например, при длительных сроках лишения свободы)»[\[158\]](#). На современном языке, концепция «прирожденного преступника» включает сильное нарастание выраженности стигматов эпилептоидии (возбудимости, безудержности) при неблагоприятных обстоятельствах (прежде всего, в ситуациях хронического стресса выживания), что очень резко увеличивает вероятность систематической самореализации личности способами, откровенно представляющими общественную опасность. Индивидуальная психическая дегенерация (так называемый метаневроз морального помешательства) может выступать как альтернативный вариант психопатологической эволюции личности. Феномены психопатизации по эпилептоидному типу проявляются в криминальных действиях, корысти, жестокости, немотивированном насилии. Характерная черта дегенерации аффективной сферы - возрастание роли психомоторного компонента аффекта, явное преобладание ригидного злобно-деструктивного возбуждения. Примитивизация поведения, криминализация и межличностная деструктивность в хронически неблагоприятных условиях характерны для совершенно особой мотивации - «выживания любой ценой».

Наши наблюдения и данные отдельных личностно-психологических исследований[\[159\]](#) показывают, что у большинства террористов выражена психопатическая симптоматика. Именно психопатия выступала в качестве центрального, стержневого симптома, вокруг которого группировались и другие. Так, в ряде наблюдавшихся нами случаев психопатия дополнительно активизировалась гипоманией. На таком фоне часто отмечались сверхактивность, импульсивность поступков, безответственность, лживость, поверхностность в отношениях с людьми, крайне легкое отношение к морали, частая изменчивость этических оценок, что явно свидетельствовало об их неискренности. Потакая исключительно собственным прихотям и идя навстречу своим желаниям, такие люди могут израсходовать очень много энергии и усилий, но при исполнении своих прямых обязанностей они испытывают явные трудности и стараются переложить ответственность на других. У них отсутствуют привычные для обычных людей контроль и рассудительность. Часто это сочетается со склонностью к чрезмерному употреблению алкоголя, стремлением к бесконечной праздности, назойливостью по отношению к окружающим.

Иногда психопатия у наблюдавшихся нами террористов встречалась в сочетании со своеобразными особенностями личности. Такие люди производили впечатление чудаков непредсказуемостью своих поступков, импульсивностью, неконформностью. В обычной деятельности и учебе их результаты были низкими, адаптивность неустойчивой, поведение неровным. Они были склонны к бродяжничеству, к частому общению с асоциальными элементами. Преступления, совершаемые такими лицами, обычно были неадекватно жесткими, часто импульсивными, не всегда спланированными, нередко они принимали дикие, необычайно жестокие формы. В целом, это были случаи патологического террора.

Аномия

Итак, террорист - не сумасшедший человек. Но одновременно это человек и не вполне нормальный. Говоря научным языком, это «пограничная», аномичная личность.

Понятие «аномия» (от французского слова *anomie* - отсутствие норм, организации, в свою очередь, происходит от греческого слова *anomia* - отрицание закона) выражает отношение индивидов к нормам и моральным ценностям социально-политической системы, в которой они существуют. Используется в нескольких смыслах. Во-первых, аномия означает такое состояние общества, при котором его членами утрачена значимость социальных норм и ожиданий, от чего высока вероятность отклоняющегося и саморазрушительного поведения, вплоть до самоубийства. Во-вторых, аномия означает отсутствие эталонов, стандартов сравнения себя с другими людьми, позволяющих оценить свое положение и выбрать образцы поведения, что ставит индивида в неопределенное положение, лишая идентификации с социальной группой. В-третьих, аномия означает несоответствие, разрыв между универсальными целями и ожиданиями, одобряемыми в данной социально-политической системе, и социально приемлемыми, санкционированными средствами их достижения, что стимулирует незаконные пути достижения этих целей.

Термин «аномия» был введен Э. Дюркгеймом, который рассматривал аномию как постоянное и нормальное состояние индустриального общества. Поощряя одинаковые для всех цели и ценности индивидуального успеха, такое общество оценивает жизнь большинства своих членов, лишенных богатства, власти и высокого престижа, как неудавшуюся. Однако аномия, порождая систематические отклонения от социальных норм, готовит и ускоряет социально-политические перемены. Отсюда - позиция Р. Мертон: преступник - социальный критик общества.

У Э. Дюркгейма понятие «аномия» в целом связано с пограничной жизненной ситуацией: уже не нормы, но еще и не патологии. Такого рода ситуации свойственны масштабным социальным сдвигам, когда, обычно в результате революции или крупномасштабных реформ, люди теряются, начиная терять устойчивые ориентиры. Тогда они перестают понимать грань между тем, что такое хорошо и что такое плохо. В поисках определенности они могут не только встать на путь отклоняющегося, девиантного поведения, но даже идти на самоубийство. Определяя причины таких явлений, часто связанных между собой (террорист-смертник совершает убийство, идя на самоубийство), Э. Дюркгейм переводил акценты с социальной структуры общества на «психологическую конституцию» человека, которая, по его словам, «требует цели, стоящей выше его». В слабо интегрированном обществе такая цель отсутствует, и «индивид, обладающий слишком острым восприятием самого себя и своей ценности... стремится быть своей собственной единственной целью, а поскольку такая цель не может его удовлетворить, он впадает в апатичное и безучастное существование, которое впредь кажется ему лишенным смысла» [160]. И убийство, и самоубийство оказываются всего лишь разнонаправленными формами одной и той же агрессии.

По Р. Мертону, аномия - это ситуация, при которой определенное лицо проявляет недостаточное уважение к основным социальным нормам данной социальной системы или стремится усмотреть в этих нормах определенную утрату их обязательности для себя. Таким образом, аномия не означает полное отсутствие норм, ни даже отсутствие ясности в понимании этих норм. Она означает, прежде всего, что субъект, в целом знающий о существовании обязывающих его норм, относится к ним негативно или равнодушно. Или же ищет для себя особые нормы среди существующих. Вспомним Ф. Раскольникова у Ф. М. Достоевского с его непрерывными сомнениями на тему, кто же он: «тварь ли дрожащая» или «Наполеон». От этого зависел ответ на вопрос, имеет ли он право на жизнь другого человека или не имеет.

С нормативным самоопределением всегда связан базовый вопрос: что дозволено такой личности, а что не дозволено. Раскольников решает этот вопрос в пользу аномии, но потом непрерывно мучается от такого решения. «Открытый отказ от соблюдения институциональных норм сопровождается скрытым сохранением их эмоциональных коррелятов. «Чувство вины», «сознание греха», «угрызения совести» представляют собой явные проявления этой неснятой

напряженности». Такова обычная психология обычного преступника.

Большинство террористов - аномичные люди, но они от этого так не мучаются (хотя моральные проблемы и существуют для некоторых, особо рефлексующих террористов). Обычный, типичный современный террорист по разным причинам давно пережил (неважно, осознанно или неосознанно) несовершенство общества, которое навязывает нормативные цели (ценности «успеха») и столь же нормативные средства их достижения, но не обеспечивает равного доступа ни к целям, ни к средствам.

«С одной стороны, от него требуют, чтобы он ориентировал свое поведение в направлении накопления богатства; с другой - ему почти не дают возможности сделать это институциональным путем. Результатом такой структурной непоследовательности является формирование психопатической личности и(или) антисоциальное поведение, и(или) революционная деятельность. Равновесие между определяемыми культурой средствами и целями становится весьма неустойчивым по мере того, как усиливается акцент на достижение имеющих значение для престижа целей любыми средствами. В этом контексте Аль Каноне воплощает триумф безнравственного интеллекта над предписанными нормами морали «банкротством», когда каналы вертикальной мобильности закрыты или сужены в обществе, которое высоко оценивает экономическое процветание и социальное продвижение для всех своих членов»^[161].

Для Р. Мертон все было вполне очевидно:

«Таким образом, в обществах, подобных нашему, давление, оказываемое стремлением к успеху, связанному с завоеванием престижа, приводит к устранению эффективных социальных ограничений в выборе мер, применяемых для достижения этой цели. Доктрина «цель оправдывает средства» становится ведущим принципом деятельности в случае, когда структура культуры излишне превозносит цель, а социальная организация излишне ограничивает возможный доступ к апробированным средствам ее достижения». И далее: «В такого рода ситуации... насилие и обман становятся единственными добродетелями ввиду их относительной эффективности для достижения целей, которые для него, конечно, не проистекали из системы культуры».

Из данной объяснительной схемы вытекает несколько типов террористов. Первый тип - человек, вынужденный прибегать к насилию для достижения тех целей (успех, богатство), которыми его «заразило» общество, но не дало возможностей их достижения. Это может быть и террорист типа Герострата, озабоченный достижением славы, и террористы типа чеченских боевиков, требующих выкуп за захваченных заложников. Второй тип - человек, готовый к насилию для того, чтобы изменить сами цели, неверные с его точки зрения. Это революционер, насильственно реализующий свой вариант переустройства общества. Третий тип - человек, готовый к насилию для уничтожения неприемлемых для него и целей, и средств их достижения. Это вариант бен-Ладена и связанных с ним современных исламских террористов, ненавидящих западный мир с его ценностями и средствами их достижения, и стремящиеся к его реальному уничтожению или, хотя бы, символическому потрясению. Главная проблема такого террориста - принципиальная аномия, неприятие чужих норм как таковых.

Если первый тип в современном мире обычно выдается за более или менее обычного преступника, второй считается революционером, то третий представляет собой совершенно особую реальность. Это порождаемый самим современным «цивилизованным» обществом, его непрерывной внешней, геополитической, и внутренней, психологической экспансией вариант его активного отрицания. Это насильственное социально-психологическое сопротивление той модернизации, которая связана с экспансией западных социальных ценностей и норм.

В качестве примера, концепция Р. Мертона так объясняет феномен международного межгосударственного терроризма: «Акцент на национальном могуществе не сочетается должным образом с неудовлетворительной организацией законных, то есть определенных и принятых в международном масштабе средств достижения этой цели. Результатом этого является тенденция к аннулированию международного права; договоры становятся лоскутом бумаги, «необъявленная война» служит технической уловкой, бомбардировка гражданского населения получает рациональное обоснование совершенно так же, как в подобной же

ситуации в обществе расширяется применение незаконных средств во взаимоотношениях между отдельными лицами»[162].

С точки зрения теории аномии и аномической личности, террор - не преступление, а артефакт несоординированного развития общества. Террорист - это совершенно особый тип преступника. И к нему, прежде всего, относится то, что писал в свое время Э. Дюркгейм: «Вопреки распространенному представлению, такой преступник не относится к числу решительно асоциальных, паразитических элементов, не является инородным, не поддающимся ассимиляции телом, введенным в общественный организм; он представляет собой обычный элемент социальной жизни»[163]. Впрочем, это, разумеется, дело вкуса как исследователя, так и общества, оценивающего данный феномен.

Ущербность

Мало-мальски углубленный анализ позволяет вскрыть общий фактор в развитии личности террориста. Это разного рода психологическая ущербность, некий дефицит чего-нибудь в его жизни, корни которого иногда прослеживались с самого раннего детства. Такая дефицитарность психического развития ведет к потребности в гиперкомпенсации дефицита по ходу взросления и достижения зрелости. Идеологи исламского движения «Хамаз» так учат своих боевиков: «Совершив подвиг во имя Аллаха, ты избавишься от всех проблем; тебя ждет награда на небесах; ты получишь все, чего тебе не хватало, и Аллах возместит тебе весь ущерб». Занятие террором как раз и оказывается таким компенсаторным средством для избавления от всякого ущерба.

Из автобиографий и литературных описаний мы узнаем, что у многих известных террористов в детстве были убиты отец, мать или оба родителя сразу. Часто в детстве страдали братья, сестры, другие родственники. С одной, вполне очевидной стороны, вследствие этого возникало стремление к мести. С другой, менее явной стороны, так возникала атмосфера эмоционального дефицита, в которой рос будущий террорист.

Это оборачивалось дефектами «воспитания в духе мира», как считают ирландские конфликтологи, изучающие психологию террористов ИРА.

С ними вполне согласны испанские коллеги, исследующие психологию членов ЕТА. Большинство нынешних ведущих лидеров этой организации - жертвы еще франкистских репрессий против их родителей. Несмотря на уже давнюю смерть каудильо и происшедшие изменения, несмотря на то что язык басков стал вторым государственным языком Испании, а «страна басков» в итоге получила собственную государственную символику, в психологии этих людей ничего принципиально не изменилось. С. Шелдон так описывает глубинные причины становления личности одного из известных баскских террористов: «Хайме был слишком молод и не понимал, что на карту было поставлено нечто большее, чем спор с басками и каталонцами. Это был глубокий идеологический конфликт между республиканским правительством и националистами правого крыла, и из искры разногласий быстро разгорелся огромный пожар войны, вовлекший в нее с десятков иностранных государств. Когда превосходившие силы Франко разгромили республиканцев и у власти в Испании утвердились националисты, Франко сосредоточил свое внимание на непокорных басках: «Их надо наказывать». Продолжала литься кровь. Группа баскских лидеров сформировала ЕТА, движение за свободное государство басков, и... ЕТА быстро превратилась в грозную силу. У Хайме были друзья, чьи отцы принимали участие в ЕТА, и они рассказывали об их героических подвигах». Отец Хайме был пацифистом и убежденным католиком, считавшим, что Бог всегда защитит, но это не спасло его.

«Когда они увидели появившийся из-за угла отряд фалангистов, открывший по ним пулеметный огонь, было слишком поздно. Безоружные мужчины, женщины и дети падали на площади, сраженные пулеметными очередями. Смертельно раненный отец схватил сына и прижал его к земле, укрывая своим телом от смертоносного града пуль.

После атаки землю окутала зловещая тишина. Как по волшебству стих грохот орудий, топот бегущих ног и крики. Открыв глаза, Хайме еще долго лежал, чувствуя на себе тяжесть тела отца, заботливо укрывшего его от смерти. Отец, мать и его сестры были мертвы, как и

сотни других людей. И над их телами возвышались запертые двери церкви»^[164]. Именно после этого резко возникшее ощущение ущерба привело мальчика в ряды боевиков-террористов. Он тоже решил «пойти другим путем» - в данном случае, однако, это был путь открытого террора.

«Той же ночью Хайме выбрался из города и, добравшись через два дня до Бильбао, вступил в ЕТА. Принимавший его офицер взглянул на него и сказал:

Ты слишком молод, чтобы вступать в наши ряды, сынок. Тебе бы в школу.

Вы и будете моей школой, - тихо сказал Хайме. - Вы научите меня драться, чтобы я мог отомстить за смерть своих близких.

Он никогда не сомневался в правильности своего выбора. Он сражался за себя и за свою семью, его подвиги стали легендарными».

Правда, решение стать террористом далеко не всегда объясняется мотивом элементарной мести. Такой мотив, разумеется, существует, и он движет, например, нынешними чеченскими боевиками, мечтающими отомстить даже не просто представителям российского федерального центра, а тем, кто добровольно взял на себя жестокое представление его интересов - прежде всего, «контрактникам» в российской армии. Однако часто все бывает еще глубже. Ведь дело не только в том, что у будущего террориста Хайме убили отца. «Он никогда не задавался вопросом, ради чего идет на риск. Было ли это связано с не раз услышанным в детстве: «Твой отец трус», или же он пытался что-то доказать себе и другим. Он просто вновь и вновь подтверждал свою храбрость и не боялся рисковать своей жизнью ради того, во что верил». Таким образом, комплекс ущербности оказывается более сложным - он связан и с инвертированной мезгие: не только за отца, но и отцу; не только за себя, но и себе. Понятно, что такая сложность определяет определенную психопатологию уже не традиционно-психиатрического, а психоаналитического характера.

Помимо чисто личных и семейных обстоятельств, важную роль играет идея дефицита как таковая, сама по себе. Весь палестинский (арабский) терроризм против Израиля основан прежде всего на культе ущербности, который взращивается у каждого палестинского мальчика в связи с отсутствием у этого народа своей земли. «День Земли» считается для всех палестинцев важнейшим праздником. Борьба за Землю, за создание своего государства - способ преодоления комплекса ущербности, связанного с тем, что Израиль уже имеет свое государство, а палестинцы, долгое время находившиеся в аналогичном положении, до сих пор своего государства не имеют. Соответственно, у обездоленных возникает желание мести, тесно связанное еще и с комплексом «установления справедливости».

Ущербность порождается и социально-экономическими факторами: например, низким уровнем жизни людей и связанным с этим желанием «отнять и поделить» как в рамках одной страны (тогда мы имеем дело с революционным терроризмом), так и во взаимоотношениях между «бедными» (развивающимися) и «богатыми» странами. Нынешнее деление мира по оси «богатый Север - бедный Юг» само по себе порождает значительное расслоение в уровне доходов и уровне жизни. Соответственно, у бедных и «обездоленных» возникает ущербность, связанная с дефицитом социальных благ.

Дефицит образования и информации порождает деструктивное, разрушительное отношение к иным культурам, убеждениям и верованиям. Чем менее образованными, тем более дремучими были в свое время представители католической инквизиции - точно так же, как необразован современный исламский фундаментализм. И чем менее он образован, тем более нетерпим и террористичен.

«Осуждать их за то, что они террористы, бессмысленно. Нужно хорошо себе представлять, что это за люди и из какой они среды. Допустим, растет мальчик в бедной многодетной шиитской семье, проживающей в районе, где властвует экстремистская шиитская организация «Хизбалла». С раннего возраста он воспитывается на религиозных проповедях. Ему внушается, что «Хизбалла» борется за правое богоугодное дело, что все иноверцы - его личные враги, противники его семьи, всех близких и друзей, всех мусульман. Другой жизни он не видит, других идей не знает. О хорошем образовании и речи быть не может - нет денег. Устроиться на работу без образования и каких-либо профессиональных навыков невозможно, тем более что повсюду тысячи безработных и экономическая ситуация в стране катастрофически ухудшается. А, к примеру, старший брат, сосед и многие молодые

люди, активисты «Хизбалла», заняты делом, имеют какие-то средства для существования, пользуются уважением. Какой может быть выбор? Конечно, идти в эту организацию. Сразу получишь в руки автомат - это, ко всему прочему, интересно и придает «вес»[\[165\]](#).

Можно долго анализировать различные сферы, в которых может возникать тот или иной дефицит, приводящий к той или иной ущербности. Это и личные, семейные, и социальные, и экономические, и политические разновидности ущербности. Соответственно, они порождают разные психологические корни террора. Однако есть основной общий фактор, объединяющий разные варианты в единый механизм. Это внутренняя невозможность, неспособность преодолеть эту ущербность. Сама по себе ущербность не страшна - она преодолевается через разные механизмы, в частности, через механизм адекватной, позитивной, конструктивной гиперкомпенсации, при которой дефицит устраняется с использованием средств из той же самой сферы, в которой он возник. Паралитик, перенесший в детстве полиомиелит, способен стать олимпийским чемпионом - для этого только надо непрерывно заниматься спортом. Человек, получающий маленькую зарплату, начинает работать больше, находит вторую работу и т. д. Но ни тот, ни другой не хватаются за пистолет и не устраивают взрывов. Террористами становятся тогда, когда не хватает сил на гиперкомпенсацию дефицита адекватными ему средствами. Тогда гиперкомпенсация становится неадекватной, негативной и деструктивной. Тогда ущербность и оборачивается террором.

«Не вызывающий сомнений факт состоит в том, что в террористы рекрутируются социально дезадаптированные, малоуспешные люди. Они плохо учились в школе и в вузе, они не смогли сделать карьеру, добиться того же, что и их сверстники. Они всегда страдали от одиночества, у них не складывались отношения с представителями противоположного пола. Словом, везде и всегда они были аутсайдерами, нигде - ни в семье, ни на работе, ни в дружеской компании - они не чувствовали себя по-настоящему своими... Другими словами, это люди, которых преследуют неудачи»[\[166\]](#).

Хотя, разумеется, нельзя упрощать. Наивно звучит убежденность в том, что террористы - это просто банальные «двоечники», с трудом окончившие среднюю школу и не лишившиеся вовремя невинности. Бывает, конечно, и так, но надо уметь отличать зерна от плевел.

Логика и мышление

Движение «Хамаз» учит своих террористов: «Не надо много размышлять - ведь тебя ведет Аллах, и путь твой - путь истинной веры». Реальный лидер палестинской интифады, ответственный секретарь движения ФАТХ полковник Лбу Халед открыто провозгласил в отношении Израиля: «Неверные понимают только один язык - это язык «Калашникова»». Красивые фразы и максимы такого рода часто заменяли и до сих пор все еще продолжают заменять очень многим, причем далеко не только исламским террористам, не только всякую логику, но и собственное мышление. У податливых им людей нет особой необходимости в самостоятельных размышлениях - вместо логики есть вера, вместо мышления - приказ или великие по заложенной в них силе внушения слова «надо!» и «ты должен!»

Логика террористов обычно носит странный характер. Во-первых, она слишком эмоциональна: подчас эмоции в ней занимают большее место, чем логика как таковая.

Во-вторых, это искаженная логика с точки зрения чисто формального анализа: из посылок не всегда следуют адекватные выводы. В-третьих, это явно моноидеическая логика: в ней все подчинено террору, и любой вопрос рано или поздно, прямо или «криво», но приходит именно к нему.

Как правило, логика террориста - это логика верующего человека. Он верит в идею, которой служит, верит в саму идею служения, верит, наконец, в свою высочайшую миссию. И здесь ему не нужны рациональные доказательства и сложные формальнологические конструкции. Он верит во все это просто потому, что он верит. Он верующий человек, и этим сказано многое. Вера в свое высокое предназначение, особую миссию. «Раньше я считал, что один человек не в силах изменить что-либо. Теперь я знаю, что это не так. Это доказали и Иисус, и Мохаммед, и Ганди, и Эйнштейн, и Черчилль... Не подумай, ...что я сравниваю себя с кем-нибудь из них. Но на своем скромном месте я делаю все, что могу. И я думаю, что

каждый должен делать то, что может»[167]. Подобную логику оспаривать просто невозможно.

Об искаженной логике террористов свидетельствует еще один интересный факт: они практически не могут работать в режиме диалога. Это подтверждается на бытовом уровне - так, по нашим наблюдениям, террористы способны либо выслушивать того, кого они считают для себя авторитетным, либо, напротив, способны на произнесение длительных собственных монологов. Это свидетельствует об авторитарности и вместе с тем ригидности мышления. Подобные характеристики подтверждаются и на уровне политического мышления. Так, например, известно, что почти повсеместно почти любые предложения компромиссов, готовность властей пойти на уступки вызывают у террористов неадекватную, искаженную реакцию. В подавляющем большинстве случаев они жестко и категорично отвергаются на основе своеобразных рассуждений: «Их предложение - хитроумная ловушка. Они хотят расправиться с нами. Они вынуждают нас продолжить борьбу»[168].

Понятно, что логика, в той или иной степени, - это всегда отражение мышления. У террористов оно, как правило, противоречиво. С одной стороны, оно бывает излишне конкретным ~ особенно для террористов, захваченных меркантильной мотивацией. С другой стороны, оно бывает и чересчур абстрактным - прежде всего, у «идейных» террористов. Однако в обоих этих случаях оно является моноидеическим мышлением. О чем бы террорист ни думал, он все связывает со своей основной деятельностью. Это может происходить совершенно конкретно - террорист думает о любом предмете, насколько он может пригодиться для террористического акта: как орудие нападения или, напротив, предмет обороны. Террорист думает о любом человеке в связи с тем же самым террористическим актом - либо как о своем стороннике (друге, соратнике), либо как о потенциальной жертве (о реальных жертвах своих действий террористы думают редко), либо как о своем противнике (представителе антитеррористических органов). Но то же самое может проявляться и совершенно абстрактно: террорист всегда готов рассуждать о тех идеях, ради которых и во имя которых он идет на «террорную работу».

Приведем несколько примеров. Так, в логике террориста парадоксально и вроде бы совершенно алогично связываются действительно противоположные вещи: свобода и насилие. И тогда насильственный террор оказывается лучшим средством достижения свободы: «Боевая организация в своем большинстве (за исключением Азефа) стояла на той точке зрения, что единственная гарантия приобретенных свобод заключается в реальной силе. Такой силой во всяком случае могло явиться активное воздействие террора. С этой точки зрения, террор не только не должен был быть прекращен, но, наоборот, пользуясь благоприятным моментом, необходимо было его усилить и предоставить в распоряжение боевой организации возможно больше людей и средств... единственной гарантией завоеванных прав является реальная сила революции, т. е. сила организованных масс и сила террора»[169].

Логика террориста либо изощрена, либо до крайности прямолинейна. Но в любом случае, она искажена. Только что мы привели пример изощренной логики. Приведем и противоположный пример. Б. Савинков так размышлял об одном из своих героев: «Для него нет загадок. Мир, как азбука, прост. На одной стороне рабы, на другой - владыки. Рабы восстают на владык. Хорошо, когда убивает раб. Дурно, когда убивают раба. Будет день, рабы победят. Тогда рай и благовест на земле: все равны, все сыты и все свободны. Отлично»[170].

Логика террористов часто носит предельно неконкретный, символический характер. Очевидно, что взрывы небоскребов Всемирного торгового центра в Нью-Йорке в сентябре 2001 года были взрывами-символами, и взрывами символов мирового господства США. Однако террор как вполне символические действия проявлялся давно. После осени 2001 года многие американские эксперты утверждали, что следующим объектом террористического акта должна стать Статуя Свободы. Это следовало из экстраполяции уже известных фактов. Так, в частности, со второй половины 1960-х годов, отмеченных расовыми волнениями в Лос-Анджелесе (в частности, в районе Уоттс), было известно, что не только целенаправленные акции, но и вроде бы случайные протестные действия носят символический характер. Так, например: «Была поправа святость частной собственности, этого бессознательно воспринимаемого людьми оплота нашего социального строя; мародерствующие негры,

видимо, не чувствовали никакой вины и утверждали, что они берут лишь то, что «действительно принадлежит им по праву». Атаке подверглись самые основы законности и власти»^[171]. Примерно такими же были комментарии Си-Эн-Эн 11 сентября 2001 года, в день «террористической атаки на США».

Исходя из этого многие специалисты считают: терроризм - не столько аморфное выражение социальных перегрузок, сколько форма негодования, вызываемая крушением надежд и планов людей; он направлен против источников их неудач и служит средством достижения определенных целей. И далеко не последней его задачей является символическое выражение людьми своих намерений. Последнее как раз и говорит об очевидном символизме террористической логики. Понятно, что, убивая царя, российские народовольцы символически как бы «убивали» весь монархический строй. Убивая же видных приближенных царя, эсеровские террористы расправлялись с политической системой.

Аналогичным было и то, что происходило во второй половине XX в. В США: «По-видимому, то, что случилось в Уоттсе, было попыткой активного меньшинства в негритянском гетто, поддержанного всей массой не участвовавших в волнениях негров, открыто продемонстрировать свое нежелание безропотно сносить унижения и несправие. В частности, они хотели с помощью насильственных актов, поскольку не видели других средств самовыражения, донести до сознания общества отчаянность своего положения»^[172].

В вопросах, не связанных прямо с террористической деятельностью, логика и мышление террористов определяются общим уровнем их культуры. Как правило, за редкими исключениями, в современном мире общая культура террористов, особенно исламских, находится на низком уровне. В свое время меня потряс один из руководителей курдской Рабочей партии, однажды поинтересовавшийся, по имени какого ученого наука названа физикой. Мое недоумение от такой постановки вопроса он рассеял очень просто: вот есть наука - марксизм-ленинизм; тут все понятно - она названа по имени Маркса и Ленина; но ему непонятно, по имени кого названа другая известная ему наука - физика.

Понимание логики и особенностей мышления террориста имеет серьезное практическое значение. Так, в частности, известно: вести переговоры можно только с тем, кто понимает тот язык, на котором вы с ним договариваетесь. Если вы мыслите и рассуждаете логически («подожди меня убивать, дай время, я найду то, что нужно, и тебе отдам»), а оппонент не понимает логики, а лишь испытывает эмоции («я тебя все равно убью, причем прямо сейчас!»), такие попытки смысла не имеют. Более того, они опасны: ведь вы думаете, что договорились, а ваш оппонент считает себя свободным от всяких договоренностей.

Надеяться на то, что можно логически убедить или интеллектуально «пересчитать» террориста, в высшей степени наивно. Интеллектуальное соревнование с использованием логических аргументов имеет смысл среди одних людей, а «ствол», как особый аргумент, как «великий уравниватель», признается аргументом среди совсем других. И это -- принципиально разные люди. Причем вы должны понимать, что никогда не научитесь общаться на чужом языке, как на своем, родном. А если вам это и удастся, то сами не заметите, как станете таким же террористом, быстро забыв прежний язык. И тогда будут уже совсем другие песни. Захочется «отмыться», но «акцент» периодически будет прорываться: узнают.

Террористы - особый тип людей, у которых рациональные компоненты в поведении и характере почти отсутствуют, а эмоциональные преобладают до такой степени, что становятся аффективными. С ними трудно говорить: если что не так, то мгновенно наливаются кровью глаза, а пальцы сжимаются в кулаки и тянутся к железу. Такой человек просто не знает нормативных слов типа «можно» и «нельзя», «возможно» или «невозможно». Его лексикон очень прост: «хочу!», «дай!», «мое!», причем здесь и сейчас, немедленно. В отличие от нормального человека, который одинаково способен понимать «рацио» и переживать «эмоции», не выходя за рамки принятого, террорист не способен на это. Психотип этих людей устроен так, что действует по закону «все или ничего». В значительной степени этому способствуют излишняя простота нравов, принятая среди террористов, их банальная невоспитанность и необразованность. Именно эти факторы являются основным источником появления все новых и новых «волн» и даже поколений террористов. Хотя, безусловно, не только они.

Эмоции

В памятке для боевиков исламского движения «Хамаз» написано красиво: «Твои враги должны загораться, как пламень, ты же должен оставаться холодным, как лед». Отсутствие очень сильных эмоций, подчеркнутое хладнокровие считается качеством, повышающим эффективность террористической деятельности и снижающим степень риска для террориста. Однако в жизни далеко не всем террористам удается умело справляться со своими эмоциями.

Среди террористов встречаются два крайних варианта. Один, более редкий, - совершенно безэмоциональный. Это люди с абсолютным хладнокровием, абсолютно не подвластные эмоциям или умеющие их полностью контролировать. Таким выглядел, например, Б. Савинков. В сохранившихся описаниях современников его портретируют очень резкими штрихами: небольшого роста, одет с иголки; «не улыбается», «веет жестокостью», «сухое каменное лицо», «презрительный взгляд безжалостных глаз». Одна подпольщица, увидев Савинкова вскоре после убийства Плеве, навсегда запомнила «мертвенное лицо потрясенного человека» и образно сравнивала его с «местностью после потопа»: и тот, прежний, и не тот, не прежний. По общим отзывам, Савинков отличался исключительной практичностью, на фоне которой вообще не проявлялись никакие эмоции. Однако это - одна крайность. У. Сомерсет Моэм, широко известный писатель и малоизвестный сотрудник британской разведки, однажды в разговоре с Савинковым заметил, что террористический акт, должно быть, требует особого мужества. Савинков возразил: «Это такое же дело, как всякое другое. К нему тоже привыкаешь». У. Черчилль, лично знавший Б. Савинкова, считал его «человеком без эмоций», одинаково успешно сочетавшим в себе чисто рациональные качества: «мудрость государственного деятеля, качества полководца, отвагу героя и стойкость мученика».

Другой, все-таки значительно более часто встречающийся среди террористов вариант отличается противоположностью. Для таких террористов характерна очень богатая внутренняя эмоциональная жизнь. При всей внешней сдержанности, подчеркнутой рациональности, строгости, даже аскезе, внутри террориста бушует бурная эмоциональная жизнь. И чем сильнее ограничения, которые накладывает на участника террористическая деятельность, тем сильнее скрытые, подавляемые эмоции террориста. Пресловутое хладнокровие террориста, его «стальные нервы» - результат жестко подавляющего эмоции влияния рациональных компонентов психики. Такое подавление не может быть постоянным. В литературных описаниях мы постоянно встречаем описания сильнейших эмоций, которые охватывают террориста, например, сразу после успешного осуществления террористического акта. Они могут безумно радоваться, поздравляя друг друга, или, напротив, плакать и страдать.

Хотя, разумеется, и в этом террористы отличаются от обычных, криминальных преступников. По данным специального исследования, проведенного О. Дубовик, лица, совершившие насильственные преступления, отличаются особой эмоциональной облегченностью своих переживаний. «Помимо неверной оценки ситуации и невозможности (нередко мнимой) правомерного разрешения конфликта, многие лица принимают ошибочные решения в силу беззаботного, легкомысленного отношения как к своему поведению, так и к его оценке со стороны общества и государства. Свыше 38 % убийц и 47 % разбойников в момент совершения преступления воспринимали угрозу наказания как абстрактную, малозначительную или неосуществимую. Это свидетельствует не только о слабости, дефектности социальной оценки своего поведения, но в ряде случаев и о слишком сильном эмоциональном напряжении, стрессе, исказившем оценку ситуации и грозящих последствий» [173].

Данные факты позволяют, прежде всего, сделать заключение о недостаточном развитии интеллектуальной сферы - именно за счет ее слабости часто эмоции, что называется, «вылезают наружу». У террористов нет беззаботного, легкомысленного отношения ни к террористическому акту, ни к его оценке. Эмоции у них отделены от террористической деятельности - при всей их эмоциональной лабильности, террором они занимаются предельно серьезно. Хотя сильный эмоциональный стресс обычно и объединяет террористов с обычными преступниками, но все-таки не до такой степени.

Жизнь террориста проходит в постоянных эмоциональных переживаниях. Он живет в эмоциях страха, опасаясь попасть в руки противников. Одновременно он живет в эмоциях гнева и презрения к своим противникам и воодушевления от предвосхищения того вреда, который собирается им нанести. Естественно, что такие противоречивые эмоции часто сталкиваются между собой, приводя к внутренним эмоциональным конфликтам. Такие конфликты и определяют то тяжелое состояние хронического эмоционального стресса, в котором находится террорист. Для хронического стресса характерны эмоциональная лабильность, легкость почти мгновенного перехода от одного эмоционального состояния к прямо противоположному. По моим наблюдениям, боевики Народного фронта освобождения Палестины были в состоянии плакать, рассказывая о том, как им пришлось уходить из Бейрута, где они «с одними автоматами Калашникова месяц сдерживали израильские танки», после этого мгновенно переходить к возмущению («почему нам не дали более серьезного оружия - мы бы им показали!») и почти сразу к сарказму и самоиронии, рассказывая о том, как после эвакуации из Ливана в Йемен тамошние власти их разоружили и, в буквальном смысле, «отправили на сельскохозяйственные работы». Все это, разумеется, сопровождалось резкими угрозами и отчетливым гневом в отношении своих основных противников, израильтян.

Часто террорист, вынужденный жестко подавлять свои эмоции в рамках террористической деятельности, бывает эмоционально-распущенным в других, например, бытовых вопросах. Обычно сосредоточенные в сфере основных занятий палестинцы, например, отличаются полной эмоциональной раскрепощенностью в повседневной жизни. Поражает одна деталь: люди, лишённые своего государства и борющиеся за его создание, всегда и везде чувствуют себя, что называется, «как дома»: после сложного многодневного нелегального путешествия, например, они мгновенно оказываются в тапочках и сразу же предельно эмоционально, не стесняясь в выражении своих чувств, начинают изучать гостиницу.

За исключением разве что глубоко религиозных исламских фундаменталистов, всем другим террористам свойственна глубоко эмоциональная личная жизнь. Как правило, они не очень разборчивы и сдержанны в сексуальных связях. Повышенный темперамент ведет не только к гиперсексуальной активности, но и просто к гиперэмоциональности. Хотя в целом эмоциональная сфера находится под контролем, террорист готов снять этот контроль, как только считает это возможным. Тогда чувства вырываются на волю и проявляются бурно.

Однако важнейшим, наиболее распространенным эмоциональным состоянием террориста является его постоянная настороженность. Феномен настороженности проявляется в постоянной готовности к отражению угрозы нападения, повышенным уровнем бодрствования и концентрацией внимания на малейших изменениях всех, прежде всего физических, параметров окружающей среды, выраженной гиперестезией. Даже внешне заметная постоянная подозрительность террориста проявляется в непрерывном делении всех окружающих на «своих» и «чужих». Естественно, что «чужой» априорно идентифицируется с отвратительным и чуждым «образом врага» (реакция враждебного недоверия). Любопытно, что при подтверждении того, что «чужой» - на самом деле «свой», характер отношений резко меняется на массивные проявления доверия и открытости (иногда чрезмерные). Это говорит о резкой поляризации эмоций и об эмоциональной лабильности террориста.

Б. Савинков так описывал Е. Сазонова - одного из наиболее ярких террористов начала XX в.: «Сазонов был молод, здоров и силен. От его искрящихся глаз и румяных щек веяло силой молодой жизни. Вспыльчивый и сердечный, с кротким, любящим сердцем, он своей жизнерадостностью только еще больше оттенял тихую грусть» другой террористки. Еще об одной пожилой сподвижнице: «На ее бледном, старческом, морщинистом лице светились ясные, добрые материнские глаза. Все члены организации были как бы ее родными детьми. Она любила всех одинаковой, теплой любовью». Уже упоминавшегося И. Каляева современники описывали как «натуру впечатлительную, чувствующую свежо и сильно». За редкую эмоциональность его называли «Поэтом», а отношение к товарищам (например, к Савинкову) описывали как «чувство глубочайшего восторга».

Моральные проблемы

Понятно, что слепой фанатик, осуществляющий жестокий террористический акт на рациональном «автопилоте», не мучается переживанием моральных проблем. Это слепая машина для разрушения, не задумывающаяся над нравственными вопросами просто потому, что такие вопросы чужды для такой машины. Моральные проблемы возникают лишь при наличии определенного интеллектуального уровня. Неграмотные, необразованные исламисты, действующие по принципу «иншалла» («все во власти Аллаха, по милости его»), не страдают нравственными сомнениями.

Однако относительно развитых в интеллектуальном плане террористов внутренне постоянно волнует вопрос, насколько они правы в своих действиях. В описаниях того же Б. Савинкова, например, этой стороне уделяется значительное внимание. Всякий раз, готовясь к террористическому акту, террористы ищут ему нравственное оправдание. Иногда доходит до совершенных парадоксов, когда верующие христиане прибегают к совершенно иезуитской логике, считая, что, умерщвляя чье-то тело, они тем самым спасают душу своей жертвы. Впрочем, такого рода психологические парадоксы живы и поныне: исламские террористы верят, что их акции не только спасают их собственные души (подвиг во имя Аллаха), но и помогают душам своих жертв поскорее отправиться в рай. Боевики движения «Хамаз» из специальной памятки для боевиков своей организации твердо знают: «Аллах простит тебя, если ты исполнишь свой долг и убьешь неверного; в раю Аллах возьмет на себя все твои проблемы». Так, в частности, именно этим объясняли некоторые исламские теологи сущность взрывов небоскребов в Нью-Йорке, повлекших за собой тысячи жертв. Сами небоскребы рассматривались как «жертва Сатане», а погибшие под обломками люди объявлялись «избавленными от служения ложным богам». Понятно, что для глубоко религиозного террориста-фанатика все просто - его избавляет от моральных проблем сам Бог, - но все-таки и ему оказывается необходимо какое-то нравственное самооправдание.

Однако и такие самооправдания не всегда бывают достаточными, и моральные страдания могут продолжаться и после «победы», то есть успешно совершенного террористического акта. Б. Савинков так описывал восприятие «победы»:

«Внизу у Иверской нам навстречу попался мальчишка, который бежал без шапки и кричал:

- Великого князя убило, голову оторвало. <...>

В ту же минуту Дора наклонилась ко мне и, не в силах более удерживать слезы, зарыдала. Все ее тело сотрясали глухие рыдания. Я старался ее успокоить, но она плакала еще громче и повторяла:

Это мы его убили... Я его убила... Я...

Кого? - переспросил я, думая, что она говорит о Каляеве.

Великого князя».

Трудно теперь однозначно оценить, что же это реально было: психологическая разрядка после сверхсильного напряжения, банальная женская истерика или искренние переживания и раскаяние. Однако из сопоставления с другими фактами становится ясно, что последнее никак нельзя отвергать. По нашим данным, Даже убежденные в своем моральном праве на насилие террористы-мужчины обычно нелегко переживали нравственные проблемы спустя время после совершения террористических актов. Так, в частности, по свидетельству Б. Савинкова, террорист Е. Сазонов писал ему с каторги: «Сознание греха никогда не покидало меня». Даже палестинские террористы часто говорили о «тяжести на душе», хотя и объясняли свои насильственные действия внешними, вынужденными обстоятельствами.

Моральные проблемы террориста могут приобретать странный, даже вычурный характер. Только что упомянутый известный террорист И. Каляев, убийца брата царя, великого князя Сергея Александровича, психологически запредельно сложно описывал свое свидание с посетившей его в тюрьме вдовой великого князя.

«Мы смотрели друг на друга, не скрою, с некоторым мистическим чувством, как двое смертных, которые остались в живых. Я - случайно, она - по воле организации, по моей воле, так как организация и я обдуманно стремились избежать излишнего кровопролития. И я, глядя на великую княгиню, не мог не видеть на ее лице благодарности, если не мне, то во всяком случае судьбе, за то, что она не погибла.

- Я прошу вас, возьмите от меня на память иконку. Я буду молиться за вас.

И я взял иконку.

Это было для меня символом признания с ее стороны моей победы, символом ее благодарности судьбе за сохранение ее жизни и покаяния ее совести за преступления великого князя.

- Моя совесть чиста, - повторил я, - мне очень больно, что я причинил вам горе, но я действовал сознательно, и если бы у меня была тысяча жизней, я отдал бы всю тысячу, не только одну».

Стоит ли говорить, что сама вдова совершенно по-иному описывала эту встречу, на которую она пошла всего лишь затем, чтобы, что называется, взглянуть в глаза убийце своего мужа?

Обратной стороной моральных проблем является выраженная практически у всех террористов потребность в понимании, необходимость «выговориться» перед другими людьми (обычно перед «своими», но иногда и перед чужими, включая следователей). При отсутствии возможности устного общения с подходящим собеседником активно используется эпистолярный жанр. Так, тот же И. Каляев в одном из писем из тюрьмы писал товарищу: «Мой дорогой, прости, если в чем-либо я произвел на тебя дурное впечатление. Мне очень тяжело подумать, что ты меня осудишь. Теперь, когда я стою у могилы, все кажется мне сходящимся для меня в одном, - в моей чести, как революционера, ибо в ней моя связь с Боевой Организацией за гробом». В другом письме он же писал: «Я хотел бы только, чтобы никто не подумал обо мне дурно, чтобы верили в искренность моих чувств и твердость моих убеждений до конца»[\[174\]](#).

Однако подчеркнем еще раз: серьезные моральные проблемы присущи только лишь «идейным» террористам, причем с достаточно высоким уровнем образования и интеллектуального развития, способным к сознательной рефлексии своей деятельности. Для всех остальных типов террористов значительно более характерно наличие совершенно иной психологии, прежде всего - дорефлексивных, сравнительно примитивных «синдромов» вместо каких-либо сложных моральных проблем. Приведем в качестве примера современного терроризма слова женщин, осужденных за взрыв вокзала в Пятигорске по заданию чеченского боевика С. Радуева. На судебном процессе над С. Радуевым в Махачкале осенью 2001 года эти женщины показали, что целью взрыва для его заказчика (Радуева) было «посеять панику, а число жертв его не волновало».

«Синдром Зомби»

Автор всем известной серии блестяще экранизированных романов о британском супермене-разведчике Джеймсе Бонде Я. Флеминг писал в одном из них: «Зомби - страшные существа. Он (Зомби) внушает смертельный ужас. Его невозможно убить... Он уже мертв».

Понятие «синдром Зомби» стало особенно широко, популярным со времен первых американских фильмов-супербоевиков («блокбастеров») с А. Шварценеггером в главной роли («Коммандо» и др.). Затем у нас это понятие закрепилось за вполне определенной категорией военнослужащих в ходе афганской и чеченской войн. Заметим, что в армейской среде понятие «Зомби» имеет заметный негативно-оценочный оттенок.

Этот синдром проявляется в постоянной, причем выглядящей не нарочито, а как совершенно естественное, органичное свойство, сверхбоеготовности (сверхготовности к отражению нападения), широко разлитой враждебности с тотальным образом врага, паранойяльной постоянной устремленности к наиболее сложно организованным боевым действиям. В жизни это - своего рода «синдром бойца», постоянно нуждающегося в самоутверждении и подтверждении своей состоятельности.

По мнению специалистов-психопатологов, «синдром Зомби» можно рассматривать как «предельное выражение долговременного патологического развития личности в условиях хронического жестокого Эго-стресса», связанного с чередованием ситуаций повышенной боеготовности и боевых действий. Выраженные проявления «синдрома Зомби» можно рассматривать как «разновидность психопатоподобного синдрома с мономаниакальной параноидностью»[\[175\]](#).

Люди с «синдромом Зомби» постоянно живут «на войне» (иногда еще образно их называют «псами войны»). Даже когда нет боевых действий, они всячески избегают ситуаций мира и покоя, ищут и охотно сами создают обстановку боевого конфликта. Оружие - их любимая игрушка, которой они владеют блестяще. Такие люди быстро и легко формируют для себя образ врага. В преследовании врага они неутомимы, беспощадны и холодно-жестоки. В боевой ситуации они чувствуют себя как рыба в воде, как бы совершенно неуязвимыми. Такое самоощущение небезосновательно: боевых потерь среди таких лиц практически никогда не бывает, редкие же все-таки случающиеся потери обычно связаны либо с форс-мажорными обстоятельствами, либо с грубыми нарушениями ими своих собственных правил нахождения в состоянии постоянной сверхбоеготовности. Что называется, расслабляться нельзя: позволил себе расслабиться - вот и потери. Террористы из движения «Хамаз» знают: «Борьба - это постоянное напряжение всех сил. Расслабиться воин Аллаха сможет только в раю».

Прекрасная физическая и боевая подготовка, достижению и поддержанию которой подчинена вся их жизнь, обычно позволяет таким людям практически неограниченно переносить тяготы военного дискомфорта. Более того: они настолько привыкают к таким тяготам, что считают их естественными.

Соответственно, такая физическая подготовка часто парадоксально сочетается с их беспомощностью в простых житейских ситуациях. В частности, известны трудности «Зомби» в общении с противоположным полом: иногда в этих отношениях у них явно внезапно может быстро развиваться заметная регрессия на уровне поведения 10-12-летнего ребенка. Однако их растерянность вместе с проявлениями сверхдоверчивости и сверхоткрытости по отношению к «своим» может столь же внезапно сменяться внешне также немотивированной и заранее непредсказуемой агрессивной враждебностью. Это часто заставляет окружающих как бы «ощущать» устрашающую ауру их деструктивной «запрограммированности». Известная непредсказуемость их предельно разрушительного поведения, как правило, резко возрастает при алкогольном и наркотическом опьянении. Хотите увидеть «Зомби»? Приходите на празднование Дня военно-десантных войск или Дня пограничника - кому что ближе. Там все наглядно.

Для людей с «синдромом Зомби» обычно характерно не атлетическое, а, напротив, диспластическое и(или) даже астеническое телосложение, однако многолетний опыт усиленных спортивных тренировок делает их гиперкомпенсированными атлетами. На лице у них нередко наблюдается парамимия. Их специфическая «звериная» пластика может внезапно (особенно при общении с лицами противоположного пола) сменяться крайней степенью моторной неловкости так называемого «закрытого диагоналя» (по классификации Л. Выготского). В условиях боевого конфликта их поведение обычно характеризуется асексуальностью. В мирное время, в стабильной обстановке они испытывают заметные трудности в поиске сексуальных партнеров - возможно, в связи с их ранимостью и повышенной чувствительностью во внебоевых ситуациях. В межличностном общении их отличает очень узкий круг эмоционально насыщенных привязанностей. В мирных ситуациях у «Зомби» на первый план выходят проявления эмоциональной дисгармонии, причем «в ее структуре парадоксальность, холодность, сензитивность, брутальность и символический неологизм, характерные для шизотима, часто сочетаются с взрывчатостью, вязкостью, замедленностью (брадипсихией) и метафорической олигофазией, характерными для эпилепто, тима, то есть формируется двойственная, шизоэпилептоидная конституция. Эта дисгармония может находить (и находит) выход в противоправных действиях»[\[176\]](#).

Специалисты считают, что безусловно психопатологические «симптомы первого ранга» (идеи преследования, феномены ментального автоматизма, даже императивного галлюциноза) в краткосрочных эпизодах в форме «вспышек», «зарниц», «инсайта» могут выступать в качестве естественных реакций психики на чрезвычайные ситуации боевого столкновения. Они помогают эффективно участвовать в сложных боевых действиях, реализуясь в беспрекословном и бесконтрольном подчинении, мгновенном, внутренне неопосредованном (без размышлений) выполнении приказов командира, в опережающих, предвосхищающих развитие ситуации (по механизму инсайта) действиях в боевой обстановке.

Люди с заметным «синдромом Зомби» - идеальные солдаты, у которых постоянная агрессивная враждебность выступает как механизм своеобразной адаптации к внешним условиям. Они всегда «на войне», обстановка боевого столкновения - их естественная «среда обитания». В террористических организациях «Зомби» - идеальные боевики-исполнители. В криминальных формированиях это пресловутые «быки».

Одно из частных проявлений «синдрома Зомби» - так называемые рефлекс безопасности. После возвращения на родину с афганской войны автору этой книги самому пришлось в течение ряда долгих месяцев постепенно избавляться от таких «рефлексов». Первое время, например, я не мог находиться в местах скопления людей, в метро, даже на автобусных остановках - один из базовых «рефлексов безопасности» в Афганистане императивно не позволял допускать ситуаций, когда в радиусе двух-трех метров от тебя (дистанция броска тела) присутствует посторонний человек. Такое присутствие представляло собой потенциальную опасность и требовало либо выхода из ситуации (увеличения расстояния), что бывало технически просто невозможно из-за все известной давки в нашем транспорте, либо отношения к постороннему человеку как к потенциальному противнику.

«Синдром Рэмбо»

Термин «синдром Рэмбо» возник и распространился сразу после известного цикла фильмов об американском ветеране войны во Вьетнаме, вернувшемся домой, но не сумевшего «найти себя» в мирной жизни и как бы поневоле ставшего террористом.

Мастерски сыгранная С. Сталлоне роль боевика Рэмбо создала удачный образ, а его имя вскоре стало нарицательным. Специалисты по исследованию поведения людей в чрезвычайных ситуациях считают, что «синдром Рэмбо» - это своего рода предельное выражение, результат долгосрочного формирования вполне устойчивой невротической структуры личности, раздираемой непреодолимым интрапсихическим конфликтом между стремлением к острым ощущениям и переживаниями тревоги, вины, стыда и отвращения за свое участие в них. «Ключевой характеристикой этой структуры служит либо сознание «миссии», добровольно возложенных на себя тяжелых, но благородных альтруистических обязанностей, позволяющих реализовать агрессивные побуждения без самоупрека во враждебности, либо сознание принадлежности к «корпорации», профессиональных обязанностей, позволяющих рисковать жизнью и здоровьем без самоупрека в аутоагрессивности»[\[177\]](#). Это верно.

С одной стороны, почти любой террорист либо совершает революцию, либо спасает человечество, либо освобождает свой народ - его «миссия» всегда высока, масштабна и благородна. Она ставит его в особое положение, выделяет из ряда обычных людей. С другой стороны, почти любой террорист больше всего дорожит принадлежностью к своей группе, организации. При наличии негативных внешних оценок и неустойчивой самооценки ему необходимо безусловно положительное отношение со стороны хотя бы своих товарищей по организации. Это во многом как раз и дает отмеченное выше ощущение «профессиональных обязанностей», которые надо исполнять со спокойной готовностью к самопожертвованию, но без всякого рода явного или даже скрытого мазохизма в виде «аутоагрессивности».

«Миссионерство» - основной психологический стержень «синдрома Рэмбо». Он не может (хотя и умеет) убивать «просто так» - он обязательно должен делать это во имя чего-то высокого. Поэтому ему приходится все время искать и находить те или иные, все более сложные и рискованные «миссии». Вслед за просто «Рэмбо», как известно, были и «Рэмбо-2», и «Рэмбо-3», и «Рэмбо-4». Будут и еще, хотя и под другими названиями - «синдром Рэмбо» неистребим.

Люди с «синдромом Рэмбо» всегда испытывают большие трудности адаптации к спокойной, рутинной деятельности, часто переживают ощущение скуки и своей несостоятельности в обыденной жизни. Они постоянно стремятся к тому, чтобы так или иначе «взвинтить» ситуацию, других людей и самого себя, часто искусственно (хотя обычно и неосознанно) создавая сложности, которые необходимо «героически преодолеть». Тем самым они постоянно стремятся оказаться в супер-экстремальной обстановке, в очаге какой-

нибудь чрезвычайной ситуации. Важнейшими и наиболее значимыми для них характеристиками экстремальной ситуации являются «близкое по духу окружение» и «наличие правил игры». Важным для них является и «отвечать добром на зло», не отступать ни перед какой угрозой при выполнении того, что они сами считают «благородной миссией». Поэтому люди с выраженным «синдромом Рэмбо» всегда добровольцы. Они склонны к самоограничению, обычно безотказны и болезненно совестливы, даже альтруистичны по отношению к «своим»; временами они бывают просто откровенно навязчивыми - прежде всего, с частыми предложениями своей помощи. Ничего не поделаешь: как говорится, террор - дело добровольное. Часто они весьма впечатлительны и даже ранимы.

Девизом людей с «синдромом Рэмбо» является популярное ныне среди молодежи словечко «экстрим»: они во всем стремятся жить по самому высшему, экстремальному уровню. Специалисты отмечают, например, такую очень показательную деталь: особое своеобразие «синдрому Рэмбо» придает крайне выраженное стремление к сексуальной самореализации в экстремальных условиях. Так, в очагах чрезвычайных ситуаций объективно зафиксированы их свехрискованные эскапады и сексуальные «подвиги». В спокойных, рутинных ситуациях трудности адаптации лица с «синдромом Рэмбо» часто компенсируют алкогольными эксцессами, доходящими до длительных запоев, и многообразными соматоформными реакциями.

Террорист с «синдромом Рэмбо» - это человек, стремящийся к ужасу и сеющий ужас во имя высокой цели, однако делающий это не потому, что ему дорога та или иная цель, а всего лишь потому, что по-другому он просто не умеет жить.

«Синдром камикадзе-шахэда»

Террористов-смертников, уничтожающих себя вместе со своими жертвами в ходе террористического акта, называют «камикадзе» - по аналогии с японскими самураями, жертвовавшими своей жизнью ради достижения тех или иных целей. Судя по всему, первым террористом-камикадзе в самом строгом смысле слова был Герой Советского Союза Н. Гастелло. Именно он в 1941 году направил свой горящий самолет на колонну немецких танков. Однако широко известными террористы-камикадзе стали только в ходе дальнейших событий Второй мировой войны, когда японские летчики-камикадзе на специально построенных для этих целей и оснащенных взрывчаткой планерах-«таранах» совсем небезуспешно пытались топить корабли американского военно-морского флота. Позднее термин стал применяться ко всем террористам-смертникам. Сразу же после взрывов небоскребов Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года, осуществленных заранее угнанными и сознательно направленными на эти небоскребы «боингами», пилотируемыми террористами-смертниками, термин «камикадзе» реанимировался в своем первоначальном, японском значении.

К основным психологическим характеристикам данного синдрома, прежде всего, относится экстремальная готовность к самопожертвованию в виде жертвы самой своей жизнью. Террорист-«камикадзе», по тем или иным причинам, счастлив возможности отдать свою жизнь и унести с собой на тот свет по возможности наибольшее число врагов. Понятно, что для этого камикадзе психологически должен как минимум преодолеть собственный страх смерти. Именно это и происходит под влиянием тех или иных причин - психологических факторов, обладающих огромной суггестивной силой. Такими факторами могут быть некоторые идеи (например, идея патриотизма), сильные чувства (ненависть к врагу), эмоциональные состояния (так называемый кураж). Наиболее ярким в психологическом плане является комплекс состояний, испытываемый исламскими смертниками-шахэдами. «Синдром шахэда» - это особая исламская разновидность «синдрома камикадзе», наиболее актуальная именно для современного мира. Движение «Хамаз» однозначно учит своих боевиков: «Аллах велик, и ты - острое его меча. Смерть за Аллаха - дорога в рай». Психология шахэда основана на вере в религиозную идею святости «муджахетдина», «воина Аллаха», без раздумий отдающего свою жизнь во имя Бога и вознаграждаемого за это прямо-таки немедленным попаданием в рай, где его ожидают невероятные по комфортности условия пребывания. В

частности, в раю его ожидают роскошные еда и напитки (типа шербета), а также почему-то ровно семьдесят девственниц для совершенно невиданных сексуальных удовольствий.

Из сказанного следует, что «комплекс камикадзе-шахэда» включает в себя как когнитивные компоненты (идеи, связанные с конкретным представлением о вознаграждении за верность этой идее), а также компоненты эмоциональные: понятно, что вера в такую идею, как и вера вообще, представляет собой эмоциональное, а не рациональное состояние. Значит, это некоторые знания (не важно, истинные или ложные), соединенные с абсолютно незыблемой верой в них. О глубине и искренности веры смертника-шахэда можно судить хотя бы только по одной детали. Достаточно часто сталкивавшиеся на практике с шахэдами спецслужбы Израиля обнаружили, что сохранившиеся в отдельных случаях трупы исламских террористов часто обладают одной интересной особенностью: половые члены этих смертников обмотаны тряпками и, поверх тряпок, проволокой. Специальное изучение этого феномена открыло данный секрет: оказалось, что это делается шахэдами специально, как своего рода мера предосторожности для предотвращения непроизвольного семяизвержения от перевозбуждения в момент совершения террористического акта. Свою сперму шахэды считают необходимым беречь специально для ожидающих каждого из них семидесяти девственниц в раю. Мне доводилось сталкиваться с «синдромом шахэда» в Афганистане.

«Бессмысленное поведение, противоречащее элементарному инстинкту самосохранения, устраивает главарей террористов. Они всячески поддерживают веру в то, что смерть фанатика-самоубийцы очищает его от всех грехов и направляет прямоком в рай. Разумеется, душманский вариант камикадзе не так прост. Считается, что смерть не обязательно достигнет «шахэда» - вера и готовность к смерти могут защитить его, дать возможность совершить подвиг. Вера в эту догму очень сильна. Зарегистрированы случаи, когда все тело бандитов оказывалось испещренным изречениями из Корана, дабы, как им внушали, пуля не могла пробить его. Попав в плен, они всерьез убеждали солдат народной армии, что пуля на них не действует. По сути, это пример религиозно-патологического извращения психики. Известно немало случаев, когда смертникам для их успокоения раздают «освященные Кораном» патроны, гранаты, камни, имеющие, дескать, «сверхъестественную силу» - в безвыходном положении они могут «уничтожить всех неверных и спасти воина Аллаха»[\[178\]](#).

Важно обратить внимание на то, что готовность к собственной смерти - феномен, свойственный не только японским камикадзе или исламским шахэдам. Готовность к смерти всегда считалась крайне важным достоинством в среде террористов любых стран, народов и вероисповеданий. Так, например, именно это качество наиболее часто упоминает в своих «Воспоминаниях террориста» Б. Савинков, как бы постоянно тестируя на эту готовность к самопожертвованию то одного, то другого из числа своих товарищей по террористической деятельности. Так, в частности, об одном из боевиков Б. Савинков писал, что тот не представлял участия в терроре иначе, как со смертным концом, видя в нем искупление убийству. О другом: «Для него террор тоже прежде всего был личной жертвой, подвигом». О третьем: «Он со страстной верою относился к террору и за счастье считал быть повешенным во имя революции». Еще об одной террористке: «Она участвовала в терроре ... с радостным сознанием большой и светлой жертвы». О другой: «Террор для нее... окрашивался прежде всего той жертвой, которую приносит террорист... Вопросы программы ее не интересовали... Террор для нее олицетворял революцию, и весь мир был замкнут в боевой организации».

О преданности организации террористы думают очень много. Не исключено, что это - отражение осознанной или иногда неосознанной боязни предательства. Чаше, однако, это обращение к своей немногочисленной референтной группе - ведь именно она, а часто и только она может оценить величие самопожертвования террориста-«камикадзе». «Для меня необходимое условие моего счастья, это - сохранить навсегда сознание полной солидарности с вами по всем вопросам жизни и программы, - пишет своим товарищам из тюрьмы осужденный за убийство эсеровский террорист. - Всякому обреченному на подвиг опасный, кроме всего прочего, особенно желаю передать... ответ в полном обладании всеми силами физическими и духовными, чтобы с честью до конца пронести знамя организации»[\[179\]](#). Обратим внимание на формулу «по всем вопросам жизни и программы»: в ней отчетлива вера

террориста в то, что это практически единые вещи. Нормальному человеку, не террористу, трудно согласиться с тем, что ценность жизни сопоставима с ценностью программы. Однако для террориста, всегда готового к самопожертвованию, смерти и мученичеству во имя своих идеалов, это именно так.

Сужение всего мира до масштабов одной организации - еще одна существенная психологическая черта «синдрома камикадзе». В патопсихологии давно известен синдром «туннельного зрения»: пребывая во власти сверхценной идеи («идефикс»), человек стремится к ней, не замечая ничего вокруг. Он видит только свой «свет в конце туннеля», игнорируя окружающий мир. Отсюда и явная интровертированность большинства террористов, их частое желание «общаться с вечностью», «посвятить свою жизнь будущему», вера в «грядущие поколения» при недооценке современников.

Б. Савинков цитирует слова одного из своих товарищей: «Я верю в террор. Для меня вся революция в терроре. Нас мало сейчас. Вы увидите: будет много. Вот завтра, может быть, не будет меня. Я счастлив этим, я горд...»[180]. Заметим, здесь умножение рядов террористов «в будущем» прямо связано с их уменьшением «завтра». Террорист-камикадзе убежден, что его смерть станет примером для нового пополнения, которое придет в организацию.

Желание умереть ради того, чтобы отнять жизнь у другого, - вот основной мотив «камикадзе». Причем наибольшее удовлетворение приносит человеку с «синдромом камикадзе» не вторая часть формулы (что было бы наиболее естественным, ведь это - цель террора), а именно первая, то есть готовность к самопожертвованию и предвосхищение грядущего удовольствия от такого самопожертвования. Именно такое желание владело любимым героем «Войны и мира» Л. Н. Толстого Пьером Безуховым, решившимся было заколоть Наполеона: «Пьер в своих мечтаниях не представлял себе живо ни самого процесса нанесения удара, ни смерти Наполеона, но с необыкновенной яркостью и с грустным наслаждением представлял себе свою погибель и свое геройское мужество»[181].

Такая странная логика возникла у Безухова как результат ощущения своей личной слабости и слабости всего народа в борьбе с французскими захватчиками на начальном ее этапе. Именно для компенсации этой откровенной слабости он и готов прибегнуть к террористическому акту, однако главным в терроре для него все-таки оказывается не достижение конкретной цели, результата, а личное «геройское мужество». То есть именно для компенсации, для повышения своей поколебленной в боях с французами самооценки ему и необходим теракт. На самом деле именно такое стремление к гиперкомпенсации через полное самопожертвование можно считать психологическим стержнем «синдрома камикадзе». Очевидно: нормальный, достаточно уверенный в себе человек дорожит своей жизнью, рассматривает ее как определенную ценность. По тем или иным причинам такой человек может оказаться среди террористов, однако он никогда не станет смертником. «Синдром камикадзе» - это подсознательное признание собственной несостоятельности. Отдать свою жизнь за что-то - это значит заведомо признать ее ценность ниже, чем это «что-то», а себя - недостойным вкушать результатов достижения этого самого «чего-то».

Искаженная самооценка, как правило, заметно искажает, в угоду себе, и многие другие компоненты психики. Обратимся к одной из приводимых Б. Савинковым биографий: верующая христианка парадоксально признает террор ради спасения своей души. Налицо совершенно искаженная мотивация: христианская вера не только не допускает террор, она активно противостоит ему. Первая заповедь Бога учит: не убий. Идти на террор ради «спасения души», нарушая первую заповедь, - для нормальной логики это даже звучит кощунственно. Для террориста это - нормально. Почему?

Потому, что психологически крайне важной для самооправдания террориста-смертника является идея необходимости, долга. Б. Савинков так, в частности, писал об одном из своих соратников: «Революционер старого, народовольческого, крепкого закала, Сазонов не имел ни сомнений, ни колебаний. Смерть Плеве была необходима для России, для революции, для торжества социализма. Перед этой необходимостью бледнели все моральные вопросы на тему «не убий»».

Террор приносит террористу парадоксальное удовольствие через его собственные страдания и, возможно, через саму смерть. Один из эсеровских террористов так писал товарищам из тюрьмы: «Моя драма закончилась. Не знаю, до конца ли верно выдержал я

свою роль, за доверие которой мне я приношу вам мою величайшую благодарность. Вы дали мне возможность испытать нравственное удовлетворение, с которым ничто в мире не сравнимо. Это удовлетворение заглушало во мне страдания, которые пришлось перенести мне после взрыва. Едва я пришел в себя после операции, я облегченно вздохнул. Наконец-то все кончено. Я готов был петь и кричать от восторга».

Однако для того, чтобы «петь и кричать от восторга», прежде всего террористу приходится преодолеть собственный, естественный для всякого человека, страх смерти.

Преодоление страха смерти

Идеологи террористического движения «Хамаз» внушают своим боевикам простую логику: «Боишься - не делай, делаешь - не бойся». Основной акцент ставится на чисто «деятельностное» преодоление негативных переживаний, в частности, страха.

Известный боевик начала XX века В. Вноровский, соглашаясь на «террористическую работу», писал, абсолютно рационально оправдывая это свое решение:

«Мотивы моего согласия следующие: теоретически я признаю террор, я знаю, что у меня достаточно хладнокровия и смелости для какого угодно страшного акта, значит, я не имею права отказаться. Что из того, что я не чувствую призвания убивать людей (я никогда даже не охотился, находя это занятие зверским), что мне, может быть, дорога моя жизнь? Я сумею умереть, как честный солдат. Между моментом моего согласия и моментом, когда меня поставили на подготовительную работу, прошло около месяца. Время это я употребил на переживание моего нового положения. И я перед лицом своей совести, перед лицом смерти, навстречу которой я сейчас иду, могу сказать - я победил совершенно страх смерти, я хладнокровно застрелю себя, если мой снаряд не взорвется, не изменившись ни в одном мускуле лица, и, не побледнев, я взойду на эшафот в случае успеха. И это будет не насилие над собой, не последнее напряжение сил и воли, - это будет вполне естественный результат того, что я пережил»^[182].

Преодоление страха смерти, как известно, является большой проблемой для всего человечества. Террористы-«камикадзе» здесь - только частный случай. В общем виде психология давно знает принципы преодоления страха. Э. Фромм писал: «Есть только один способ - как учат Будда, Иисус, стоики и Майстер Экхарт - действительно преодолеть страх смерти - это не цепляться за жизнь, не относиться к жизни как к собственности. Страх смерти - это, в сущности, не совсем то, и что нам кажется, это не страх, что жизнь прекратится. Как говорил Эпикур, смерть не имеет к нам никакого отношения, ибо «когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет» (Диоген Лаэртий). Можно, конечно, бояться страданий и боли, которые, бывает, предшествуют смерти, но этот страх отличен от страха смерти. Хотя в таком случае страх смерти мог бы показаться иррациональным, дело обстоит иначе, если относиться к жизни как к собственности. И тогда этот страх перестает быть страхом смерти, это - страх потерять то, что я имею: свое тело, свое «я», свою собственность и свою идентичность; это страх «потерять себя», столкнуться с бездной, имя которой - небытие».

Страх смерти естествен для большинства людей. Сам Э. Фромм считал: «Поскольку мы руководствуемся в жизни принципом обладания, мы должны бояться смерти. И никакое рациональное объяснение не в силах избавить нас от этого страха». Однако со страхом смерти можно бороться: более того, его можно уменьшать и преодолевать. «Исчезновение страха смерти начинается не с подготовки к смерти, а с постоянных усилий уменьшить начало обладания и увеличить начало бытия»^[183].

Э. Фромм абсолютно прав не только в философско-экзистенциальном, но и в самом практическом плане. Это подтверждается хотя бы тем простым фактом, что абсолютное большинство известных террористов были людьми заведомо неимущими. Среди террористов не встретишь эпикурейцев, зато огромное их большинство представляют собой стоиков. Более того, даже представители благополучных, зажиточных семей, попадая в ряды террористов, прежде всего порывали старые связи с прежней семьей, в той или иной форме отказывались от собственности и имущества. За этим стоит сложнейшая психология

неприятия своей социальной, а иногда и биологической (отец, мать) среды, трактуемая по-разному различными психологическими школами. Для нас же фактом остается одно: отказ от имущества, собственности влечет за собой отказ от жизни. В случае отношения к жизни как к собственности, ею можно рисковать, ее можно «ставить на кон», ею можно клясться, ее можно «обменять» на жизнь той или иной жертвы террора, ею можно жертвовать и ее можно даже отдать «в знак протеста». Пример такого рода - биография Е. Сазонова, одного из соратников Б. Савинкова, известного боевика эсеровской партии, одного из убийц царского министра внутренних дел В. Плеве.

Отец Сазонова был лесопромышленником из старообрядцев. Однако сын не продолжил бизнес отца, но зато добросовестно впитал свойственные староверам одержимость и нелюбовь к властям. Поступив в Московский университет, он учился недолго, начав заниматься профессиональной «террористической работой». Уже в 1901 году его сослали в Уфу «за участие в студенческих беспорядках» радикально настроенной молодежи. В 1902 году, по дороге на новое место ссылки, в Сибирь, он бежал и с этого времени примкнул к боевой террористической организации эсеров. Он добросовестно исполнил свою функцию, метнув в июле 1904 года бомбу в карету ненавистного эсерам министра внутренних дел. При покушении Е. Сазонов был тяжело ранен, захвачен полицией на месте преступления, судом и приговорен судом к бессрочной каторге. В Нерчинске, в возрасте 31 года, он отравился действительно «в знак протеста»: двое его товарищей по каторге по приказу начальства подвергались телесным наказаниям.

Многочисленные описания говорят, что террористы боятся не самой смерти, а связанных с ней обстоятельств: ранений, беспомощности, вероятности попадания в руки полиции, пыток, издевательств и т. д. Вот почему террористы скорее готовы к самоубийству (например, чтобы не стеснять своих товарищей заботой о беспомощном человеке), чем к самосохранению. Поскольку реально они присваивают себе право распоряжаться чужими жизнями (жизнями своих жертв), то естественно, что право на распоряжение собственной жизнью подразумевается автоматически. Очевидно, что все это - следствие отношения к жизни как к собственности. Преодоление чувства собственности - условие преодоления страха смерти.

Психологические типы террористов

Четыре основных типа описывал еще Б. Савинков. Эти типы в определенной степени (хотя и не абсолютно) соответствуют четырем известным классическим типам темперамента. Поэтому условно их и можно определить как «холерик», «флегматик», «сангвиник» и «меланхолик». Понятно, что специфика террористической деятельности накладывает свой отпечаток на классические типы, присутствующие в норме. Здесь и «сангвиник», и «флегматик», и, тем более, «меланхолик» значительно более энергетичны, чем большинство населения: по уровню энергетике они приближаются к обычно считающемуся наиболее темпераментным «холерику». Однако определенные характеристики позволяют провести такую типологизацию. В ее основе как внешние, конституционные, так и внутренние, характерологические, признаки, позволяющие относить каждый из приводимых ниже портретов к одному из четырех классических типов. Кроме того, за такой типологизацией стоит содержательное понимание четырех обозначенных выше И. Павловым типов (в связи с особенностями высшей нервной деятельности и скоростью протекания психических процессов), а также известная типология Г. Айзенка, трактующая те же самые типы на основе соотношения двух координат: невротизма - эмоциональной устойчивости и экстраверсии - интроверсии. Первый тип - «холерик». В нейрофизиологической трактовке И. Павлова, это тип сильный, однако неуравновешенный, с преобладанием возбуждения; одержимый множеством идей и эмоций, увлекающийся, но быстро остывающий. Нервная система характеризуется, помимо большой силы, преобладанием возбуждения над торможением. Отличается большой жизненной энергией, но ему не всегда хватает самообладания, подчас бывает вспыльчив и несдержан. По Г. Айзенку - это невротизированный экстраверт, вроде бы «любящий массу», но почему-то довольно легко приносящий эту любовь в жертву

индивидуальному террору, Ответ на этот кажущийся парадокс достаточно прост: внешняя экстравертированность часто как раз и оборачивается ненавистью к широким контактам за счет высокого уровня невротизации. Обычно невротизм в сочетании с выраженной экстравертированностью и дает «на выходе» явно выраженные признаки психопатии и истерии.

«Абрам Год был сын очень богатого купца. Молодой человек лет 24, крепкий, черноволосый, с блестящими черными глазами... У него был неиссякаемый источник революционной энергии, а отсутствие опыта заменялось большим практическим умом. От него постоянно исходила инициатива различных боевых предприятий, он непрерывно был занят составлением всевозможных террористических планов. Убежденный последователь Канта, он относился, однако, к террору почти с религиозным благоговением и брался с одинаковой готовностью за всякую, самую неблагодарную террористическую работу. По своим взглядам он был правоверный социалист-революционер, любящий массу, но любовь эту он сознательно принес в жертву террору, признавая его необходимость и видя в нем высшую форму революционной борьбы. Его ожидала судьба всех даровитых террористов: он был арестован слишком рано и не успел занять в терроре то место, на которое имел все данные, - место главы боевой организации».

Второй тип - скорее, «флегматик». В трактовке И. Павлова, это тип сильный и устойчивый, уравновешенный, иногда инертный; спокойный, «надежный». Нервная система характеризуется значительной силой и равновесием нервных процессов наряду с малой подвижностью. Реагирует спокойно и неспешно, не склонен к перемене своего окружения, хорошо сопротивляется сильным и продолжительным раздражителям. По Г. Айзенку, это эмоционально устойчивый интроверт. Не склонен к психопатии и истерии, напротив, часто обладает качествами иного рода. В терроре не столько боевик, сколько эмоциональная опора группы или организации - их, так сказать, стабилизирующее начало.

««Адмирал» был выше среднего роста, блондин, с большими светло-голубыми глазами. Он сразу привлекал к себе своей спокойной силой. В нем не было блестящих задатков Года, но он был одним из тех редких людей, на которых можно целиком положиться в уверенности, что они не отступят в решительную минуту. Больше, чем кто-либо другой, он вносил в организацию дух братской любви и дружеской связи».

Третий тип - скорее, «сангвиник». Согласно И. Павлову, это тип сильный, уравновешенный, подвижный. Его нервная система отличается большой силой нервных процессов, их равновесием и значительной подвижностью. Это человек быстрый, легко приспособляющийся к изменчивым условиям жизни. Его характеризует высокая сопротивляемость трудностям жизни. По Г. Айзенку, это тип эмоционально устойчивый и экстравертированный. Наиболее адаптивный среди всех остальных типов. Его решения основаны не на ситуативных эмоциях, а на устойчивых убеждениях, основанных не на эмоциональной вере, а на жизненном опыте.

«Федор Назаров, рабочий Сормовского завода, по характеру был полной противоположностью «Адмиралу». Он тоже принадлежал к тем людям, которые, однажды решившись, без колебания отдают свою жизнь, но мотивы его решения были иные. «Адмирал» верил в социализм, и террор был для него неотделимой частью программы партии социалистов-революционеров. У Назарова едва ли была твердая вера. Пережив сормовские баррикады, демонстрацию рабочих под красным знаменем и шествие тех же рабочих за трехцветным национальным флагом, он вынес с завода презрение к массе, к ее колебаниям и к ее малодушию. Он не верил в ее созидательную силу и, не веря, неизбежно должен был прийти к теории разрушения. Эта теория шла навстречу его внутреннему чувству; в его словах и делах красной нитью проходила не любовь к униженным и голодным, а ненависть к унижающим и сытым. По темпераменту он был анархистом и по мировоззрению далек от партийной программы. Он имел свою, вынесенную им из жизни, оригинальную философию, в духе индивидуального анархизма. В терроре он отличался из ряда вон выходящей отвагой и холодным мужеством решившегося на убийство человека. Организацию и каждого из членов ее он любил с тем большей любовью, чем сильнее было его презрение к массе и чем озлобленнее была ненависть к правительству и буржуазии».

Четвертый тип больше всего напоминает меланхолика, хотя и с поправкой на пол и

обстоятельства. По И. Павлову, это откровенно слабый тип нервной системы. Он характеризуется слабостью как процесса возбуждения, так и торможения, обычно плохо сопротивляется воздействию сильных положительных и тормозных стимулов. Меланхолики часто пассивны, заторможены. В особенности, их деятельность часто тормозится негативными моральными переживаниями, которым они придают большое значение. Воздействие слишком сильных раздражителей может стать для меланхолика источником различных нарушений поведения. Так, например, невротизм в сочетании с интровертированностью часто дает «на выходе» дистимию, навязчивые представления, иногда - страхи. По Г. Айзенку, это невротизированный интроверт.

«Мария Беневская... происходила из дворянской военной семьи. Румяная, высокая, со светлыми волосами и смеющимися голубыми глазами... Но за этой беззаботной внешностью скрывалась сосредоточенная и глубоко совестливая натура. Именно ее, больше чем кого-либо из нас, тревожил вопрос о моральном оправдании террора. Верующая христианка, не расстававшаяся с Евангелием, она каким-то неведомым и сложным путем пришла к утверждению насилия и к необходимости личного участия в терроре. Ее взгляды были ярко окрашены ее религиозным сознанием, и ее личная жизнь, отношение к товарищам по организации носили тот же характер христианской незлобивости... В узком смысле террористической практики она сделала очень мало...»[184].

В психологии известно множество исследований связи между свойствами темперамента и склонностью к противоправным, преступным действиям. Так, Г. Айзенк считал, что склонность к преступлениям обусловлена наследственно и находится в тесной связи с темпераментом индивида[185]. Однако другие авторы опровергали столь смелое заключение: «Независимо от того, какими свойствами темперамента обладает человек, если он находится в криминогенной среде, рано или поздно она может сделать из него преступника»[186]. С этим трудно спорить: среда способна на всякое. Вопрос, однако, не в том, что может сделать из человека террористическая среда, а как он в нее попадает. Представляется все же, что определенные свойства темперамента как психофизиологической основы личности (повышенный невротизм в противовес эмоциональной устойчивости и интроверсия как недооценка социальных контактов и низкий уровень навыков социального общения) выступают в качестве определенных предусловий развития личности террориста.

Анализ литературы с ретроспективными описаниями террористов, а также наши собственные исследования позволяют заключить, что среди террористов преобладают прежде всего сильно невротизированные типы. Это подтверждается литературными данными: «Члены террористических групп характеризуются высоким невротизмом и очень высоким уровнем агрессии. Им также свойственно стремление к поиску острых ощущений - обычная жизнь кажется им пресной, скучной и, главное, бессмысленной. Им хочется риска и опасности. Это люди с очень высоким уровнем агрессии и высокой невротичностью»[187].

Так, среди обследованных нами в свое время с помощью личностного опросника Г. Айзенка (первоначально оценивались два параметра: выраженность невротизма в противовес эмоциональной устойчивости и экстраверсии в противовес интроверсии) палестинцев - членов Народного фронта освобождения Палестины и афганских «моджахедов» («душманов»), прежде всего выявились сильно невротизированные типы, холерики и меланхолики. В совокупности они составляли более 60 %. С другой стороны, по второму основанию также более 60 % представляли собой сильно экстравертированные типы, холерики и сангвиники. Дифференцированный анализ показал, что среди откровенных участников террористических организаций и террористических действий 46 % холериков, 32 % сангвиников, 12 % меланхоликов и 10 % флегматиков.

Это примерно совпадает с частотностью присутствия разных типов в описаниях Б. Савинкова и других наиболее известных террористов, оставивших хоть какие-то свидетельства своей деятельности.

Психология террористической группы

прежде всего, надо подчеркнуть, что нет и, наверное, просто не может быть одинаковых

террористических групп. Террористические группы эсеровских боевиков, возглавлявшиеся Б. Савинковым, и сегодняшние российские террористы, намеревавшиеся захватить заложников в Японии и потребовать освобождения лидера секты «Аум синреке», - разные образования. Структурное подразделение более общей боевой организации и самостийное объединение сектантов имеют между собой мало общего. Нельзя сравнивать между собой группы, совершившие реальный террористический акт и попавшие в руки правоохранительных органов, с группами, лишь планирующими совершение акции. К сожалению, частая ошибка заключается в том, что в качестве «типовой модели» принимаются относительно немногие «удачливые» террористические группы и игнорируются многие менее «удачливые», но потенциально не менее опасные.

Имея в виду именно «удачливые» группы - по сути, военизированные подразделения боевых организаций, - Л. Гозман рисует предельно драматичные картины: «Эти группы замкнуты, и вхождение в них означает признание права других людей на тотальный контроль за своей жизнью, в том числе за личной, включая интимные отношения. Для обычного человека такой тотальный контроль был бы жертвой, на которую невозможно пойти, но для аутсайдера, для человека, который нигде не чувствовал себя своим, которого никто нигде никогда не принимал, все это оказывается скорее плюсом, чем минусом. Участие в террористических группах позволяет компенсировать многие их неудачи. У них появляется смысл жизни. Цель - освобождение Родины или торжество своей религии или идеологии. К ним приковано внимание всего мира, у них уже не возникает сомнений в собственной значимости. Скука и рутина повседневности заменяется балансированием на грани жизни и смерти. Появляется чувство избранности, причастности к судьбе».

Здесь многое можно оспорить. Никакого «контроля за интимными отношениями» было даже в группах такого предельно жесткого руководителя, каким был Б. Савинков. Состав его же групп показал, что в них входили далеко не только аутсайдеры. Тем не менее, частично сказанное справедливо - по крайней мере, в отношении одного определенного типа групп.

Про такие боевые группы можно сказать:

«Внутренняя организация и законы функционирования террористических групп в максимальной степени способствуют адаптации в них вчерашних аутсайдеров. Крайний авторитаризм, беспрекословное подчинение руководителю, полный контроль всех аспектов жизни членов групп сочетается с подчеркнутой гуманностью в отношениях друг к другу, с готовностью помочь, с полным и безусловным принятием каждого. Стратегия действия обсуждается всегда коллективно, каждый имеет возможность ощущать себя соавтором великих планов». И такой псевдомократизм присутствует далеко не всегда. В группах арабских террористов, например, коллективные обсуждения не практикуются. Далеко не все группы «предельно идеологизированы» - есть, например, и абсолютно неидеологизированные группы профессиональных платных террористов. Действительно, Шамиль Басаев, самый знаменитый террорист на территории бывшего СССР, утверждал, что при наборе в свой отряд он проводит своеобразное идеологическое собеседование и берет только тех, кто знает, за что воюет, и готов за это умереть.

Правда, это верно не для всех террористических групп. Тем не менее, в результате действительно возникает ощущение монолитной группы соратников. В ряде террористических организаций реально существует культ погибших товарищей: каждый террорист должен знать, что, если он погибнет, к его имени будут относиться также бережно. Подчеркнем: такие традиции существуют в террористических организациях, но не в группах, которые реально просто не имеют возможностей для создания каких-либо культов.

Справедливо отмечается: «Конечно, все эти моменты были бы недостаточными для того, чтобы привлечь сбалансированного и успешного человека, а уж тем более - заставить его отказаться от усвоенных с детства норм уважения человеческой жизни. Для человека же глубоко одинокого и неадаптированного террористическая группа может оказаться идеальным местом.

Личностные особенности и особенности организации сообществ террористов накладывают отпечаток и на их деятельность. В частности, для их обсуждения характерен широко известный в социальной психологии феномен сдвига риска, состоящего в большей

рискованности группового решения в сравнении с суммой решений индивидуальных. Группа принимает все более рискованные планы, ставит все более дерзкие задачи. Объектом террора становятся все более значимые фигуры или символы, и в конечном счете группа заканчивает свое существование, столкнувшись с профессионально организованным сопротивлением государства»[\[188\]](#). Бывает, конечно, и так. Тем не менее существуют и иные типы террористических групп, для которых свойственны несколько иные особенности.

Анализ показывает, что террористическая группа представляет собой одну из разновидностей так называемой промежуточной группы - понятие, введенное Л. Яблонским на примере исследования более тридцати разнообразных шайк и банд делинквентов в Нью-Йорке. Две из них («балканцы» и «египетские короли») занимались действиями, которые вполне квалифицируются как терроризм на этно-религиозной основе. Так, например, «египетские короли» исламского вероисповедания в 1950-х годах осуществили целый ряд террористических акций. В частности, ими было совершено зверское убийство больного полиомиелитом Майкла Фармера в западной части городского парка Нью-Йорка, якобы в стремлении отомстить за дискриминационное положение мусульман в Америке. Процесс по этому делу длился более трех месяцев и привлек внимание всей страны. В ходе следствия были получены данные о некоторых особенностях таких групп.

Террористическая группа, как особого типа шайка или банда, относится к «промежуточной группе» потому, что занимает промежуточное место на шкале, заданной двумя полюсами. «На одной крайней точке мы видим высоко организованный, сплоченный, функционирующий коллектив лиц как членов социальной группы. На противоположной крайней точке мы имеем сборище лиц, характеризующееся анонимностью, беспорядочным руководством, основывающим свои действия на эмоциях, и в некоторых случаях представляющее собой разрушительный элемент в рамках социальной системы, в которую оно входит... Те образования, которые не представляют собой ни совершенно сплоченные, интегрированные группы, ни беспорядочные, плохо функционирующие сборища или толпы, соответствуют понятию «промежуточная группа»[\[189\]](#). Такие группы отличаются рядом специфических особенностей.

Во-первых, это расплывчатое определение роли, которую играют члены группы. Кто они? Вопросы самоопределения всегда актуальны и остры для террористов. С одной стороны, они могут квалифицировать себя как «борцов за свободу» или «священных мстителей». С другой стороны, они вполне осознают антиправовой и даже криминальный характер своих действий. Прямое самоопределение как «боевиков» и даже «террористов», «работников террора», по свидетельству Б. Савинкова, принятое в Боевой организации эсеров, является скорее исключением, чем правилом.

Во-вторых, ограниченная сплоченность такой группы. В конечном счете террористическая деятельность - временное занятие. Как правило, террористическая группа формируется для выполнения одной, редко нескольких акций. Она не может функционировать постоянно (в отличие, скажем, от террористической организации, носящей более долгосрочный характер). Кроме того, опасный характер террористической деятельности уменьшает время ее существования.

Все это ограничивает возможность сплоченности членов такой группы. Несмотря на заверения ряда известных террористов в преданности товарищам, обратим внимание: как правило, речь идет о «товарищах по борьбе», «товарищах по организации». Речь о конкретных «подельниках», соучастниках группового исполнения террористической акции, идет редко.

В-третьих, непостоянство состава. Действительно, состав группы, действующей в экстремальных условиях, неизбежно часто меняется. Известны многочисленные примеры того, как даже в ходе подготовки одного террористического акта кто-то вольно или невольно выбывал из членов группы, и тогда приходилось срочно находить замену.

В-четвертых, с непостоянством состава связан фактор текучести членов группы. Это лишает возможности появления стабильной внутренней структуры отношений между членами группы. Хотя, как уже говорилось, в такой группе всегда есть жесткая структура функциональных обязанностей.

В-пятых, с предыдущими факторами связана ограниченность ожиданий в отношении

членского состава. «Кадровый резерв» любой террористической группы предельно ограничен, и члены группы прекрасно знают об этом.

В-шестых, минимальная согласованность норм поведения внутри группы.

Действительно, максимум, что обычно объединяет членов террористической группы, - это достаточно жесткая согласованность функциональных обязанностей (разделение труда в рамках подготовки и осуществления террористического акта) и наличие некоторой общей идеи, которая придает смысл террористической деятельности. Все остальное - моральные нормы, нормы общения, личного поведения и т. д. - согласовано на минимальном уровне.

В-седьмых, относительно беспорядочное руководство. В такой группе обычно нет стабильного лидера или, тем более, формально назначенного руководителя. Фигуры типа Б. Савинкова в качестве лидеров непосредственных террористических групп - большая редкость. Как правило, непосредственное руководство осуществляется средними, вполне заурядными лицами, которые не могут обеспечить систематического руководства.

Отдаленная фигура руководителя организации типа У. бен-Ладена вынуждена пользоваться такими фигурами даже в ущерб эффективности деятельности группы.

Немногочисленные попытки социально-психологического изучения структуры «промежуточных групп» позволяют выделить три уровня в организации членства. В центре группы на первом уровне находятся психологически наиболее неустойчивые члены группы - вожаки. Это те люди, которым шайка нужна больше всех. Это ядро - главная цементирующая сила таких групп. Именно они удерживают или даже сколачивают группу и заставляют ее действовать, постоянно планируют, замышляют и организуют ее действия. Они служат если не стратегическим (это функция руководства всей организации), то тактическим центром деятельности промежуточной группы.

В качестве второго уровня промежуточной группы обычно фигурируют лица, заявляющие о своей принадлежности к группе, однако активно участвующие в ее деятельности только в соответствии со своими эмоциональными потребностями в данное время. На третьем уровне структуры группы находятся периферийные члены, участвующие в ее деятельности от случая к случаю и редко отождествляющие себя с группой. Как правило, это «вспомогательный персонал», «пособники» террористов. Они могут принимать участие в террористическом акте, в основном, в результате стечения обстоятельств, причем ни они сами, ни другие члены группы не считают их равноправными членами. Часто террористические группы используют таких людей «в темную», не делясь с ними всей имеющейся информацией и легко «сдавая» их властям в случае опасности для основной группы.

Размеры террористической группы, как правило, определяются руководством всей организации, если группа является ее частью. В тех случаях, когда речь идет о самостоятельных террористических группах, размер зависит от задач конкретной организации и эмоциональных потребностей основных членов группы.

Социально-психологические функции террористической группы, по сути, связаны с мотивацией членства в ней. Как правило, такая группа функционирует в качестве удобного средства для проявления различных индивидуальных потребностей и решения личностных проблем. Для вожаков такая группа выглядит как сверхмощная организация, через которую, в своем воображении, они подчиняют и контролируют жизни тысяч людей. Для членов группы, неспособных достичь чего-либо в более требовательных социальных организациях, возможность быстрого и внезапного насилия служит средством социального продвижения и завоевания репутации. Иногда группа может функционировать в качестве удобного временного средства ухода от скучных и жестких претензий, предъявляемых к ним трудным и требовательным обществом. Разумеется, это всего лишь некоторые психологические функции, не связанные с ее прямым целевым назначением - совершением террористического акта.

Резюме

Подведем некоторые предварительные итоги. Терроризм представляет собой особую,

деструктивную разновидность человеческой деятельности. Однако, как и любая другая деятельность, она имеет трехчленную структуру (деятельность - действие - операции), которой соответствуют три вида побуждающих стимулов (мотив - цель - условия). Мотив обладает побуждающей и смыслообразующей функциями для террориста. Среди основных мотивов занятия террористической деятельностью («террорной работой») выделяются: 1) меркантильные мотивы, 2) идеологические мотивы, 3) мотивы преобразования, активного изменения мира, 4) мотив власти над людьми, 5) мотивы интереса и привлекательности терроризма как особой деятельности, 6) «товарищеская» мотивация эмоциональной привязанности, 7) мотив самореализации.

Основными качествами личности террориста считаются 1) преданность своему делу (террору) и своей организации; 2) готовность к самопожертвованию; 3) выдержанность, дисциплинированность; 4) «конспиративность»; 5) повиновение; 6) коллективизм - способность поддерживать хорошие отношения со всеми членами своей боевой группы. В рамках статического анализа, основным свойством личности террориста считается целостность, сконцентрированность на террористической деятельности и своей группе, организации. Однако с динамической точки зрения, эти свойства оказываются лишь «фиксированными моментами» непрерывных метаний личности ^ по особой психологической синусоиде с широчайшим диапазоном. Чем шире диапазон, тем менее адекватной можно считать такую личность.

В структуре личности террориста обычно заметно выражен психопатологический компонент - прежде всего, психопатического свойства. Он связан с ощущением реального или мнимого ущерба, понесенного террористом, дефицита чего-то необходимого, настоятельно потребного для такой личности. Как правило, логика и мышление террористов носят путаный и противоречивый характер. В эмоциональном плане выделяются два крайних типа террористов: предельно «холодный», практически безэмоциональный вариант и вариант эмоционально лабильный, склонный к сильным проявлениям эмоций в несвязанной с террором сфере, когда снимается обычно жесткий контроль над эмоциями при подготовке и осуществлении террористических актов. С эмоциями связаны морально-нравственные проблемы («комплекс греховности»), иногда мучительные для террористов при достаточно высоком уровне образования и интеллектуального развития.

В более упрощенных вариантах террорист лишен таких проблем и выступает как бездушная «деструктивная машина». Психологический анализ позволяет выделить три наиболее ярких варианта такой «террористической машины». «Синдром Зомби» - состояние постоянной сверхбоеготовности, своего рода «синдром бойца», постоянно нуждающегося в самоутверждении и подтверждении своей состоятельности. Он присущ террористам-исполнителям, боевикам низшего уровня. «Миссионерство» - основной психологический стержень «синдрома Рэмбо». «Рэмбо» не может (хотя и умеет) убивать «просто так» - он обязательно должен делать это во имя чего-то высокого. Поэтому ему приходится все время искать и находить те или иные, все более сложные и рискованные «миссии». К основным психологическим характеристикам «синдрома камикадзе» прежде всего относится экстремальная готовность к самопожертвованию в виде жертвы своей жизнью. Преодоление страха смерти вполне возможно за счет изменения отношения к жизни. Стоит перестать рассматривать жизнь как некую свою собственность, как страх смерти проходит.

Попытка выделения психологических типов личности террористов оказывается возможной на базе типологии темперамента, в свое время введенной Гиппократом, затем развитой И. Павловым и усовершенствованной Г. Айзенком. Традиционно известные всем типы «холерика», «сангвиника», «флегматика» и «меланхолика» приобретают специфическое звучание на примере литературных описаний известных террористов. Содержательно они расшифровываются в основных характеристиках свойств нервной системы, а также в интенсивности проявлений по параметрам «экстраверсия - интроверсия» и «невротизм - эмоциональная устойчивость». Наиболее типичный психологический вариант террориста - это сильно невротизированный и экс-травертированный холерик.

Террористическая группа по своей социально-психологической природе относится к особому типу «промежуточных групп». Все взаимоотношения в ней подчинены основной целевой функции - подготовке и совершению террористического акта. Это порождает

специфические особенности таких групп.

Часть 4.

От радикализма к терроризму

Радикализм
Экстремизм
Фанатизм
Фундаментализм
Современный терроризм
Змея, пожирающая свой хвост
О неизбежности терроризма

Итак, что же такое «мировой терроризм»? В современном мире нет подобного существующего субъекта политики - со своей идеологией, штаб-квартирой, армией и т. д. В реальности есть более 500 разношерстных, разных по численности, силе и влиянию террористических организаций. Большая часть из них - исламские, они базируются на Ближнем и Среднем Востоке. Кроме того, есть отдельные государства, которые то ли основательно, то ли, напротив, совсем безосновательно, но уверенно все причисляют к «спонсорам» так называемого международного терроризма. Это Ливия, Судан, Ирак, Иран, Сирия, Куба.

Ни сами эти террористические организации, ни их страны-«спонсоры» никогда не объединялись хоть в какое-то подобие коалиции - слишком разные у них интересы и цели. Между ними бездна разногласий и противоречий, порой переходящих в открытые конфликты. «Международный терроризм» слишком многолик для того, чтобы слиться в каком-нибудь устойчивом альянсе, новом террористическом «Интернационале», способном бросить вызов остальному мировому сообществу. Что может быть общего между Ирландской республиканской армией, терроризирующей Англию, и движением «Хезбаллах» кроме того, что для достижения разных целей они используют одно средство - взрывчатку? Что общего между басками ЕТА, методично уничтожающими испанских чиновников, и сикхскими, например, сепаратистами, на счету которых уже два индийских премьер-министра? В чем, например, могли бы кооперироваться японская псевдо-религиозная секта «Дум синрике» и национально-освободительное движение «Тигры освобождения Тамил Илама»? А куда же девать вполне вменяемого американца Т. Маквея, так осерчавшего на правительство США и устроившего в 1995 году взрыв в Оклахома-Сити, унесший 168 жизней?

При всей такой внешней «разносортице», однако, существуют некоторые вполне определенные для всех террористических организаций политические, идеологические и психологические факторы. Эти факторы укладываются в цепочку взаимосвязанных понятий: радикализм - экстремизм - фанатизм. Конкретные реалии современности добавили сюда еще одно, ранее не вполне обязательное звено: фундаментализм. В завершение, такая цепочка приводит к тому, что мы и ищем: на ее конце - терроризм. Теперь уже не как частное, локальное или групповое, а международное явление.

Радикализм

Понятием «радикализм» (от латинского *radix* - корень) определяются социально-политические идеи и действия, направленные на наиболее кардинальное, решительное («радикальное», «коренное») изменение существующих социальных и политических институтов. Это соотносительный термин, обозначающий, прежде всего, разрыв с уже признанной, существующей традицией, ее капитальное изменение.

В широком смысле, понятие политического радикализма трактуется как особый социокультурный феномен, обусловленный особенностями исторического, социального, экономического и религиозного развития страны, проявляющийся в ценностных ориентациях,

устойчивых формах политического поведения субъектов, нацеленных на оппозиционность, изменения, тотальный, быстрый темп перемен, примат силовых методов в реализации политических целей.

Существуют и психологические трактовки радикализма. Иногда его прямо трактуют как «психологический механизм качественного преобразования политических процессов, предполагающий решительные и бескомпромиссные действия для достижения цели, придерживающийся крайних средств достижения цели; социокультурная традиция, обусловленная соответствующим типом личности и национально-цивилизационными особенностями общества и государства»[190].

Исторически данный термин применялся и для определения умеренных реформистских движений, которые, однако, производили на современников слишком сильное впечатление. В современном употреблении, радикализм означает, прежде всего, выраженное стремление к решительным, «корневым» идеям, а затем и к методам их достижения, и к связанным с этими идеями соответствующим действиям. Однако далеко не всегда люди, называющие себя радикалами, действительно являются таковыми. Отметим, что определение «радикальный» по традиции входит в название ряда центристских и левобуржуазных политических партий западных стран.

Иногда термин «радикализм» употребляется почти как синоним понятия «экстремизм». Это не вполне точное словоупотребление: между данными понятиями существует определенная разница. В отличие от экстремизма, радикализм фиксируется, прежде всего, на содержательной стороне тех или иных («корневых», крайних, хотя и не обязательно «экстремальных») идей и, во вторую очередь, на методах их реализации. Радикализм может быть исключительно «идейным», а не действенным, в отличие от экстремизма, который всегда бывает действенным, но не всегда идейным. Экстремизм, в первую очередь, фиксирует внимание на методах и средствах борьбы, отодвигая содержательные идеи на второй план. О радикализме же обычно говорят применительно к идеологически, политически и социально крайне ориентированным организациям, партиям или партийным фракциям, политическим движениям, группам и группировкам, отдельным лидерам и т.д., оценивая идейную направленность и степень выраженности такого стремления. Об экстремизме говорят, оценивая степень крайности методов реализаций таких стремлений.

Как термин, понятие «радикализм» возникло в Англии в середине XVIII века, в эпоху промышленной революции, среди противников знаменитого Билля об избирательной реформе 1832 года. Позднее это понятие стали относить к утилитаристу И. Бентаму и его последователям, названным «философскими радикалами». В Новое время радикализм проявлялся в буржуазно-демократических лозунгах. Опираясь на доктрину «естественного права», прогресса, разума, такие мыслители, как Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и др., доказывали необходимость радикальной замены «неестественных» социальных условий и обычаев новым рациональным порядком. Основатель анархизма У. Годвин обосновывал ненужность сложных общественных институтов и ограничений тем, что человек в естественном состоянии - сам по себе воплощение разума и свободы. Для радикализма эпохи Просвещения был весьма свойствен отвлеченный морализм, антиисторический утопизм, противопоставление «неразумной» исторической действительности здравых, «естественных» понятий, простых решений и правил. Наиболее решительно, уже переходя от идейного радикализма к революционному экстремизму, пытался практически воплотить идеалы Просвещения французский политический радикализм в лице якобинцев, в ходе Великой французской революции.

Просвещение наиболее полно выявило основные черты буржуазного радикализма. В эту эпоху радикализм опирался на рационалистическую редукцию, упрощение, истолкование всех аспектов исторической и бытовой, повседневной жизни в свете исходного абстрактного принципа, идеала, моральной оценки или на критерий полезности, утилитарности (И. Вентам). Критики уже тогда считали, что рационализм радикализма не столько научный, сколько спекулятивный, разрушительный и нигилистический. Однако и для современного идейного радикализма также характерен определенный рассудочный догматизм и утопизм, нечувствительность к конкретной ситуации, склонность к «простым» решениям и симпатия к крайним средствам. Эти черты радикализма в 1960-70-е годы еще раз продемонстрировали

«новые левые», последователи Г. Маркузе, для которого не было никакой связи между «разумной действительностью», «иным миром» будущего и настоящим, и потому первым шагом в реализации проекта будущего так или иначе оказывался нигилистический «Великий отказ» от эмпирической данности буржуазного мира того времени.

В XIX веке понимание радикализма расширилось, а сам он довольно стремительно распространился по Европе уже как широкое политическое, философское, религиозное, культурное, просветительское движение. В XIX~XX веках радикализм стал идеологической платформой для целого ряда левых партий социалистической, социал-демократической ориентации. Одновременно радикализм нашел своих последователей и среди некоторых правых сил. В последние десятилетия XX века радикализм стал базой для фундаменталистских исламских политических сил.

Еще недавно сторонники марксизма считали, что общим социально-психологическим и классовым источником как теоретического, так и политического радикализма является мелкобуржуазная стихия, особенно в кризисные, переходные исторические периоды, когда возникает угроза существованию, традициям и укладу тех или иных составляющих ее социальных групп и слоев населения. Или, напротив, когда такие исторические периоды открывают для мелкой буржуазии перспективы прихода к власти и перераспределения общественного богатства. В современном мире радикальные умонастроения чаще всего воспроизводит деклассированная люмпен-интеллигентская среда.

В основе радикализма лежит, во-первых, негативное отношение к сложившейся социально-политической действительности, а во-вторых, признание одного из возможных способов выхода из реальной ситуации как единственно возможного. В то же время радикализм трудно связать с какой-либо определенной политической позицией. «Радикализм может проявляться в различных формах нигилизма, экстремизма, терроризма, революционаризма. Однако, - считают некоторые авторы, - принято говорить и о «радикальном центре», то есть политической позиции, радикально отвергающей крайности и требующей решительно проводить сбалансированную политику. Как показывает история, достаточно часто государство само создает ситуации порождающие радикализацию политических субъектов».

Радикализм - всегда оппозиционное направление. Более того, это - опора наиболее жесткой, радикальной оппозиции, в отличие от оппозиции умеренной - «системной», лояльной, «конструктивной». Как правило, он играет в обществе дестабилизирующую роль.

«Как способ деятельности, тяготеющий к крайностям, радикализм, как правило, играет в обществе дестабилизирующую роль, способствует конфронтации политических сил, провоцирует углубление конфликтов, разбалансирование системы управления. Но в определенных социально-политических условиях радикализм может способствовать критическому пересмотру правительством своего политического курса, препятствовать накоплению негативной энергии внутри общества»[\[191\]](#).

Объективно говоря, радикализм выполняет в социально-политических процессах определенные функции. Во-первых, это сигнально-информационная функция, свидетельствующая о степени неблагополучия социально-политической среды. Во-вторых, функция разрядки социальной напряженности путем выброса накопившегося недовольства. В-третьих, функция давления на господствующие политические институты, подготовку, принятие и осуществление политических решений. В-четвертых, функция корректировки политического курса. В-пятых, функция стимулирования коренных политических изменений, инноваций.

«Как идейно-политическое течение, система убеждений определенной группы людей, метод решения локальных экономических и социально-политических задач радикализм является необходимым компонентом политической жизни. В устойчивых социальных системах консервативные, либеральные, радикальные компоненты находятся в сбалансированном взаимодействии. В переходных системах расширяются объективные и субъективные причины, стимулирующие радикалистское поведение. Масштабы распространенности, степень остроты проявлений радикалистских ценностных ориентаций политических субъектов будут уменьшаться с экономической и политической стабилизацией в стране. Ценности невозможно отменить, общество должно их исчерпать, пережить».

Политические власти могут ослабить воздействие радикализма на политическую жизнь, нейтрализовать последствия его проявлений»[192]. Правда, это удастся далеко не всегда. И тогда радикализм может перерасти в экстремизм и терроризм.

Аналитически подразделяются «радикализм мысли» и «радикализм формы». Первый исходит из того, что любые социальные и политические конструкции (анархизм, социализм, индивидуализм и т. д.) могут быть лишь выводами, а не аксиомами. Он предполагает такие действия, которые на практике ведут к реализации базовых ценностей. Второй вид, «радикализм формы», напротив, исходит из неких базовых аксиом. Его природа - не в размышлениях, а в простоте готовых решений. Разрушение без созидания - вот к чему обычно склонны радикалы формы, и что сводится к воспроизводству более примитивных социальных форм. Культура накапливается эволюционно. Революционно происходит только деградация.

В политике обычно различают правый, левый и анархистский, а также революционный и реформаторский виды радикализма. Как уже говорилось, радикализм не связан непосредственно с какой-либо одной определенной идеологией - это всего лишь особого рода энергетическая политико-психологическая основа любой идейно-политической конструкции. Важно отметить, что радикализм склонен к использованию насильственных методов и средств, чаще всего не соответствующих публично декларируемым целям. Тогда он может прямо смыкаться с экстремизмом и перерасти в него, находя свое конкретное, практически-политическое выражение в разных формах политического терроризма (от «бомбистов» начала XX века в России до исламских террористов У. бен-Ладена в начале XXI века). В основе психологии радикализма всегда лежит сильный политический темперамент охваченных им политиков, стремление добиться нужного результата как можно быстрее, «здесь и сейчас», подчас любой ценой увидеть плоды своей политики при собственной жизни, даже когда речь идет о «поколенческих» процессах или очевидных утопиях. К. Маркс характеризовал сторонников радикализма как «заговорщиков по профессии», стремящихся «...опережать процесс революционного развития, искусственно гнать его к кризису, делать революцию экспромтом, без наличия необходимых для нее условий»[193]. Иногда радикализм стимулируется особенностями конкретной ситуации - так, непоследовательность горбачевской перестройки в СССР подстегнула в начале 1990-х годов радикализм первого президента России Б. Ельцина и, вслед за этим, активно поощряемых им радикал-реформаторов к так называемым шоковым реформам. Такой радикализм может оказаться на грани терроризма. Так, в июле 1991 года лидеры Демократического союза В. Данилов и В. Новодворская в своем открытом письме писали, что «отныне народ приобретает право на свержение преступной власти любым путем, в том числе и с помощью вооруженного восстания»[194].

Благоприятной социально-психологической почвой для радикализма считается состояние всеобщей неуверенности и нестабильности. Именно на этой базе расцветают ультралевые и ультраправые идеи, сопровождающиеся соответствующими действиями. При этом с точки зрения применяемых средств часто бывает так, что и левые, и правые радикалы сходятся в общем антидемократизме. Двусмысленность мелкобуржуазной психологии, вытекающая из «промежуточного» социального положения «новых средних слоев», главных носителей этой психологии, вызывает определенное «шараханье» от леворадикальной риторики к крайне правым силам и устремлениям. По этим же причинам обычно сходными оказываются социальные последствия казалось бы разных течений - например, консервативно-охранительного радикализма (в частности, в свое время, клерикально-инквизиторского террора) и леворадикальных эксцессов (террор левацких группировок).

Современный мир несколько по-новому ставит данные вопросы, однако это не меняет сущности сказанного. Так, сегодня в качестве консервативно-охранительного радикализма у клерикально-инквизиторского террора появился достойный преемник - исламский фундаменталистский радикализм. Именно он, наряду с кое-где еще сохранившимися левыми радикалами (хотя после эпохи «Красных бригад» в Италии левацкий терроризм пошел несколько на убыль, ныне его готова подхватить японская «Красная армия» и другие подобные структуры троцкистского и маоистского толка), и представляет собой основу современного экстремизма, а затем и терроризма.

Динамика перерастания идейного, теоретического радикализма в политический

экстремизм хорошо прослеживается на примере истории развития так называемой Франкфуртской школы социальной философии. Эта школа сложилась в 1930-1950-е годы на базе Франкфуртского института социальных исследований и издававшегося им журнала «*Zeitschrift für Sozialforschung*». В данную школу входили такие известные философы, социологи и психологи, как М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Э. Фромм, Г. Маркузе и др. [195] Все начиналось в рамках сугубо научных философских поисков. Именно так возникла так называемая «критическая теория общества» М. Хоркхаймера и Т. Адорно, которая отвергала традиционную теорию и философию, настаивала на критической интерпретации диалектики, приходила к выводам о «помрачении разума» и даже о самоубийстве искусства. Теоретики Франкфуртской школы настаивали на радикальном изменении всех прежних устоев - вплоть до разработки Т. Адорно «философии новой музыки». Вполне понятно, почему эти теоретики, будучи в основном эмигрантами из нацистской Германии, где в то время утвердился праворадикальный режим, стояли на противоположных, леворадикальных позициях. Однако до определенной поры их политические предпочтения не связывались напрямую с философским, теоретическим радикализмом. Более того, когда их ученики и последователи начали устанавливать эту связь между идейным, философским радикализмом и политическим экстремизмом, «отцы-основатели» и основоположники Франкфуртской школы (такие, как М. Хоркхаймер, Т. Адорно и др.) поспешили отмежеваться от «новых левых». Однако было уже поздно.

Слово было сказано, и логика перерастания радикализма в экстремизм заработала автоматически: «с одной стороны, обнаружилась достаточно глубокая «укорененность» экстремистских политических тенденций отдельных франкфуртских теоретиков в некоторых основополагающих посылах всей их социальной философии, а с другой стороны, стал значительно более понятным «ход мысли», приводивший к выводам левэкстремистского порядка достаточно многих представителей... интеллигенции современного Запада... Однако у нас есть основания и для того, чтобы говорить не только о косвенном влиянии таких франкфуртцев, как Г. Маркузе, на политические настроения буржуазной интеллигенции, толкающем ее в направлении экстремизма. Многие «маркузеанские» формулировки, получившие затем хождение в качестве популярных лозунгов и газетных клише, прямо и непосредственно подталкивали радикальных интеллигентов... к выводам и, главное, «акциям» левэкстремистского порядка» [196].

Соответствующие выводы были сделаны уже из «маркузеанского» истолкования «позднего капитализма» как «одномерного общества», подавляющего все возникающие в нем противоречия, устраняющего все альтернативы, ведущие за его пределы, фальсифицирующего все перспективы иного, не «одномерного развития». Идеологи «левачества» в рамках студенческой оппозиции в США (М. Савио) и Западной Европы (Р. Дучке, Д. Конбендит и др.), считавшие Г. Маркузе своим учителем, делали из этих постулатов выводы чисто политического свойства. Далее уже было просто перейти к тактике уличных беспорядков и провокаций - разнообразных мероприятий, вынуждающих парламентские демократические режимы «разоблачить свою фашизоидную сущность», то есть заставить их применять силу, нарушая свои собственные либерально-демократические установки. Следующим этапом был переход к «партизанской войне».

«Не так уж трудно понять связь этого левацкого комплекса с той идеологией, которая легла в основу деятельности террористических организаций типа японской «Рэнго сэкигун», занимавшейся, как известно, не только умыканием заложников и угоном самолетов, по и активным применением насилия в своих собственных рядах: по отношению к «оппортунистам», а вернее, к тем, кто был склонен к менее уголовным методам политической борьбы» [197].

В отличие от своего учителя, теоретика и мыслителя, именно таким образом «новые левые» экстремисты всего лишь делали следующий шаг по сравнению с прежним, ранее чисто философским радикализмом, переводя на язык соответствующей научным тезисам политической практики то, что Г. Маркузе, как правило (хотя и не всегда), оставлял в сфере красивой политической риторики. Так, радикальная «маркузеанская» версия социальной философии Франкфуртской школы очень быстро обнаруживает на практике глубокую внутреннюю связь своего собственного теоретического нигилизма с крайне жестким

политическим экстремизмом. «Многие из столь же анархистски, сколь и экстремистски настроенных поклонников Маркузе, занимающихся революционаристским вспышкопускательством - захватом учебных зданий, организацией взрывов в общественных местах, угоном самолетов и умыканием заложников, - представляют себе революцию как раз вышеупомянутым образом» 2. Дистанция от теоретической схемы преобразования мира до реальных попыток его трансформации на основе такой схемы оказалась незначительной и легко преодолимой.

В России радикализм рассматривается как неотъемлемый компонент социально-политической жизни, оказывающий на нее существенное влияние: «радикализм является важнейшей политико-культурной традицией. Будучи обусловлен историческими, географическими, политическими, социальными, психологическими особенностями развития страны, радикализм и сегодня оказывает воздействие на характер функционирования всех сфер общества, менталитет, чувства, настроения, привычки индивидов и социума, на модели поведения, формы политического участия и взаимодействия россиян. Он проявляется на уровне социальных слоев, элиты и контрэлиты, властвующих и оппозиционных групп, обуславливая осевую линию политического поведения политических лидеров и простых граждан»[198].

Экстремизм

Ю. Давыдов пишет, что историческое первенство в экстремизме принадлежит России, ссылаясь на Р. Пайпса: «Ужасаясь современному западному экстремизму, и это естественно, он, будто привстав на цыпочки и вытянув шею, расслышал глухой гром над Петербургом - народовольцы убили Александра II. Расслышал и указал: вот откуда все пошло»[199]. Правда, тот же Ю. Давыдов иронизирует над такой упрощенной логикой и приводит примеры тому, что феномен экстремизма был известен значительно раньше. Обычно понятие «экстремизм» (от французского *extremisme* и латинского *extremis* - крайний) означает приверженность в политике и идеологии крайним взглядам и действиям. Психологически это продолжение и дальнейшее развитие радикализма. К экстремизму приводят различные факторы: социально-экономические кризисы, резкое падение жизненного уровня значительной части населения, деформация политических институтов и структур власти, их неспособность решать назревшие проблемы общественного развития, тоталитарный характер политического режима, подавление властями оппозиции, преследование инакомыслия, национальный гнет, стремление отдельных групп ускорить решение своих задач, политические амбиции лидеров и т. д. Независимо от порождающих факторов, разные виды экстремизма имеют общую психологическую основу.

«Экстремизм порождают социально-экономические кризисы, деформация политических институтов, резкое падение жизненного уровня, ухудшение социальных перспектив значительной части населения, доминирование в обществе чувств, настроений хандры, пассивности, социальной и личной нереализованности, неполноты бытия, страх перед будущим, подавление властями оппозиции, инакомыслия. Он также определяет блокирование легитимной самодеятельности человека, национальный гнет, амбиции лидеров политических партий, ориентации лидеров и авторов политического процесса на экстремальные средства политической деятельности. Социальную базу экстремизма составляют маргинальные слои, представители националистических, религиозных движений, недовольные существующей политической реальностью интеллигенция, молодежь, студенчество, военные»[200].

В политическом плане экстремизм выступает против сложившихся социальных структур и политических институтов, пытаясь подорвать их стабильность, ослабить и низвергнуть ради достижения своих целей - как правило, силовыми методами. Для этого используются заразные лозунги и призывы, откровенная демагогия; организуются и провоцируются беспорядки, акты гражданского неповиновения, террористические акции; иногда используются приемы партизанской войны. Лидеры экстремистов обычно отрицают компромиссы, переговоры, соглашения; они не идут на взаимные уступки, следуя принципу «все или ничего».

В идеологическом плане экстремизм отрицает всякое инакомыслие, стремясь как можно жестче утвердить свои политические, идеологические или религиозные взгляды, навязать их своим оппонентам практически любой ценой. Экстремисты требуют от своих сторонников полного, практически слепого повиновения и беспрекословного исполнения любых приказов. Отстаивая свои взгляды, они апеллируют не к разуму, а к чувствам, верованиям и предрассудкам людей, к примитивному сознанию и инстинктам толпы, массы. Крайняя степень идеологизации экстремизма создает особый психологический тип экстремистов, часто склонных к самовозбуждению, потере контроля над своим поведением, готовых на нарушения любых норм, вплоть до самоубийства. Иногда в политическом плане для экстремизма характерно стремление к охлократии. Одновременно обычно экстремизм склонен к тоталитаризму, культуре своих вождей. Последние часто открыто объявляются носителями высших истин, которые должны приниматься массами на веру.

Аналитически различают экстремизм государственный и оппозиционный. Государственный экстремизм осуществляется властными структурами, его основным оружием являются демагогия и репрессии. Оппозиционный экстремизм осуществляется антирежимными группировками, главным образом посредством террористических актов. К государственному экстремизму обычно прибегают нестабильные режимы с низким уровнем легитимности власти.

Политический экстремизм делится на «левый» и «правый», а также на не вполне политические, религиозную и националистическую формы. Левые экстремисты - это анархисты, марксисты, троцкисты, маоисты и т. д. Они с одинаковым успехом обличают капитализм за социальное неравенство и эксплуатацию, а социализм - за бюрократизацию. Правые экстремисты обличают пороки буржуазного общества с крайне консервативных позиций, критикуя его за падение нравов, потребительство, «массовую культуру», отсутствие порядка и т. д. Религиозный, прежде всего исламский, экстремизм противостоит и левым, и правым политикам, в политических целях он используется в современном мире для достижения своих интересов исламской теократией. Националистический экстремизм, выступая с позиций защиты интересов «своей нации», ее прав, культуры, языка и т. д., отвергает аналогичные права других этнических групп. Националистический экстремизм часто связан с сепаратизмом, обычно направлен на развал многонациональных государств (борьба за Холлистан в Индии, баски в Испании и т. п.) и выделение из них отдельных составляющих.

Новинка последнего времени - экологический и антиглобалистский экстремизм. «Зеленые» в своих наиболее экстремистских проявлениях выступают против научно-технического прогресса как такового, используют крайние меры против всего, что кажется им экологически опасным производством. Так, считается, что наиболее экстремистская международная экологическая организация «Green Peace» постоянно балансирует на грани откровенного терроризма. В свою очередь, антиглобалисты выступают против координированного транснационального решения общемировых проблем, прежде всего, экономического характера. Они считают, что за этим стоят интересы новой международной капиталистической империи, стремящейся поработить все остальные (прежде всего, развивающиеся) страны.

Практически всем разновидностям экстремизма присущи определенные общие черты: «насилие или его угроза, обычно вооруженного; одномерность, однобокость в восприятии общественных проблем, в поиске путей их решения; фанатизм, одержимость в стремлении навязывать свои принципы, взгляды оппонентам; бездумное, беспрекословное выполнение всех приказов, инструкций; опора на чувства, инстинкты, предрассудки, а не на разум; неспособность к толерантности, компромиссам, либо игнорирование их. Экстремизм смыкается с крайним радикализмом, терроризмом, нигилизмом, революционностью, вождизмом» [201].

Значительная часть экстремистских организаций мира находится на нелегальном положении, ведет партизанскую борьбу, совершает террористические акты и диверсии, пытаясь таким образом достичь своих целей. Большинство цивилизованных стран, напротив, готовы к принятию чрезвычайных мер против разных форм экстремизма и тесно связанного с ним терроризма.

Основной движущей силой политического экстремизма является поведение маргинальных групп и слоев. Они оказываются податливы ему в силу утраты традиционных ценностей, привычных социальных ориентиров, отчуждения. Быстро меняющиеся условия жизни вызывают у них протест против стирания вероисповедальных, национальных, расовых и иных барьеров, обычно служащих опорой для мировоззрения.

«Можно выделить целый набор ценностей и целей, установок и стилевых особенностей, которые характерны для экстремистского поведения. Первое, что бросается в глаза, - это духовная ущербность и антиинтеллектуализм таких движений. Они апеллируют к предрассудкам, которые наиболее пышно расцветают именно в маргинальных группах. Однако идейные соображения не являются ни главным механизмом, ни главной ценностью экстремистских движений. В первую очередь они опираются на бессознательные структуры, эмоции, инстинкты, веру, предрассудки и суеверия. Стихийность, как правило, умело насаждается и умело используется политическими лидерами, что способствует сплочению людей вокруг них»[202].

Маргинальные слои представляют собой относительно массовую социально-психологическую базу экстремизма. Однако его стержень составляют несколько иные группы, отличающиеся экстремистской симптоматикой особого рода.

«Внутренний», психологический эквивалент того, что со стороны представляется и именуется экстремизмом ~ так называемый «героизм». На примере экстремизма; российской интеллигенции преподобный отец С. Булгаков в свое время рассматривал данный феномен как проявление особого «героизма самообожения». Его психологический анализ практически не устарел. Экстремист, исходя из некоторых представлений о мире и обществе, убежден в необходимости осуществления своих представлений в реальной жизни. Поскольку, с его точки зрения, этого некому сделать, кроме него самого, то именно так он неизбежно приходит к «самообожению» - самообожествлению, то есть «поставлению себя вместо Бога, вместо Провидения», восприятию себя как демиурга, во власти которого и находится переустройство жизни людей. Субъективно это для него, безусловно, приятно: экстремисты «чувствуют себя героями, одинаково призванными быть провидением и спасителями». Психологически они исходят из того, что «герой есть до некоторой степени сверхчеловек, становящийся по отношению к ближним своим в горделивую и вызывающую позу спасителя». Данное представление неизбежно ведет к терроризму. «И те горькие разочарования, ...та неизгладимая из памяти картина своеволия, экспроприаторства, массового террора, все это явилось не случайно, но было раскрытием тех духовных потенций, которые необходимо таятся в психологии самообожения»[203].

Психология «героизма» имеет вполне определенные корни. С. Булгаков писал еще в начале XX века: «Изолированное положение в стране», «оторванность от почвы», «суровая историческая среда», «отсутствие серьезных знаний и исторического опыта взвинчивали психологию этого героизма». И далее: «Ничто так не утверждает психологии героизма, как внешние преследования, гонения, борьба с ее перипетиями, опасность и даже гибель». Героизм нравится и привлекает - это то, что выделяет и возвышает экстремиста хотя бы в собственных глазах, придает ему самоуважение и наполняет смыслом его повседневную жизнь. «Из самого существа героизма вытекает, что он предполагает пассивный объект воздействия - спасаемый народ или человечество, между тем герой - личный или коллективный - мыслится всегда лишь в единственном числе»[204].

В основе «героизма» и экстремизма лежит максимализм - требование наиболее радикальных перемен, полного переустройства окружающего мира. «Максимализм есть неотъемлемая черта... героизма». Причем максимализм оказывается не идеологическим, а сугубо психологическим инструментом, средством реализации экстремизма. «Это - не принадлежность какой-либо одной партии, нет - это самая душа героизма, ибо герой вообще не мирится на малом». С этим связаны особенности слишком абстрактного экстремистского мировосприятия и мышления: «Даже если он и не видит возможности сейчас осуществить этот максимум и никогда ее не увидит, в мыслях он занят только ими. Он делает исторический прыжок в своем воображении и, мало интересуясь перепрыгнутым путем, вперяет свой взор в светлую точку на краю исторического горизонта. Такой максимализм имеет признаки идейной одержимости, самогипноза, он сковывает мысль и вырабатывает

фанатизм, глухой к голосу жизни»[205].

Опираясь на психологию максимализма, экстремистский «героизм» складывается достаточно просто. Так уж психологически устроен «героизм»: «Каждый герой имеет свой способ спасения человечества, и должен иметь свою программу. Обычно для этого принимается одна из программ политических партий или фракций, которые, не различаясь в своих целях..., разнятся в своих путях и средствах. Ошибочно было бы думать, что эти программы политических партий психологически соответствуют тому, что они представляют собой в большинстве парламентских партий западноевропейского мира; это есть нечто гораздо большее, это - религиозное credo, самouverнейший способ спасения человечества, идейный монолит, который можно только или принять, или отвергнуть. Во имя веры в программу... приносятся жертвы жизнью, здоровьем, свободой, счастьем». Так «героизм» оказывается идеологически нейтральным, сводя все проблемы не к целям, а средствам ее достижения. Так идеологическая «программа» становится пустым фетишем, предметом культового преклонения и психологически всего лишь неким оправданием отстаиваемого экстремистом соответствующего - естественно, экстремистского, способа жизни.

Экстремистский «героизм» возвышает человека далеко не только в собственных глазах: «страдания и гонения больше всего канонизируют героя в его собственных глазах, но и для окружающих». В конкретном случае экстремизма протестного, оппозиционного, реально угрожающего государству терроризмом, даже в самом жестко устроенном государстве действует особая логика: «с одной стороны, полицейский режим калечит людей... с другой стороны, он содействует выработке особого духовного аристократизма, так сказать патентованного героизма у его жертв». Особенно сильно это отражается на молодежи, которая и без того склонна к «экстриму» в силу известного феномена «юношеского нонконформизма» и «максимализма».

«Превращение... юноши или вчерашнего обывателя в тип героический по внутренней работе, требующейся для этого, есть несложный, большей частью кратковременный процесс усвоения некоторых догматов религии человекобожества и quasi-научной «программы» и соответствующая перемена собственного самочувствия, после которой вырастают героические котурны. В дальнейшем развитие страдания, озлобление вследствие жестокости властей, тяжелые жертвы, потери довершают выработку этого типа, которому тогда уже может быть свойственно что угодно, только не сомнения в своей миссии»[206]. «Благодаря молодости с ее физиологией и психологией, недостатку жизненного опыта и научных знаний, заменяемых пылкостью и самоуверенностью, благодаря привилегированности социального положения... молодежь выражает с наибольшей полнотой тип героического максимализма». С данной точки зрения, экстремизм оказывается своего рода «духовной педократией»[207]. «Героическому экстремизму» свойственна особая система оценок и самооценок. «Героизм стремится к спасению человечества своими силами и притом внешними средствами; отсюда исключительная оценка героических деяний, в максимально воплощающих программу максимализма». Это и есть основная «точка отсчета» таких оценок. «Нужно что-то сдвинуть, совершить что-то свыше сил, отдать при этом самое дорогое, свою жизнь - такова заповедь героизма. Стать героем, а вместе и спасителем человечества можно героическим деянием, далеко выходящим за пределы обыденного долга. Эта мечта... служит общим масштабом в суждениях, критерием для жизненных оценок». Здесь обнаруживается парадокс: оказывается, что совершить такое и трудно, и легко. Трудно, потому что требуется подавить инстинкт привязанности к жизни и инстинкт страха. И в то же время легко, так как для этого требуется всего лишь волевое усилие на сравнительно короткий период времени, а ожидаемые результаты уже заранее признаны великими. Рассуждая об этом, С. Булгаков приходил к непониманию отдельных акций таких «героев»: «героизм это или самоубийство».

Экстремизму свойственны особые нормы логических рассуждений, «недостаток чувства исторической действительности и геометрическая прямолинейность суждений и оценок, пресловутая их «принципиальность»». Стремление всегда обо всем судить «принципиально» ведет к совершенно отвлеченным суждениям, не вникающим в сложности действительности и тем самым освобождающим себя от трудностей надлежащей оценки реального положения дел. Именно максимализм, по мнению С. Булгакова, был и остается основным препятствием к росту образования среди экстремистов. «Ибо, если внушить себе, что цель и способ движения

уже установлены, и притом «научно», то, конечно, ослабевает интерес к изучению посредствующих, ближайших звеньев». Тогда действительно ничего не остается, кроме как идти и делать то, что «предначертано». Понятно, что это «упрощает задачу исторического строительства, ибо при таком понимании для него требуются, прежде всего, крепкие мускулы и нервы, темперамент и смелость» - вот, практически, и все.

Экстремистский «героизм» обычно отличается своей особой эмоциональностью. Так, хорошо известно: «Наибольшая возможность героических деяний, иррациональная «приподнятость настроения», экзальтированность, опьянение борьбой, создающее атмосферу некоторого героического авантюризма, - все это есть родная стихия героизма»[208].

У «героизма» - особая нравственность. С его помощью человек освобождается от власти «абсолютных норм и незыблемых начал личного и социального поведения, заменяя их своеволием или самодельщиной». Героическое «все дозволено» незаметно подменяется просто беспринципностью во всем, что касается личной жизни и личного поведения, - считал С. Булгаков.

На основании современных социологических исследований, В. Амелин пришел к следующим выводам:

«Экстремист собственные цели ставит выше общепринятых ценностей. Свои действия он оправдывает императивом «цель оправдывает средства»; при этом для него характерна высокая степень вовлеченности в политическую деятельность, которая к тому же эмоционально окрашена. Стратегия поведения рассматривается им как реализация высших ценностей, до которых основная масса населения еще не доросла. Характерной чертой экстремизма является поэтому «черно-белый» взгляд на политический процесс, жесткое противопоставление «своих» - приверженцев новой системы ценностей? и «чужих», под которыми понимается практически все общество и, прежде всего, официальные структуры. Экстремизм тесно связан с терроризмом, так как в нем отбрасываются морально-этические и правовые ограничения политического поведения»[209].

Данные социологических опросов начала 1990-х годов позволили В. Амелину сделать любопытный вывод:

«У демократов не только выше уровень общей политической активности, но и доля силовой по сравнению с не силовой активностью у них более весома, чем у консерваторов или нейтралов. Это говорит о том, что партийная мобилизация демократической части населения в настоящее время тесно связана с высокой готовностью к различным формам активности, в том числе и силовым». «Еще больше, чем партийные ориентации, на уровень политической активности воздействует ориентация на политического лидера... респонденты из всех социально-профессиональных групп, ориентированных на Ельцина, имеют повышенный уровень силовой активности, который возрастает практически гиперболически по мере роста социальной неудовлетворенности. Рост силовой активности социально-профессиональных групп, ориентированных на Горбачева, скорее напоминает синусоиду. Отметим, что по мере увеличения неудовлетворенности уровень активности научной и творческой интеллигенции, ориентированной на Горбачева, сначала поднимается, а затем падает, в отличие от этой же группы, ориентированной на Ельцина, которая обладает самым высоким показателем силовой активности»[210].

После этого расстрел парламента осенью 1993 года уже не кажется чем-то неожиданным.

«Особенностями современного экстремизма являются рост масштабности, сопутствующий наращиванию потенциала и превращению экстремистских группировок во влиятельные структуры жизни; усиление жесткости и безоглядности действий экстремистов; многообразие форм деятельности, использование новейших технических достижений, средств массового поражения (компоненты химического, бактериологического оружия, похищения радиоактивных материалов); стремление добиться общественного резонанса, устрашения населения. Расширяется информационная, тактико-стратегическая, финансовая, идеологическая, психологическая, ресурсная взаимосвязанность экстремистских сообществ и групп в отдельных странах и международном масштабе»[211].

Таким образом, экстремизм продолжает собой радикализм, выступая в качестве его действенного продолжения. По мере такого развития, все крайности, свойственные

радикализму и экстремизму, накапливаются, достигая своего апофеоза в фанатизме.

Фанатизм

«Подлинный терроризм избирает, за редким исключением, только непредсказуемые методы и направления - атак, прибегая больше к помощи фанатиков, готовых отдать жизнь ради достижения цели»[\[212\]](#).

Понятие «фанатизм» происходит от латинского слова *fanum* - жертвенник. Еще один, более психологичный корень - это латинское слово *fanaticus* - исступленный. В обычном употреблении, понятие «фанатизм» обозначает, прежде всего, непоколебимую и отвергающую все остальные альтернативы приверженность субъекта определенным убеждениям, которая находит выражение во всей его деятельности и общении, придавая им особый характер. Это доведенная до крайней степени приверженность каким-либо верованиям или воззрениям, проявляющаяся в нетерпимости к любым другим взглядам. В переносном смысле, фанатизм - это страстная преданность чему-либо. Психологически фанатик постоянно находится во власти сверхценных и сверхзначимых для него идей, составляющих основу его мировоззрения. Именно они придают смысл всей его жизни, неизбежно являются стержнем его общения с другими людьми. Фанатизм всегда связан с готовностью к жертвам во имя этих идей, взглядов, оценок.

Фанатизм - это особый феномен групповой и массовой психологии. Для фанатиков, которые обычно находят поддержку во взаимном признании, характерна повышенная эмоциональность, некритическое отношение к любой информации, подтверждающей их взгляды, и, напротив, неприятие критики, даже доброжелательной и конструктивной.

Фанатик воспринимает мир через очень жесткую призму своих взглядов и убеждений, фактически не пропуская сквозь эту призму ничего, что не согласовывалось бы с этими жесткими взглядами и убеждениями.

Психологически фанатизм часто опирается на идейный радикализм и экстремизм и обычно лежит в основе реального терроризма - насильственных действий, совершаемых во имя и ради распространения разделяемых им идей. Это не значит, что всякий фанатик - террорист, но большинство террористов - это фанатики. Преданность исключительно своим, вполне определенным убеждениям обычно сочетается у фанатика с нетерпимостью ко всем инакомыслящим, крайним пренебрежением к существующим юридическим и этическим нормам, препятствующим достижению некой цели, непонятной и недоступной для «непосвященных», но сверхценной для фанатика. Ради достижения этой цели он готов практически на все, в том числе и на самопожертвование. Именно утверждение своих убеждений ценой собственной жизни представляет собой наиболее распространенный и чаще всего встречающийся вариант фанатизма.

На практике принято подразделять фанатизм религиозный, идейный, политический и патриотический. Менее значимыми являются проявления фанатизма в научной, культурной и других сферах, хотя они могут присутствовать и там, не представляя особой опасности для окружающих, - ученый, фанатично приверженный своим идеям, художник, истово убежденный в своей гениальности, редко способны на террористический акт (хотя на отдельные преступления они вполне способны - об этом, например, история Сальери, отравившего Моцарта за его гениальность).

Религиозный фанатизм обычно основан на святости жертвы во имя Бога. Его психологическая основа - вера. В основу понимания веры теологи обычно кладут слова, приписываемые еще апостолу Павлу: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом». Доктор богословия, ректор Киевской духовной академии архимандрит Антоний в свое время так расшифровывал это определение: «...то есть это суть истины, недоступные опыту и превышающие разум человеческий, чем отличается вера от знания»[\[213\]](#). А. Введенский утверждал: за вычетом из религиозной жизни всего того, что имеет смысл с «земной» точки зрения, в ней остается нечто, что не может быть осмыслено и понято с этой точки зрения и без чего религия теряет весь свой смысл, - «останется некоторый X (отношение к божеству), без разгадки которого мы не поймем ее существа»[\[214\]](#). Понятно,

что именно «отношение к божеству» и есть вера. Либо вера есть, и тогда есть божество, либо веры нет, и есть атеизм.

Л. Фейербах приводил слова Мартина Лютера: «Все члены нашего символа веры кажутся для разума глупыми и смехотворными... Поэтому не следует домогаться, возможна ли данная вещь; но следует так говорить: бог сказал, и потому случится даже то, что кажется невозможным. Ибо хотя я не могу ни увидеть, ни понять этого, но ведь господь может невозможное сделать возможным и из ничего сделать все»[215]. Позднее эта же мысль была повторена и в православии: «...невозможность полного постижения разумом содержания догматических истин составляет одно из основных положений православного богословия»[216].

Наиболее кратко, четко, жестко и последовательно психологическую сущность веры определил римский раннехристианский богослов Тертуллиан: «Верую, потому что абсурдно». Эта формула навсегда защитила веру от доводов разума. Психологи считают, что вера - это чувство, создающее иллюзию познания и реальности того, что создано фантазией с участием этого же чувства. Оно является обязательным компонентом структуры религиозного сознания и, следовательно, определенным «минимумом религии». Вера - это, как правило, утверждение без каких бы то ни было доказательств. Религиозные представления рождаются не в сознании отдельного человека, они не являются итогом анализа собственного опыта людей. Они внедряются в их сознание в готовом виде. Поэтому любые попытки анализа убивают веру. Поэтому вера и анализ нетерпимы друг к другу. Поэтому искренне верующий человек убежден в правильности своей веры, никогда не сомневаясь в ней.

Психологически вера всегда предполагает готовность к заражению, внушению и подражанию. Одновременно вера - и результат внушения, заражения и подражания. Чувство веры, как это свойственно любой эмоции, поддается действию «циркулярной реакции» и «эмоционального кружения». Вера легко образует массу верующих. И, наоборот, в массе легко распространяется и укрепляется вера, часто достигая уровня неудержимого аффекта и принимая форму религиозного экстаза. Камлания шаманов, изгнание бесов, самобичевание цепями во время праздника «шахсей-вахсей», феномен кликушества - таковы разнообразные варианты проявления религиозного экстаза, доходящего до религиозного фанатизма. «Состояние экстаза, то есть сильного эмоционального возбуждения, сопровождающегося утратой контроля над своими действиями, а иногда и зрительными и слуховыми галлюцинациями, было характерной чертой большинства древних традиционных культов... В последние годы наиболее типичным случаем использования религиозного экстаза для воздействия на сознание и поведение людей является деятельность евангелических проповедников, а также большинства так называемых нетрадиционных сект»[217]. Не согласимся: использование религиозного экстаза имеет место далеко не только в последние годы. Известны многочисленные случаи убийств на религиозной основе. Чем, если не локальным, но все же достаточно массовым террористическим актом, назвать Варфоломеевскую ночь, во время которой французы-католики перебили сотни таких же французов, но гугенотов? Известны и другие примеры. Равальяк заколол кинжалом короля Генриха IV. Армейский офицер Фельтон, фанатик-пуританин, убил премьер-министра Великобритании Дж. Бекингема. В истории хорошо известно имя фанатика-террориста Ж. Клемана. Во имя Бога, христиане ходили в «крестовые походы», убивали представителей иных религий и гибли сами. Во имя Бога, полыхали костры инквизиции. На идее шахэда, воина ислама, отдающего свою жизнь во имя Аллаха, базируется мусульманская религия.

Фанатизм и религия тесно связаны между собой. Справедливо писал Э. Дюркгейм: «Когда более или менее сильное возбуждение разделяется группой людей, оно неизбежно принимает религиозный характер»[218]. Однако Э. Дюркгейм не сводил религию или даже «религиозное возбуждение», экстаз исключительно к вере в Бога. «И современное общество, по Дюркгейму, религиозно, даже если интеллектуальные функции религии отступают на задний план в пользу моральной интеграции, которая находит свое выражение в национальных и политических символах»[219]. Дюркгейм считал совершенно однотипными собрания христиан, ритуально отмечающих главные события из жизни Христа, или иудеев, празднующих исход из Египта, провозглашение десяти заповедей, с собраниями и митингами граждан в память какого-нибудь национального события. Основной функцией религии

Дюркгейм считал не столько объяснение мира, сколько возбуждение эмоций и чувств радости и экзальтации, связанного с фанатизмом побуждения к действию. Он считал, что именно религия отвечает устойчивым «коллективным потребностям», имеющимся в каждом обществе. «Не может быть общества, которое не чувствовало бы потребности поддерживать, оживлять и подкреплять через правильные промежутки времени коллективные идеи и чувства, из которых складывается его единство. ...Но ведь это нравственное оживление и подбадривание может быть получено лишь путем собраний, на которых личности сообща подкрепляют свои общие чувствования...»[220]. То есть, по сути, без группового фанатизма.

«Действие этого механизма особенно наглядно выявляется при внимательном наблюдении за поведением толпы... на любом восточном базаре в исламской стране. Именно базары с их аффективностью, самоиндуцирующейся истеричностью и алогичностью давно стали центрами религиозной антиправительственной пропаганды в Афганистане. Противники революции сумели понять специфику и традиции этого особого на Востоке социального института, его своеобразнейшую роль в определении психического состояния и поведения людей. Базар заражает криком и надрывом. Заражение усиливается, циркулируя в толпе по замкнутому кругу. В такой истеричной толпе у отдельного человека исчезает чувство личной ответственности за свои поступки, снижается уровень сознания и критичности по отношению к ситуации. Он готов на все, он фанатик. Здесь можно выкрикнуть не только религиозный, а любой подстрекательский лозунг - желающие пойти за ним найдутся. В Иране аятолла Хомейни сыграл на религиозном фанатизме базара, когда шел к власти. В этом смысле ответ на вопрос о социальной базе режима Хомейни поначалу звучал просто - базар. В Афганистане противники режима используют базар в своих целях, возбуждая воинственные чувства против «неверных»...

Фанатизм, замешанный на вековой безграмотности и отсталости, подкрепленный средневековым фанатизмом духовенства, оторванного даже от исламских реформаторских идей и течений, приверженного тактике и методам раннего ислама тысячелетней давности, - опасная вещь... Один из лозунгов моджахедов звучит весьма однозначно: «Ни Запад, ни Восток, а канонический ислам!»[221].

Развивая сходные мысли, Й. Хейзинга сочно рисовал конкретные картины того, как осуществлялась взбадривающая фанатиков функция религии в средневековье. «XV век демонстрирует острую религиозную впечатлительность... Это страстное волнение, порой охватывающее весь народ, когда от слов странствующего проповедника горячий материал души вспыхивает, точно вязанка хвороста. Это бурная и страстная реакция, судорогой пробегающая по толпе и исторгающая внезапные слезы, которые, впрочем, сразу же высыхают»[222]. И еще: «Не столь часто, как процессии и казни, появлялись странствующие проповедники, возбуждавшие народ своим красноречием. Мы, приученные иметь дело с газетами, едва ли можем представить себе ошеломляющее воздействие звучащего слова на неискушенные и невежественные умы того времени. ...Все это - настроение английских и американских сектантских бдений, атмосфера Армии спасения, но без каких бы то ни было ограничений и на глазах у всех»[223]. Таким был религиозный фанатизм в прошлом. Однако, по мере старения и ослабления христианской религии, в ней ослабевали и фанатичные начала. Напротив, в более молодых религиях, прежде всего в исламе, переживающем ныне период своего бурного развития, напоминая христианство времен крестовых походов, фанатизм необычайно силен. Обратим внимание на любопытное совпадение: Й. Хейзинга описывал европейский город XV века. На современном исламском базаре и сейчас - XV век. Правда, по другому, мусульманскому календарю. Так что именно фанатизм является социально-психологической основой современного исламского фундаментализма.

Идейный фанатизм базируется на готовности к самопожертвованию и лишениям во имя торжества мировой революции, например. Но не только: идейным фанатиком, безусловно, был Джордано Бруно, который пошел на костер столь же фанатичной инквизиции, но не отрекся от идеи того, что Земля круглая. Идеи могут быть различными, но фанатизм, как вера в их исключительность, психологически всегда един.

Фанатиками были авторы многочисленных социальных утопий - от Т. Мора до Ш. Фурье. Фанатиком «перманентной революции», несомненно, был Л. Д. Троцкий - безусловный радикал, экстремист и совершенно искренний сторонник использования

террористических методов. Для понимания психологии людей такого типа приведем лишь несколько суждений Л. Д. Троцкого. Отвечая на вопрос о его собственной оценке своей личной судьбы, в автобиографии он писал:

«Я не меряю исторического процесса метром личной судьбы. Наоборот, свою личную судьбу я не только оцениваю, но и субъективно переживаю в неразрывной связи с ходом общественного развития. Со времени моей высылки я не раз читал в газетах размышления на тему «трагедии», которая постигла меня. Я не знаю личной трагедии. Я знаю смену двух глав революции. Одна американская газета, напечатавшая мою статью, сделала к ней глубокомысленное примечание в том смысле, что, несмотря на понесенные автором удары, он сохранил, как видно из статьи, ясность рассудка. Я могу только удивляться филистерской попытке установить связь между силой суждения и правительственным постом, между душевным равновесием и конъюнктурой дня. Я такой зависимости не знал и не знаю. В тюрьме с книгой или пером в руках я переживал такие же часы высшего удовлетворения, как и на массовых собраниях революции. Механика власти ощущалась мною скорее как неизбежная обуза, чем как духовное удовлетворение»^[224].

Можно, разумеется, по-разному относиться к Л. Д. Троцкому. Можно верить или не вполне верить ему. Однако с точки зрения психологии вся его жизнь свидетельствует о том, что он искренне описал именно то, что действительно чувствовал в тот момент. Он был безусловным фанатиком революции, подчинив ей всю свою жизнь и деятельность, весь свой рассудок. Также очевидно и то, что человек, реально осуществивший октябрьский (1917 года) переворот и в свое время сознательно отказавшийся от верховной власти и отдавший ее В. И. Ленину, не мог руководствоваться административно-политическими ценностями.

И совершенно неслучайно, что Л. Д. Троцкий, прежде всего, ценил в жизни похожих на себя людей - то есть фанатиков, даже не разделяя их идейные взгляды. Он ценил их за человеческую схожесть с собой - за фанатизм. Закономерно в конце своей автобиографии Л. Д. Троцкий приводит слова Прудона, оговариваясь: «По взглядам своим, по характеру, по всему мироощущению, Прудон... мне чужд. Но у Прудона была натура борца, было духовное бескорыстие, способность презирать официальное общественное мнение, и, наконец, в нем не потухал огонь разносторонней любознательности. Это давало ему возможность возвышаться над собственной жизнью с ее подъемами и спусками, как и над всей современной ему действительностью».

И после такой психологически очень показательной и убедительной оговорки цитата из письма Прудона, написанного в тюрьме одному из друзей:

«Движение не является, без сомнения, ни правильным, ни прямым, но тенденция постоянна. То, что делается по очереди каждым правительством в пользу революции, становится неотъемлемым; то, что пытаются делать против нее, проходит, как облако; я наслаждаюсь этим зрелищем, в котором я понимаю каждую картину; я присутствую при этих изменениях жизни мира, как если бы я получил свыше их объяснение; то, что подавляет других, все более и более возвышает меня, вдохновляет и укрепляет: как же вы хотите, чтоб я обвинял судьбу, плакался на людей и проклинал их? Судьба - я смеюсь над ней; а что касается людей, то они слишком невежды, слишком закабалены, чтоб я мог чувствовать на них обиду».

Л. Д. Троцкий так завершает свою автобиографию: «Несмотря на некоторый привкус церковной патетики, это очень хорошие слова. Я подписываюсь под ними»^[225].

Таким же фанатиком был известный латиноамериканский революционер Э. Че Гевара. В кубинской революции он сыграл роль, очень во многом схожую с ролью Троцкого. Команданте революции, один из ее «двигателей» и затем руководителей ее вооруженных сил, министр и руководитель многих ведомств, боливийский партизан, международный террорист, в последнем письме своим детям он написал: «Ваш отец был человеком, который действовал согласно своим взглядам и, несомненно, жил согласно своим убеждениям»^[226]. Ф. Кастро сказал о нем: «...в нем объединялись человек высоких идей и человек действия».

Справедливо отмечено биографами Че Гевары: «Надо было быть революционером до мозга костей, беззаветно преданным делу революции, самозабвенно служить ей, чтобы отказаться от своих должностей и положения, оставить семью, покинуть Кубу для продолжения революционной деятельности. Сам по себе этот шаг представляет

исключительный подвиг».

В прощальном письме на имя Ф. Кастро Че Гевара писал: «Я чувствую, что я частично выполнил долг, который связывал меня с кубинской революцией на ее территории, и я прощаюсь с тобой, с товарищами... Я официально отказываюсь от своего поста в руководстве партии, от своего поста министра, от звания команданте, от моего кубинского гражданства... Сейчас требуется моя скромная помощь в других странах земного шара»[227]. И последняя цитата в этой связи: «Че покинул Кубу не потому, что он потерял веру в революцию, а потому, что он в нее безгранично верил. Он покинул Кубу, чтобы вновь сражаться с оружием в руках против империалистов, не только потому, что считал это своей священной обязанностью, но и потому, что страстно этого сам желал»[228].

Че Гевара был фанатиком революции, предельным радикалом в своей преданности революционной идее и экстремальности революционного действия. Естественно, что он был еще и экстремистом, и террористом - предельно активным сторонником методов партизанской войны, в которой сам постоянно участвовал[229]. Не случайно, при самом разном к нему отношении, в мировой истории он стоит в одном ряду с Л. Д. Троцким. Обратим внимание на то, что фанатиков любят, им поклоняются, за ними идут. Прежде всего потому, что они руководствуются в жизни и деятельности не меркантильными соображениями. Потому, что они - фанатики. Это всегда притягательно для людей.

Политический фанатизм отстаивает исключительность своих политических целей и взглядов, определенной политической системы, режима, власти и требует жертв ради них (например, во имя «Великой Германии» или во имя советской власти, ради «торжества демократии» и т. д.). Можно привести многочисленные примеры политического фанатизма и связанного с ним терроризма как в борьбе за власть, так и, напротив, в отстаивании своего права на сохранение власти. Борьба за власть, если она становится ожесточенной, всегда в той или иной степени носит признаки фанатизма. От Цезаря до Брута, от В. И. Ленина до Б. Ельцина фанатическая тяга к власти и приверженность идеям террора и осуществления отдельных террористических актов пронизывает всю историю борьбы за власть. Практически не имело особого значения, какой именно строй намеревались установить те или иные люди или, напротив, с каким строем они боролись, - при наличии определенной степени фанатизма, такая борьба неизбежно включала, в той или иной степени, акты террора. Цезарь убил тысячи людей - Брут убил Цезаря. Построенная Лениным советская система убила миллионы людей - Ельцин расстрелял из танков Верховный Совет, последний осколок советской системы.

Классический пример политического фанатизма - уже не раз упоминавшийся в этой книге Б. Савинков. Он боролся с царизмом, разошелся с Временным правительством, воевал с большевизмом - для него основной была вера в террор как эффективный инструмент политического действия. Он не верил в Бога, плохо верил в те или иные идеи. Зато он свято верил в политику и в «прямое политической действие» посредством террора. На определенных этапах развития такой фанатизм бывает продуктивным для общественного развития: он придает развитию необходимый динамизм. Затем обычно он отвергается людьми - просто потому, что свойственные фанатикам стремление к «экстремальной жизни», попытки реализации наиболее радикальных идей, требование фанатичной в них веры и т. д. со временем утомляют большинство людей, стремящихся к более спокойной и умеренной жизни. Обратим внимание на то, что радикализм, экстремизм, фанатизм и терроризм наиболее популярны среди молодежи. Трудно припомнить имена стариков-террористов, как и седобородых революционеров. Именно в молодежной среде на Западе почему-то до сих пор популярен и Б. Савинков, и Л. Д. Троцкий, и Э. Че Гевара, и даже современный ислам. Как известно, один из известных французских радикалов левоэкстремистского направления, Р. Гароди (а вслед за ним и множество его совсем юных последователей), разуверившись в марксизме, принял ислам.

В психологических истоках политического фанатизма всегда скрывается жажда власти, стремление к подчинению людей практически любой ценой. Поэтому наиболее яркие фанатичные политики так или иначе всегда обращались к террористическим методам и, в конце концов, очень часто сами становились жертвами террора. Примеров множество. Это и тот же Цезарь, с малых лет сознательно готовивший себя к власти, но павший, в итоге, от кинжала Брута. Это и Борджиа. Это и один из ярчайших вождей якобинцев в период Великой

французской революции Ж.-П. Марат, убитый фанатичкой Ш. Корде. И многие другие.

Ярким примером политического фанатизма можно считать политическую биографию французского государственного деятеля Ж. Клемансо. Он вошел в большую политику как лидер радикалов-экстремистов. В Первую мировую войну - ярый шовинист и милитарист. Всю свою жизнь активно стремился к установлению военно-политической гегемонии Франции во всей Европе. Один из вдохновителей Антанты. Один из наиболее ярких борцов с коммунизмом, один из организаторов антисоветской империалистической интервенции. Однако дело даже не в этих достаточно сочных характеристиках, приводимых различными словарями и энциклопедиями. Хотя и по ним можно судить об определенной фанатичности темперамента. Главные свои качества Ж. Клемансо проявил в чисто политической борьбе за власть. Более десяти раз он добивался смены правительств. Инерция политической борьбы была настолько в нем сильна, что, даже приводя ту политическую структуру, которую он к этому моменту возглавлял, к власти, он вполне мог именно в этот момент выйти из нее, перейти в оппозицию, и теперь уже добиваться ее смещения.

Получается, что не жажда власти сама по себе как таковая является основой политического фанатизма. Скорее, это фанатичная борьба за власть, которая, становясь хронической, ведет к своеобразной утрате цели. Говоря языком психологической теории деятельности А. Леонтьева, происходит «сдвиг мотива на цель». Обычно для реализации основного мотива всей политической деятельности, достижения власти, необходимо достижение целого ряда промежуточных целей - в том числе устранение предшественника, «расчистка места»; сколачивание коалиций для постоянной борьбы с противниками и т. д. Если, однако, достижение мотива затягивается, а промежуточных целей оказывается слишком много, то происходит сдвиг мотива на цель, когда та или иная цель может заменить собой мотив. Тогда она встает на место мотива, и свержение прежнего правительства становится самоцелью, то есть, ведущим мотивом. Такие политики обречены на то, чтобы свергать других. Сами они редко занимают «кресло № 1». Если же это и происходит, как в случае с Ж. Клемансо, то ненадолго. Спустя довольно короткое время такой политик опять оказывается в оппозиции, и возвращается к привычному делу - отстранению от власти своих соперников. Понятно, что достижение таких, явно не слишком продуктивных целей требует значительного фанатизма и завидного упорства.

Патриотический фанатизм (разновидность - националистический) но возрасту немногим уступает религиозному: издревле, после жертв тотемам и богам, всегда приносились жертвы «духам места». Примеров патриотического самопожертвования в истории - великое множество: Муций Сцевола, Иван Сусанин, Василиса Кожина и др. В более поздних вариантах такой фанатизм активно проявлялся, например, в советских лозунгах «За Родину, за Сталина!»; в подвигах партизан в ходе Великой Отечественной войны и т. д. Множество примеров такого рода можно найти и в истории современных национально-освободительных движений в странах Азии и Африки: М. Ганди, М. Нгуаби, П. Лумумба, А. Кабрал и т. д. Обратим внимание: все перечисленные видные деятели национально-освободительного движения были убиты в результате террористических актов.

Патриотический (националистический) фанатизм, как крайняя степень патриотизма и национальной гордости, в социально-политическом плане обычно выражается в шовинизме. Это понятие происходит от французского слова *chauvinisme*, означающего крайнюю форму национализма, проповедь национальной исключительности, противопоставление интересов одной нации интересам всех других, распространение национального «чванства», разжигание национальной вражды и ненависти; чрезмерный до неразумности патриотизм с упованием на военную силу.

Термин «шовинизм» родился во Франции. В 1831 году в комедии И. ИТ. Коньяр «Трехцветная кокарда» одним из персонажей был агрессивно-воинственный новобранец Никола Шовен. Прообразом этого героя был реальный человек, ветеран наполеоновских войн Н. Шовен, отличавшийся безумным, фанатичным преклонением перед императором Наполеоном - создателем «величия Франции». Поначалу Шовена высмеивали, на него рисовали карикатуры, но после появления пьесы его имя стало нарицательным: словом «шовинизм» стали обозначать различные проявления фанатичного националистического экстремизма.

В начале XX века термин «шовинизм» стал применяться для обозначения сильной приверженности идее военного превосходства какой-либо нации или государства. Настроения шовинизма - неизбежное следствие агрессии и победы, равно как и поражения, паники, но с надеждой на реванш. Это особенно ярко показала Первая мировая война. Социально-политические силы, активно заинтересованные во внешней экспансии, постоянно разжигают такие настроения. В свое время они стали массовой опорой для прихода к власти германских фанатиков-нацистов. Шовинизм может принимать и более утонченные, внешне не очень фанатичные формы - например, освящая экономическую экспансию, оправдывая политическое давление, культурное доминирование во внутренней политике многонациональных государств («великодержавный шовинизм»). В современной политике понятие «шовинизм» употребляется, прежде всего, для обозначения фанатичного ультранационализма. Оно характеризует определенный ораторский стиль, особую риторику, прославляющую государственную мощь («государственность», «державность») - как правило, с нотками устрашения. Шовинизм - это обычный компонент таких террористических течений, как бонапартизм, фашизм, расизм. Преувеличивая приверженность только «великим» национальным достижениям и задачам, шовинизм всегда играет явно деструктивную роль - как и любые радикальные, чересчур экстремальные, откровенно фанатичные проявления в реальном мире.

Завершая рассмотрение социальной психологии фанатизма, подведем некоторые итоги. Фанатизм - это особое состояние психики. Прежде всего, оно определяется сужением сознания человека, его «моноидеизмом». Глубоко веря в исключительную правоту некой одной идеи, фанатик готов к полному самопожертвованию во имя этой идеи. Существенно, что он не видит в этом никакого особого «подвига» - для него подчинение всей жизни исключительно одной идее является обычным, вполне нормальным жизненным процессом. Внешне, поведенчески, фанатик всегда возбужден. Он отличается особой речью (как устной, так и письменной). У него особый, повышенный темперамент. В силу этого он является как бы «психофизиологическим экстремистом». Крайняя степень веры в свою идею вызывает у фанатика готовность к крайностям и в выборе способов реализации этой идеи. Не случайно большинство фанатиков стали жертвами террористических актов. Своими действиями они сами -сеяли террор. Поэтому их противники понимали: иными, не террористическими, методами их было просто невозможно остановить. Так террор порождает террор.

«Незадолго до взрывов, прогремевших в 1995 году в Париже, вербовщики активизировали свою деятельность. Исламистские радикалы собирали по Европе что-то вроде легиона для войны в Боснии, но сначала «новобранцам» предстояло пополнить лагеря в Афганистане. Большая часть тех, кто впоследствии будет направлен в Боснию, принадлежала к объединению, называемому «фаланга правоверных». Некоторые из этих будущих мучеников вступили в ряды движения «Исламский джихад» в Палестине. Глава «Исламского джихада» Фати Шикак объявил в конце 1994 года, что намерен создать отряд смертников, насчитывающий около ста боевиков, чтобы сражаться не только с израильской армией, но и со всеми, кто выступает против ислама в Европе и Алжире. Сто смертников, готовых свести счеты с жизнью во имя джихада, - это может показаться немыслимым, однако реальность еще более ужасна.

По свидетельству одного из выживших боевиков, проходивших подготовку в этих лагерях, кандидатов затем переводили на базу в Ливан, где его самого научили быть живой бомбой. Сопровождаемые с первого до последнего дня обучения имамом, в обязанности которого входит их духовное наставление, будущие смертники в конце концов начинают сами умолять своих учителей отправить их на задание, настолько им не терпится отправиться в рай... или, возможно, нервное напряжение доходит до предела, и они хотят поскорее покончить со всем этим. За два часа до планируемой операции имам будит их и предлагает помолиться в последний раз. Затем смертники садятся в машину, двери которой завариваются. Тот же свидетель показал, что на каждой тренировке инструкторы приносят в жертву одного добровольца, который, прикрепив к телу взрывчатку, врезается на машине в стену со скоростью 60 км/час. Других «одержимых Аллахом» это зрелище не обескураживает, а ужасная смерть их товарища лишь придает им силу отчаяния»[\[230\]](#).

Б. Савинков так описывал одну из своих соратниц: «...хрупкая девушка с бледным

лицом. Она... в разговоре сильно жестикулировала. В каждом слове ее и в каждом жесте сквозила фанатическая преданность революции. Особенно возбуждалась она, когда начинала говорить о тех унижениях и бедствиях, которые терпит рабочий класс. Она показалась мне агитатором по призванию, но и сила ее преданности террору не подлежала сомнению»[231]. Фанатик всегда предан террору, даже если это женщина и всего лишь неплохой оратор. Сравните с описаниями современных арабских террористов, данными их жертвами.

«Беседовать с фанатиками вообще тяжело, А когда они к тому же крайне необразованны, невежественны - тяжело вдвойне... Между культурными философствующими проповедниками, которые были «наверху», и малограмотными мальчишками-исполнителями из низов - колоссальная пропасть. Пожалуй, за все время пребывания в плену самым неприятным, изматывающим испытанием были даже не моменты ожидания смерти - здесь каждый один на один сам с собой, и ощущения возникают совсем другого плана, - а, как рассказывали после освобождения наши сотрудники, длительные, по несколько часов подряд, беседы с охранниками на религиозные, философские, политические и другие глобальные темы. Почему-то их тянуло поговорить о происхождении жизни, о сущности духа человеческого, о Боге, государственном устройстве и т. д. Конечно, живя на свете, они много всякого слышали и что-то запомнили, но все это осело в их головах в невообразимо хаотическом виде»[232].

Фанатизм - субъективная основа фундаментализма. В определенном смысле, все тот же Б. Савинков, при всей своей революционности, тоже был фундаменталистом - в плане приверженности уже переставшими быть актуальными в 1920-е годы террористическим методам, он мечтал об их возрождении. Сказанное требует понимания того, что же означает фундаментализм в современном мире, помимо его очевидной привязанности к «основам», «фундаменту» в виде некоторых ценностей, взглядов, убеждений.

Фундаментализм

Фундаментализм, в самом общем виде, есть стремление противостоять модернизации, приверженность старым, «фундаментальным» ценностям, структурам, способам организации жизни.

Первоначально фундаментализмом стало называться крайне консервативное течение в протестантизме, направленное против либерального протестантского рационализма. Именно такой фундаментализм сложился на юге США в 1910-е годы: он активно отвергал любую критику Библии и все попытки ее новых, более современных трактовок. Со временем понятие «фундаментализм» приобрело более широкое звучание и стало обозначать всякое радикально-консервативное отношение к тем или иным религиозным, социальным, политическим и другим канонам (догмам). Это особая психология традиционалистского склада, жестко отстаивающая незыблемость чего-то прошлого и неприятие любых попыток его реформирования. В политическом плане фундаменталистскими можно считать попытки возрождения неотрадиционалистских социально-политических конструкций (типа опытов И. В. Сталина по воссозданию нового варианта Российской империи на старых основах, но с новой, социалистической риторикой), идеи возрождения «третьего», «четвертого» и т. д. Рима, рейха и т. п.

В современном мире понятие «фундаментализм» ассоциируется, прежде всего, с исламом («исламский фундаментализм») и отражает агрессивное сопротивление фанатиков-сторонников ортодоксального, воинствующего ислама всем попыткам «вестернизации», «европеизации» и, в целом, модернизации ислама под влиянием вызовов современного мира. Исламский фундаментализм характеризуется не только самозащитной, но и откровенно агрессивной психологией, стремясь не просто к сохранению, а к мировой экспансии не только религии, но и всего исламского способа жизни. Так, например, «мировой план» имама Р. Хомейни включал восстановление «идеального исламского государства» в Кумах, затем создание «большого исламского государства» в Иране, а уже затем - и «панисламского государства» воссоздания мирового формата. Исламский фундаментализм требует от верующих организации повседневной жизни по законам шариата, установления

теократического государства, установления судопроизводства по законам шариата и т. д. Наиболее яркие примеры такого фундаментализма - Иран в 1970-80-е годы, Афганистан под властью Талибана, Чечня в период недавней «независимости» от России и т. д. Исламский фундаментализм - радикалистская основа религиозно-политического экстремизма, принимающая все более агрессивные формы, в частности, международного терроризма в связи с волнами фундаменталистской политико-психологической экспансии последних лет, все чаще устремляющимися с Востока на Запад.

Наиболее известным современным проявлением исламского фундаментализма принято считать, прежде всего, такую его модную ветвь, как ваххабизм. Понимание современного ваххабизма требует краткого исторического экскурса.

Ваххабизм - наиболее позднее ответвление ислама, зародившееся в XVIII веке на Аравийском полуострове, в ту пору захваченного Османской империей, султан которой объявил себя единственным повелителем правоверных, придерживаясь взглядов наиболее либеральной ханифитской школы. В противовес ей, ваххабизм устанавливал жесткие правила по отношению ко всем, прежде всего, подобным «новшествам». Вначале ваххабизм боролся против «отуречивания» ислама, позднее вышел за пределы чисто религиозных рамок и приобрел военно-политический характер.

Основатель ваххабизма - Мухаммед ибн-Абдель Ваххаб, выходец из набожной семьи мусульманского судьи. В десять лет он выучил наизусть Коран. Затем много путешествовал, часто вступая в различные дискуссии с мусульманскими богословами и утверждая, что арабы забыли истинную веру, за что и получают наказание от Бога. Поэтому, доказывая, надо как можно быстрее очистить ислам от тех наслоений, которые принесли турки. Этот вероучитель призывал вести борьбу против мусульман, забывших истинную веру.

Такие взгляды Мухаммеда ибн-Абдель Ваххаба стали идеологической основой для объединения аравийских земель. В частности, военно-политическая деятельность ваххабитов была направлена на уничтожение святых мест для того, чтобы лишить бедуинские племена их идеологической основы. Для ваххабитов поклонение святым местам, могилам сподвижников пророка Мухаммеда, было ненавистно, и потому они запрещали обращаться за помощью к святым: просить можно только одного Аллаха. Именно поэтому многочисленные святые места они просто стирали с лица земли. Так, в 1802 году ваххабиты совершили набег на священный город шиитов, Кербелу, и начисто разграбили мечеть имама Хусейна, внука пророка. Когда они захватили Медину, то уничтожили мавзолей над могилой уже самого пророка.

В 1745 году Мухаммед ибн-Абдель Ваххаб поселился в оазисе Дирья, к северо-западу от нынешней столицы Саудовского государства Эр-Рияда. Здесь же с начала XVIII века проживало семейство Саудидов. Эмир Мухаммед ибн-Сауд заключил тогда соглашение с вероучителем, что тот останется навсегда жить на его земле, а эмир Дирья будет придерживаться его учения, главная сила которого для эмира заключалась в его политической стороне. Тот из правителей, кто брал на вооружение ваххабизм, мог многого достичь - ваххабизм не просто допускал, а прямо проповедовал вооруженную борьбу с отступниками от истинного ислама. Опираясь на это, клан

Саудидов начал обширные военные походы. К середине 1780-х годов он уже объединил внутреннюю Аравию, а в 1805 году занял Хиджаз - область, где расположены места рождения и смерти пророка, Мекка и Медина. Правда, через десять лет вероучитель умер, а в 1818 году египтяне и турки стерли с лица земли Дирью, казнив ее последнего эмира, предварительно вывезя в Стамбул. Только через сто с лишним лет, в 1925 году, Саудиды вновь захватили Хиджаз, а уже в 1932 году образовали Королевство Саудовской Аравии, опирающееся на ваххабистское духовенство.

Вплоть до Второй мировой войны ваххабизм активно отстаивал самые жесткие традиционалистские позиции, запрещая, например, использование телефона, радио, граммофонов и кино. Первый грузовик, скажем, появившийся в городе Эль-Хаута, был сожжен, а его водитель только чудом избежал той же участи. Самолеты, по мнению ваххабитов, летают против воли Аллаха. Поэтому любые попытки «вестернизации» страны встречали жесткое сопротивление духовенства, а продолжавшееся, несмотря на это, усиление влияния США в регионе привело к развитию ваххабитского терроризма.

В 1995 году на территории Саудовской Аравии прогремело несколько первых взрывов. Так, в декабре того года объектом террористического акта стал центр подготовки саудовской национальной гвардии, где погибли американские военные специалисты. В июне следующего года был организован взрыв казарм в Аль-Хобаре, где также были жертвы среди американцев, после чего США передислоцировали своих сотрудников на расположенную в пустыне военно-воздушную базу Аль-Хардж. Обратим внимание на то, что саудовские власти даже отстранили американцев от расследования данного террористического акта, чем вызвали серьезное недовольство США. За этими терактами стоял У. бен-Ладен.

Не менее известный в мире террорист Карлос (И. Санчес) писал из тюрьмы в августе 1998 года, после первых американских бомбардировок завода «Аль-Шифа» в Хартуме и лагеря Усамы бен-Ладена в Афганистане: «Империалистическая агрессия... атакуя Усаму бен-Ладена, стремится обезглавить возрожденный ваххабизм, который намерен выгнать узурпаторов из Неджда и Хиджаза. (провинции в сердце Саудовской Аравии), освободить оба Святых места и использовать нефтяную манну для развития Уммы (арабской нации) и освобождения Палестины... Акции в Найроби и Дар-эсса-ламе связаны исторической преемственностью с нашими действиями на суше, на море и в воздухе против сионистов в Восточной Африке, начатыми четверть века назад»[233].

Так выявляется вполне определенная историческая цепочка. На одном конце этой цепочки - вероучитель-фундаменталист Мухаммед ибн-Абдель Ваххаб. На другом ее конце - террор против американцев. Где-то в середине цепи располагаются военно-политические и патриотические основы ваххабизма. Кстати, еще в 1996 году У. бен-Ладен категорически заявил в интервью журналу «Тайм», что «мусульмане полны гнева в отношении Америки», и для своего же блага США должны уйти из Саудовской Аравии»[234]. Так сходятся концы с концами. Обратим внимание и на тот факт, что откровенно фундаменталистский и не менее откровенно террористический исламский режим талибов в Афганистане был признан только тремя странами мира: Йеменом, Пакистаном и Саудовской Аравией. Последнее было сделано под сильным влиянием саудовских улемов, которые полагают, что «в силу своего невежества талибы идеологически очень близки к ваххабизму».

Психология исламского фундаментализма опирается на отрицание прогресса и, в целом, всех ценностей современного мира. Это стремление жить в своем, замкнутом мире, который переживает сейчас всего лишь XV век по календарю солнечной хиджры. Это особая психология людей, живущих в своем времени, в своем, неторопливом ритме жизни, и никак не желающих жить иначе. «Верблюд не может скакать с лошадиной скоростью, а человек - не лошадь: мы идем по своему пути, начертанному Аллахом», - гласит одна из исламских поговорок. В подобной психологии возникает особое отношение к Западу. Так, один из безусловных реаниматоров ислама во второй половине XX века, имам Р. Хомейни утверждал: «Запад есть не что иное, как совокупность несправедливейших диктатур; если человечество захочет вновь обрести покой, оно должно со всей энергией разгромить этих зачинщиков беспокойства. Если бы Западом руководила исламская цивилизация, нам никогда не пришлось бы быть свидетелями дичайших порывов, недостойных даже хищников»[235]. Понятно, что такие высказывания носят в определенном смысле компенсаторный характер. Перекладывание всех прошедших, настоящих и будущих бед на плечи универсального исторического козла отпущения в лице Запада освобождает от собственной ответственности, объясняет все неудачи и провалы. Формула «Этот Сатана нашего времени, Запад, создал все наши проблемы» (Р. Хомейни) принята на вооружение всеми исламскими фундаменталистами. Даже по поводу безработицы в Иране Р. Хомейни говорил: «Виноваты неверные, этих чертей надо убивать». Главный палач Ирана Хал кали утверждал: «Наркомания - результат сионистско-империалистического заговора против исламской молодежи Ирана».

Антизападная позиция фундаменталистов - это далеко не только ядро агрессивной солидарности исламского мира и средство компенсаторного самооправдания. Это еще и элемент культурной идентификации. Это резкий протест против такой модели цивилизации, которая решила сформировать остальное человечество по своему образу и подобию.

«Цветные части света уже двести лет чувствуют себя глубоко психологически травмированными, поскольку универсальная мысль все это время развивалась при помощи

научных методов и философской логики Запада. Верят теперь в то, что осталось от веры после европейского просвещения и успехов европейских естественных наук... «Уже тысячу лет как Восток не написал ни одной книги, не сделал ни одного изобретения, не выработал даже ни одной оригинальной мысли, сравнимых с изобилием Запада, - писал египетский ученый Салама Муса полвека назад. Как же сохранить при всем этом уважение к самим себе?» В настоящее время это возможно только путем радикального и агрессивного отвергания Запада, унизившего и ущемившего самоуважение остального человечества мощью своей неотразимой мировой цивилизации. Антизападная позиция является, таким образом, средством обретения утраченной идентификации»[236].

Впрочем, эта позиция - не только антизападная в буквальном смысле. В свое время она в не меньшей степени была и антисоветской - то есть, в совокупности, антицивилизационной. Так, похитив осенью 1984 года в Бейруте четырех сотрудников советского посольства, исламисты выдвинули требования:

«Русские, американцы, вообще европейцы и прочие неправовверные, и потому уже враги ислама, несут ответственность за злодеяния своего союзника - Сирии, ведущей братоубийственную войну на истребление с истинными мусульманами в районе северо-ливанского города Триполи. Москва должна остановить кровопролитие в Триполи, оказав давление на Дамаск. Советское посольство - рассадник антимусульманской заразы в Ливане - должно быть эвакуировано в ближайшие несколько дней, в противном случае оно подвергнется вооруженному штурму в ближайшую пятницу после традиционной утренней молитвы. В случае невыполнения требований в течение сорока восьми часов похитители угрожали убить заложников одного за другим»[237].

Идеология исламского фундаментализма вполне понятна и как бы вытекает из его психологии. Эта идеология не содержит в себе никаких позитивных ценностей, она вся основана на чисто традиционалистской приверженности к ценностям прошлого. Это стремление жить «как жили отцы и деды» - прежде всего стремление вернуть жизнь на рельсы истинного ислама, в том числе и вооруженным путем. Это готовность противостоять всем попыткам модернизации, в том числе и явно террористическими методами.

Быть может, самое примечательное заключается в той неожиданной связи, которую внезапно обнаруживает современный исламский фундаментализм с левацким западноевропейским экстремизмом. Вспомним: еще Г. Маркузе в конце 1960-х годов считал, что «спасение грядет от третьего мира», и рассматривал национально-освободительные антиколониальные бои в третьем мире как признаки зарождения человека нового, постбуржуазного типа. Он и пришел таким, каким ожидался: типичным террористом. Но пришел он с Востока. И он не скоро остановится.

Эксперты в области разведки и борьбы с терроризмом теперь совершенно уверены в том, что фундаменталисты вовсе не намерены ограничиться терактами против американских казарм или посольств, в результате которых погибает несколько сотен жертв. Их следующими мишенями могут стать города и целые страны. Такая эскалация целей основывается на обладании новейшими технологиями и на том, что у подрывных организаций есть финансовые возможности покупать эти смертоносные технологии или подкупать тех, кто ими владеет, а уж денег у террористов хватит. У бен-Ладен открыто заявлял:

«Приобретать оружие для защиты мусульман - это наш долг. Если правда, что я купил оружие (химическое или ядерное), я благодарю Аллаха, который мне это позволил. И если я стараюсь получить такое оружие, то это - долг. Для мусульман было бы грехом не попытаться завладеть тем оружием, которое могло бы помешать неверным причинить зло мусульманам...»

Современный терроризм

Из всего уже сказанного следует, что терроризм - это особая форма, прежде всего, политического насилия, характеризующаяся жестокостью, целеустремленностью и внешне достаточно высокой эффективностью. На практике, конкретно, это совершение демонстративно деструктивных, разрушительных действий для того, чтобы вызвать страх,

запугать своих противников или же все население, физически уничтожив их представителей или нанеся значительный материальный ущерб.

Психологически, терроризм - естественное продолжение радикализма, экстремизма и фанатизма. Это реальный экстремизм уже не в теоретических рассуждениях, а в непосредственном практическом действии, осуществляемом с редким фанатизмом во имя абсолютно радикальных идей и ценностей. Люди, избирающие терроризм в качестве инструмента для своего воздействия на реальность, всегда радикальны. Это естественно: радикальные, экстремистские методы подбираются в соответствии с аналогичными целями. В данном случае именно характер целей (или представления самих террористов об этих целях) вполне оправдывает для террористов характер избираемых ими методов для достижения поставленных задач. С точки зрения самих террористов, чем масштабнее прозвучит та или иная их акция, чем большее количество людей в мире узнает о ней, тем масштабнее будут выглядеть те цели, к которым они стремятся. Поэтому подчас мы видим, что не только цель оправдывает средства, но и наоборот: под совершаемые террористические акты часто «подтягиваются» якобы крупномасштабные цели.

Как мы уже видели, терроризм очень широко используется в качестве средства политической борьбы в интересах государства, организаций и отдельных групп лиц. Уже сам факт публичной казни политических противников, например, может считаться проявлением терроризма. В современном мире эффект казни многократно усиливается посредством ее трансляции средствами массовых коммуникаций. Известны репортажи о казни террористов на электрическом стуле в США. Известны и аналогичные акции в исламских странах. Более того, известны и смешанные феномены: когда западные средства массовой информации рассказывали об исламских казнях. Так, в январе 1984 года известная западная газета опубликовала подробнейшее описание публичного обезглавливания двух осужденных, мужчины и женщины, на площади перед мечетью Джамия в столице Саудовской Аравии, городе Эль-Рияд. Газета привела красочные подробности внешнего вида палача, сумму его гонорара, вид орудия казни (обоюдоострый меч), а также текст ее звукового сопровождения, звучавший из динамиков на минарете мечети, - голос поминал имя Аллаха и перечислял грехи, совершенные осужденными на основе нарушения норм шариата[238].

К особым проявлениям современного терроризма можно отнести и разного рода партизанские действия в периоды войн, а также особенно партизанские войны как таковые, когда они не сопутствуют боевым действиям, официально ведущимися регулярными армиями. XX век принес особенно много примеров таких войн в Латинской Америке. Терроризм всегда был распространенным инструментом борьбы в период глубоких, революционных общественных потрясений. XX век дал наиболее яркие примеры революционного и, напротив, контрреволюционного терроризма.

Терроризм развивается в условиях острейших противоречий, когда субъективно для противников не остается иных средств, кроме физической ликвидации друг друга. К терроризму прибегают тогда, когда не видят иного пути либо в связи с отсутствием других ресурсов борьбы («партизанщина» - это следствие не силы народа, а слабости его армии), либо хотят радикально изменить поведение людей, запугав их актами террора. Психологическая основа терроризма - радикализм, экстремизм и фанатизм, иногда - доходящий до фанатизма фундаментализм экстремистского толка,

В современных условиях налицо эскалация террористической деятельности особых экстремистских организаций. Это уже далеко не случайные террористические акты малоподготовленных партизан ~ теперь это специально организованная, часто почти профессиональная деятельность целенаправленно подготавливаемых в течение долгого времени боевиков или специальных агентов. В современном мире непрерывно усложняется характер терроризма, быстро нарастает изощренность его методов, интенсивно усиливается антигуманность террористических актов, приобретающих все более массовый и, вследствие этого, жестокий характер. Террористические акты исламских фанатиков-шахэдов против США в сентябре 2001 года показали: терроризм становится силой мирового масштаба. Прежде всего это относится к исламскому терроризму, вышедшему на ведущее место в современных условиях. По масштабам своих жертв он выходит на уровень регулярных боевых действий. Борьба против этого терроризма уже рассматривается как особая форма

новой, «третьей мировой войны».

«Религиозный терроризм, основанный на исламском экстремизме, пришел на смену политическому насилию 1980-х годов, которое руководствовалось националистическими или сепаратистскими требованиями, выдвигаемыми, например, баскской ЕТА, ирландской ИРА, корсиканским ФНОК (Фронт национального освобождения Корсики) или же бретонским ФОб (Фронт освобождения Бретани) и подчас основанными на ультралевой, рудиментарной, но конструктивной идеологии, такой, как идеология французской организации «Акс-он директ». По сравнению с политическими тезисами террористических групп 1970-1980-х годов, требования современных исламских движений кажутся, как правило, скорее убогими. Это происходит оттого, что они не ссылаются на труды признанных богословов, философов или экономистов. Исламисты, забыв о Марксе, Гегеле, Мальтусе, Кейнсе или более близком к нам Кеннете Гэлбрайте, приводят в пример только Коран. Даже если мы допустим, что Коран на протяжении тысячелетий разрешал и продолжает разрешать заботы человечества, то все равно лишь меньшинство согласно с этим постулатом. По причине идеологической слабости исламистский мир не в состоянии выдвигать четкие требования, как организации вроде германской «Фракции Красной армии», итальянских «Красных бригад» или «Японской Красной армии», придерживающиеся марксистской ориентации. Требования исламистского движения и исламского террористического интернационала столь расплывчаты, сколь очевидна их структура. Однако это не мешает им вербовать все новых сторонников. В большинстве развивающихся стран обращение к бесспорным или так называемым всеобщим ценностям придает исламскому движению по сути объединительный и мобилизующий характер. По этой самой причине вдохновители движения не испытывают ни малейшей необходимости в уточнении поставленных целей, а уж тем более в разработке графика движения к ним. У них не существует ни выборов, ни конкретных планов. Как правило, даже у самих активистов нет никаких конкретных политических требований на будущее, если только эти требования не сформулированы их руководителями: например, установление исламского режима в арабских странах или глобальный отказ от американской культуры. Но ни экономическая, ни социальная программы, которыми могли бы руководствоваться активисты, не выработаны. Рядовые исламские боевики не представляют собой активистов в политическом смысле слова. У них нет манифеста или хартии, определяющих их цели, таких, как, например, «Хартия свободы» Африканского национального конгресса.

В наши дни исламские экстремисты группируются вокруг некоторого числа религиозных проповедников. Однако вовсе не все проповедники способны играть выдающуюся роль. Эти муллы благодаря читаемым ими проповедям становятся вдохновителями действий, в том числе и террористических, своих правоверных приверженцев. Тем не менее имамы не являются их военными руководителями. Они отрицают приписываемую им роль и очень часто лицемерят, делая вид, что не знают о насилии, спровоцированном ими самими. Ловко прикрываются разглагольствованиями о необходимости или теоретическом оправдании священной войны. Объединение вокруг шейха лежит в основе разрозненных структур и многочисленных движений, которые руководствуются скорее общими толкованиями проповедей духовного вождя, чем точными инструкциями. Подобная сознательно поддерживаемая размытость определяет податливость и покорность исламских активистов».

По сведениям западных разведывательных служб, в последние годы насчитывалось шесть проповедников, в локальных масштабах определяющих поведение некоторых частей «исламистской вселенной», но отказывавшихся признать себя ее руководителями. Это Омар Абдул Рахман, Мохаммед Хусейн Фадлалла, Рашид Ганнуши, Гульбеддин Хекматиар, мулла Омар и Хасан аль-Тураби (этот суданский шейх по прозвищу «Черный папа» в последние годы утратил влияние и не может более претендовать на звание харизматического лидера). Практически за каждым из них стоит его организация. Однако их число может колебаться в зависимости от «преследований» или иных событий. Обратим внимание на то, что названные духовные исламские лидеры в давнем или недавнем прошлом имели контакты и взаимодействовали с У. бен-Ладеном. Однако его организация («братство бен-Ладена») носит принципиально иной характер. Иной является и его личная роль, вот почему разговор о бен-Ладене - в следующей части книги.

«Джамиат Исламии». «Из духовных лидеров наиболее известен египетский шейх Омар Абдул Рахман. Этого имама бруклинской мечети, которому в США было предъявлено обвинение в убийстве американцев во время взрыва в Международном торговом центре, подозревают как заказчика или, по меньшей мере, вдохновителя убийства египетского президента Анвара Садата, хотя египетское правосудие и не осудило его за это преступление. Портрет дряхлого слепого старика за решеткой американской тюрьмы на некоторое время полностью захватил телевизионные экраны, что создало ему ореол мученика. Его лицо, сфотографированное для архивов американского правосудия, стало символом в исламистских кругах, в которых он считается верховным эмиром «Джамиат Исламии»».

«По убеждению американской администрации, на шейхе из Бруклина лежит тяжкая вина: взрыв в нью-йоркском здании означает капитальный поворот в стратегии исламистов, которые до сих пор не осмеливались устраивать диверсии на американской земле». События 11 сентября 2001 года полностью подтвердили это убеждение.

«Хезболлах».

«В число религиозных лидеров входят также ливийские исламисты, например, шиит Мохаммед Хусейн Фадлалла, руководитель «Хезболлах». Хусейн Фадлалла родился в 1936 году. Будучи по происхождению иракцем, он приехал в Ливан до 1976 года и основал там «Кружок братства» и «Легальный исламский институт». «Хезболлах», вне всякого сомнения, представляет собой одну из наиболее хорошо структурированных организаций экстремистского исламского движения, исключительную организацию, которая резко отличается от всех других движений, существующих в мусульманском мире. «Хезболлах» переводится как «Партия Аллаха», а само это слово встречается в одном из стихов Корана: «Ва инна хезбол-лах хум аль-галибун», то есть «воистину партия Аллаха станет семей-победительницей». Первого февраля 1979 года в Тегеране эта фраза была написана на сотнях плакатов, приветствовавших возвращение имама Хомейни после вынужденного многолетнего пребывания во Франции, в Нюфль-ле-Шато. Вскоре после возвращения в Иран лидера исламской революции была создана иранская «Хезболлах». Во имя исламской революции иранские руководители хотели в то время экспортировать движение «Хезболлах» во все шиитские страны. Весной 1984 года Тегеран обратился к ливийским исламским фундаменталистам с просьбой создать свою собственную организацию «Хезболлах». Очень скоро «Хезболлах» Ливана заявила о себе насильственными действиями и попытками очистить Бейрут и Ливан от иностранных «дьяволов»: от не-мусульман, и особенно от христиан, уроженцев западных стран и евреев. Если все предыдущие диверсии были направлены против иностранцев, то «Хезболлах» расширила пропаганду террора и, таким образом, заставила дрожать коренное ливанское население, которое уже не знало, какой армии или группировке доверять. На территории Ливана «Хезболлах» вскоре приобрела особую специальность: ее руководители довели до совершенства технику похищения людей. Начиная с 1985 года «Хезболлах» неоднократно брала в заложники журналистов, дипломатов или религиозных деятелей, чтобы привлечь к себе внимание международных средств массовой информации. И это ей удалось. Перепись личного состава «Хезболлах» позволяет предположить, что около 14 тысяч человек, включая суннитов, регулярно субсидируются ею. Основное ее ядро составляют около семи тысяч человек, пять тысяч из которых получают зарплату. В финансовом отношении «Хезболлах» ни от кого не зависит. Она получает доходы от торговли наркотиками, выращенными в долине Бекаа, от вымогательства у торговцев, владельцев ресторанов или предпринимателей, которые живут в зоне ее влияния и имущество которых будет уничтожено, если они откажутся платить «революционный налог»».

У «Хезболлах» имеются многочисленные отделения за пределами территории Ливана, с официальными представительствами в других арабских странах: в Саудовской Аравии, Кувейте и в Ираке. Насчитывается около 20 организаций, подотчетных ливанскому движению, - например, «Исламский джихад» Хуссейна Муссави или «Организация революционной справедливости» Имада Мугни. Эти две последние группировки, открыто занимающиеся терроризмом, реально управляют множеством мелких экстремистских группировок в Ливане: «Знаменем Ислама», «Независимым движением за освобождение похищенных людей» (Хезболлах-Палестина), «Организацией божественной справедливости» или, наконец, самой известной группой во Франции - «Комитетом солидарности с арабскими

политическими узниками, находящимися в тюрьмах Европы» (КСАПУ). Этот комитет, во главе которого стоял тунисец Фауд Али Салех, взял на себя ответственность за прогремевшие во Франции взрывы в декабре 1985 года, а затем в феврале, марте и сентябре 1986 года. Вскоре после этого КСАПУ был ликвидирован французскими контрразведывательными службами.

«Ан-Нахда».

«У североафриканских исламистов есть собственный лидер - Рашид Ганнуши. Влияние этого интеллектуала всегда выходило за границы Туниса, его родной страны, а сам он всегда представлял собой своего рода движущую силу магрибского панисламизма. В 1990 году Рашид Ганнуши лично написал предвыборную программу Исламского фронта спасения (ИФС) для муниципальных выборов, происходивших в том году в Алжире. В 1990 и 1991 годах созданное им близкое к «братьям-мусульманам» религиозное движение «Ан-Нахда» посылало в Алжир многочисленных агентов, чтобы поддержать активистов ИФС на выборах.

Наконец, «Ан-Нахда» и ее руководитель помогли ИФС найти источники финансирования среди арабских монархий накануне войны в Персидском заливе».

Два завершающих персонажа из числа действующих наиболее известных религиозных террористических лидеров ислама - афганцы.

«Хезб-и-ислами». Это одна из старейших исламистских структур, базирующаяся в Афганистане и отчасти в Иране. Исторически она всегда была связана с Афганистаном.

«...1973 год. До Апрельской революции оставалось еще долгих пять лет. После антимонархического переворота власть в стране перешла в руки Мухаммада Дауда. Именно тогда уроженец провинции Кундуз, выходец из семьи крупных землевладельцев-феодалов, «инженер» Гульбеддин Хекматиар создал свою «партию» и начал терроризировать население.

Биография его характерна для многих главарей душманов. Родился в 1944 году. За хулиганство, непристойное поведение и неуспеваемость был исключен из кабульской школы. Вернулся в Кундуз, где при содействии богатых родителей получил-таки среднее образование. В 1970 году поступил, не без помощи влиятельных родственников, на инженерный факультет Кабульского университета. С той поры почему-то везде именуется не иначе как «инженер», но это не более чем кличка - из университета он также был исключен, высшего образования не имеет. В начале 70-х годов Гульбеддин создает молодежную организацию «братьев-мусульман», устраивает систематические беспорядки и террористические акты против правительства, а также демократических, прогрессивных и патриотических деятелей всех направлений.

В 1973 году Гульбеддин был арестован, однако через полгода освобожден и выслан в Пакистан, где уже находилось около 5 тыс. ранее эмигрировавших его сторонников. Здесь он и начал активно сколачивать отряды террористов. Вот так началось то, что потом стало называться «контрреволюцией».

По свидетельству индийского журналиста Д. Гойяла, группы организуемых империалистическими и реакционными кругами «инсургентов» стали формироваться в Пакистане как минимум с 1973 года. Перед наемниками уже тогда ставилась задача превратить Афганистан в пылающий кордон, предохраняющий Средний Восток от всякого прогрессивного влияния. Именно с того времени, выполняя волю нанимателей, бесчинствуют Гульбеддин и подобные ему элементы, кого западная пропаганда рекламирует как «борцов за свободу».

«На руках Гульбеддина и его подручных, именующих себя «Исламской партией Афганистана», кровь не успевает отмыться. И она щедро оплачивается чужеземными деньгами. Не кто иной, как Гульбеддин ввел страшный прейскуртант, кровавую таксу для поощрения наиболее оголтелых преступлений: 7 тыс. афгани за убитого солдата Вооруженных сил ДРА, 15 тыс. - за подбитый танк, миллион - за сбитый самолет. Это его молодчики продолжают отрезать языки учителям, чтобы они не могли учить, и отрубают правую руку школьникам, чтобы они не могли держать перо. Это он послал головорезов, обстрелявших советский городок Пяндж, спеша подтвердить слова заместителя министра обороны США по политическим вопросам Ф. Икле о том, что душманы могут угрожать «уязвимой южной границе СССР». ...Гульбеддин владеет огромными средствами, вложенными в западные банки, наживается на вымогательствах, грабежах и перепродаже

награбленного, спекулирует оружием и наркотиками. Не гнушается и элементарным воровством: американский «Комитет помощи Афганистану» год назад возмущался тем, что из 300 тыс. долларов, поступивших душманам, более 150 тыс. Гульбедин перевел на свой личный счет, по сути прикарманил. ...Разбой - их стихия, средство личного обогащения, террор - способ удовлетворения личных амбиций»[239].

Эта цитата - из середины 1980-х годов. А вот что было написано о той же партии и ее лидере спустя пятнадцать лет:

«Гульбедин Хекматиар, лидер «Хезб-и-ислами», - еще один столп исламской идеологии наших дней. После ухода советских войск из Афганистана он стал политико-религиозным деятелем первого плана и даже некоторое время в 1995 году занимал пост премьер-министра. Его организация была и до сих пор остается одним из стержней «афганского филиала» тренировки алжирских и европейских моджахедов. Хекматиар не просто духовный лидер. Он также военачальник и довольно хороший дипломат, прекрасно владеющий механизмом заключения оппортунистических союзов и... перевербовки. Стремясь найти собственное место на афганской территории, он сблизился со своим старым недругом Масудом. В 1988 году, вопреки сомнениям и колебаниям, ему удалось создать себе образ незаменимого руководителя, способного в некотором роде предвидеть судьбу Афганистана, страны, занимающей ключевое место на азиатском континенте. Афганистан, который очень долгое время игнорировали западные страны, в том числе и Соединенные Штаты, недооценившие мощь исламского прорыва и скорость разрастания хаоса, превратился в преграду в геополитическом плане, в частности, из-за торговли наркотиками, разлагающей страну с давних пор»[240].

В свое время «Хезб-и-ислами» вхрдила в объединение семи террористических организаций, именовавших себя «Исламским союзом моджахедов Афганистана». Этот противоречивый альянс в годы борьбы против советского присутствия в Афганистане имел более 150 лагерей подготовки боевиков в Пакистане и Иране. За 1980-85 годы он получил свыше двух миллиардов долларов только от США. С ним работали иностранные инструкторы, он воевал современным западным оружием, включая зенитные ракеты «Стингер». Позднее «альянс семи» распался, но «Хезб-и-ислами» сохранилась.

«Талибан». Особое место в современном исламе очень быстро занял мулла Омар - лидер афганского движения «Талибан». Основа движения - «солдаты ислама», претендующие также на звание студентов-теологов или воинствующих монахов. Они активно проявились в исламистской среде только летом 1994 года. Это сунниты, последователи направления «деобанди» (по названию одного факультета исламской теологии в Индии, возле Дели). Реально костяк движения составили сироты - дети афганцев, убитых во время гражданской войны, в том числе жертвы советских войск. Оказываясь в Пакистане, они поступали на учебу в тамошние медресе, финансировавшиеся Саудовской Аравией и пакистанской военной разведкой ИСИ и ЦРУ США, а опекавшиеся структурами У. бен-Ладена. Вскоре после своего оформления движение широко открыло двери самым разным народностям Афганистана: среди талибов встречаются пуштуны, таджики, узбеки, белуджи, хазарейцы т. д. Каковы бы ни были истоки движения Талибан - махинации спецслужб или инициатива афганских масс, - оно меньше чем за четыре года изменило облик Афганистана. В талибском Афганистане очень быстро воцарился порядок, основанный на доносах и терроре. Даже уйдя в подполье после контртеррористической акции США в Афганистане в 2001-02 годы, оно сохранило достаточный религиозно-террористический потенциал.

«Мулави Мохаммед Омар - бывший пуштунский боевик. Он командовал отрядом моджахедов и имеет героический послужной список. За десять лет освободительной войны несколько раз был ранен: его приближенные рассказывают, что в одном бою с советскими войсками осколок снаряда попал ему в глаз. Понимая, что глаз не спасти, и опасаясь заражения, Мохаммед Омар сам вырвал его из глазницы, а затем вытер окровавленную руку о стену - мечети в Сингесаре - деревне, находящейся километрах в пятидесяти к западу от Кандагара; этот кровавый след там до сих пор благоговейно сохраняют, как реликвию. Его религиозная миссия была открыта ему в 1994 году в видении. Он удалился в ту самую деревню Сингесар, дабы посвятить себя изучению Корана, подальше от хаоса, в который погрузилась его страна. И там пророк Магомет якобы явился ему во сне, повелев положить

конец террору, развязанному местным полевым командиром, развратником, вором и насильником. С полусотней бойцов, служивших раньше под его началом, Мохаммед Омар уничтожил тирана, конфисковал его имущество и раздал населению. По другой, более прозаической версии, как-то раз, когда он молился, пришли соседи и сообщили, что моджахеды с одного контрольного поста похитили, обрили и изнасиловали двух девушек. Мохаммед, желая отомстить, встал во главе небольшой группы ветеранов и с несколькими старыми «Калашниковыми» атаковал провинившихся вояк, после чего повесил их главаря на пушке трофейного советского танка.

Неизвестно, где здесь легенда, а где действительность, но, так или иначе, родилось движение «Талибан»... За несколько недель сотни оставшихся не у дел моджахедов влились в ряды его воинства, прельстившись этим горским Робин Гудом, поднявшим знамя ислама и не гнушающимся действовать. Меньше чем через три года тот, кого отныне станут звать Амир уль-Моминии, будет контролировать двадцать из тридцати двух провинций Афганистана»[241].

После этого Афганистан под руководством муллы Омара при помощи породнившегося с ним У. бен-Ладена (одна из его дочерей - жена Омара) стал, по общему мнению, «рассадником мирового терроризма».

Однако исламский терроризм силен не только в Афганистане, Ливане, Тунисе или Судане. 17 февраля 1995 года из секретного доклада, представленного президиуму Евросоюза специально созданной рабочей группой «Терроризм», стало известно, до какой степени вся Европа, без исключения, уязвима для террористических организаций. Группа экспертов, на протяжении многих лет анализировавшая поведение классических террористических групп, таких, как ЕТА или ИРА, допускает, что исламистская фундаменталистская угроза носит абсолютно иной характер.

«В исламском контексте структура ограничивается несколькими глашатаями и посредниками, в то время как определенные мечети, движения, если не сказать - ассоциации, служат религиозным прикрытием для террористических групп. Таким образом, в отсутствие собственно политической стратегии политика отождествляется с религией, а активизм считается религиозным долгом...»

При чтении этого документа создается впечатление, что вся Европа разъедается гангреной исламистских организаций. Усама бен-Ладен предстает в докладе как финансист главных исламистских террористических сетей, охватывающих Европу. На первом месте по числу исламистских экстремистов стоит Великобритания. Второе место занимает Германия, в которой уже живет 2200 000 мусульман. Есть они и в Северной, и, разумеется, в Южной Европе.

В конце XX века терроризм стремительно вошел и в жизнь России. До этого, в период советского социалистического развития, в России доминировали государственные формы репрессий в отношении граждан: можно было говорить о государственном терроре, но террор всякого иного типа был практически подавлен. Теперь же страна получила почти все возможные формы антигосударственного и античеловеческого террора: это и взятие заложников, и демонстрационные убийства, и угоны самолетов, и жестокие акты геноцида в межнациональных и межконфессиональных конфликтах. Основную роль в эти процессы внесли чеченские террористы, однако они - не единственные. Обыденностью российской жизни стали не только прямые угрозы, но и террористические акты в политической борьбе, вплоть до предвыборных избирательных кампаний. Более того: появились почти невероятные (во всяком случае, широко не известные до сих пор в мире) случаи имитации террористических актов. Так, в частности, для усиления своей популярности такого рода имитацию накануне выборов 1995 года организовал даже депутат Государственной Думы России Н. Лысенко.

Причины роста терроризма (и, видимо, попыток имитации терроризма) всегда заключаются в нарастании кризисных явлений, ослаблении контрольно-регулятивной функции политики и, в частности, ослаблении функций государства. Связаны они и с недостаточной способностью общества или отдельных стран, а возможно, и всего мирового сообщества регулировать сложные социально-политические процессы. С быстрой сменой различных идеалов и ценностей, включая их девальвацию, с подключением к активной

политической жизни широких масс населения (в том числе, отсталых стран), лишенных политического опыта и необходимой политической культуры, связаны важные психологические моменты. Прежде всего, это способность людей адекватно реагировать на эти изменения с той скоростью, которая необходима. Это доступно не для всех («верблюд не скачет с лошадиной скоростью...»). Соответственно, среди людей возникает психологическое сопротивление, усиливаются антимодернистские, фундаменталистские тенденции. Следствие этого - активизация стремления использовать слабости власти и проложить «кратчайший» путь к намеченной цели, каким представляется путь насилия сторонникам террора.

Центральным элементом терроризма является террористический акт, преследующий как конкретные цели (убийство политического лидера, взрыв в месте скопления населения), так и более общие, иногда символические цели (типа требований отделения Чечни от России, создания патестинского государства и т. п.). Иногда террористы используют угрозу террористического акта, выдвигая свои условия взамен неисполнения своих намерений: обмен захваченных заложников на «своих» политзаключенных, получение денег, оружия. В любом случае, генеральная цель террористического акта - распространение общего страха, паники, провоцирование репрессий со стороны властей, могущих, по мнению террористов, дать «детонирующий» политический эффект.

Субъектом терроризма могут выступать отдельные лица (как правило, убежденные фанатики-экстремисты), а также специализированные террористические организации (типа организации «АльКаида», созданной У. бен-Ладеном, или многочисленных других таких организаций) и даже целые государства (некоторые исламские страны, Афганистан при режиме талибов и др.).

Реально сам террористический акт не приводит к достижению декларируемых целей. Часто это всего лишь повод для демонстрации террористами своих требований и возможностей. Вслед за самим террористическим актом обычно его организаторы, устроители и исполнители, публично «берут ответственность» за его осуществление и объявляют, во имя чего совершен террористический акт, а также иногда условия прекращения подобных актов. Тем самым, даже не достигая каких-то больших, главных целей, они достигают целей промежуточных: организация становится более известной и «авторитетной», о ней говорят, с ней начинают считаться. Именно такой, «рекламной» логикой руководствовалась, например, эсеровская партия в России, по указанию которой все акции Боевой группы партии включали своего рода «подпись» (инициалы «БГ» на кинжале, дверце кареты и т. д.). Ради подобной «рекламы» подчас спешат террористы «взять на себя ответственность» даже за не совершавшуюся ими акцию. К этому был очень склонен, например, известный чеченский террорист С. Радуев. Такого же рода «самозванные» действия поспешила предпринять японская «Красная армия» сразу после событий в США 11 сентября 2001 года, «взяв на себя ответственность» явно за У. бен-Ладена.

Практически в современном мире уже подразделяются следующие виды терроризма: террор как метод политической борьбы в мирное и военное время; индивидуальный или организованный террор как государственная политика; террор как метод внутривнутриполитической борьбы; террористические акты межгосударственного характера; международный терроризм. То есть терроризм стремительно разрастается, дифференцируется и совершенствуется.

Сентябрьская (2001 года) «террористическая атака» на США в значительной степени перевернула привычные представления о терроризме. Именно в начале XXI века он стал по-настоящему массовым. При всем ужасе того, что уже и раньше предпринималось отдельными террористами и даже государствами, человечество постепенно привыкло к сравнительно локальному терроризму. Даже десятилетия постоянного терроризма в Ирландии, Англии, Испании, Израиле или Палестине рассматривались как локальные проблемы именно этих стран и регионов. Главным фактом для современного мира стало признание международного характера терроризма, явно выросшего из локальных пеленок. Главной потребностью стала потребность в скорейшем осмыслении этого феномена. Главным вопросом стал вопрос о возможностях устранения терроризма из повседневной жизни. Однако столь же внезапно оказалось, что, при всем прискорбии признанного факта, его очень трудно быстро и однозначно осмыслить. Но еще сложнее оказалось однозначно ответить на вопрос о возможности его устранения. Более того, оказалось, что ответ на этот вопрос скорее

отрицательный, чем положительный.

Змея, пожирающая свой хвост

Внимательное рассмотрение показывает, что терроризм никогда не был, да и ныне не является сколько-нибудь самостоятельным, изолированным, самопорождающимся и самодостаточным явлением. И в политическом, и в социальном, и в психологическом, и во всех прочих планах терроризм есть всего лишь средство, инструмент для решения каких-то проблем, находящийся в чьих-то руках. Это всего лишь звено в цепочке более сложных проблем.

Известно: терроризм против государства рождает государственный терроризм. В свою очередь государственный терроризм всегда порождает попытки борьбы с ним, в которых, за неимением иных, часто используются и террористические методы. Причем чем сильнее государственный терроризм, тем большее сопротивление он может порождать. И наоборот: чем сильнее терроризм против государства, тем более сильный государственный терроризм может возникнуть в ответ.

Диалектику такого рода демонстрирует сама история. Пелопонесская война в Древней Греции привела к победе спартанской аристократии над афинской демократией. «С другой стороны, следствием спартанской победы было повсеместное торжество аристократической реакции. Спарта последовательно поддерживала близкие ей по духу олигархические режимы... Противодействие демократов порождало олигархический террор, ответом на который являлось новое революционное выступление демократического большинства. Примером могут служить события в Афинах, где летом 404 года при поддержке Спарты к власти пришла «олигархическая комиссия Тридцати», правившая затем в обстановке совершенного произвола и насилия. Выступление демократов во главе с Фрасибулом привело к падению этого террористического режима, и после ряда перипетий в Афинах была, наконец, восстановлена демократия»^[242]. Впрочем, это был всего лишь один из циклов истории.

На примере Северной Ирландии хорошо видно, как возникает порочный круг: террор порождает террор, а терроризм порождает терроризм.

Специалисты Центра исследования конфликтов при Ольстерском университете, исследуя с разных сторон многолетние взаимные террористические акции между противоборствующими сторонами в Ольстере, давно выработали так называемую кольцевую схему террора. Эта схема - своего рода «порочный круг», из которого практически невозможно вырваться, поскольку в ней действует известный «принцип домино», когда падение одной пластины неотвратимо влечет за собой падение следующей, и т. д. Действие рождает заранее запрограммированное противодействие, насилие порождает насилие, на удар следует ответ ударом. Причем «принцип домино» подсказывает и другое: формы противодействия, в целом, соответствуют формам действия. Если в игре в домино «на кону» стоит, скажем, «тройка», то вы вынуждены отвечать тоже «тройкой». Если выставили «пятерку» - тоже «пятеркой», хотя желать вы можете чего-то совсем другого. Однако нет «пятерки» - сидите смирно: пропускаете ход.

Согласно этой схеме ирландских конфликтологов, стоит хотя бы однажды, причем как угодно давно, ввести в жизнь общества фактор тотального угнетения, так оно будет пожирать последствия этого, раскручивающиеся по нарастающей, в течение многих десятилетий. Раскручивающаяся спираль не непрерывна - она включает в себя целых десять основных этапов. Беда, однако, заключается в том, что разорвать «кольцевую схему террора» можно исключительно теоретически, для умозрительного выделения этих этапов. На практике разорвать такое «кольцо террора», то есть прервать особую «психологию» его развития, оказывается невозможно. Схема исходит из того, что людям всегда свойственно недовольство. В частности, недовольство угнетением со стороны государства. Уберете недовольство - распадется схема. Не можете - получите «логику домино». И тогда схема неизбежно включает:

1) отдельные проявления протеста единиц - диссидентов, «хранителей огня» свободы; накапливаясь, они порождают лозунги и отдельные групповые акции;

- 2) групповые акции вызывают волнения - вначале в узкой среде интеллигенции;
- 3) власти всегда отвечают на это определенным ужесточением порядков;
- 4) подобные действия властей ведут к беспорядкам и разным формам саботажа, акциям гражданского неповиновения, забастовкам и т. д.;
- 5) на это власти обычно отвечают активными преследованиями и даже арестами активистов акций протеста;
- 6) в ответ на это движение сопротивления вынужденно уходит в «подполье» и оттуда организует уже нелегальные акции;
- 7) власти довольно часто отвечают на такие подпольные акции введением в разных формах военного положения, активным розыском и интернированием своих противников;
- 8) именно в ответ на это обычно следуют террористические акты: совершаются убийства, гремят взрывы;
- 9) затем, естественно, следуют суды над захваченными террористами и массовые репрессии;
- 10) после определенной паузы, это, в свою очередь, вновь ведет к волнениям, маршам и демонстрациям протеста. Появляются новые лозунги, вырастают новые протестанты. Так начинается новый раунд борьбы. Тем самым, порочный круг замыкается. Далее вновь следуют единичные, а затем и групповые акции протеста.

Судя по всему, выявленные в Ирландии звенья терроризма не специфичны только для этой страны. Исследуя причины расовых волнений в Лос-Анджелесе и других городах во второй половине 1960-х годов, повсеместно сопровождавшихся массовыми беспорядками и террористическими акциями, американские эксперты также пришли к очень примечательным выводам. Хотя волнения в разных городах проявлялись по-разному, для «всей негритянской общины было характерно чувство нескрываемого негодования». Основываясь на результатах многочисленных исследований, включая свыше 1200 интервью, взятых вскоре после волнений у различных людей, сенатская комиссия Кернера обнаружила ряд факторов недовольства, которые объединила в три группы в соответствии с их значением и «удельным весом»:

- 1) действия полиции; полная и частичная безработица; неудовлетворительные жилищные условия;
- 2) невозможность получить образование; плохое состояние учреждений для отдыха и отсутствие каких-либо программ по их улучшению; неэффективность политической структуры;
- 3) оскорбительное отношение белых; дискриминационное отправление правосудия; неэффективность федеральных программ помощи; бездеятельность муниципальных служб; дискриминационная практика в торговле и кредитовании; неадекватность программ по улучшению жизни бедняков.

Специальная комиссия Кернера подчеркнула, что действия полиции постоянно вызывают «серьезное недовольство во всех городах и часто оказываются главной причиной жалоб». Жаловались же люди на оскорбление словом и действием, отсутствие надлежащих каналов для подачи жалоб на полицию, на дискриминацию черных, работающих в полиции, и на недостаточную защиту полицией негров.

Существенно, что комиссия решительно отвергла распространенное мнение, будто зачинщиками беспорядков являются аутсайдеры, криминальные преступники или какие-то другие «отверженные» элементы общества. Напротив, было признано, что бунтовщиками и террористами в основном оказывались «подростки и взрослая молодежь, постоянно проживающие в районах, подвергшихся беспорядкам, а также разного рода недоучки (правда, более образованные, чем их соседи-негры), как правило, частично безработные и, кроме того, работники умственного труда. Они гордились своей расой, были настроены исключительно враждебно по отношению как к белым, так и к черным представителям среднего класса, были более сведущи в политике и выражали крайнее сомнение в достоинствах существующей политической системы и политических лидеров»^[243].

Это - полное опровержение теории «человеческих отбросов», которой до сих пор пытаются объяснить терроризм некоторые исследователи. Удивительно только одно. Как это, имея такой опыт, а затем еще и опыт успешного урегулирования причин расового терроризма,

американцы просмотрели неизбежное нарастание исламского терроризма? По сути, у современного исламского терроризма те же самые корни, что в свое время были у расового, негритянского терроризма. Это все тот же порочный круг.

В свое время Н. Бердяев так описывал порочный круг, сложившийся в России во второй половине XIX века, в эпоху расцвета терроризма:

«Реакционное настроение сверху и революционные настроения снизу стали нарастать, и атмосфера делалась все более и более нездоровой. Очень скоро и при дворе, и во дворянстве, по которому ударило освобождение крестьян обнаружилось реакционные настроения, враждебные реформам. По отношению к интеллигенции победила обычная регрессивная тенденция. Аффект страха стал преобладающим в правящем слое, да он и всегда был преобладающим у русской власти вследствие раскола русской жизни и неорганического характера русского государства. Началось революционное движение, которое выразилось в террористических актах против Александра II. Реакционные настроения командующих классов вызывались их интересами и страстями. Эти настроения реализовывались в репрессиях, которые в свою очередь вызывали революционные настроения и акты. Получался порочный круг»[244]. Причем он усилился появлением фигур типа Нечаева о- известного основателя революционного общества с характерным названием: «Топор или Народная расправа».

Сопоставим с тем, что последовало через сто лет после этого в США. Американцы давно констатировали: «Как мы убедились, добиться «успеха» путем насилия могут даже те, кому решительно закрыт всякий доступ к другим способам его достижения». Из этого и исходили многочисленные американские исследователи в своем понимании насилия, выливающегося в терроризм, внутри своей страны. Однако их выводы были наивны и утопичны. Так, например, они сокрушались: «Если бы удалось подчинить все вихри динамичного развития американского общества какому-то социальному контролю, то, может быть, у нас было бы меньше причин, порождающих паранойю (имеются в виду недавние политические убийства). И если бы государство действительно выполняло свои обещания, то можно было бы навсегда избавиться от того состояния разочарованности, которое приводит людей к бунту»[245]. К сожалению, все это до сих пор продолжает оставаться утопией - хотя, конечно, нельзя не признать, что за прошедшие десятилетия США добились значительных успехов по снижению масштабов терроризма внутри страны. Однако проблемы международного терроризма подчиняются, в общем, тем же закономерностям. И к нему оказались не готовы ни американцы, ни другие развитые страны мира.

Конкретный анализ подтверждает приведенные выше общие выводы - например, в отношении источников внутреннего насилия. Так, теми же американскими исследователями публично было признано: «Случаи ранений со смертельным исходом были результатом применения силы против негритянского населения со стороны полиции и подразделений Национальной гвардии»[246]. Или еще более прямо: «Созданию атмосферы, которая приводит к насилию как форме протеста, способствовал белый террор против ненасильственных действий негритянского населения. Так, например, на Юге наблюдались случаи оскорблений и даже убийств ряда рабочих-негров - защитников гражданских прав; представители власти в штатах и графствах открыто пренебрегали законами и распоряжениями федеральных властей, отказывались принимать меры по десегрегации. Это привело к тому, что некоторые группы участников действий гражданского неповиновения отказались от ненасильственных методов... и прибегли к насилию в надежде заставить власти изменить законы и порядки, с которыми они были не согласны»[247].

Из сказанного следуют, кажется, достаточно однозначные выводы. «Главный вывод становится очевидным, если связать вместе выделенный комиссией фактор белого расизма и глубокое чувство отчаяния и бессилия обитателей гетто: именно они и способствуют беспорядкам»[248]. Отчаяние и бессилие ведут к терроризму.

Еще раз обратимся к истории и сравним то, что происходило в Америке во второй половине XX века, с тем, что за сто лет до этого происходило в России. Обратимся к анализу, проделанному Л. Толстым в его специальной антитеррористической брошюре с примечательным названием: «Не убий!»

Когда венценосцев, писал Л. Толстой, убивают по суду или при дворцовых переворотах,

то об этом обыкновенно молчат. Когда убивают без суда, то это вызывает в династических кругах величайшее негодование. Однако никто в таких случаях не задается вопросом о причинах подобного терроризма. Ответ же на него часто лежит на поверхности. «Самые добрые из убитых королей, как Александр II или Гумберт, - продолжал Толстой, - были виновниками, участниками и сообщниками, - не говоря уже о домашних казнях, - убийства десятков тысяч людей, погибших на полях сражений». И далее классик писал: должно удивляться, что их, королей, так редко убивают «после того постоянного и всенародного примера убийства, который они подают людям», Л. Толстой перечислял множество примеров; это ужасные усмирения крестьянских бунтов, правительственные казни, «замаривания» людей в одиночных камерах, ссылках и дисциплинарных батальонах. Эти убийства, утверждал Л. Толстой, «без сравнения более жестоки, чем убийства, совершаемые анархистами». Хотя он и был безусловным сторонником христианских заповедей («Не убий!»), но даже он не мог не понимать вторичность антигосударственного терроризма, как бы порождаемого государственным терроризмом.

Террористы начала XX века следовали простой логике: мирная политическая борьба практически невозможна. Они считали: «за каждый мирный протест нас ожидает наглое издевательство. Выходя на демонстрацию, не успеет поднять знамя, как на нас сейчас же налетают озверелые казаки, жандармы и шпионы, и начинается дикая расправа; бьют нагайками, бьют шашками, топчут лошадьми, увозя в участок, нагло издеваются над личностью демонстрантов. Кто виноват во всех этих зверствах? Наши министры, генерал-губернаторы и губернаторы. И вот я считаю счастьем, что на мою долю выпало отомстить этому извергу... губернатору. По произволу его было пролито много крови... А за проливаемую кровь должна течь кровь угнетателей»[249].

В свою очередь, царское правительство также считало «вынужденными» все более репрессивные меры, принимаемые против террористов. В итоге змея действительно стала активно пожирать свой хвост, и добилась в этом деле весьма значительных успехов. Как известно, взаимный терроризм вызвал к жизни массовое революционное большевистское движение, которое похоронило и царский режим, и его противников-«бомбистов». Похоже, что такая логика свойственна практически любому терроризму, в любой стране, во все времена.

Вспомним: помимо гигантского потока соболезнований в адрес США в связи с террористической атакой против Америки 11 сентября 2001 года, возникали и совершенно другие реакции. В исламском мире, как известно, была и очень плохо скрываемая (а иногда и откровенно нескрываемая) радость по поводу своеобразного возмездия, которое США, с точки зрения многих, заслужили своей экспансионистской и гегемонистской политикой. По данным многих социологических исследований, люди считали: это была своего рода акция по установлению «исторической справедливости». Даже американские специалисты были согласны с тем, что операции США против Гренады, Панамы и других стран, бомбардировки Югославии и другие аналогичные акции вызвали ненависть к США во многих странах мира. Рано или поздно такая политика неизбежно должна была «аукнуться», обернувшись жесткими акциями против Америки. Так и случилось.

Нет смысла повторять многочисленные упреки, которые заслужили американцы повсеместным внедрением своего образа жизни, своих стандартов и правил игры. На деле, так называемые «универсальные» ценности оказались далеко не универсальными - тот же ислам, например, жестко отвергает не просто американскую демократию, но и культуру, и весь образ жизни. Значит, недовольство вновь породило недовольство, насилие обернулось насилием, а терроризм вызвал терроризм. Вновь повторился тот самый, явно порочный круг. Только, в случае международного терроризма, возникает уже не круг, а расширяющаяся спираль, вовлекающая все новые поколения террористов и постоянно умножающая число их жертв. И вступление США в затяжную войну против мирового терроризма - фактор расширения такой спирали. Начало масштабной антитеррористической операции со стороны США в 2001 году внезапно напомнило ту самую змею, пожирающую свой собственный хвост.

Тем более что и бен-Ладен, и укрывавший его афганский Талибан были выращены и вооружены при активном участии и на деньги США. Только выращивались они в качестве «резервного фронта» в свое время для борьбы против советского вторжения в Афганистан.

Потом не понадобились и остались как бы «брошенными». После того как их перестали кормить и поддерживать, они несколько обиделись. Осмотрелись, и решили, что их подлинный враг (как приверженцев ислама) это совсем не безбожный коммунизм, который к тому времени рухнул, а тот самый Великий Сатана - Америка. И главной проблемой для американских летчиков при бомбежках Афганистана осенью 2001 года внезапно стало не столько то, как им попасть в цель, сколько совсем другое: как бы не попасть под прицельный обстрел снизу своими же собственными, совсем «родными» американскими ракетами «Стингер», оказавшимися на вооружении талибов.

О неизбежности терроризма

Итак, насилие рождает насилие. Терроризм вызывает терроризм, и потому террор, вообще-то говоря, практически неизбежен. На фоне всех нынешних постоянных и повсеместных призывов к непримиримой борьбе с терроризмом такое мнение рискует остаться непопулярным. Однако все же продолжим еще более неожиданно: не надо бороться с терроризмом. Дело это бессмысленное и бесполезное. Когда на улицах гремят взрывы, а число террористических организаций множится буквально на глазах, и они насчитывают сотни членов (как это имеет место в сегодняшней Палестине и прилегающих к ней странах), бороться с терроризмом бесполезно. Это уже не просто терроризм - это война, и она уже идет.

Давайте поставим вопрос по-другому. Вместо того чтобы бороться с вставшим на ноги, сформировавшимся терроризмом, давайте лучше попытаемся заняться более реальным делом: устранением потенциальных причин терроризма. Это намного продуктивнее. Терроризм лучше «профилактировать» заблаговременно, уничтожая его «в пеленках» или даже «в зародыше», чем бороться с ним потом, когда он вырастет и встанет на ноги, во весь свой устрашающий рост.

Борьба со сложившимся терроризмом тяжела, всегда высоко затратна и, в целом, малоэффективна. Так уж получается, что такая борьба обычно носит не столько активный, сколько реактивный характер. Террористы всегда имеют преимущество «первого хода»: вначале они совершают террористический акт, а потом их начинают искать, ловить и наказывать. Только постфактум совершенствуются системы защиты против возможного несанкционированного доступа террористов. Всегда задним числом вводятся необходимые меры предосторожности и контроля за гражданами. Это делает борьбу с терроризмом вечной - тем более что любые жесткие антитеррористические кампании только умножают число будущих террористов, а на все самые жесткие антитеррористические действия постепенно находится эффективное противодействие. Террор действительно порождает террор, как насилие порождает насилие.

Реально, к сожалению, люди до сих пор умеют бороться с насилием только насильственными методами - а это значит, что такая насильственная борьба с террористами будет представлять собой практически бесконечный процесс.

На практике, к сожалению, от этого трудно уйти. Люди вынуждены отвечать насилием на насилие. Но сводить всю борьбу с терроризмом исключительно к такого рода «возмездию» было бы роковой ошибкой. Не секрет, что психология сотрудников антитеррористических спецподразделений мало отличима от психологии самих террористов. Сводить все только к спецслужбам - противопоставлять террору - террор, и не более того. И тогда весь вопрос сведется вместо сути всего лишь к игре в слова: что мы назовем террором, а что - антитеррором.

С точки зрения психологии терроризм - понятие достаточно относительное, как относительно и само понятие «террор», то есть - ужас. Исторически представления о том, что есть ужасное, а что, напротив, прекрасное, многократно менялись. Менялись и представления о том, чем конкретно можно ужаснуть людей. В свое время ужасной считалась смерть на костре. Ужасно было, когда человека сажали на кол, четвертовали, колесовали, вешали. По сравнению с этим современные способы умерщвления людей можно считать гуманными. Точно так же меняются и представления о терроризме. Растет общий уровень гуманности. Отказываясь от применения смертной казни, многие государства становятся менее

террористичными и репрессивными по отношению к своим гражданам. Не исключено, что со временем и терроризм перейдет к более «мягким» формам, хотя, в целом, возможна и прямо противоположная тенденция - ведь ужаснуть людей становится все труднее.

Нельзя забывать о главном. В самом конечном счете, терроризм - это, прежде всего, самозащитная реакция политического, социального, религиозного, экономического и т. д. меньшинства против тех или иных действий большинства. Реже, это реакция ущемляемого большинства. Но и в том, и в другом случае терроризм возникает тогда, когда исчерпаны все возможности диалога. Когда нет желания слышать и возможности понимать друг друга. Когда нет веры в обещания друг друга. Когда укореняется субъективная уверенность сторон в том, что больше не осталось никаких средств для эффективного взаимодействия.

Из сказанного вытекают не только причины возникновения терроризма (вообще-то, они достаточно очевидны), но и основные пути предотвращения его развития. Выделим только самые важные из них. Предварительно, однако, оговоримся: перечисляемые далее моменты ни в коем случае нельзя рассматривать как юридические, идеологические, религиозные, социальные, политические и т. д. Это, прежде всего, социально-психологические антитеррористические соображения. Они касаются всех перечисленных сфер, но ни в коем случае не сводятся к ним и не составляют их суть.

Первое. Всегда необходимо сохранять возможность диалога с террористами, то есть «держать дверь открытой» для контактов такого рода. Потенциальные террористы должны иметь возможность заявить о себе, донести свои требования, помимо организации и осуществления террористического акта. Это возможно, если терроризм носит групповой, организованный характер, но крайне затруднительно в случае индивидуального терроризма. Примерами первого рода являются достаточно частые контакты и периодически - договоренности, возникающие между английскими властями и политическим крылом Ирландской республиканской армии. Даже не устраняя полностью вероятность террористических актов, такие контакты снижают число террористических актов, делают их менее жестокими; способствуют заблаговременному получению особой, доверительной информации, позволяющей спецслужбам применять свои методы для предотвращения актов террора. Для профилактической работы в рамках индивидуального терроризма необходима система специального антитеррористического воспитания молодежи - то, что на Западе давно называют «воспитанием в духе мира». В рамках такой социализирующей системы достаточно эффективно соединяются усилия психологов, педагогов, врачей и юристов.

Второе. Государства не должны быть слишком экстремистскими ни по отношению к своим гражданам, ни по отношению друг к другу. Экстремизм порождает экстремизм, а там уже и до терроризма совсем недалеко. Надо помнить: люди создают государства для регуляции своих взаимоотношений, но это не дает государствам права угнетать людей. На понимании этого в развитых странах сформировалось то, что теперь модно называть гражданским обществом. Такое общество, развиваясь, частично отбирает у государства и принимает на себя проблемы саморегуляции, и ограничивает государство в его наиболее жестких, экстремистских проявлениях. Чем более развито гражданское общество, тем меньше оснований для возникновения терроризма - по крайней мере, внутри самого такого общества. И еще одно: гражданское общество обычно способно на самоограничения, которые необходимы для борьбы с терроризмом на том или ином этапе, в частности, в современных условиях - на ограничения некоторых привычных демократических норм жизни.

Третье. Реальное предупреждение терроризма обычно заключается в эффективном воздействии на его самые глубинные «корни». Нет смысла перечислять здесь внутренние, психологические корни - воздействие на них все еще затруднительно для человечества. Из всего уже сказанного в этой книге следует, что терроризм развивается из пяти основных «внешних» корней. Это идеологические, религиозные, социальные, политические и геополитические корни.

С идеологическими корнями все достаточно понятно. Уже на этапе появления радикальных идеологических конструкций полезно вести разъяснительную работу, хотя бы для того, чтобы предостерегать сторонников таких идеологий от излишнего радикализма. Даже в условиях самой развитой демократии государство никогда не может снимать с себя идеологическую функцию. Главная идея любого государства - поддержание стабильности

ради сохранения самого государства. При всем неприятии «разъяснительной работы» лучше заниматься ею заблаговременно, в мягких формах, чем потом делать это по необходимости и, запустив эту работу, переходить к жестким мерам, связанным с государственными санкциями и законодательными запретами, например, на фашистскую или иную националистическую идеологию, с ликвидацией соответствующих партий и других идейно-политических структур.

С религиозными корнями, в целом, тоже все очевидно. Практически все традиционные мировые религии давно уже стали «веротерпимыми». Они явно отрицают терроризм и научились успешно сосуществовать как с государством, так и друг с другом. Беспокойство вызывают так называемые нетрадиционные религии или особо экстремистские религиозные секты и организации. И здесь, совместно с церковью (как бы ни была религия отделена от государства, в рамках данного вопроса они одинаково заинтересованы в мире и стабильности), весьма эффективной является разъяснительная антирадикалистская и антиэкстремистская работа. Понятно, что это оказывается также значительно более продуктивным, чем всякого рода запоздалые формальные запреты деятельности «нетрадиционных сект» и новоявленных культов, аресты новоявленных «мессий» и «пророков».

Социальные корни терроризма обычно связаны с социальным и экономическим неравенством. Понятно, что полная ликвидация такого неравенства - социалистическая или коммунистическая утопия, связанная с никогда нереализуемой идеей достижения социальной однородности. Однако, тем не менее, часть такой идеи - создание и расширение так называемого среднего класса - в цивилизованных странах считается реальным гарантом стабильности существующего государственного устройства. Любое государство, заинтересованное в самосохранении и расширении своей социальной базы, заинтересовано в расширении своего «среднего класса». Это означает наличие такой общегосударственной политики доходов, которая позволила бы ликвидировать совсем уж обездоленные слои населения, а также определенный контроль над хотя бы относительно справедливым распределением социальных благ - так, чтобы в обществе не накапливалось психологическое ощущение слишком явного неравенства, которое нельзя преодолеть иначе, чем радикальными насильственными средствами.

Экономические корни - это не столько само по себе экономическое неравенство людей (оно, практически, вечно), сколько либо непривычность такого неравенства, либо его слишком открытый, вопиющий и потому раздражающий людей характер. Бедные не любят богатых - что, впрочем, взаимно. Однако террористические акты друг против друга они устраивают не всегда, а лишь тогда, когда разрыв между самыми богатыми и бедными становится слишком большим, психологически непреодолимым, или когда одни люди слишком откровенно нарушают экономические интересы других. В первом случае крестьяне пускали «красного петуха» в усадьбах помещиков, а рабочие громили заводоуправления и убивали их владельцев. Так возникали бунты и революции. В другом случае, уже в наше время, специально нанятые киллеры совершают террористические акты в борьбе за передел собственности - это реалии процессов приватизации и конкурентной борьбы. Экономические корни терроризма могут принимать международный характер. Тогда, возмущаясь несправедливым, с их точки зрения, международным разделением труда, появляются антиглобалисты и поднимаются на борьбу с транснациональными корпорациями и представляющими их интересы межгосударственными альянсами (вроде выступлений против Мирового банка. Международного валютного фонда, руководителей стран - членов группы G-7).

Политические корни терроризма обычно связаны с неравномерным распределением власти внутри государства. В 1995 году мне пришлось неоднократно слушать достаточно логичные рассуждения лидера Национал-большевистской партии России, писателя Э. Лимонова (Савенко) о том, что «умная власть» должна не мешать, а, наоборот, способствовать прохождению в Государственную Думу хотя бы некоторых лидеров потенциально экстремистских политических организаций. «Иначе, - аргументировал он, - им просто ничего не останется делать, как вспоминать о «бомбистах» и выходить на улицу. Чтобы не растерять своих сторонников, им придется прибегать ко все более экзотическим средствам самоподачи. Пройдет несколько лет, и уличный терроризм может стать у нас

вполне привычным явлением». Действительно, национал-большевик как в воду глядел. В 2001 году он был арестован за незаконное приобретение и хранение оружия и обвинен в подготовке к терроризму. Редактируемая им партийная газета «Лимонка» задолго до этого начала печатать соответствующие инструкции для членов НБП: например, как правильно бросать гранату и т. п.

Геополитические корни терроризма связаны с различными интересами государств и взаимоотношениями между государствами. Противоречивые интересы и обостренные взаимоотношения очень часто порождают межгосударственный терроризм. Склонность одних государств к идеологической, экономической, информационной и т. д. экспансии обобщенно проявляется в экспансии геополитической. Не случайно весь современный «цивилизованный мир» во главу угла сохранения безопасности ставит стабильность межгосударственных границ. Расценивая события Второй мировой войны как наиболее экстремальное проявление межгосударственного терроризма, большинство стран считают обязательным сохранение ее итогов - прежде всего, в геополитическом плане. Всякие попытки пересмотра этих итогов рассматриваются как покушение на стабильность послевоенного мироустройства и вызывают резкое противостояние.

Четвертое. Даже самое демократическое государство не должно допускать, чтобы демократии было слишком много. Ничего не поделаешь: демократия часто становится обратной стороной терроризма, многократно усиливая повседневные жизненные риски и предоставляя террористам слишком много свободы для их деятельности. Звучит несколько парадоксально, но «слишком много» демократии может оборачиваться со временем необходимостью введения авторитарных методов контроля за гражданами. Для того чтобы этого не допускать, необходимо плавное развитие демократического процесса. Особенно это касается тех стран, которые находятся на стадии перехода от тоталитаризма к демократии.

Резюме

Подведем промежуточные итоги. Терроризм - это завершающее звено в довольно сложной цепочке. Радикализм - экстремизм - фанатизм (фундаментализм - частный случай) - терроризм. Все начинается с некоторых крайних, радикальных взглядов и позиций людей. Не имеет особого значения, какие это взгляды по своему содержанию, главное - то, что они строятся на основе отвержения предыдущих традиций, устоев, ценностей. Позиции, требующие коренного изменения существующей реальности, даже будучи исключительно теоретическими, постепенно начинают двигать человека в крайних направлениях.

Радикализм в умах рано или поздно начинает требовать конкретных действий, склонность к таким крайним действиям на основе радикальных взглядов и требований проявляется в экстремизме. Тяга к «экстриму» наиболее развита среди молодежи, однако экстремизму подвержены разные категории людей.

Крайняя степень радикализма и экстремизма проявляется в фанатизме. Это особое психическое состояние, характеризующееся моноидеизмом; суженным, «туннельным» восприятием действительности; полным неприятием любых иных взглядов, кроме своих собственных. В основе фанатизма всегда лежит вера, не просто противостоящая рациональному восприятию, а полностью заменяющая его. На практике, выделяются четыре наиболее значимые по степени социальной опасности сферы проявления фанатизма. В соответствии с этим, фанатизм подразделяется на религиозный, идейный, политический и патриотический (националистический).

Специфичным явлением для современного мира, ставшим особенно влиятельным в последние десятилетия, является фундаментализм - одна из ярчайших разновидностей религиозного, в первую очередь, фанатизма, имеющая весьма выраженную военно-политическую направленность. Наиболее «модная» ныне разновидность религиозного фундаментализма - исламский фундаментализм, в частности, ваххабизм. Зародившись около 200 лет тому назад, ваххабизм быстро завоевал господствующие позиции в Саудовской Аравии и оттуда постепенно распространился по всему Ближнему и Среднему Востоку. Сегодня именно ваххабизм выступает в качестве главной идейно-психологической основы

международного терроризма.

Современный терроризм отличается от всех встречавшихся в прежней истории вариантов особой массовостью своих жертв и своим сложным, межгосударственным и наднациональным характером. В последние годы налицо эскалация террористической деятельности особых экстремистских организаций. Это уже далеко не случайные террористические акты плохо подготовленных партизан - теперь это организованная, часто профессиональная деятельность целенаправленно подготавливаемых в течение долгого времени боевиков или агентов. В современном мире непрерывно усложняется характер терроризма, нарастает изощренность его методов, усиливается антигуманность террористических актов, приобретающих все более массовый и, вследствие этого, жестокий характер.

Анализ показывает, что современный терроризм - не самодостаточное, самородное и самопроизвольное явление. Это всего лишь следствие определенных обстоятельств, диктующих свою логику развития. Специальные исследования показывают наличие особой «кольцевой схемы террора». Её общий принцип очевиден: насилие порождает насилие, ужас рождает ужас, терроризм порождает терроризм. Достаточно однажды ввести в то или иное сообщество людей фактор угнетения, как в течение долгих десятилетий это будет «аукаться» сильным раскручиванием уже не кольцевой, а спиральной схемы террора, активно захватывающей все новые поколения террористов и умножающей число их жертв. Наиболее частая первопричина терроризма - это неправомерное угнетение людей со стороны государства, различных его структур или отдельных представителей. Люди, испытывающие фрустрации, обладающие высокими притязаниями, но лишённые возможности их реализовать, склонны к радикализму, экстремизму и, в итоге, к терроризму.

Терроризм вызывает терроризм - поэтому он неизбежен. Борьба с терроризмом тяжела, высокочатратна и малоэффективна. Она носит не активный, а реактивный характер. Террористы имеют преимущество «первого хода»: вначале они совершают террористический акт, потом их начинают искать, ловить и наказывать. Борьба с терроризмом бесполезна. Намного продуктивнее профилактически устранять причины терроризма. В плане профилактики наиболее очевидных внешних по отношению к психике человека причин особенно выделяются идеологические, религиозные, социальные, экономические, политические и геополитические корни.

Часть 5.

Исламские террористы: от аятоллы Хомейни до шейха бен-Ладена

Рохулла Хомейни
Усама бен-Ладен

Все началось с Хомейни. До него исламского терроризма практически не было, а то, что было, можно назвать зачаточной стадией его развития. Были антиколониальные, национально-освободительные движения и войны, но не было фанатичного религиозного террора. Были алжирские террористы во Франции, ливийские в небе над Шотландией, шла война за создание палестинского государства, но это были отдельные террористические акты иной природы. Они не вписывались в рамки международного исламистского терроризма против западной цивилизации. Именно иранский аятолла Хомейни первым поднял зеленое знамя Пророка на такую, мирового уровня, высоту.

Агрессивен ли ислам изначально? Об этом можно спорить. Оценки зависят от того, боитесь вы, будучи политиком, обидеть остальных мусульман (не террористов) или не боитесь чужих обид, стремясь, как ученый, установить объективную истину. На природу ислама существуют разные точки зрения. Пример одной из них:

«Про то, что ислам агрессивен, написано немало глупостей. Виноваты масс-медиа, говорят защитники ислама. Телевизионщики и киношники в самом деле очень постарались,

чтобы при слове «ислам» люди вспоминали небритого карлика Арафата в клетчатом платке и толпы фанатиков, визжащих: «Аллах Акбар!»[250].

Противники ислама говорят прямо противоположное. Так или иначе, надо согласиться с очевидным. Как бы ни были агрессивны в прошлом христианские крестоносцы, на сегодняшний день среди существующих ныне конфессий именно ислам демонстрирует наиболее яркие формы агрессивного террористического поведения. Хотя, безусловно, не весь ислам.

Все началось с модернизации. Иранский шах Реза Пехлеви, начав «белую революцию» в традиционалистской стране, не сознавал, что он растил не «оазис Запада» на Среднем Востоке. На самом деле, он растил фигуру аятоллы Хомейни. Именно с Хомейни начался массовый захват западных заложников. Начались ритуальные убийства. Возникли первые исламистские террористические организации - та же «Хезболлах». Терроризм был возведен в ранг большой политики. Именно Хомейни можно считать родоначальником современного протестного исламского терроризма, направленного против Запада и западной цивилизации - в основном, против США и Израиля. Бен-Ладен всего лишь подхватил то самое зеленое знамя Пророка, которое выше всех поднял Хомейни.

Рохулла Хомейни

Важное значение характера и всей личности лидеров в терроризме не подлежит сомнению. Особенно это важно для понимания исламского терроризма, в котором роль психологии лидеров особенно велика. Разнородность религиозно-политических систем, как и «версий» ислама, оказывается тесно связанной с привнесениями, часто зависящими от лидера такой системы. В свое время было верно подмечено: «Ислам Хомейни отличается от ислама Каддафи или короля Халеда. Ислам Садата не похож на ислам Зияуль-Хака или Бургибы»[251]. Но вот ислам Хомейни и ислам бен-Ладена во многом близки друг другу.

Общее представление. Наиболее сложной и драматичной фигурой в исламе второй половины XX века безусловно стала фигура аятоллы Хомейни. Он первым на Востоке столь жестко и открыто противопоставил себя Западу. Он первый придал современному исламу предельно воинствующий смысл. Наконец, он первый стал использовать откровенно террористические методы для отстаивания не национальных или каких-либо иных, а именно религиозно-политических целей и ценностей.

«Зловещая фигура в чалме и черном плаще, с окровавленными руками встала над западным миром во весь свой огромный рост на тысячах плакатов в десятках исламских стран. Это он, отец современного мирового терроризма, показал зловещие примеры своим потомкам. Он не только первым прямо показал пальцем на Большого Сатану в лице западной цивилизации во главе с США. Он первым рискнул взять в заложники многие десятки американцев - работников посольства США в Тегеране. И он первым сорвал операцию освобождения заложников, которая должна была предшествовать акции возмездия. Он сорвал операцию, которой лично руководил президент США Дж. Картер, вторично одержав победу над западными «силами зла». И он удивительным образом избежал возмездия для себя, своей страны и своей религии, показав пример победы над «Большим Сатаной».

Он первым развеял образ старого доброго дедушки-священника, пятикратно на дню совершающего намаз своему мирному богу. Он первым возопил «Аллах Акбар!» во всю мощь - так, что эхо до сих пор разносится по всему миру. После него никто не может говорить о миролюбивой сущности ислама. За внешним миролюбием этой религии стоит кровожадное стремление к мировому панисламистскому господству и уничтожению неверных-«кяфиров». Создав в Кумах прообраз «идеальной исламской республики», он реально приступил к осуществлению планов захвата всего мира для господства исламской уммы. Он стал исламским Пророком XX века - реальным продолжателем дела Мохаммеда, переняв эстафету и продолжив дело ваххабитов-фундаменталистов. Он добился того, что у мусульман появился новый боевой клич: «Хомейни Акбар!» И еще неизвестно, чем аукнется это в ближайшие десятилетия»[252].

Теперь это уже хорошо известно: сторонники «братства бен-Ладена» вполне серьезно

готовы провозгласить новый, еще более современный клич: «Усама Акбар!» Дело Хомейни быстро нашло своего преемника - столь же коварного, хитрого и психологически двойственного во всех своих проявлениях. Личные впечатления многих психологов от непосредственного восприятия фигуры Хомейни (в том числе и мои собственные, к сожалению достаточно ограниченные) удивительно совпадают в главном: его выступления производили на людей с западным менталитетом страшное и зловещее впечатление. Можно сказать, что от него всегда веяло огромной негативной энергетикой деструкции.

Парадоксально, но исламская аудитория всегда воспринимала его прямо противоположным образом: она заражалась энергетикой своего, особого исламского созидания через разрушение чуждого для них - прежде всего, через разрушение иной, западной цивилизации. Для сторонников Хомейни это был способ психологического сплочения и даже соития на старой как мир основе: «Против кого дружить будем?» Он показывал эту основу - и правоверные сливались в своем, только им присущем экстазе.

Однако дело не в оценках и впечатлениях, и даже не в заманчивых исторических параллелях. Дело в том любопытном психологическом родстве, которое имеют между собой две безусловно наиболее знаковые для современного ислама фигуры - Р. Хомейни и У. бен-Ладена. Суть родства - раздвоенное, маргинальное положение, которое они объективно занимали между традиционным исламским и модернизированным западным обществами. Это привело к двойственности их психологии, в которой одна часть вступила в конфликт с другой и как бы «возненавидела» ее. Психологически это два примера расщепленного и внутренне конфликтного сознания, приближающегося к патологии. Того самого сознания, которое как раз и отличает психику террориста. Именно эта конфликтная двойственность стала основой их действий.

Парадоксальность и непоследовательность решений и поступков Хомейни в свое время крайне затрудняла понимание проводимой им политики и ее перспектив. Вместе с тем очевидно, что эта парадоксальность и непоследовательность, непрерывно отражавшиеся на внутренней и внешней политике Ирана, стали отражением двойственной психологической природы личности самого Хомейни. Такая двойственность вообще присуща исламским лидерам, но именно в Хомейни она нашла свое максимальное выражение.

В Хомейни сочетались два, казалось бы, взаимоисключающих типа личности: традиционный восточный религиозно-фанатичный лидер ислама и политик-функционер манипуляторского типа, откровенно западного образца. Причем, сосуществуя, первый ненавидел второго. В такой постоянной внутренней борьбе и жила эта сложнейшая личность. Внешне доминировало первое - «харизма» личности традиционного типа давала Хомейни невиданную популярность и тот «кредит доверия», который необходим для легитимности любой власти. Однако осуществлять реальную политику и просто удерживать власть в современном, уже далеко не традиционном мире нельзя старыми средствами харизматического лидера. Для этого нужно быть гибким политиком. Сочетание традиционности с индивидуалистичностью породило сплав, за которым, однако, стояла не всегда улавливаемая наблюдателями двойственность.

Не видя ее, некоторые журналисты красиво определяли Хомейни как «человека седьмого века, ворвавшегося в двадцатое столетие со скоростью летящей пули, движимой силами прошлого... Кто знает, что разнесет эта пуля в настоящем или будущем?» - ставили они риторический вопрос. Однако уже в январе 1979 года, незадолго до приезда Хомейни в Иран, более проницательные аналитики писали точнее: «...он является одновременно большим традиционалистом и в то же время вполне современным лидером»^[253].

Понимание такой личности требует особого подхода. В ее поведении следует обозначить несколько линий, каждая из которых сама по себе поддается логическому анализу и даже прогнозированию. Сложность, однако, в том, что реальное поведение определяется всем взаимодействующим комплексом этих линий. А предвидеть, в каком соотношении между собой окажутся эти линии в тот или иной момент, крайне сложно.

Примеров неудачного прогнозирования поведения Хомейни и политики Ирана немало. Один из ярких - это отказ Дж. Картера и З. Бжезинского еще в 1978 году послать в Париж к Хомейни специального эмиссара для переговоров. Американские политики не принимали Хомейни всерьез, и проиграли, сделав ставку на шаха. Есть и другие примеры стратегических

ошибок. «Не будет нереалистичным предсказать будущий сценарий западно-исламского компромисса, вытекающий из единства экономических интересов, которые усилены негативным восприятием и в западном, и в исламском мире советских целей и намерений», - считал Р. Декмеджян, профессор политических наук университета штата Нью-Йорк[254]. и тоже ошибался. Г. Х. Рази из Хьюстонского университета писал, что революционная ситуация в Иране развивалась по «хорошо известной схеме», но администрация Картера недооценила, дескать, научные данные, а также информацию ЦРУ, Пентагона и госдепартамента[255].

Однако эта оценка была сделана спустя два года после прихода Хомейни к власти. В целом же Запад до сих пор плохо понимает, что представлял собой «феномен Хомейни» и чем он обернулся спустя два десятилетия,

В свое время западные аналитики видели три возможные модели развития Ирана: хаос и возможная дезинтеграция государства; диктатура; конституционная демократия. На деле ни одна из них не состоялась в «чистом виде». Элементы хаоса есть до сих пор. Дезинтеграция порождается конфликтами этнических, религиозных и социальных групп иранского общества, многочисленными факторами внутреннего терроризма. Ее социальные последствия усилены отсутствием квалифицированных кадров, что является следствием кампаний против интеллектуалов, развязанных еще Хомейни, долгой войны с Ираком, истребления левых сил и т. д. Не похожа ситуация и на конституционное развитие. Хотя какие-то его элементы и появились (деятельность правящих органов основана на конституционной демократии, существуют социальные институты президента, премьер-министра и меджлиса), но в целом это трудно назвать конституционным развитием.

Существует ли ныне в Иране диктатура? Вопрос не прост. Еще в 1979 году аналитики писали: «Если события будут развиваться в таком направлении, мы можем прийти к «теомедииократии» на базе фашиствующего популизма»[256].

Динамика действий Хомейни после прихода к власти (особенно в 1982-83 годы) создала предпосылки для такого варианта. Сложившаяся религиозно-политическая система была полностью подчинена одному человеку, центрирована на нем и представляла, по сути, простой механизм реализации его личностной модели мира. Опасность обострялась тем, что массы сами наделили Хомейни традиционной неограниченной властью, и они же сами требуют от него ярких, индивидуалистических проявлений. Однако сегодня, спустя два десятка лет, наличие элементов нескольких форм правления и отсутствие единой системы упирается в старый ответ: в Иране до сих пор действует увековеченная традиционно-индивидуалистическая личностная система управления Хомейни. В основе это диктатура, но значительно ослабевшая после смерти диктатора.

Попытка создания политико-психологического портрета основоположника современного исламского терроризма выявляет тенденции, вытекающие из рассмотрения реальных действий и стоящих за ними иногда известных, а иногда скрытых причин. Но эти тенденции позволяют, на примере Хомейни, понять некоторые истоки двойственности личности религиозного лидера - одной из психологически важных основ исламистского терроризма.

Маска традиционной личности. Ответ на вопрос о том, почему именно традиционная религиозная фигура лидера встает во главе политики в исламе, достаточно понятен. Во-первых, ислам никогда не проводил различия между религией и политикой. Во-вторых, в большинстве мусульманских стран просто нет другой, нерелигиозной силы или организации, которая могла бы руководить, вдохновлять и направлять борьбу против той «вестернизации», которую после Второй мировой войны все более и более активно навязывали Востоку развитые страны Запада. В-третьих, благодаря улемам и их влиянию ислам служил главным источником формирования кадров для руководства этой борьбой.

Популярность традиционной маски в Иране была естественной реакцией на откровенно индивидуалистическую личность шаха. Хомейни пришел к власти как антитеза индивидуалистичности, как олицетворение традиционности. Ш. Бахтияр - премьер-министр последнего шахского и, одновременно, первого революционного правительства, прямо заявлял: «Хомейни - это отрицатель, разрушитель, невежда... я говорю «нет» диктатуре мулл... Мы не хотим заменять одну, уже изжившую себя диктатуру, другой, набирающей все больше сил»[257].

Диктатура индивидуализма оказалась в конфронтации традиционному обществу во многих отношениях. Психологически наиболее существенным было разрушение традиционных норм, ценностей и образцов поведения. Шах вводил новую, западную («вестернизированную») индивидуалистическую мораль. Социально-экономические реформы «белой революции» привели к отрицанию традиционного типа личности исламского шиитского общества. Однако появление нового типа личности ~ функционера западного образца, легко усваивающего социальные роли и столь же легко меняющего их в соответствии со своими индивидуалистическими интересами и политической конъюнктурой, одевающего «личину» в согласии с требованиями-ожиданиями окружающих, но всегда использующего эту личину лишь как удобную для себя маску, - было не подготовлено. По сути, тогда еще просто не сложился социально-психологический тип личности, который мог бы составить социальную основу режима шаха и его прозападных реформ. Именно поэтому традиционное общество взбунтовалось и взяло себе в лидеры супертрадиционную, как казалось большинству, личность Хомейни.

Верность шариату была лишь одной стороной его маски. Традиционность носила более глубокий характер. Это, прежде всего, традиционность власти. Она в шиизме держится на двух моментах. Во-первых, лидер должен принадлежать к «семье пророка», то есть быть потомком зятя Мухаммеда-Али от его брака с дочерью пророка Фатимой. Во-вторых, он должен быть по крайней мере выразителем воли двенадцатого из числа «праведных имамов», Махди, который был «сокрыт» Аллахом от органов чувств непосвященных («взят живым на небо»), но который «зрим сердцами верующих» через правящего ныне имама. Все правоверные живут ожиданием возвращения «сокрытого» имама («тогда наступит царство Аллаха на земле»), и каждый временный правитель, в принципе, является узурпатором - вопрос лишь в том, представляет он праведного имама или нет, а если представляет, то насколько.

Для того чтобы прийти к власти, Хомейни должен был быть традиционной личностью как внешне - по поведению и декларациям, так и внутренне - по праву на власть. Удовлетворить первое традиционное требование было просто. Несложно и принадлежать к алидам - потомкам халифа Али: в современном Иране насчитывается более 600 тысяч саидов (потомков семьи пророка) и 500 тысяч полусаидов, принадлежащих к этой семье только по материнской линии. Связь же с «сокрытым имамом» обеспечивалась постепенно, и помогали в этом тысячи мулл и сотни моджахедов шиитского Ирана, выдвинувших Хомейни в качестве своего главного представителя, выделяющегося из ряда других аятолл. Так он, используя уже имевшиеся традиционно-личностные качества, приобрел важнейший компонент маски традиционного лидера и стал «выразителем воли небес» и «тенью Аллаха» на земле.

Хомейни не раз заявлял, что идеальное исламское правление было при халифе Али. Он открыто ратовал за форму государственного правления, воплощенную в исламской республике, живущей по законам ислама, исходящим непосредственно от Аллаха. И хотя, конечно, Хомейни едва ли был «сокрытым» двенадцатым имамом, он, судя по всему, верил, что представляет его. Западные наблюдатели считали: «Он убежден - его авторитет ниспослан ему свыше». Хомейни и его окружение верили, что он «располагает разумом, способным к постижению таких глубин мысли, которые уподобляют его «сокрытому имаму»[\[258\]](#).

Сказанное подводит к истокам понимания двойственности личности Хомейни. Психологически все достаточно просто: те компоненты «харизмы», которые уже сложились, поневоле заставляли его самого в них верить. Здесь нельзя говорить о какой-то мании величия - дело в том, что в шиизме духовное лицо (а Хомейни с 27-летнего возраста преподавал теологию) просто обязано верить в то, что является наместником имамов и пророков. За этим стоит вся система исламского образования и воспитания. Хомейни был обязан, следуя этой системе, верить в непогрешимость «должности» имама (то есть, в свою собственную), после того как был провозглашен имамом. Обязан он был верить и в то, что со времени «сокрытия» двенадцатого имама Аллах не оставлял людей без своего наместника или кого-то, кто может получить доступ к разуму «сокрытого» имама. Кстати, даже не имея систематического религиозного образования, в то же самое обязан верить и Усама бен-Ладен.

Такая вера в собственную супертрадиционность неизбежно порождает веру в свою исключительность. Антииндивидуалистическая, традиционно-восточная личность, как бы

растворенная во взаимоотношениях с другим людьми и лишь выражающая их волю, будучи вознесенной на пьедестал, быстро оборачивается своей индивидуалистической противоположностью. И тогда «традиционность» становится просто маской - той социальной ролью, которую надо исполнять как можно лучше.

В этом случае не просто продолжают, а постоянно нарастают традиционные декларации. Вспомним: «Мы будем экспортировать нашу революцию во все точки земного шара и не сложим оружия до тех пор, пока во всем мире не будут раздаваться возгласы: «Аллах велик! Мухаммед - посланник Аллаха!»^[259]. Но за этими привычными декларациями рано или поздно появляется новый, уже нетрадиционный смысл. Сам психологический механизм культа традиционной личности ведет к тому, что в умах верующих вначале вместо Аллаха подставляется пророк, затем - «сокрытый» имам, и наконец, сам Хомейни как нынешний выразитель воли Аллаха. Отсюда же следует и развитие «мухаммедоподобных» черт характера и личности Хомейни.

Судя по всему, с определенного момента он начал просто играть роль пророка, гипертрофируя свою индивидуальность. За этим стоит определенная теологическая казуистика. Согласно таухиду (одному из постулатов ислама, означающему единобожие и приведение различных сфер жизни в соответствие с требованиями ислама), идеальному обществу Аллаха, которое собирался строить Хомейни, соответствуют идеальная идеология (ислам) и идеальная личность. Однако парадокс в том, что для осуществления идеальных целей такая личность должна быть не идеальным, а трезвым реальным политиком (каким, в частности, был Мухаммед). Для этого нужна абсолютная единоличная власть и право на неограниченное проявление своей индивидуальности - ведь именно индивидуалистические черты политика западного толка, которые не могли не развиться у Хомейни за долгие годы европейской эмиграции, дали ему возможность осуществлять реальную политику.

Некоторые исламские теоретики выдвигают мысль о том, что шиизм можно рассматривать как вполне сформировавшуюся политическую партию^[260].

Это - вторая сторона «Хезболлах» как «семьи Аллаха». Она близка к идеальной и совершенной партии (хезб-е тамам) всевышнего. Именно она, во главе с идеальным лидером, и строит идеальное государство. Но строительство это идет во враждебном, западном или прозападном окружении, а бороться с Западом следует, используя и его собственные, индивидуалистические методы. Так традиционный лидер получает право на их использование. Больше того, он уже как бы обязан их применять ради достижения идеальных целей. Однако успешно бороться чужим оружием, противостоя Западу в конструктивно-соревновательном плане, оказалось крайне сложно - если не невозможно. Вот тогда, за неимением иных средств, появляется терроризм.

Среди основ политического развития Хомейни, как известно, были труды аль-Фараби. Модель политического лидера («правителя», «законодателя», «имама») в этих трудах можно назвать восточной версией «Государя» Н. Макиавелли. Двойственность, приверженность принципу основателя ордена иезуитов И. Лайолы («Цель оправдывает средства»), умение быть «львом и лисицей» одновременно, выражать традиции и одновременно изменять их в угоду себе - вот что вошло в сущность личности Хомейни. Психологически это любопытно: не такими уж противоречивыми оказываются иезуитское христианство и исламская политика. При всех внешне непреодолимых различиях природа религиозно-политической психологии имеет немало общего.

Возьмем принципиально важный пример. Казалось бы, сугубо духовный, высоко моральный традиционный правитель исламской страны не должен быть заинтересован в создании мощного аппарата подавления недовольных и других аналогичных атрибутов «вестернизированного государства». Однако вскоре после прихода к власти Хомейни настоял на принятии в Иране новой конституции, легализовав свою абсолютную власть, и включил в нее специальную главу «О правлении факиха», гарантировавшую ему единоличное правление с опорой на жесткие карательные структуры. Повсеместно были введены жестокие шариатские суды. Словосочетание «главный палач Ирана» стало обозначать не публицистический образ, а всего лишь государственную должность. И если дело не доходило до средневековых костров на манер европейской католической инквизиции, то публичные казни получили легальное право на жизнь.

Психологически после этого Хомейни уже не выражал никаких традиций, надежд и чаяний населения, а воплощал себя и свою личность в политике Ирана, подкрепляя это и конституцией, и соответствующими государственными институтами, и просто силовыми структурами, осуществлявшими жесткий внутренний террор. Известны предельно натуралистические описания того, например, как Корпус стражей исламской революции (исламская полиция Хомейни) просто вырезал активистов Народной партии Ирана, имевшей свои обкомы практически во всех провинциях страны. Надо отметить, что руководство НПИ в начале исламской революции понимало роль личности Хомейни в развитии событий. «Все зависит от Хомейни, - заявлял в то время генеральный секретарь Н. Киянури. - Он пользуется поддержкой народа. Если он займет более правые позиции, народ последует за ним. Если он постарается помешать ускорению хода событий, то только он может сдержать натиск консерваторов... Вся наша политика направлена на то, чтобы не отдать Хомейни исламским правым силам». В январе 1979 года Н. Киянури положительно отзывался о Хомейни, заявляя, что «научный социализм и ислам не противоречат друг другу», и «коммунисты и Хомейни могут идти вместе практически до конца», «неограниченно долго помогая и содействуя друг другу». Трудно анализировать причины трагедии НПИ - она стала жертвой террора Хомейни. Исключительное внимание к личности аятоллы помешало увидеть социальные, экономические, политические аспекты развития событий. Возможна и принципиальная ошибка в оценке Хомейни. Имам оказался не марионеткой, поведение которой зависело от «равнодействующей» «левых» и «правых» влияний. В своеобразной ситуации антишахской революции Хомейни оказался личностью, которая была способна играть с левыми и правыми, балансируя до поры между ними, жонглировать ими, вознося то одних, то других. И попеременно выступая против них.

Так он избавлялся от потенциальных конкурентов в борьбе за власть.

Это началось давно - в начале января 1979 года, когда шах был еще в Иране, и Хомейни считал, что «массовые демонстрации в день поминовения усопших были своего рода референдумом в его личную пользу и что, следовательно, он уже имеет право назначать членов национального совета»[261].

Так уже тогда проявился незамеченный ранее индивидуализм Хомейни. Но это было только начало.

Индивидуализм в традиционной маске. Хомейни - это не традиционная личность муллы-фанатика. Не был он и «идеальным вождем» масс или человеком, обладающим различными интеллектуальными достоинствами (как рисуют его сторонники). «Правильнее всего назвать его традиционным духовным вождем иранского народа, всячески старающимся приспособить свое мышление к меняющейся обстановке», - писала лондонская «Гардиан»[262]. Суждение мягкое, но суть уловлена. «В действительности, - полагал Базарган, - аятолла всегда был антимулла. Но по возвращении он все больше испытывал давление мулл, ибо они составляли его непосредственное окружение и были далеки от того, чтобы быть прогрессивными»[263]. Так возникает образ нетрадиционного по стилю и методам реального политика, который надел маску традиционалиста пусть неосознанно, но под влиянием и в угоду приведшим его к власти муллам и обстоятельствам.

Хотя сам Хомейни настаивал на неразрывной связи религиозных традиций и веры с реальной политикой. «Я действую, - любил повторять он, - потому что я верую». Он провозглашал, что политический и религиозный лидер в исламе не просто может, а даже обязан поступать независимо от каких бы то ни было «групп давления», «классовых интересов» и «сложившегося соотношения сил». Согласно Банисадру, слова которого приводят французские исследователи, «потому, что аятолла Хомейни вновь придал политическому исламу весь его смысл, ему удалось найти в арабском и мусульманском мире такую громадную аудиторию»[264].

Таким образом, вознесение индивидуальности оказалось не противоречащим традиционалистским чертам личности - оно лишь подлило масла в огонь популярности Хомейни. Парадокс личности Хомейни был заключен в едва ли превзойденном кем-нибудь умении сочетать две грани. Будучи образцом традиционной личности, он был олицетворением Пророка и даже всего ислама для своих сторонников.

Восток всегда персонифицировал политические позиции, идеологии, взгляды. Годы

эмиграции, воспитавшие в Хомейни политическую индивидуальность, дали ему свой, индивидуальный ислам. И тогда он сумел удовлетворить и ожидание ярких, индивидуалистических черт, типичное для исламских масс, - он продемонстрировал сугубо индивидуально-личностную модель ислама и «нового исламского порядка». Это легко наложилось в глазах верующих на ожидания «сокрытого» имама, который «потрясет мир» своей индивидуальностью, и дало право Хомейни на своеобразное сочетание традиционного и вместе с тем индивидуалистического поведения. Тогда он и стал приводить реальный мир в соответствие со своей индивидуалистической моделью, в центре которой стоял он сам. Он начал накладывать свой личностно-психологический образ мира на политическую реальность. Для этого же он использовал жесткие, средневековые, террористические методы.

Это имело серьезные последствия. Среди причин продолжения ирано-иракской войны, например, немалую роль сыграли притязания Хомейни на роль единственного законного выразителя воли Аллаха для всего исламского мира. Если, по его мнению, суннитское правительство Ирака не признает это (а суннитские каноны не признают необходимость обязательной персонификации Аллаха в лице имама на земле, и суннитское духовенство не было уверено в личных «божественных связях» Хомейни), то горе правительству Ирака. Сюда добавляется и высылка Хомейни из Ирака - в свое время тамошнее правительство сочло его «неудобной персоной» (как и Судан, впоследствии выдворивший У. бен-Ладена - эмигранта из Саудовской Аравии). Была и еще одна сугубо личная и психологически очень важная причина, о роли которой не следует забывать, - смерть сына Хомейни, убитого в Ираке. Так индивидуально-психологические моменты влияли на «картину мира» Хомейни, искажая реальность в угоду личностной значимости тех или иных событий для него. И это определяло проводимую им террористическую государственную политику.

Поскольку его устами «говорит Аллах» и его руками он действует, то похоже, что Хомейни психологически действительно был убежден в абсолютной истинности своей индивидуальной картины мира. Тут он и начал «играть» с реальностью, противопоставляя себя внешнему миру. Это представляет собой важнейший момент, поскольку именно эта «игра» была связана с использованием откровенно террористических методов теперь уже не только во внутренней, но и внешней политике - то есть с международным терроризмом.

«Захватив в заложники работников американского посольства и членов их семей, Хомейни пошел, с точки зрения западной цивилизации, на тягчайшее преступление. Для Ирана это выглядело несколько по-другому. С одной стороны, персы никогда не воспринимали дипломатическую неприкосновенность по-европейски обостренно. Свидетельство этого - убийство главы российской дипломатической миссии, писателя А. С. Грибоедова еще в XIX веке. С другой стороны, посланники Великого Сатаны и не вправе были рассчитывать на неприкосновенность - такова логика ортодоксального ислама. Наконец, лично для Хомейни это был вполне приемлемый, хотя и террористический, способ показать свою силу как внешнему миру, так и своим почитателям внутри мира исламского. Разумеется, он показал этим, что жизнь и здоровье неверных не представляют для него никакой особой ценности - но ничего удивительного или даже нового в этом не было. Уверовав в свою миссию, возомнив себя «мечом Аллаха», он считал террористические приемы вполне оправданными средствами борьбы. Конечно, не всякий может применять такие методы - не всякому даже му- сульманину дано стать «мечом Аллаха». Хомейни был уверен в том, что он - «воин Аллаха» и «шахэд» в самом истинном смысле этих слов. При случае он был вполне готов к тому, чтобы превратить в шахэдов всех жителей Ирана - если бы страну постигло возмездие. Ему хотелось поразить Запад, применяя к нему те методы, которые считались вполне естественными внутри исламского мира, - и это ему вполне удалось»[265].

История с захватом американских заложников по своей психологической подоплеке может рассматриваться как попытка индивидуально-личностного противостояния Хомейни всей мощи Америки, своего рода пробой сил для него[266]. Девизом его действий стало кредо исламских теоретиков-фундаменталистов: «Теперь наша очередь вводить новшества, проводить модернизацию, не порывая с нашей культурной индивидуальностью, извлекать пользу из уроков, полученных от Запада, привлекая положительное, отвергая отрицательное, и обогащать человеческое существование нашим собственным, новым вкладом»[267].

То, что акция с заложниками была индивидуальной акцией Хомейни, подтверждается

тем, что его действия противостояли не только западному, но и мусульманскому миру. Более того, индивидуализм Хомейни дошел до противостояния Корану. Аятолла Шариат-Мадари (второе лицо в иерархии иранского духовенства) в то время категорически считал, что захват заложников есть «злоупотребление исламом». Сам же он «никогда в жизни не был более разгневан... из-за искажения подлинного образа ислама»[268]. По его мнению, ислам с уважением относится к иностранцам-немусульманам, а ограничение физической свободы человека запрещено Кораном, за исключением только тех случаев, когда человек лично виновен в преступлении. Заложники и пленные, по версии аятоллы Шариат-Мадари, могут выкупаться или обмениваться даже во время военных действий. Согласно мнению многих исламских теоретиков, удержание заложников было простым похищением, то есть преступлением, с которым ислам не имеет ничего общего. Своими явно террористическими действиями Хомейни усилил ту оппозицию, которая складывалась в отношении его единовластия в теологических кругах. Однако это его мало тревожило - за счет подобных акций популярность лидера росла среди рядовых приверженцев ислама. Что еще раз подтверждает: откровенно антизападный террористический ислам был личной версией Хомейни. Тем самым, именно он стал духовным отцом-прародителем воинствующего ислама для современного мира.

Хомейни вступил в противоречие пусть не с Кораном, но - и это даже существеннее - с традиционными представлениями об исламе и функциях личности традиционного исламского лидера. Индивидуализм Хомейни был настолько противопоставлен в этот момент образу традиционного лидера, что многие влиятельные и высокопоставленные единовластцы как в Иране, так и за его пределами считали, будто он находится «не в своем уме». Так высказывался, в частности, влиятельный индонезийский теолог Абдель Керим Малик Амрулла.

Между тем Хомейни был всего лишь, если можно так сказать, «не в их», традиционно-исламском уме, а как раз в «своем», индивидуалистическом уме. Он действовал по правилам, но это были правила совершенно другой, нетрадиционной игры. Это был чистой воды вестерн, действия мафиози-террориста американского или западноевропейского образца. Просто постулаты Корана не устояли перед тем самым принципом основателя ордена иезуитов И. Лайолы: «Цель оправдывает средства». Цель - шахские авуары в американских банках - явно стоила такой игры. О том, что Хомейни отнюдь не бессребреник, говорит такой факт: по сведениям шахского правительства, только за 1978 год лично Хомейни получил в виде даров 25 миллионов долларов[269]. А позиция харизматического лидера уже давала такую возможность. Опять, как и в отношении к Ираку, против которого была начата война, действовала индивидуалистическая логика - если действия Хомейни не соответствуют Корану, тем хуже для Корана.

Корни личных мотивов в действиях Хомейни в истории с заложниками можно проследить еще дальше. Вспомним: шах - личный враг для него. Ясно, что 15 лет на чужбине не могли не стать годами мучительных переживаний для Хомейни - ведь изгнавший его шах преуспевал. И вот появилась возможность добить поверженного противника, отняв у него накопленные средства к существованию, довести до пусть относительной, но все же «нищеты», заодно еще раз противопоставив себя и шаху, и Америке. Утвердить свою личность в глазах всего мира, да еще и продемонстрировать свое право на персональную трактовку и Корана, и всего ислама, - такой комплекс индивидуалистических мотивов представляется вполне вероятным в решениях и действиях Хомейни.

Отметим еще одну деталь, которая не могла не отражаться на его решениях и действиях. И западная, и иракская пропаганда против Ирана носили в то время отчетливо личностный характер, направленный прежде всего лично против Хомейни. Началось это с действий шаха и его окружения, которые не стеснялись в средствах в борьбе против аятоллы. Приведем только один пример: 7 января 1978 года официальная тегеранская правительственная газета вдруг объявила, что Хомейни «вовсе не иранец, а подкупленный англичанами гомосексуалист»[270]. Это было весьма чувствительным личным оскорблением. Похоже, что индивидуалистическая направленность поведения Хомейни развивалась и подкреплялась еще и такими выпадами.

Противоречия двойственной личности. Сочетание традиционного и

индивидуалистического в одной личности не проходит безболезненно для нее. Внутренний конфликт достаточно часто порождает внешнюю агрессию. Не миновал этого и Хомейни.

В своих политических проявлениях Хомейни был весьма противоречив. Как известно, он выступал против американского империализма, считая его «Великим Сатаной», но вполне терпимо относился к другим западным странам - например, к ФРГ. Протест против американизированных форм жизни до сих пор носит в Иране не всегда последовательный характер. Похоже, что Хомейни использовал это для того, чтобы легче было сочетать свой традиционализм (в частности, внешний фанатизм в отношении США) с индивидуальностью в политике. Получалось, что один, традиционный, Хомейни воевал с «Великим Сатаной», поносил СССР, физически уничтожал промосковскую партию Туде. Совершенно иной Хомейни - реальный политик - возвращал западным владельцам ранее национализированные предприятия, продолжал торговые отношения с капиталистическими странами, поносил «безбожный коммунизм», но все-таки сохранял связи с СССР.

Традиционный Хомейни-фанатик требовал строжайшего соблюдения всех законов шариата. Однако реальность показала, что буквальное следование предписаниям ислама и их законодательное закрепление не дали желаемого результата. Жестокие наказания, выносимые религиозными судами за малозначительные проступки, призывы к тотальному джихаду - все это привело к тому, что вместо сплочения вокруг себя всех мусульман в определенные периоды стали проявляться очевидные признаки изоляции правительства Хомейни. Тут и кончились традиции, началась реальная политика, и появился совершенно иной Хомейни. Этот другой Хомейни в реальной политике, где ставкой является индивидуальная власть, жонглировал членами своего правительства в поисках «козла отпущения», на которого можно было списать непопулярность тех или иных решений, дабы избавиться от изоляции. Он манипулировал политическими партиями, то вознося одни и подвергая репрессиям другие, то, наоборот, меняя их местами на качелях власти.

В Нофль-ле-Шато, под Парижем, перед возвращением в Иран, он заявлял, что мусульманское правительство обеспечит свободу слова и мысли всем, в том числе и неверующим, коммунистам и религиозно-этническим меньшинствам. Единственным условием было, чтобы они не занимались подрывной антигосударственной деятельностью. Это было в традициях ислама. Однако, вернувшись в Иран, Хомейни отказал в обещанной свободе, например, поддерживавшей его левой группировке «федаинов иранского народа», а затем санкционировал и их физическое уничтожение. Причем это не единственный пример. Однако такие акции - вполне в правилах игры политика-индивидуалиста. Находясь в оппозиции, Хомейни провозгласил лозунг «исламской демократической республики» и отказался от него, придя к власти. Согласно официальной версии, слово «демократический» соответствует исключительно западной, «сатанинской» организации общества. На деле это обернулось уничтожением всех демократических свобод в Иране.

Можно сказать, что Хомейни как бы метался между «двух огней»: традиционными и индивидуалистическими компонентами своей личности. И это не только его проблемы - с ними сталкиваются многие политики, поскольку, традиционализм и индивидуализм являются двумя крайностями, между которыми ищут свой путь многие лидеры в исламских религиозно-политических системах. Традиции исламских стран требуют от традиционного лидера целостности и как бы растворенности личности в отношениях с другими людьми. «Корни и интерпретации учения Мухаммеда диктуют правила поведения человека от колыбели до могилы». Однако отношения могут быть очень разными. Не зря сказано: «Мухаммед и его преемники были не только духовными (религиозными) лидерами, но и главами правительств, главнокомандующими армиями»^[271]. Хомейни был не только «голосом Аллаха» - он хотел быть его «мечом». И терроризм здесь был очень удобен.

С точки зрения психологии, новейшая история исламских стран во многом может быть представлена историей терроризма, возникающего как следствие двойственных маневров их лидеров. Причем обратим внимание: терроризм может быть как инициированным ими, так и направленным против них. Часто, однако, соединяется и то, и другое.

В истории исламских стран, пожалуй, только такие деятели, как М. Ататюрк и Г. Насер до определенной степени соответствовали образу целостной личности (хотя М. Ататюрк в

отдельные моменты и пытался разделять религию и государство, а Г. Насер лишь использовал религиозную фразеологию, не будучи религиозным лидером). После их ухода со сцены в исламском мире наступил своего рода «личный вакуум». То, что в большей или в меньшей степени удавалось совмещать Атанюрку и Насеру, все-таки умевшим ставить свою индивидуальность на службу своим странам, не всегда удавалось последующим персонажам. Секуляризация, вестернизация и отход от традиционализма в сторону индивидуалистических моделей поведения привели к усилению давления исламистов в Египте, и в итоге, к насильственной смерти А. Садата, который неудачно пытался опереться на ислам. Кэмп-дэвидский договор, согласно которому святые места мусульман остались под контролем Израиля, был последней каплей, вызвавшей отщепенство. И здесь терроризм стал исламистской реакцией на попытки модернизации,

М. Айюб-хан не верил, что ислам способен обеспечить целостность Пакистана. Отказ от традиционных моделей и тут привел к печальным последствиям. По сути, Айюбхана ждал путь иранского шаха. З. Бхутто, придя к власти с помощью традиционалистских сил и соответствующей модели политического поведения, затем недооценил роль армии («военного компонента» в целостной модели личности Мухаммеда), попытался ограничить влияние исламского духовенства и, наконец, сузил социальную базу своего правительства - от опоры на массы перешел к опоре на олигархию. И опять - откровенная индивидуалистичность быстро привела к печальному концу. Последующие правители Пакистана предпринимали определенные шаги на пути придания стране и власти внешних атрибутов «подлинно исламского государства» с доминированием (хотя бы внешним) традиционалистских моделей поведения. Во всяком случае так считали западные аналитики, отмечавшие, что президент Зияуль-Хак неоднократно высказывал одобрение и поддержку Хомейни[272].

Не будучи образцом традиционной личности, Зияуль-Хак пытался маскировать традиционализмом свою индивидуальность - в этом, видимо, можно усмотреть его некоторое психологическое «сходство» с Хомейни. Правда, у последнего это носило более искренний характер. Обратим, однако, внимание на то, что они оба не гнушались использовать террористические методы.

Нельзя сказать, что путь «традиционалистской маски», прибегающий к террору во имя религиозных деклараций и удержания власти, решает все проблемы - тому свидетельство многочисленные сложности властей Пакистана и трагический конец самого Зия уль-Хака, ставшего жертвой террористического акта. В исламском мире эпохи Хомейни и Зия уль-Хака можно было наблюдать признаки кризиса обоих крайних вариантов лидеров - и крайне традиционного, и крайне индивидуалистического. Испытывают противоречия и компромиссные, «двойственные» персонажи. По-видимому, новый тип личности может дать лишь следующее поколение. В этом контексте представляет интерес личность М. Каддафи. Однако особые психологические механизмы связи лидера с единоверцами в сенусизме, который представляет собой особую, ливийскую версию ислама, требуют отдельного анализа.

Оценивая же динамику смены разных типов личности деятелей, занимавших лидирующие позиции в исламском мире, следует еще раз подчеркнуть наиболее существенный момент. Ясно, что влияние Запада на исламские страны не могло пройти бесследно. Ведь именно под западным влиянием в противовес личности традиционнo-восточного лидера должна была возникать личность индивидуалистическая. Но именно она терпит неизбежный крах в условиях измененного, но все еще традиционного общества.

Вот почему появляется смешанный, мозаичный тип личности традиционного и вместе с тем индивидуалистического типа. Такая личность закономерно приобретает двойственный характер, и двойственность эта естественна. Помимо различий в оценках личности Хомейни и его влияния на ситуацию в Иране, достаточно вспомнить, сколь разными были оценки мотивов религиозных групп, осуществивших убийство президента Египта А. Садата. Сложность ситуаций в исламском мире порождает сложность их оценок и предвидения хода их развития. Ясно главное: объективная двойственность и внутренние, психологические противоречия ведут к тупику - к террору.

Упрощенные представления о Хомейни, недооценка психологии этой парадоксальной фигуры привели к трагедиям. Можно ли сегодня охарактеризовать Хомейни? Представляется, что однозначные оценки все еще преждевременны. Более точным является признание того

факта, что поиск «третьего пути развития» не является простой декларацией. Во всяком случае, он привел к появлению особого типа личности, которая утверждает себя в противопоставлении двум путям развития, тем самым, демонстрируя третий. В данном случае - двойственный, мозаичный, противоречивый личностный путь, выражающий интересы клерикальной верхушки иранского общества. Понимание того, что этот путь не оптимален, уже сложилось в политическом исламе: «Врата иджтихада, самостоятельного суждения, должны быть широко распахнуты. Пока этого не случится, и пока мусульманские мыслители не начнут помышлять о неммыслимом и предавать гласности свои неммыслимые мысли, они будут и впредь... тратить уйму времени, выдвигая неубедительные оправдания для ислама...»[273]. Однако пока это только теоретическое понимание - до его практической реализации далеко.

На деле, пример хомейнистского Ирана во многом стимулировал политиков ряда исламских стран к использованию террористического ислама в своих целях. Со временем появились даже особые термины, отражающие суть политики Хомейни. До сих пор говорят об «эффекте Хомейни», «модели Хомейни» и даже «мировом плане Хомейни». Так, для многих политиков Судана «осознание того, что ислам может ассоциироваться с революцией и властью, а не с «реакцией» и политическим бессилием, как это было раньше, дало... веские основания вспомнить о своем мусульманском происхождении». Анализ ситуаций в ряде исламских стран привел к прозорливому выводу: «Правомерно предположить, что за этой заново открытой для себя «одержимостью» исламом и словесной набожностью, которые обычно и создают почву для объединения в союзы, способные со временем обрести политический характер, скрываются политические амбиции»[274]. Теперь, спустя двадцать лет, можно подтвердить: еще какие.

Усама бен-Ладен

Шейх Усама. Его полное имя Усама бен-Мохаммед бен-Авад бен-Ладен. Известные прозвища: Усама, Принц, Эмир, Абу Абдалла, Шейх моджахедов, Хаджи, Директор.

В розыскной оперативке ФБР он описан так: гигант более 190 см ростом, худой и сутулый, при ходьбе пользуется тростью, с исхудалым лицом, обрамленном темными волосами, с карими глазами, оливково-смуглой кожей и густой бородой с проседью. В рубрике «Род занятий» в ориентировке значится: «Неизвестен». А вот что говорят о нем соратники:

«Он вырос в здоровой обстановке, пронизанной религиозным духом. Он познал чувство ответственности или понял, как доверять самому себе, оставаясь при этом щедрым и смиренным ~ качества, которые очень редко сочетаются у одного и того же человека. Робкий, немногословный, всегда серьезный, он старается не повышать голос и не раздражаться смехом. Он одаривает, не считая. Он терпелив, наделен чувством жертвенности. Он пользуется огромной популярностью среди своих людей, которые до безумия любят его, поскольку их не подавляет харизма, которой он обладает. Он не внушает ужаса. Он участвует вместе с молодыми во всех их занятиях, разделяет их трапезу, одевается так же, как они, и живет в жилищах такого же типа. Хотя у него есть несколько жен, он живет преимущественно вместе со своими последователями».

У. бен-Ладен умен: «Будучи очень пронизательным, он умеет давать ответы. Он не спешит принимать решения. Он всегда спрашивает совета у улемов, даже если ему трудно до них добраться и даже если их советы могут вызвать опоздание».

Друзья и враги - все признают его мужество: «Во время обстрелов из тяжелого оружия ему более сорока раз угрожала смерть. Трижды людей, окружавших его, разрывало на куски, и куски их истерзанных тел покрывали его. Гибель людей приносила ему большое огорчение, однако он никогда не приходил в возбуждение из-за происшедших событий. Он спасся волей Аллаха, когда в 17 метрах от него взорвался «СКАД». В следующий раз он чудом избежал смерти, поскольку его окружило облако от примененного химического оружия. Бен-Ладен всегда мечтал умереть во имя Аллаха. Он верит, что живет второй жизнью, ведь он так часто видел смерть. Все это придает ему силу и веру для продолжения джихада».

По словам М. Бэрдена, бывшего резидента ЦРУ в Афганистане: «Это хамелеон, Сливающийся с окружающим фоном; неуловимый, он может, как иголка в стоге сена, прятаться в какой-нибудь пещере в горах или преспокойно жить, например, в Корнахе, к юго-западу от разрушенного американскими ракетами лагеря, в доме с саманными стенами более трех метров толщиной, внутренний интерьер которого не посрамил бы и Беверли-Хиллз».

Профайдеры - специалисты западных разведывательных служб и полиции, создающие психологический портрет преступника для того, чтобы лучше представлять его личность и предвидеть его действия, дают интересную картину. У. бен-Ладен стал в США объектом многих исследований такого рода - наряду с множеством американских серийных убийц.

«Немногочисленные психологические портреты Усамы бен-Ладена, известные в ряду других исламистов, изображают его человеком довольно застенчивым и немногословным, таким серьезным, что улыбнуться ему стоит большого труда. Говорят, он очень умен и наблюдателен, не лезет за словом в карман, когда требуется кому-то возразить, но при этом нерешителен, долго думает, прежде чем принять решение или вынести суждение. Усама бен-Ладен не действует импульсивно; ему нужно время, не потому, что он не уверен в себе, а потому, что любит советоваться с улемами, а это, по соображениям безопасности, бывает довольно сложно устроить. Эта черта стала причиной различных задержек и опозданий, за которые его не раз упрекали. Однако преданные сторонники бен-Ладена объясняют медлительность шефа его великой мудростью...

Ходят слухи, что мятежник болен и ослаблен; согласно одним источникам, он страдает сильными болями в пояснице, и у него очень хрупкий позвоночник; согласно другим - у него пониженное содержание лейкоцитов в крови, а по словам пакистанских информаторов - даже рак. Однако Усама бен-Ладен, опровергая слухи, не выставляет свои болячки напоказ»^[275].

Американское правосудие предъявило У. бен-Ладену следующий список обвинений:

1) участвовал в подготовке теракта 29 декабря 1992 года в йеменской гостинице, где остановились американские солдаты, следующие в Сомали с гуманитарной миссией «Restore Норе» («Возродить надежду»);

2) предоставил убежище в Пакистане Рамзи Ахмеду Юсефу, участнику теракта в башнях-близнецах Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 26 февраля 1993 года («первая попытка»). Скорее всего, активно участвовал в финансировании и организации данного теракта;

3) поддерживал нападение сомалийца Фараха Фийдида на американцев, находившихся в Могадисо с миротворческой миссией 3-4 октября 1993 года. В результате нападения погибли 18 американских солдат;

4) был инициатором теракта 13 ноября 1995 года в центре связи Национальной гвардии в Эр-Рияде (Саудовская Аравия), унесшего жизни семи человек, в том числе пяти американцев;

5) был вдохновителем теракта на военно-воздушной базе Аль-Хобар в Дхаране (Саудовская Аравия). 25 июня 1996 года автомобиль, начиненный четырьмя тоннами тринитротолуола, взорвался у северной границы комплекса зданий, где размещались военно-воздушные силы антииракского альянса. Результат: 19 американцев погибли, около 500 были ранены;

6) участвовал в попытке покушения на президента Египта Хосни Мубарака 26 июня 1995 года во время его официального визита в Аддис-Абебу (Эфиопия);

7) ответственен за два теракта в американских посольствах 7 августа 1998 года - в Найроби (Кения) и Дар-эс-Саламе (Танзания). Теракт в Найроби - 216 погибших, теракт в Дар-эс-Саламе - 11 погибших;

8) наконец, события 11 сентября 2001 года.

Не стоит и говорить о финансовой поддержке огромной массы исламских боевиков-экстремистов, объявляющих себя его последователями почти по всему миру - в Лондоне, Сан-Франциско, Маниле, Париже, Алжире, Грозном...

С большим трудом, напрягая память, я все-таки смог вспомнить те две или три встречи, которые состоялись в Афганистане в 1986 году и на которых я видел У. бен-Ладена. В ту пору, уже озабоченные проблемами вывода советских войск из Афганистана и подготовкой необходимой для этого «дымовой завесы» в виде политики «национального примирения»,

советские советники провели ряд секретных переговоров. В них участвовал личный советник тогда уже нового председателя Революционного совета Демократической республики Афганистан Наджибуллы, В. Поляничко, один из наших советников при афганском КГБ - тогда она называлась Службой государственной безопасности (СГИ, до этого - ХАД), и автор этих строк - также советник высшего руководства. Наши военные были специально исключены из числа участников этих встреч - их присутствие сделало бы контакт невозможным. Посредниками в организации этих встреч выступали разные лица, в частности - вождь племени африди Вали хан-Кукехейль. Переводчиком был личный адъютант Наджибуллы. Со стороны моджахедов (тогда мы именовали их душманами, что на языке дари значит «враг») участвовали лидеры разных группировок. Усама бен-Ладен присутствовал при некоторых контактах с Г. Хекматиаром и А. Сайяфом. Встречи состоялись в провинции Нанганхар, на полпути между Джелалабадом и Хайбарским ущельем - «проходом» между Афганистаном и Пакистаном, недалеко от комплекса горных убежищ Тора-Бора.

Нас интересовали возможные реакции моджахедов на политику «национального примирения». К тому времени уже было ясно, что реально иметь дело можно только с Ахмад шах-Масудом. Ни бывший король Афганистана Закир-шах (он был в стране инкогнито), ни другие известные моджахеды не были готовы к рассмотрению возможности создания коалиционной власти. В достаточно жесткой форме их отвергли и Г. Хекматиар, и А. Сайяф. Однако дело не в этом. Среди присутствовавших с ними соратников обращал на себя внимание относительно молодой и высокий человек. Большую часть времени он молчал, кратко отвечая только на реплики или вопросы лидеров делегации моджахедов. На мой вопрос: «Кто это?», наш советник из КГБ ответил, что это молодой, но достаточно влиятельный саудовец, через которого моджахеды получают значительную часть американской и арабской помощи. «Занимается тыловым обеспечением», - примерно так, в понятном ему аспекте функциональных обязанностей ответил чекист.

У. Бен-Ладен держался тихо и скромно. Он явно не претендовал на первые или вообще сколько-нибудь заметные роли. Хотя отношение к нему со стороны моджахедов было достаточно уважительным, особо его не отмечали. Судя по всему, это было абсолютно правомерно. Он рассматривался как посредник, через которого шла материальная помощь, - и он должен был присутствовать при подобных контактах, чтобы информацию о них получили те, кто эту помощь предоставлял. Ничем особенно выдающимся, кроме роста, он тогда не выделялся. К проявлению эмоций ситуация не располагала - все были достаточно напряжены. Заинтересованный взгляд, внимательное лицо показывали: он вслушивается в каждое слово, во все нюансы переговоров, но не спешит выражать свое мнение.

Официальная биография с психологическими «узлами». Усама бен-Мохаммед бен-Авад бен-Ладен родился 28 июня 1957 года в Эр-Рияде (Саудовская Аравия). Он был 17-м ребенком из 52 детей Мохаммеда бен-Ладена, эмигрировавшего из Южного Йемена и прошедшего путь от разнорабочего до крупного строительного магната. Богатство и верность трону помогли Мохаммеду установить тесные связи с королевской семьей, дававшие выгодные подряды и престижные контракты (семейное состояние оценивается в 5 млрд долларов). Близость к королевской семье унаследовали и дети Мохаммеда, учившиеся вместе с многочисленными отпрысками монарха.

Психологический узел 1. У. бен-Ладен воспитывался в исключительно религиозной атмосфере. Его мировоззрение формировалось в одном из крупнейших и наиболее консервативном исламском центре - университете имени короля Абдель-Азиза в Джидде. Будучи студентом, он познакомился с шейхом Абдаллой Аззамом, который впоследствии стал его духовным наставником и главным идеологом движения «афганских арабов». В 1979 году У. бен-Ладен закончил факультет экономики и менеджмента местного университета.

Его отец, Мохаммед бен-Ладен был глубоко верующим человеком. Его вера, как свидетельствуют биографы, «словно пришла из другого века. Более сорока лет он терпеливо, не теряя надежды, ждал пришествия Хазрата Махди, мессии мусульман. Мохаммед бен-Ладен даже создал благотворительный фонд в двенадцать миллионов долларов, чтобы помочь Махди, если тот явится при его жизни, возродить величие и славу ислама во всем мире». Вера в Махди сохранилась у Усамы бен-Ладена.

Однако для молодого Усамы безусловная религиозность всегда была связана с

бизнесом. Биографы говорят об этом, хотя и достаточно скупо. Уже «в 1973 году юный Усама предпринял некий духовный демарш, по-видимому, в связи с... важными контрактами, обещанными ему отцом: на реконструкцию двух мечетей. Была ли его набожность в тот период показной, вынужденной обстоятельствами, или искренней, неважно - отныне религиозные увлечения Усамы бен-Ладена уже никогда не ставились под сомнение»[276].

В психологическом плане важно зафиксировать: детство Усамы имело сильнейшие религиозные и, одновременно, предпринимательские корни. В итоге сложился любопытнейший, причем органичный и искренний сплав религиозного менеджера, который оказал значительное влияние в будущем.

Психологический узел 2. В 1980 году, откликнувшись на призыв к джихаду, У. бен-Ладен отправляется в Афганистан для организации отрядов афганского сопротивления. Шеф саудовской разведки, старый друг семьи бен-Ладенов принц Тюрки аль-Фейсал, сын покойного короля Фейсала, поручил ему организацию отрядов «арабских афганцев», собиравшихся в Джидде, чтобы отправиться в Пешавар. «Молодой идеалист, к тому же глубоко религиозный, отнесся к этому поручению как к делу своей совести. Он не просто повиновался приказу саудовского правителя, а действительно всей душой отдался делу афганского сопротивления»[277].

«В январе 1980 года молодой араб, только что закончивший университет в Саудовской Аравии и спустя всего несколько дней после вторжения в Афганистан советских войск вылетавший в Пакистан, еще и представить себе не мог, что через несколько лет заставит всех заговорить о себе. Откликнувшись на призыв к джихаду - священной войне мусульман - в Афганистане, он придаст своей жизни смысл и вместе с тем необратимо изменит ее».

Это - ключевая точка, наиболее важный психологический узел в биографии У. бен-Ладена. Все остальное будет только последствиями.

Годы, проведенные среди боевиков, создали бен-Ладену репутацию в арабском мире, где он известен и признан как негибачаемый борец, и лишь во вторую очередь - как саудовский миллионер. Один из его подручных рассказывал:

«Для нас он был героем, потому что всегда шел впереди. Он всегда ухитрялся занять место в первых рядах... Он не только давал деньги на дело, он отдавал ему всего себя... Он пришел сюда, чтобы жить вместе с афганскими крестьянами и арабскими бойцами. Он стряпал с ними, ел с ними, рыл траншеи, как они. Таков был образ и стиль жизни бен-Ладена...»[278].

Начав с поставок вооружения и боеприпасов для афганских моджахедов из соседнего Пакистана, строительства стратегических туннелей (что явно было прибыльным делом), У. бен-Ладен создал «Исламский фонд спасения», через который моджахеды получали десятки миллионов долларов. Со временем бен-Ладен занялся вербовкой и переправкой в Афганистан добровольцев из мусульманских стран.

«В районе 1985 года, оценив размах сопротивления и осознав, что противостояние выходит за рамки конфликта между оккупантами и их жертвами и принимает планетарный масштаб, непосредственно вовлекая страны Варшавского договора и НАТО, Усама бен-Ладен начинает искать подходы к другим радикальным исламистским организациям, желая заручиться их поддержкой... В тот же период Усама бен-Ладен открыто, решительно и бесповоротно вступает в ряды сопротивления; он покидает тыловые базы в Пакистане и прочно обосновывается в восточной части Афганистана, в провинции Нанганхар. Он стремится сблизиться с антисоветским фронтом и присоединяется к людям из движения «Хезб-и-ислами» («Партия ислама»), возглавляемого Гульбеддином Хекматиаром, - мятежной группировкой, пользующейся поддержкой пакистанской секретной службы ИСИ»[279].

С 1986 года У. бен-Ладен создает в Афганистане учебные центры подготовки моджахедов. Он принял участие по крайней мере в пяти крупных сражениях, а также в сотнях мелких вооруженных стычек. Афганская кампания закончилась для Усамы ранением в бою под Джелалабадом летом 1989 года. Однако афганский период стал отправным в его жизни. По его собственному признанию, «один день в Афганистане стоил больше тысячи дней молитв в мечети».

В 1988 году У. бен-Ладен основывает радикальную интернациональную

террористическую группировку «Аль-Каида» («Основа»), в которую вошли его сторонники из числа моджахедов и «арабских афганцев». «Аль-Каида» имеет иерархическую структуру, она состоит из небольших ячеек, ее члены знают только людей из своей ячейки и годами могут находиться в «законсервированном» состоянии, не проявляя никакой активности.

Первоначальная цель «Аль-Каиды» - оказание помощи афганскому сопротивлению. После вывода советских войск из Афганистана бен-Ладен открыл «второй фронт джихада» - против США. Позднее сам он вспоминал, как афганский опыт привел к антиамериканским взглядам:

«Во времена джихада русские стали наступать в районе Джайи. В авангарде шли танки, авиация тоже начала наносить бомбовые удары. Мне пришлось несколько дней просидеть в окопе. Мы уже ждали, что враг вот-вот окажется рядом. Несмотря на это, однажды я заснул... Когда проснулся, враг уже исчез. Возможно, меня просто не заметили... В другой раз ракета «СКАД» разорвалась очень близко от меня, но меня не ранило. Такие инциденты заставили меня отбросить страх смерти. А вот американцы смерти боятся... Они как мыши. Если можно было сокрушить Россию, то и Соединенные Штаты можно обезглавить...»[280].

Выделим здесь «афганский синдром» - подробный его анализ предстоит дальше. Отметим также одно из важных следствий пребывания на войне - преодоление страха смерти как особый фактор формирования личности будущего террориста.

Психологический узел 3. В Саудовскую Аравию У. бен-Ладен вернулся как герой, но, став фанатиком джихада, уже не мыслил своей жизни вне постоянной борьбы. Вскоре он попал в немилость у правящей династии.

«Он возвращается в Саудовскую Аравию, где соотечественники встречают его, как героя. Он красноречиво отстаивает дело своих товарищей по оружию перед королем, его семьей, его советниками, улемами и высшей знатью королевства, но речи в защиту боевиков не прельщают и не убеждают власти, которые уже приняли решение уйти из Афганистана. Это решение политическое и обжалованию не подлежит. У Усамы бен-Ладена возникает чувство, что он впустую потратил десять лет жизни и что его предали. Он почти сразу встает в оппозицию властям, не в силах примириться с их равнодушием к афганскому делу; в кругу близких он начинает открыто говорить о предательстве. Разочарованный Усама тайно вступает в союз с противниками эрриядского режима в Иране и Сирии. Ваххабитский королевский дом через посредничество всех членов и друзей семьи бен-Ладенов пытается его урезонить, но Усама непоколебим: борьба афганских моджахедов стала его личной борьбой, и с этого пути его не свернуть. Впрочем, бен-Ладена начинают одолевать соображения более глубокого, политического характера: он не верит больше в легитимность королевской семьи и не согласен мириться с тем, что королевство до такой степени поработчено Соединенными Штатами»[281].

Саудовским властям, абсолютно лояльным по отношению к США, явно досаждала непрерывная обличительная критика У. бен-Ладена, его упреки в отходе от истинных норм ислама. Особенно отрицательно он отнесся к размещению на «святой саудовской земле» сил антииракской коалиции в ходе операции «Буря в пустыне». Антиправительственная деятельность диссидента побудила саудовские власти в 1991 году к высылке его из страны. Бен-Ладен отправился в Судан, где занялся строительством и инвестированием денег в местную экономику. Однако это уже не было главной сферой его интересов.

По данным американской разведки, в 1994-96 годах на деньги, вырученные от собственного и семейного бизнеса, он создал на севере Судана несколько лагерей и учебных центров, где проходили обучение боевики из различных исламских стран. Вокруг него собралось несколько сот «арабских афганцев» из Алжира, Туниса, Египта, Сирии, Саудовской Аравии, Палестины, Эфиопии, Эритреи, Уганды, Сомали, Филиппин, Боснии, Чечни. Впоследствии У. бен-Ладен создал лагерь для подготовки боевиков и в Северном Йемене, и в ряде других стран.

В апреле 1994 года саудовское правительство под давлением США лишило У. бен-Ладена подданства и заморозило часть его финансовых активов. Так Усама оказался апатридом - у него не было пути возвращения на родину, которая открыто преследовала его, и не было особого выбора относительно новой страны пребывания. Однако широкая сеть родственных, деловых, дружеских и идейных контактов в исламском мире позволила ему продолжить свое дело. Весной 1994 года члены его группировки действовали более чем в

дюжине стран.

Окончание афганской войны и возвращение на родину требовало перестройки личности с военного на мирный лад. Это сложный процесс, который не задался У. бен-Ладену. Отсюда - конфликты с властями, вынужденная оппозиционность и, как следствие, эмиграция. Он не смог адаптироваться к мирной жизни в стремительно модернизированной к тому времени Саудовской Аравии - под влиянием США она становилась мировым центром нефтедобычи, и это резко меняло всю жизнь страны. Погоня за нефтедолларами была непонятной бен-Ладену. И он продолжил свою войну - только нашел новых противников.

Психологический узел 4. В Судане У. бен-Ладен познакомился с человеком, который не мог не оказать значительного влияния на его личность. Это Карлос - Ильич Рамирес Санчес, один из крупнейших террористов XX века. Однако знакомство не привело к возникновению симпатии между ними - скорее, наоборот. Психологически с этого момента У. бен-Ладен становится террористом принципиально иного типа.

«Усама бен-Ладен пять лет живет в Судане в весьма комфортабельном изгнании... У тех, кто знакомится с ним в Хартуме, складывается впечатление о нем как о мирном, приятном в общении деловом человеке, посвятившем себя, главным образом, своим предприятиям и своей семье. Он мало общается с суданцами, не ведет активной светской жизни, в отличие от другого беглеца, примерно в то же время поселившегося неподалеку, по другую сторону летного поля аэропорта, в доме на Африка-роуд, - Карлоса. Беглому венесуэльцу подобная скромность не по душе: он на глазах у всех разгуливает с любовницами, красуется в армянском клубе, где как-то раз, напившись, выпускает в воздух всю обойму своего пистолета. Усама бен-Ладен, напротив, никого не шокирует и не смущает»[\[282\]](#).

Обратим внимание: в итоге, Карлос был схвачен в Судане французскими секретными службами 15 августа 1994 года, У. бен-Ладен не схвачен до сих пор. Разное поведение дает разные результаты. При всей внешней личной незаметности, понятно, что масштабы совершенного У. бен-Ладеном превышают все, что сделал Карлос.

В результате действий У. бен-Ладена Судан был занесен в составляемый госдепартаментом США список стран, поддерживающих международный терроризм. Поэтому в 1996 году суданские власти были вынуждены предложить бен-Ладену покинуть страну, впрочем, сохранив там свои финансовые интересы. Немалое давление на суданские власти было оказано и саудовской королевской семьей, уже рассматривавшей У. бен-Ладена как опаснейшего диссидента. К тому времени появилась информация о лагерях «Аль-Каиды», расположенных на границе между Йеменом и Саудовской Аравией. Это становилось совсем опасным для Эр-Рияда.

«Вне всякого сомнения, Усама бен-Ладен - действительно наиглавнейший враг американцев, однако не только это... Считать его исключительно «банкиром джихада» или предводителем исламского легиона означало бы предать забвению тот факт, что он, прежде всего, саудовец, хотя и отрекшийся от своего происхождения, и что, кроме того, он самый непримиримый из врагов короля Фахда. Антиамериканские настроения бен-Ладена представляют собой, по его собственным словам и словам его ближайшего окружения, всего лишь следствие того явления, которое сам Усама называет «проклятым союзом Эр-Рияда с Вашингтоном, заключенным во времена войны в Персидском заливе». Противостояние бен-Ладена Саудовскому режиму служит особо мощным двигателем всего его поведения. Понять эту сторону его личности - значит понять, как и почему этот саудовец объявил антиамериканский «крестовый поход», который он расценивает как вполне законный и обоснованный».

Впрочем, понять это не так сложно. У. бен-Ладен с детства - глубоко верующий ваххабит, для которого безусловно священны Святые места, и для которого недопустимо проникновение неверных на священную землю Саудовской Аравии. Вот почему король Фахд и его проамериканский курс - враги Усамы. В глазах У. бен-Ладена «вторжение в Святую землю» иностранных солдат означает не только уничтожение суверенитета королевства, но и, в первую очередь, безусловное вероотступничество. По мнению экспертов, если У. бен-Ладен, вольно или невольно, был в свое время союзником США, участвуя в джихаде против советской армии, то «потом его настроение переменялось». Это было связано с «ужасом,

охватившим его, когда он увидел на первых страницах всех иллюстрированных журналов и на всех телевизионных экранах мира, как американские солдаты оскверняют своим оружием святую землю Саудовской Аравии». Еще сильнее подействовало на него, что там были не только солдаты, но и «солдатки», вместе составлявшие, по его выражению, «сборище калек, неспособных передвигаться по пустыне без бутылок с минеральной водой». По убеждению У. беи-Ладена, «нет прощения провокации США, совершившейся из-за исторического предательства короля Фахда». Вывод прост: король должен отречься от власти.

«Оппозиционность по отношению к королю Фахду прекрасно сочетается с бунтарскими тезисами Усамы бен-Ладеина. Изгнанный из родной страны, лишенный затем подданства, выдворенный из Судана, где укрывался, постоянно подвергавшийся опасности в горах Афганистана, где он затем окопался, мятежный саудовец научился разжигать пламя из любой искры. Ему нравится сеять смятение и запутывать следы. Он достигает этого благодаря умелому сочетанию проводимых им сражений. Объявляя войну Соединенным Штатам и провозглашая антиамериканский «крестовый поход», он с виду выступает как активист «третьего мира», убежденный антикапиталист и исламист, однако в действительности его оружие направлено против короля Фахда. Поддерживая алжирских исламистов, он предстает как саудовский диссидент, однако угрожает в первую очередь американцам, которые беспокоятся о своих собственных союзниках в Персидском заливе, и в довершение сеет панику. Транснациональным нефтяным компаниям снятся кошмарные сны, в которых нефтеперерабатывающие заводы объаты пламенем, а нефтепроводы взорваны...»[283].

В результате афганской войны сформировался особый, дезадаптивно-бунтарский тип личности. Бен-Ладен хотел жить и действовать по-своему, но внешний мир был против. И тогда он восстал против внешнего мира и вернулся в тот, афганский этап жизни, в котором ему было хорошо.

Психологический узел 5. Вслед за У. бен-Ладеном из Судана в Афганистан отправилась большая группа «арабских афганцев», также получившая убежище у молодого исламского движения Талибан. Несмотря на требования США о выдаче У. бен-Ладена, он нашел в Афганистане вполне надежное убежище. Несмотря на обстрелы крылатыми ракетами лагерей подготовки боевиков, введение санкций и другие меры, мулла Омар тогда заявил: «Даже если половина Афганистана будет уничтожена, мы не отдадим бен-Ладена». 20 ноября 1998 года глашатай талибов Абдель хан-Мутмаэн объявил, что Усама бен-Ладен «по всем обвинениям в терроризме, предъявляемым ему Соединенными Штатами, признан невиновным и, следовательно, может чувствовать себя в Афганистане как дома».

Связывая причины своих гонений с действиями властей США и Саудовской Аравии, в этот период У. бен-Ладен вступает на путь открытой борьбы. 23 августа 1996 года мусульманский мир обошла речь, подписанная бен-Ладеном, которую американцы расценили как объявление войны. Ее оглашали наиболее воинствующие имамы, она появилась в средствах массовой информации арабских государств, в Интернете. Этот призыв объемом около двадцати страниц, озаглавленный «Против американцев, оккупировавших святые места, - изгнать неверных с Аравийского полуострова», был направлен в равной мере против саудовского режима и правительства США.

«Нельзя больше скрывать, что народ ислама страдает от агрессии, беззакония и несправедливости со стороны альянса сионистов и крещеных, а также их приспешников; кровь мусульман льется зря, в то время как их имущество становится добычей врага. Этой кровью залита Палестина и Ирак. Страшные картины бойни в Кане Ливанской еще свежи в нашей памяти, так же как массовые убийства в Таджикистане, Бирме, Кашмире, Ассаме, на Филиппинах, в сомалийском Огадене, в Эритрее, Чечне, Боснии и Герцоговине. Эти убийства леденят кровь в жилах и взывают к нашей совести...

Мы, я и моя группа, также страдали от несправедливости. Нам не давали обращаться к мусульманам. Нас преследовали в Пакистане, в Судане и в Афганистане, где я так давно не был. Милостью Аллаха, сейчас у нас есть надежная база высоко в горах Гиндукуша, в Харасане, где - милостью Аллаха - была сокрушена самая большая в мире армия неверных. Миф о сверхдержаве развеялся, когда моджахеды грянули «Аллах акбар». Сегодня, в тех же горах, мы работаем над тем, чтобы устранить несправедливость, которую чинит мусульманскому сообществу альянс христиан и сионистов, особенно после оккупации

благословенной земли Иерусалима, дороги, по которой шел Пророк (благослови и спаси его Аллах), обоих Святых мест. Мы просим Аллаха, всемилостивейшего и всемогущего, даровать нам победу».

Затем У. бен-Ладен делает недвусмысленное заключение: «В этих условиях преследовать врага за пределами страны - наш первейший долг». Проиллюстрировав сказанное ссылками на историю мусульманского мира и многочисленных героев, проливших кровь в борьбе против неверных, У. бен-Ладен прямо обратился к американцам:

«Молодые люди, которых вы называете трусами, соревнуются друг с другом за право сражаться с вами и убивать вас. Послушайте, что говорит один из них: «Армия христиан обратилась в прах, когда мы вместе с отважной исламской молодежью, не страшась опасности, взорвали Аль-Хобар»... Эти молодые люди в Афганистане более десяти лет носили оружие за плечами; они дали обет Аллаху, пока живы, не выпускать оружие из рук до тех пор, пока вы - по воле Аллаха - не будете изгнаны, сокрушены и унижены».

И наконец, абсолютно прямо: «Стены угнетения и притеснения могут быть разрушены только дождем из пуль».

Обратим внимание: вплоть до событий 11 сентября 2001 года США проявляли умеренную активность в попытках поймать У. бен-Ладена. Это связано с рядом причин. В 1980-е годы, участвуя в афганском сопротивлении советским войскам, бен-Ладен пользовался особой благосклонностью ЦРУ США (по некоторым данным, даже был завербован), которое с его помощью переправляло оружие моджахедам. В конце 1990-х годов, уже объявив бен-Ладена в розыск, спецслужбы США не перекрыли каналы его финансовых поступлений - со многих счетов деньги шли террористам в Чечню и другие страны, что было выгодно для ЦРУ. По признаниям американцев, даже обстрел «Томагавками» лагеря У. бен-Ладена в Афганистане под Хостом 20 августа 1998 года имел целью не убить Усаму, а лишь нанести материальный ущерб террористам.

Между тем У. бен-Ладену явно понравилась та роль, которую он стал играть отчасти благодаря своим усилиям, отчасти благодаря внешнему миру, который навязывал ему свой имидж. В 1999 году он встречается с журналистами:

«После традиционного обмена любезностями Усама бен-Ладен, с «Калашниковым» на коленях, быстро переходит к сути вопроса, воздавая хвалу Аллаху перед каждой фразой: «Если факт призыва к священной войне против евреев и американцев с целью освобождения мечети Аль-Акса и святыни Кааба квалифицируется как преступление, что же, предоставим Истории труд называть преступником и меня»«...»

Никакой двусмысленности в словах... Удалившийся в изгнание, извергающий проклятья пророк Усама бен-Ладен пальцем указывает на врага. Делая это, он пачкает руки лишь наполовину, так как не отдает никаких приказов. Ничто в его речи не напоминает военной директивы или призыва к оружию. Он создает для себя образ мыслителя, который вдохновляет, не принуждая. В этом его сила»[\[284\]](#).

Все получилось так, как обещал мулла Омар. В результате американских бомбардировок Афганистана половина страны была разрушена. Режим Талибана пал, но так и не выдал У. бен-Ладена. Что с ним стало, пока никому не известно. Но даже если он мертв, мир не может чувствовать себя спокойно до тех пор, пока не будут предъявлены весомые доказательства этого.

Психологический узел 6. Достаточно очевидно, что смерть У. бен-Ладена не станет избавлением человечества от кошмаров терроризма. Более того, сама эта смерть может обернуться новым кошмаром. Со слов 45-летней Сабихи, матери четырех из 42 детей У. бен-Ладена, с которой он недавно развелся после того, как взял в жены 17-летнюю девушку, после начала американских бомбардировок Афганистана осенью 2001 года У. бен-Ладен начал готовить свое самоубийство. Еще в октябре 2001 года Сабиха находилась в Афганистане вместе с теперь уже бывшим мужем и хорошо знала о его намерениях.

В конце 2001 года, в период активных бомбардировок американцами Афганистана, У. бен-Ладен оказался в мышеловке. Тогда он вроде бы решил «хлопнуть дверью», или, точнее, крышкой гроба. Чтобы не попасть в плен, он задумал самоубийство, но не простое, а перед телекамерами. Видеозапись должна была осуществить катарская телекомпания «Аль-Джазира», которую смотрит весь арабский мир. Был разработан сложный сценарий

самоубийства. Сначала бен-Ладен должен произнести «цветистую» речь, в которой заклеймит США как «Великого Сатану» и призовет весь мусульманский мир к борьбе против американцев. Затем сын У. бен-Ладена 18-летний Абдулла должен прикончить отца выстрелом в голову. «Ассистировать» Абдулле должен был другой сын бен-Ладена, малолетний Мохаммед. Смысл жуткой драмы в том, чтобы превратить У. бен-Ладена в мученика, в знамя исламского фундаментализма, а его детей - в законных наследников отца. Смерть У. бен-Ладена должна была послужить сигналом для серии новых террористических актов в Америке и Европе. Мишенями должны были стать Капитолий в Вашингтоне, Биг-Бен в Лондоне и Эй-фелева башня в Париже.

Если верить рассказам бывшей жены, то планы «террориста номер один» являются не только плодом его фанатизма, но и результатом множества болезней, подтачивающих его психику. По словам Сабихи, «Усама уже не тот человек, за которого я вышла замуж много лет назад. Он спит по 2-3 часа в сутки. Ест чрезвычайно мало, ибо от еды его бросает в сон. У него развилась мания преследования. Он не носит часы на батарейках, опасаясь, что их могут засечь американские спутники-шпионы. Его жизнь стала кошмаром, который он сам навлек на себя»[\[285\]](#).

Рискнем не согласиться с бывшей женой: вплоть до окончания американской антитеррористической операции в Афганистане У. бен-Ладен не производил впечатления сумасшедшего человека. Более того, во всех его заявлениях и действиях постоянное присутствие смысла. Другое дело, что этот смысл был мало понятен мышлению западного типа. Как известно, «Восток - дело тонкое».

Пока нет сообщений о его самоубийстве, мир затаился. Мир ждет: не проявится ли вновь где-нибудь «шейх моджахедов»? Не случится ли очередной страшный террористический акт? Не появятся ли наследники У. бен-Ладена? «При этом мало кто сомневается в том, что разгром талибов и уничтожение бен-Ладена ничуть не остудит горячие головы террористов, базирующихся в Алжире, Египте или Курдистане, а «угнетенные исламские массы» долго будут слагать и петь про погибших песни - примерно как русский народ до сих пор поет песни про террориста Стеньку Разина. А прошло, между прочим, четыреста с лишним лет»[\[286\]](#).

Пока тянется это всеобщее ожидание, самое время попытаться понять, что же представляет собой «феномен бен-Ладена» в психологическом плане.

Недовоевавшие: «афганский синдром». Самое главное в психологии У. бен-Ладена лежит на поверхности. Это «главное» удивительно просто. Странно лишь то, что эта простота никем еще не замечена. Просто он - «афганец», и этим все сказано. А уж какой «афганец» - советский или арабский - оказалось не принципиально. Он такой же «афганец», как и советские солдаты, прошедшие через афганскую войну. С теми же самыми психологическими плюсами (психология культа «афганского братства») и минусами (частая, неодолимая тяга к деструкции). Время показало: «афганский синдром» оказался единым - независимо от того, по какую сторону баррикад находились воевавшие там. В свое время мне доводилось писать об этом[\[287\]](#).

Для всех, кто принимает участие в боевых действиях, это влечет за собой определенные психические изменения. Ситуация реальной угрозы для жизни, постоянное наличие «фактора смерти» в сознании постепенно начинают восприниматься ими как привычные, и даже начинают нравиться. Больше того, со временем они воспринимаются как единственно «настоящие». Внешне они вроде бы исчезают - человек не будет часто об этом говорить и даже думать - сознание вытесняет такие мысли, защищая себя, но за внешней «обычностью» стоят значительно более глубокие внутренние изменения. Именно для этих людей в наибольшей степени характерно развитие особого, «афганского варианта» смысловой структуры личности. Как преступников, «афганцев» внутренне постоянно тянет на «место совершения преступления». Просто не все, как У. бен-Ладен, имеют такую возможность.

Первой фазой формирования «афганского синдрома» было внутреннее «сбрасывание шелухи» прежней, довоенной жизни. В бою, в конечном счете, решается вопрос твоей индивидуальной жизни или смерти. В психологическом плане ты остаешься один на один со смертью. Тут неизбежно просыпается то, что скрыто у многих - индивидуальное чувство собственного «Я». Такой человек воспринимает себя обнаженнее, острее, болезненнее и

незащищенное, чем другие. Одновременно он уверен в себе, ибо боевой опыт научил его верить только в себя. У него обострены все чувства, включая интуицию, и он в нее свято верит: ведь только такая обостренность всех чувств позволяет «угадать», какой камень может внезапно выстрелить, на какой камень нельзя наступить. Отсюда особая реактивность такого человека, реагирующего, например, на любой шорох в сумерки в кустах всей имеющейся огневой мощью - разряжая «в никуда» рожок своего «Калашникова».

В боевых ситуациях человек получает возможность проявить свою индивидуальность «в чистом виде», забывая о многочисленных условностях повседневной, излишне формализованной, бюрократической и социально урегулированной жизни, избавиться от различных масок - социальных ролей, которые его с детства приучили носить, и стать самим собой. Он исходит не из того, что и как надо делать «по правилам», а из того, что и как действительно необходимо делать для того, чтобы выжить и сохранить себя. Отсюда, например, пресловутые кроссовки и «партизанский вид» подразделений советского спецназа, вызывавшие постоянные конфликты между боевыми частями и «проверяющими» из Москвы. «Проверяющие» исходили из того, как должно быть по форме, но не могли понять, как же действительно необходимо.

Если в обычной, мирной ситуации человек во многом лишен выбора (выбор ограничен многочисленными инструкциями и правилами), то в экстремальной ситуации он от этого освобождается. Он получает возможность решать многие вопросы, связанные с самым главным выбором: выжить или умереть. Все остальное как бы исчезает, уходит на задний план. Он встает перед проблемой «беспредела»: ради того, чтобы выжить, можно идти на все. Поведение высвобождается, ограничители исчезают. Как пелось в одной из солдатских песен, родившихся в Афганистане, «война становится привычкой». Тут и возникает особый «афганский вариант» смысловой структуры личности - иная система смыслов, которая многое воспринимает по-другому, не так, как в «мирном» варианте. Здесь доминируют свои, особые оценки. Для него - и это естественно - убийство противника не есть убийство, а жестокость не есть жестокость. Он - другой, но понять это для «мирного варианта» практически невозможно. Да и сам он себя не всегда понимает. Ему легче понять другого такого же и лишь через него - самого себя. В этом, в частности, и находятся истоки «афганского братства»: «афганец» нужен «афганцу» потому, что он в нем видит себя, осмысливает и переживает свои проблемы. Почему У. бен-Ладен носился со своими «арабскими афганцами» более десяти лет по всему свету? Да потому, что после 1990-го года они стали не нужны никому, кроме него.

Для «афганского варианта» психики одним из важнейших является вопрос внутреннего выбора. Боевая ситуация освобождает от выбора: надо подчиняться закону выживания, жизни и смерти. Это освобождает от очень многого, оставляя лишь то, чем человек не может пожертвовать. Например, своей жизнью, своим товарищем, своими нравственными представлениями (при всей их особенности).

Оказавшись в чужом мире, солдаты - хоть советские, хоть арабские - были обречены на то, чтобы «пройти через это». Не все выдерживали такой выбор и оставались чистыми в нравственном отношении - отсюда значительный «негатив», который принес Афганистан, отсюда искореженный «человеческий материал», который вернулся с той войны. И это понятно: оказавшись в ином обществе, ином мире, старая система ценностей, старые личностные структуры (даже если они были сформированы) рушатся - экстремальная ситуация как бы освобождает от старого и создает новую систему, иные ценности. И тут человек либо плывет по течению, становится марионеткой в чьих-то руках, либо мается, страдая оттого, что и подчиняться не хочет, и собственный выбор сделать не может, либо становится действительно самостоятельной личностью - этим «особым вариантом» - и обучается на всю жизнь делать в любой ситуации свой, личный выбор и верить только ему, руководствоваться им. Научиться так жить очень тяжело. Настолько, что потом уже не можешь и не хочешь жить по-другому, заново переучиваться.

Афганистан освобождал от многих прежних иллюзий. Одновременно он создавал новые. Уникальная ситуация участия в войне для многих становилась обычной и нормальной. Привыкая к ней, люди как бы готовились всегда жить именно так. Отсюда - синдром «недовоевавших афганцев».

«Особый вариант» смысловой структуры личности заряжен главным - иллюзией

собственной исключительности. В ситуации той войны, когда многое было «не по правилам», не только возрастало ощущение ценности своего «Я». На базе этого появлялись многочисленные подтверждения понимания своей важности и необходимости. Возрастала ценность каждого отдельного человека - хотя одновременно резко падала ценность человеческой жизни вообще. Каждый знал, что от него зависит очень многое, и ощущение собственной необходимости придавало особый смысл жизни. В боевой обстановке не до чинов - любой командир здесь на равных (если не сказать больше) с бывалым десантником или опытным моджахедом. И каждый солдат стремительно вырастал в собственных глазах. И воспринималась война как что-то очень важное и ценное, - потому что не война сама по себе, а человек в военной ситуации приобретал совершенно особую цену. Таковую, какой у него, молодого человека, до этого не было и быть не могло в мирной жизни.

Личность, перестроенная по военным меркам, по афганским, а не по советским или саудовским стандартам, с иной системой ценностей и принципиально новыми качествами - вот кто возвращался на родину из Афганистана. И тут наступал второй акт социально-психологической драмы. Никаких эмоций: данный вариант структуры личности действительно никому не был нужен на родине. Тому несколько причин.

Вначале об общих причинах. В мирное время никому обществу не нужны люди с боевым опытом или просто опытом жизни на войне. В стабильном обществе, в котором человеческое поведение регламентировано, не нужны люди, привыкшие исходить из собственного, индивидуального выбора. В ситуации, когда все живут одинаковой жизнью, не нужны люди, привыкшие жить жизнью особенной. Наконец, когда общество радуется, что война кончилась, не нужны люди, которые ею гордятся и требуют какой-то (пусть даже символической) благодарности в связи со своим участием в этой войне. Такова жестокая истина.

Сформировавшийся на войне особый тип личности нуждается в реадaptации, то есть в обратной личностной перестройке, по своей глубине сравнимой с той, которая произошла в ходе пребывания на войне. В данном случае дело осложняется тем, что тогда новые личностные качества формировались во многом из «сырого» материала (несформировавшиеся личности молодых людей), теперь же речь шла о сложившемся, достаточно жестком и бескомпромиссном, особом варианте личностно-смысловой структуры.

Первое, с чем сталкивались солдаты-«афганцы», возвратившись на родину, - тот факт, что их не принимали или принимали совсем не так, как им хотелось, как они ожидали. Речь идет не о факте встречи, не о внимании родных или, напротив, невнимании официальных лиц. Имеется в виду психологическое, внутреннее, глубинное непонимание тех, кто вернулся, со стороны тех, кто «там» никогда не был. Это естественно, и ждать настоящего, глубинного человеческого понимания просто наивно. Для солдата на войне за короткое время, в силу близости к смерти, неоднократно пролетала вся жизнь. Для тех, кто жил дома - в Союзе или Саудовской Аравии, прошли всего лишь «какие-то» несколько месяцев. Для них эта война была совсем не той, какой она была для ее участников...

В рамках складывавшегося в Афганистане особого варианта смысловой структуры личности, осознавшей свою особенность и гордящейся ею, приходилось смирять себя и становиться «как все». Причем происходило это в специфической ситуации: пока солдаты воевали, отношение к этой войне изменилось, общество озаботилось собственными проблемами и многочисленными внутренними трудностями. Да и вообще жизнь стала более сложной, напряженной и динамичной - на фоне той, которой жил замерший Афганистан. В той же Саудовской Аравии бурно начались процессы модернизации - естественно, под американским влиянием. У. бен-Ладен оказался не готов к этому так же, как я - к горбачевской перестройке.

Ко всему прочему, общество попыталось возложить на «афганцев» еще и определенную долю ответственности. В результате сложился определенный комплекс вины. С одной стороны, они - как выжившие на любой войне - были вроде бы «виноваты» перед родственниками тех, кто погиб в Афганистане. Целые - «виноваты» перед искалеченными. С другой же стороны, определенные силы попытались возложить на «афганцев» своеобразную «вину» за то, что они «не такие, как все»: много ходят, просят, не хотят терпеть, не удовлетворяются стандартными отписками и т. д. Социально-психологический механизм

поведения бюрократии понятен: лучшая защита - это нападение; для того чтобы избежать собственной ответственности, лучше всего представить «виноватым» того, кто борется за свои права. Отсюда и пресловутое «я вас в Афганистан не посылал!» (одинаково звучавшее как в СССР, так и в Саудовской Аравии), и самые разные другие формы, прямо или косвенно преследующие одну цель: переложить вину и привести «афганцев» к общему социально-психологическому знаменателю.

Явно или скрыто требовавшаяся от «афганцев» перестройка личности сводилась к следующим основным позициям. Во-первых, постараться забыть и саму афганскую войну, и свое участие в ней. Во-вторых, избавиться от «комплекса исключительности». В-третьих, вновь «загрузить» свою освободившуюся обостренную индивидуальность тем грузом норм и правил, которые социализируют человека, отнимая у него значительную долю индивидуальности. В-четвертых, изжить в себе конкретные черты и качества, которые общество оценивает как ненужные. Среди них, с одной стороны, повышенная жестокость, агрессивность, нетерпимость, негибкость, приписываемые всем, прошедшим афганскую войну. С другой стороны, чувство солидарности друг с другом, взаимопомощь и взаимная выручка. Общество пугается того, что «афганцы» оказываются сплоченной силой, способной благодаря своей подготовленности, единству и наличию боевого опыта внести в относительно стабильное общество откровенно деструктивные тенденции.

Вот на это и не согласился У. бен-Ладен. За это он и не полюбил короля Фахда. Перестройка подобного типа в психологическом отношении требует от личности, по сути, второго рождения, причем не предлагая никакой «награды» за отказ от очень многого и дорогого. Именно это порождает многочисленные внутренние проблемы «афганцев». Субъективно получается, что их как бы обманули: они воевали и терпели лишения, будучи уверены в том, что все это кому-то нужно, а оказалось, что это уже не надо никому. Надежды на благодарность (не говоря уже о чем-то более реальном и прозаическом) начали развеиваться. И тут, как выясняется, любое общество создает массивную систему давления на «афганцев», требуя еще и отказаться от проявления «родных», собственных взглядов и позиций, переоценить не только эту войну и свое участие в ней, но и свою личность. Психологически сделать это невыносимо трудно, если вообще возможно. В любом случае, на это нужно длительное время и большая помощь. Необходимо, чтобы вместо прежнего смыслообразующего фактора жизни (участие в той войне) у личности появился новый, который по яркости и значимости вытеснил (или, по крайней мере, потеснил) прежний. Это долгий и сложный процесс.

Попадая в этот процесс, постепенно смиряясь с тем, что противостоять обществу трудно, «афганцы» вынуждены заниматься реадaptацией самостоятельно. Через это прошли практически все. Кроме У. бен-Ладена - он не смог реадaptироваться. Хотя и пытался.

Практически все отмечают несколько этапов такой реадaptации. Первый этап - шоковый. Это этап разочарований и неожиданности: все виделось совсем по-другому, реальность оказалась совершенно не такой, а они были к ней не готовы. Это тот же самый «стресс новизны», который они переживали уже вторично (первый раз - при попадании на войну), «с колес» включаясь в новую для них мирную жизнь. В попытках преодолеть этот стресс разные люди использовали различные формы. Тут была и попытка борьбы за свои права, и стремление объединяться для того, чтобы легче противостоять этому «чуждому» миру, и уход в алкоголь и наркотики, и связь с преступным миром, и многое другое.

Рано или поздно, но первый этап заканчивался. В большей или меньшей степени его удавалось преодолеть. Большинство после этого действительно включалось в нормальную жизнь общества, многих же ожидал второй этап.

Он был связан с нараставшим отчуждением. Внешне люди привыкали к «старой новой жизни», внутренне же углублялся разрыв с ней. Именно на этом этапе, по данным многочисленных исследований, люди начинали «захлестывать» различные негативные переживания и сложные эмоциональные состояния: злость, сильнейшее внутреннее безразличие ко всему, ненависть к тем, кто не хочет и не способен тебя понять, хроническая раздражительность, чувство одиночества, постоянная неопределенность во внутреннем состоянии, равнодушие ко всему, чувство бессилия в этой жизни в противоположность жизни «той», неуверенность, усталость, полное отсутствие веры, ожесточение, излишняя

эмоциональность, с одной стороны, и пустота - с другой, частые, навязчивые воспоминания пережитого на афганской войне. Именно на этом этапе обычно появляются страшные навязчивые сны со сценами из «той» жизни, причем независимо от того, переживал ли сам человек эти эпизоды или они навеяны фантазией. Одновременно в реальной жизни начинают появляться устойчивые социально неприемлемые намерения, неадекватные формы решения конфликтов, хочется «всех расстрелять» и т. д., и т. п. Нарастает замкнутость, ощущение собственной неполноценности среди других окружающих людей, теряются друзья, возникают проблемы общения с людьми, конфликты в семье, на работе.

«Появляется часто навязчивое желание вернуть во что бы то ни стало прежнее, «военное» самоощущение, воскресить в себе эмоции того времени. У некоторых людей это выливалось в попытки реального возвращения на афганскую войну. У многих это желание трансформируется в поиск ситуаций, которые дали бы возможность почувствовать нечто аналогичное. Нарастание агрессивности, проявления гнева совпадают с изменением мотивации: деструктивные действия начинают превалировать над конструктивными. Поведение начинает отличаться нелогичностью, непоследовательностью, непредсказуемостью, неоправданной рискованностью. Возникают проявления «афганского ухарства», противоправного поведения. В силу того, что прежняя, «афганская», система смыслов и ценностей жизни под давлением социальной ситуации начинает распадаться, а личность этому сопротивляется и находит такие ситуации, которые вроде бы поддерживают прежнюю ценностно-смысловую систему, неизбежно нарастают глубокие ценностные и смысловые противоречия. В качестве одного из вариантов такие внутренние конфликты могут вести к глубинным психологическим кризисам; подчас на карту ставится ценность собственной жизни - среди афганских ветеранов нередки попытки и случаи самоубийств. Даже при сохранении этой базовой ценности поведение приобретает противоречивые черты: не случайно в массовом сознании присутствует мнение о том, что «эти афганцы сами не знают, чего хотят». Это вполне подтверждается тем, что немалая часть «афганцев» озабочена поиском внутреннего согласия с самим собой, поиском самоопределения личности. Как когда-то тогда, в начальный период пребывания в Афганистане, они ищут себя в качестве центрального звена, упорядочивающего окружающий мир. Разница такова: «тогда», на войне, объективные условия способствовали тому, чтобы личность могла определить окружающий мир через саму себя - подчинить свое поведение собственному выбору; в мирной ситуации это невозможно - здесь необходимо себя определять через окружающий мир, подчиняться ему и подчинять себя тем «выборам», которые идут не от тебя. С точки зрения психологии, «афганцы» ищут не только внешнее - свое место в жизни (проблемы работы, жилья и т. п.); их волнует внутреннее, психологическое место в ней. И это - один из важнейших показателей психологической реадaptации личности к изменившимся условиям.

Сложности реадaptации усугубляются непрерывной подвижностью сегодняшнего общества. К чему адаптироваться? Ответ на этот вопрос далеко не однозначен, и поиск ответов вносит дополнительную сумятицу в сознание «афганцев». В ситуации прогрессирующего социального распада прежних традиций находится все больше и больше сил, заинтересованных в том, чтобы использовать «афганцев» в своих интересах. Тут возникает серьезная проблема: люди с определенной психологией, которая не нужна обществу в целом, становятся нужными разным силам, заинтересованным в том, чтобы направить развитие общественных процессов в удобном для них направлении. И тогда ищущие определенности «афганцы» сталкиваются с суррогатами этой определенности, подчас поддаваясь им»[288].

Нужно ли продолжать? Американцы после вьетнамской войны получили Рэмбо не только в кинематографическом, но и во множестве реальных проявлений. Мы получили взлет «афганской» преступности. Исламский, а вслед за ним и весь остальной мир получили У. бен-Ладена и его «афганское братство».

В 1990 году, на примере изучения советских «афганцев», было написано: «На сегодняшний день известно, что некоторые бывшие «афганцы» используются криминальным миром, а также состоят среди боевиков и «служб безопасности» достаточно различающихся политических партий и движений... Подобные случаи заставляют по-новому взглянуть на ситуацию и переосмыслить вопрос об «афганцах» как о людях, «не нужных» обществу. По

мере того как утрачиваются остатки прежней стабильности, «афганцы» становятся все нужнее не только отдельным силам, но и обществу в целом. Меняясь, общество вновь и вновь будет пересматривать свое отношение и к этим людям и к афганской войне. Возможны разные варианты, вплоть до взаимоисключающих (от ее полного отрицания до восславления ее героики). Исходя из этого будет пересматриваться и оценка «нужности» или «ненужности» этой значительной социальной группы... Первоначальные попытки «афганцев» создать широкое массовое движение на сегодняшний день трудно оценить как вполне удавшиеся. Скорее наоборот: известны, факты замкнутости отдельных группировок, их конфликты между собой. Движение начинает расползаться, не успев сформироваться. По ходу развития этого процесса постепенно происходит снижение авторитета «афганцев» в определенных слоях общества... Наличие четкой внутренней организованности движения - условие того, что движение получит общественное признание и сумеет повернуть настроения общества в свою сторону».

У. Бен-Ладену удалось это сделать - хотя и жуткой ценой.

«Что касается той самостоятельной реадaptации, которой (при отсутствии сколько-нибудь развитых специальных служб) пока еще вынуждено заниматься большинство «афганцев», то тут существует только один эффективный социально-психологический путь. Он сводится к тому, чтобы не отказываться от приобретенных в экстремальной ситуации свойств и качеств, не «размываться» среди мирного населения, не бывавшего на войне, а, напротив, сохранить и углубить в себе эти качества, переподчинив их другому смыслообразующему началу»[\[289\]](#).

И это у него получилось.

«Братство бен-Ладена».

«Если бен-Ладен менее чем за десять лет стал одним из главных действующих лиц международной исламской войны, то это во многом из-за его безраздельного вовлечения в созидание того, что многие аналитики, в конце концов, назвали «исламским легионом»: армии, кажущейся секретной, у которой нет реального юридического статуса, тем более нет централизованного командования и единой системы финансирования, как у «Хезболлах» например. Именно в рядах этого исламского легиона, виртуального в организационном отношении, но реального на местности, Усама бен-Ладен впервые взял в руки оружие. Понимая, почему и как зародился этот исламский легион, легче оценить личность Усамы бен-Ладена и методы, которые он смог применить для распространения его влияния»[\[290\]](#).

Главное, хотя и мало кем замеченное детище жизни У. бен-Ладена - это террористическая организация нового типа, которую называют «Братство бен-Ладена». Надо еще раз оговориться: «Братство бен-Ладена» - это не образное название «Аль-Каиды».

Это совершенно иная, новая, особого типа организация, созданная после того, как «Аль-Каида» исчерпала возможности своего развития. Исторически, «Аль-Каида» стала первой организацией, созданной бен-Ладеном, и послужила основой «Братства». Обогатившись опытом «Аль-Каиды», в которой бен-Ладен объединил и сохранил своих «афганцев», он переформировал ее в новую структуру, строившуюся на совершенно иных принципах. В отличие от «Аль-Каиды», «Братство» обладает способностью к метастазированию. В этом - главное различие между организациями.

«Финансируя религиозные школы и мечети в Европе или медресе на границах Индии, он демонстрирует стремление к созданию неприступных святилищ для осуществления своих подрывных планов. Породив и ловко поддерживая смятение, Усама бен-Ладен вышел далеко за рамки образа мятежного саудовца. При наивном сообщничестве некоторых журналистов, он учредил «Братство бен-Ладена», неформальную организацию, внушающую гораздо большую тревогу, чем агонизирующая и ничтожная «Аль-Каида». Опасность «Братства бен-Ладена» распространяется повсеместно, главным образом потому, что все его агенты никому не известны; ведь они будут упоминать имя Усамы бен-Ладена только после того, как выполнят поставленную перед ними задачу»[\[291\]](#).

В истории все получается не так уж сложно. Ввод советских войск в Афганистан стал сигналом для начала широкомасштабной международной кампании. Прямым следствием создания «исламских интербригад» стала неудача СССР. С 1980 по 1990 годы эти боевики вели партизанскую войну против советских войск. Их стали называть «арабскими афганцами»

или просто «афганцами». Но после 1990 года, а тем более после весны 1992 года, когда в Кабуле пал режим Наджибуллы, они стали практически никому не нужны. Их элементарно «кинули». И тогда они повернулись против тех, кто «вотравил» их в афганскую войну, а потом отказался помогать. Начались антиамериканские выступления, включая террористические акты.

«Но история идет вперед, и сегодня эти «арабские афганцы» расцениваются западными нациями во главе с США как самые неблагодарные ренегаты. Американское правительство не собирается их прощать за то, что «террористами» как таковыми они стали лишь после десяти лет совместной с американцами борьбы с общим врагом - Советским Союзом. Американцы, которые поддерживали афганское сопротивление в 1980-х годов, сейчас, сидя в тихих, дорого обставленных кабинетах на берегу Потомака, вдали от противопехотных бомб и призывов муэдзинов, считают, что их вчерашние партнеры намеренно оскорбляют звездно-полосатый флаг...

В 1980 году было крайне сложно предвидеть, что сунниты, составлявшие в то время основные силы, мобилизованные для противостояния советским войскам и разделявшие с большинством западных стран ненависть к Москве до такой степени, что их воспринимали как «хороших мусульман», смогут так измениться и, в конце концов, объявят джихад против Запада. В действительности же, если боевики и хранили кому-либо верность, то только самим себе. Конечно, Соединенным Штатам очень трудно проглотить такую пилюлю, ведь Вашингтон не считал деньги, оказывая им помощь».

Так считает Р. Жаккар - не исламист, а президент французского Наблюдательного комитета по проблемам терроризма и руководитель Центра исследований современных факторов угрозы, эксперт ряда международных организаций. С ним трудно не согласиться: большинство мусульман, вставших на сторону афганцев, воевавших против советских войск, были искренни.

«Много было и таких, кто смело заплатил за участие в конфликте жизнью; но несколько сотен или тысяч вступили в борьбу лишь затем, чтобы скрыться от служб безопасности своих стран, которые только и ждали возможности арестовать их за терроризм. На чем бы ни основывались подобные обвинения, в то время в большинстве мусульманских стран молчаливо признавалось, что участие в джихаде против советских войск смывает грехи прошлого и даже оправдывает за совершение подрывных действий. Моджахед, таким образом, мог получить амнистию, а иногда и снискать славу своей семье, если погибал на поле сражения. По иронии судьбы, это те самые боевики, которые сейчас ведут, прибегая к террористическим актам, борьбу против Запада, укрывшись в Афганистане или Пакистане»[\[292\]](#).

И это им посвящены пятьдесят страниц доклада Большого жюри Нью-Йорка, подводющего итог жизни У. бен-Ладена и его окружения. Доклад начинается так:

«С 1989 года по настоящее время, когда вынесено обвинительное заключение, существует международная террористическая организация, которая ставит своей основной целью борьбу с неисламскими правительствами насильственными методами. Эта организация родилась в недрах «Мехтаб аль-Хидемат» («Бюро помощи»), организации, которая открыла свои пункты во многих странах мира, прежде всего, в Афганистане, Пакистане (в частности, в Пешаваре), а также в США, в частности, в центре беженцев «Аль-Кифа» в Бруклине, Нью-Йорк. Группировка была основана обвиняемым Усамой бен-Ладеном и Мохаммедом Атефом, при участии Абу Убайды аль-Баншири и других. С того времени, т. е. приблизительно с 1989 года, до настоящего момента группировка носила название «Аль-Каида». С 1989 до 1991 года штаб-квартиры группировки находились в Афганистане и в Пешаваре, Пакистан. С 1991 года или незадолго до этого руководящее звено «Аль-Каиды», в том числе и эмир, обвиняемый Усама бен-Ладен, обосновались в Судане. Штаб-квартиры «Аль-Каиды» находились в Судане приблизительно с 1991 до 1996 года, но ее отделения во многих странах мира до сих пор не закрыты. В 1996 году обвиняемый бен-Ладен, Мохаммед Атеф и другие члены организации вновь обосновались в Афганистане».

Там они создали то, что до сих пор не может толком осмыслить западный менталитет, - террористическую организацию особого, нового типа. Внимательный анализ сведений, относящихся как к уничтоженным или находящимся под наблюдением террористическим

сетям, так и к совершенным взрывам и покушениям, позволяет выделить пять принципиально важных пунктов, характеризующих «Братство бен-Ладена».

Во-первых, исламский террористический мир, объединяющийся названием «Братство», носит характер скорее международной децентрализованной мафии, чем централизованных структур настоящей организации.

Во-вторых, «Братство» не зависит от единого финансового органа и очень часто самостоятельно зарабатывает средства. Более того, при необходимости одно звено сети вполне может профинансировать акции другого звена так, что прочие звенья и знать об этом не будут.

В-третьих, оно всегда связано с одним или несколькими харизматическими лидерами, которые предстают в глазах его членов как жертвы или мученики. Таких лидеров «второго уровня» в «Братстве» предостаточно. Более того, внешне иные из них выглядят мощнее самого бен-Ладена. Однако проходит время и выясняется: это лидеры тактические, их задача - одна-две акции, после чего они либо гибнут, либо уходят в глубокое подполье, либо почему-то теряют авторитет. У бен-Ладена же остается, и его авторитет только возрастает.

В-четвертых, воззвания и обращения «Братства» всегда проникнуты резко антизападными, то есть антиамериканскими и, отчасти, антиеврейскими настроениями, что систематически препятствует процессу урегулирования и установления мира на Ближнем Востоке. За счет этого «Братство» поддерживает напряжение и обеспечивает себе приток новых кадров.

В-пятых, провозглашая священную войну, «Братство» опирается в оперативных действиях на множество автономно функционирующих афганских, боснийских, йеменских, сомалийских, филиппинских и т. д. вербовочных и военно-тренировочных лагерей, которые по первой же просьбе предоставляют оружие и опытных боевиков, направляя их практически в любую часть света.

Таким образом, возникла самоуправляемая сеть, состоящая из независимых звеньев, связанных едиными целями. Это и есть главное достижение бен-Ладена.

«В действительности, главная сила Усамы бен-Ладена заключается в том, что его Братство больше не нуждается в финансировании: оно независимо, самодостаточно, малозатратно и особенно гордится тем, что вносит свой вклад в дело джихада. Таким образом, финансирование организаций бен-Ладена идет через хорошо отлаженный механизм. Исламский мир возвращает совершенную политическую организацию на базе совершенной финансовой организации»[293].

Все сказанное позволяет сделать простой вывод: перед нами организация настолько нового типа, что пока просто непонятно, как можно ее разгромить. «Братство бен-Ладена» не имеет аналогов ни в истории, ни в современности. В созданной им системе даже он сам может действительно не отдавать приказа взорвать тот или иной конкретный объект и узнавать подробности террористических актов из средств массовой информации. Он - не руководитель в традиционном смысле этого слова. Он менеджер, который, опираясь на веру людей, создал уникальную самоуправляемую организацию. После этого, конечно, он может принять на себя роль ее отстраненного, идейного лидера в духе исламских традиций.

«Хотим мы этого или нет, но третья мировая война уже идет. На передней линии фронта сражается сплоченный отряд международных террористов, рядящихся в одежды ревнителев чистоты ислама. И дело вовсе не в том, что их действия направляются из единого центра, скорее всего это не так. Но то, что их выступления происходят весьма и весьма слаженно, сомнению не подлежит.

Вряд ли Усама бен-Ладен непосредственно руководит действиями былых и нынешних сподвижников: в его нынешнем положении полуизгнанника, живущего в горах близ Джелалабада, это вряд ли возможно. Но любому лидеру боевиков, будь то в Чечне или Кашмире, в Центральной Азии или Алжире, льстит сам факт причастности к делу великого человека. И каждый стремится эту причастность продемонстрировать»[294].

Эмир или Директор? По сравнению с целым рядом символических фигур современного ислама, в том числе и уже названных в этой книге, У бен-Ладен безусловно не является духовным, религиозным вождем - просто потому, что он не получил религиозного образования. Однако его влияние несопоставимо больше, чем влияние традиционно

признаваемых имамов, шейхов и хаджей. Играя определенную роль в современном исламском терроризме, они выполняют достаточно локальные функции. При всем их значении, они не претендуют на то, чтобы встать в один ряд с фигурой Р. Хомейни. Бен-Ладен претендует, хотя и не обладает религиозными титулами. Это происходит потому, что - возможно, даже против его собственной воли, благодаря образу жертвы американских происков и необходимости постоянно скрываться, - он стал одним из таких руководителей, которые способны пробуждать энтузиазм мусульман всей планеты. Его влияние проявляется по-разному. Из всех деятелей современного исламского мира он, несомненно, самый прагматичный и самый политизированный. Он бизнесмен, хотя и особого, исламского типа. Опираясь на психологию исламской уммы, он смог создать финансовую систему особого типа, функционирующую и управляемую на основе традиционных исламских ценностей, порождающих высочайший уровень взаимного доверия лидера и ведомых. Фактически она основана на самоуправлении ведомых на базе их полного доверия лидеру.

Выступления и речи У. бен-Ладена предельно просты, четки и доступны для мусульманского восприятия. Если его отдельные фразы, обороты и выражения носят для европейского уха и чересчур витиеватый характер, это происходит по одной прагматической причине: он стремится не давать противникам прямых оснований для обвинений в подготовке конкретных террористических акций. Стремление избежать таких ситуаций вполне естественно. В остальном же бен-Ладен ведет свои сражения не на идеологическом поприще. Скорее, это политическая сфера, соединенная с некоторыми традиционными религиозными представлениями. Он не только обещает вечный рай своим приверженцам, но и требует отстранения от власти короля Фахда, вывода американских войск с территории Саудовской Аравии. Еще недавно он требовал признания правительства талибов в Афганистане. Все это не могло не найти сочувствия в исламском мире. Причем, подчеркнем, это гораздо более реалистическая программа, чем все разговоры об установлении исламского порядка во всем мире или полная ликвидация Израиля.

Объективно, У. бен-Ладен представляет собой новый тип организатора и вдохновителя террора. Его стратегия напоминает действия государств - спонсоров терроризма, но У. бен-Ладен имеет ряд существенных отличий. На государство можно оказать давление - Усама же не привязан к какой-либо территории, поэтому воздействовать на него крайне сложно. Он нигде - и одновременно везде. Он слишком укоренился в сознании мусульман. Поэтому, жив он или мертв, его имя и образ еще долго будут влиять на приверженцев ислама. Не говоря уже о реальном влиянии созданных им структур, которое сохранится и без него.

«В наши дни главный вопрос заключается в следующем: действительно ли Усама бен-Ладен возглавляет исламский террористический мир или нет? А если он не руководит этим миром, может ли он тогда быть простым гуру для разнородных скоплений фундаменталистов-экстремистов? Или же он, как часто утверждается, выступает как банкир исламистского террора? Строятся самые различные предположения и о реальных доходах Усамы бен-Ладена, и о той роли, которую он играет.

В действительности Усама бен-Ладен представляет собой гораздо меньше, чем все это, и в то же самое время - гораздо больше. Прежде всего, он реформатор панисламизма, создатель своего рода федерации, стремящийся объединить суннитов и шиитов, духовный вождь могущественного «Братства бен-Ладена», которое прославилось террористическими актами или попытками их совершить. Он не занимает ни одной официальной должности в качестве военного, идеологического или религиозного лидера, однако его влияние носит всеобъемлющий и реальный характер. Он не выдвигает никаких требований, однако всегда находится боевик, горящий желанием исполнить все его прихоти. Он никогда не дает точных указаний, но где-нибудь в мире всегда находится моджахед, готовый исполнить то, что по своему собственному разумению расценивает как приказ, и даже готовый предупредить желания бен-Ладена. Если послушать Усаму бен-Ладена или почитать его заявления, можно подумать, что он никогда не финансировал каких-либо покушений. Но он всегда радуется при виде американцев, пораженных в самое сердце. Он охотно рассказывает об этом любому, кто хочет его слушать. Как же просто угодить ему! Он обрадуется, если кто-нибудь раздобудет несколько килограммов тринитротолуола или завербует нескольких «правоверных мусульман», готовых принести себя в жертву или жить в нищенских условиях до завершения

своей миссии, прежде чем вновь вернуться к анонимности, если, конечно, их не арестуют или не убьют раньше. Существует ли человек более могущественный, чем этот, которому никогда ничего не приходится требовать, чтобы добиться своей цели, и власть которого никогда не будет оспорена, поскольку его ученики никогда не встречались, а большинство из них так никогда и не встретится с ним?»

Что же представляют собой мужчины и женщины, составляющие эту призрачную армию и по собственной воле отдающие свои деньги, чтобы получить привилегию исполнять приказания невидимого Эмира? Как образовалась эта вселенная террора? Какими путями распространяется информация и как поступают указания? Откуда берутся денежные средства и каким образом их отмывают в случае необходимости? Анализ сведений, полученных в связи с расследованием террористических актов последнего времени вначале в Европе, а затем и в США, позволяет выявить сложные механизмы и понять, почему У. бен-Ладен до сих пор может опираться на развитую базу, которую ему даже не приходится поддерживать или самому финансировать. Это самодостаточная сеть, преданная и малообременительная, если не сказать - бесплатная.

Резюме

Подведем некоторые промежуточные итоги. Как это ни странно звучит, современный исламский терроризм - во многом, порождение Запада. Это естественное следствие тех процессов часто почти насильственной модернизации по западному образцу, к которой стремился Запад, но к которой оказался не готов Восток. Современный исламский терроризм - это сопротивление медленно модернизирующегося исламского мира чересчур активным и торопливым требованиям западной цивилизации.

Нельзя сказать, что ислам агрессивен изначально. Хотя, действительно, от великих легендарных имамов в качестве святынь остались почему-то исключительно мечи и сабли, это еще не приговор. Однако, как и в любой религии, в исламе содержится немалый агрессивный потенциал. Вопрос лишь в том, куда повернуть и как использовать религиозную веру людей. В последней четверти XX века исламский мир оказался лицом к лицу с тем вызовом, который ему бросила западная цивилизация. Он должен был, отказавшись от самобытности, превратиться в сырьевой придаток Запада. Иранский имам Хомейни стал символом сопротивления этому вызову.

До Хомейни исламский терроризм носил локальный характер. По сути, он был связан не столько с религиозными, сколько с иными - антиколониальными, национально-освободительными и т. д. мотивами. Хомейни первым милитаризировал и терроризировал ислам, превратив его в оружие против Запада.

Психологический парадокс личности аятоллы Хомейни состоял в объективной двойственности его роли, порождавшей субъективный, внутренний конфликт. Традиционная маска вступала в противоречие с яркой индивидуальностью этого лидера. Попытки использовать традиционную маску для прикрытия своей уже нетрадиционной индивидуальности привели к тому, что традиционные средства стали использоваться для достижения современных целей. Для успешного противостояния Западу не нашлось иных средств, кроме терроризма под маской ислама. Именно тут пригодились предельно традиционные лозунги джихада, священной борьбы против неверных. Боевой клич «Аллах Акбар!» принес первые победы. Они воодушевили исламский мир и привели к росту исламистского терроризма.

У. бен-Ладен - психологический наследник аятоллы Хомейни. Исламское сопротивление при его участии доказало свою жизнеспособность в борьбе с советским вторжением в Афганистан. Однако, после вывода советских войск, сложившееся по ту сторону баррикад исламское «афганское братство» стало ненужным точно так же, как было отвергнуто советское «афганское братство» в своей стране, «Афганский синдром» - стержень психологии «недовоевавших» - стал основой психологической трансформации личности У. бен-Ладена. Его внутреннее исламское сопротивление вначале оказалось направленным против властей Саудовской Аравии, двинувшихся, как когда-то шах Ирана, по пути

модернизации и «вестернизации». Спустя время, однако, как когда-то и у Хомейни, оно привело к борьбе с «источником всех проблем» - «Большим Сатаной» в лице оплота современной западной цивилизации, США. И тогда созданный У. бен-Ладеном «исламский легион» превратился в инструмент террористической борьбы против неверных по всему миру.

Веря в цели панисламизма, У, бен-Ладен сумел соединить в себе религиозную веру с предпринимательскими навыками удачливого менеджера. В отличие от Хомейни, он не претендовал на роль монакрата - духовного вождя. Он начал с иного: на основе веры он создал общность нового, нетрадиционного типа. «Братство бен-Ладена» не имеет централизованного управления, единого центра финансирования, сколько-нибудь заметной внутренней иерархии отношений и всех прочих признаков организованных структур. Это именно «братство» - братство по духу «афганского сопротивления», которое теперь расширилось до масштабов исламского сопротивления, распространившись по большинству стран с мусульманским населением. Создав такое «братство» и обеспечив его самостоятельное выживание и способность к расширенному воспроизводству, У. бен-Ладен стал его вождем. Хотя, разумеется, его вождизм строится на иных основах, чем у Хомейни. Тот был вождем в традиционной маске. У. бен-Ладен - вождь нового исламского типа, вождь не в силу традиций, а в силу личных качеств, позволивших ему создать не просто духовное, а еще и самофинансирующееся, самовооружающееся, самоорганизующееся и т. д. «братство». Если Хомейни - вождь просто реанимированного ислама, то У. бен-Ладен - вождь принципиально новой организации, созданной на исламской основе. Первый - вождь при власти, собиравший и укреплявший эту власть. Второй - вождь с децентрализованной, как бы распыленной, но не менее прочной властью.

Децентрализованная неформальная структура настолько отличается от привычных государственных и межгосударственных связей, что они обречены на противостояние.

В этом суть нынешней межгосударственной борьбы с принципиально антигосударственным международным терроризмом. Не видно чаши весов, на которой можно было оценить возможности той и другой стороны. Поэтому борьба с международным терроризмом обречена быть долгой - вплоть до окончания модернизации психологии мусульман. И в этой борьбе они нащупали три весьма эффективных инструмента. Первый инструмент - милитаризированный ислам. От клича «Аллах Акбар!» они готовы перейти к новым кличам: «Хомейни Акбар!» и даже «Усама Акбар!» Второй инструмент - терроризм в исламском обличий. Демонстрируя Западу жуткие возможности средневекового ислама (чего стоят одни только самоубийцы-шахэды), они отстаивают свою традиционную религиозно-историческую самобытность. Третий инструмент - новый для Запада тип боевых организаций, основанных на неформальных эмоциональных связях и отношениях, свойственных традиционному обществу, но непонятных для рациональной нормативной западной цивилизации.

Вместо заключения

Школа выживания (краткий курс самозащиты от террора)

Психологи замечают: «Суть социального заказа психологической науке сегодня... распадается на два основных направления: объяснить природу терроризма и предложить обществу (конкретным структурам - силовым, например) эффективные средства противостояния террористическому вызову»^[295]. В соответствии с этим, попытаемся от понимания психологии терроризма перейти к возможностям противостояния ему. Начнем с того, что события 11 сентября 2001 года заставили пересмотреть привычные представления о безопасности.

«Идея безопасности (принципиально новой безопасности, потому что враг теперь везде) овладевает не только массами, но и национальными правительствами всех «цивилизованных стран». В чем мир действительно стал за эти недели иным, так это в том, что практически все

пришли к пониманию относительной новизны нависшей над миром опасности, а значит, - к пониманию неэффективности всех прежних механизмов защиты от нового противника. Международные договоры, авианосцы, системы ПВО и все прочее, изобретенное для того, чтобы дать отпор внешнему врагу, бессильно перед одиночкой-камикадзе с пробиркой смертельного вируса в кармане.

Давным-давно известно: чем та или иная структура сложнее, тем она уязвимей для внешнего - воздействия и тем больше в ней внутреннего напряжения. Современная постиндустриальная цивилизация настолько сложна, что и без всяких террористов время от времени взрывается, то есть достаточно опасна для человечества, а уж о ее уязвимости и говорить излишне - слишком много коммуникаций, которые легко порвать, слишком много жизненно важных узлов, которые можно уничтожить, вызвав «эффект домино» и неуправляемый хаос»[296].

Госдепартамент США ежегодно публикует доклады о международном терроризме со статистикой и скрупулезным анализом тенденций. Регулярно в последние годы там упоминается и Россия - например, как страна с не установленным числом сторонников террористической секты «Аум синрике», и отдельно, как страна, предоставившая убежище звиядистам (последователям бывшего в свое время президентом Грузии Звиада Гамсахурдиа). Сложнее обстоит дело с чеченскими сепаратистами: вплоть до террористических актов против США в 2001 году американцы не хотели воспринимать их как террористов, а считали чуть ли не благородными «повстанцами», участниками национально-освободительного движения.

В этих докладах можно найти бездну различной информации. Оказывается, почти все формы и жанры терроризма давно известны и тщательно проанализированы специалистами. Ими разработано немало различных типологий и классификаций. Например, израильский Институт борьбы с терроризмом выделяет три основных вида терроризма. Во-первых, это международный терроризм, при котором почти не имеет значения место совершения тех или иных террористических актов, а среди террористов присутствуют лица разных национальностей и вероисповедания. В этих случаях террористические акты направлены против политических и религиозных взглядов, международных организаций, а террористическая деятельность спонсируется из-за рубежа. Во-вторых, внутренний терроризм, при котором террористические акты совершаются в стране проживания, террористическая группа состоит из граждан одной страны, национальности и вероисповедания, а объект борьбы - внутренние проблемы страны (например, испанские баски или Ирландская республиканская армия). Отдельно выделяется еще и локальный, «объектный» терроризм - когда террористические акты совершаются в отношении вполне определенных объектов жизнедеятельности, которые террористы считают вредными или опасными. На грани такого, «зеленого», терроризма, например, почти постоянно балансирует экологическая организация «Гринпис». Есть разделение на платный и бесплатный, «идеологический» и «безыдейный» терроризм, а также на «атеистический» и «религиозный». Еще терроризм делится на физический, биологический, информационный и т. д.

Можно сказать, что в мире накоплен огромный опыт борьбы с терроризмом. В одной только Северной Ирландии террористическая война идет уже более сорока лет. Погибло около четырех тысяч человек. Как не накопить опыт?

Однако весь этот огромный опыт, к сожалению, совершенно неутешителен. Ни политические, ни социальные, ни какие-то иные меры до сих пор не искоренили терроризма ни в Северной Ирландии, ни в Испании, ни на Ближнем Востоке. Террор не решает никаких проблем, в террористической войне не побеждает никто, но это - относительно дешевый и единственно возможный для слабых, маргинальных групп способ десятилетиями держать общество в состоянии постоянной напряженности. И победа над ними так же далека от окончательной, как и раньше.

Потому так до сих пор и остаются на бумаге многочисленные научные советы и рекомендации властям по борьбе с терроризмом, что реализовать их в полном масштабе практически невозможно. Приведем только один пример.

«Эффективная государственная политика защиты личности, общества от экстремизма должна включать: концептуальное осмысление этого феномена, его разновидностей,

перспектив развития; всестороннюю готовность системы безопасности страны к противодействию экстремизму, адекватность ответных действий с учетом его разновидностей, различий в масштабах, содержании, мотивации проявлений; профессиональную экспертную оценку принимаемых решений на антиэкстремистский эффект; разработку соответствующих законов, своевременное реагирование на предусмотренное уголовным законом деяние; усиление информационного обмена, согласование статистической отчетности об экстремистской деятельности и ее участниках; работу с населением по формированию бдительности в отношении лиц и предметов, которые могут представлять опасность; своевременную и полную информацию о конкретных действиях экстремистов и судебном приговоре; целенаправленную правовую, морально-психологическую и боевую подготовку специальных отрядов антитеррористической деятельности; единство действий в международном, межгосударственном и государственном аспектах и др. Принципами антиэкстремистской стратегии являются превентивный характер действий участников антиэкстремистских операций; комплексность (организационная, информационная, правовая, психологическая базы); активность, законность. Кроме того, должна действовать развитая система профилактики экстремистской активности и конкретных действий»[297].

Принеся извинения за длинную цитату, подчеркнем: вот так, на уровне призывов, и обстоят ныне дела. К сожалению, не делается многое даже из давно написанного, не говоря о том, что и написано-то далеко не все. Есть и гораздо более экзотические подходы.

«Война будущего - это война террористов с «бомбами в чемодане» (как это было разыграно в знаменитом фильме «Хвост виляет собакой»). Эти строки пишутся в те дни, когда произошли теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне. Грустно наблюдать за беспомощностью самой могучей державы, за нелепыми телодвижениями вроде приказа авианосцам прийти в Нью-Йорк. Один этот взрыв показал, что мы живем в другом веке, что все баллистические ракеты - это старая рухлядь, что все планы развернуть систему ПРО - это подготовка к вчерашней войне. Но никаких уроков, похоже, никто не извлек. Сколько еще трупов (а за один день американцы потеряли столько же, сколько русские в Чечне) понадобится, чтобы американский конгресс стал тратить сотни миллиардов не на танки и самолеты, а на создание таких же, как террористы, вирусных диверсионных групп? Да, тут и России есть чему поучиться, коль уж у нас идет реформа армии, так почему бы не сделать ее самой современной, то есть армией диверсантов - вирусов. Ввести, например, войска хакеров. Если 20 человек сделали Америке маленький Вьетнам, то полмиллиона таких же диверсантов (а это вдвое меньше, чем наша нынешняя армия) могут быть самой могущественной армией в мире. Сегодня даже один, но современный, в поле войн. Один! Один человек может терроризировать все общество, диктовать ему ультиматумы...»[298].

Разумеется, все цивилизованные государства мира ведут борьбу с терроризмом, однако такая борьба с помощью государственных средств не слишком эффективна. Как показал недавний опыт, у нас в таких случаях дело сводится к прямым телетрансляциям замечательных обращений премьер-министра: «Здравствуйте, Шамиль Басаев!» Или к столь же публичным рассказам руководителя базовой спецслужбы страны о том, как удивительно быстро бегут босиком террористы по снегу из станицы Первомайской.

Хотя в других странах все обстоит гораздо серьезнее, но и они далеки от совершенства. Во всяком случае и их борьба с терроризмом не дает населению абсолютных гарантий безопасности. Это значит, что каждый человек должен, прежде всего, сам озаботиться проблемами собственной безопасности. Как говорят в народе, на государство надейся, но сам не плошай.

Помните о терроризме!

Это - самое простое и, одновременно, самое сложное. Даже взрывы жилых домов в Москве не научили жителей столицы элементарной внимательности. Рассказывают, что перед взрывом в Вологодонске кто-то из террористов позвонил в одну из квартир обреченного дома: дескать, как вам спится в аду? Конечно, страшный факт. Но страшно и другое: кто-то,

разбуженный среди ночи, всего лишь выругался и повесил трубку.

Он не придал значение такому звонку потому, что мысль о вполне возможном терроризме еще не закрепились в нашем сознании. Поверьте, в Испании, Ирландии или Израиле реагировали бы совсем по-другому. Разбуженный человек не поленился бы позвонить в полицию, поднять тревогу, покинуть дом. Береженого, как говорится, и бог бережет. Что бывает с не «береженными», к сожалению, тоже известно.

Помнить о том, что мы живем в эпоху терроризма, - значит настроить себя, свое сознание и поведение на соответствующую линию восприятия окружающего, отношения к происходящему и поведения в жизни. Это значит, что необходимо знать наизусть не только пресловутые «01», «02» и «03» - по этим телефонным номерам в больших городах нынче стало уже трудно дозвониться, но и телефоны гораздо более оперативной и эффективной Службы спасения, местных формирований Министерства по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям. Это значит, что необходимо заранее представлять, куда бежать и что делать в критической, чрезвычайной ситуации. Это значит, что нужно держать документы и деньги, предметы первой необходимости, не за семью печатями, а в доступном месте - так, чтобы при необходимости не тратить много времени на их поиск.

Опыт разных стран и народов показывает: если люди помнят о том, что в жизни существует терроризм и террористы, то их поведение как бы само, автоматически подстраивается под потенциальные угрозы. Тогда люди сами становятся как-то более внимательными, осторожными, бдительными. Речь ни в коем случае не идет о панике, постоянном страхе, с которыми жить невозможно. Но пора отвыкать и от привычной для нас безалаберности, разболтанности, невнимания часто даже к очевидным фактам. В отличие от нашей надежды на любимый «авось», нужен просто более высокий уровень самодисциплины. Дисциплинируя себя и окружающую среду, люди добиваются того, что террорист становится более заметным на таком фоне - ведь он всегда нарушает те или иные нормы, привычную «дисциплину» жизни. Либо злоумышленник несет в руках что-то непривычное, большое и упакованное во что-то неподходящее. Либо карманы у него странно оттопыриваются. Либо он забирается под чей-то стоящий в вашем дворе автомобиль и почему-то подозрительно долго копошится там. Либо проявляет себя как-то по-другому, но не менее странно на привычном фоне упорядоченной жизни.

Не попадайте в проблемные ситуации

Это - самый первый, главный совет. Помните, что далеко не все люди становятся жертвами террористов, не все попадают в «переделки». Ничего случайного в жизни не бывает. Значит, если кто-то попадает в «проблемные» ситуации, то на это есть свои причины. Хотя иногда они бывают внешне незаметными и непонятными для людей - просто потому, что они не «снаружи», а «внутри» человека. Основная причина обычно состоит в том, что не хватает базовых социальных навыков. Например, не все и не всегда знают, как ответить на провокацию других, чтобы потушить закипающий гнев, а не раздуть его еще больше. Часто мы не имеем представления о том, как проинформировать других о своих желаниях, и очень расстраиваемся, когда реакции других не совпадают с нашими ожиданиями. Зачастую наши способы самовыражения по мягкости и деликатности напоминают наждак. А если добавить к этому безразличие и элементарную невнимательность к эмоциональному состоянию других... В результате, все мы ощущаем сильную фрустрацию и часто по этой причине говорим слова и делаем вещи, которые настраивают окружающих против нас. В свое время американцы справедливо заметили:

«Из обзора преступлений за эту педелю ясно видно, что, хотя в городе всегда есть опасность подвергнуться ограблению или даже получить телесные повреждения на улице, а также существует значительная угроза квартирных грабежей, все же первое, на что должны обратить особое внимание люди, - это их собственное поведение, их беспечность или бравада, отношение к своим семьям или друзьям, к лицам, на которых они работают или которые работают на них, их приверженность к наркотикам или к спиртному, половые отношения, эксцентричность, ненормальности и страсти. Преступность в районе Таун-Холла, как и

повсюду за эту неделю, сводилась в основном к жестокому, устрашающему, подлому, эгоистичному, бездумному, импульсивному, достойному сожаления и просто глупому отношению людей друг к другу»[299].

Надо помнить: люди, не обладающие элементарными социальными навыками, составляют значительную часть среди тех, кто совершает насилие. И простейшим социальным навыкам надо учить и, естественно, учиться. Учить - детей, учиться - нам самим. Давно известны простые 30-40-минутные тренинги в группах по 2-4 человека, где и дети, и взрослые выполняют различные упражнения, обучаясь тому, как надо себя вести в сложных ситуациях, которые потенциально могут привести к агрессии.

И самое главное: старайтесь просто не попадать в сложные, неприятные ситуации. По возможности не возвращайтесь домой слишком поздно вечером. Почините вместе с соседями свет в своем подъезде, наймите консьержа. Поставьте стальную дверь в квартире.

Если берете такси, не садитесь на переднее сидение, особенно если вы женщина, - это и без того «место смертника» в случае автодорожного происшествия. Кроме того, оно - еще и наиболее удобное для совершения насилия. Так что располагайтесь исключительно на заднем сидении. И не садитесь в машину, если в ней есть еще кто-то, кроме водителя.

Находясь в общественном транспорте, смотрите по сторонам, а не «утыкайтесь» в газету. И так далее. Поверьте - в деле обеспечения безопасности просто нет мелочей.

Расслабьтесь...

Всем известная народная мудрость гласит: если вас насилуют - расслабьтесь, и попытайтесь получить удовольствие. «Удовольствие», конечно, в данном случае, предельно сомнительное. Но вот что касается первой части формулы, то доля правды в ней есть. Напрасное сопротивление, особенно на начальной стадии, допустим, вашего похищения, всегда провоцирует террористов на резкие, особо ожесточенные действия и уменьшает тем самым ваши и без того не слишком большие шансы на то, чтобы выбраться из передраги.

При столкновении с чрезвычайной ситуацией всегда необходимо уметь быстро ее оценить и выбрать правильную линию поведения. Если вы столкнулись с заранее подготовленной акцией, то, поверьте, первоначальное сопротивление только озлобит ваших противников и, вполне может быть, спровоцирует их на то, чего они и не собирались делать. Так, например, известно, что в ситуации похищения бессмысленное сопротивление часто приводит к убийству потенциальных заложников. Столь же бессмысленной может стать и попытка к бегству - она может привести к роковому выстрелу вам вслед. Как известно, именно «попытка к бегству» часто служит своего рода «смягчающим обстоятельством» для тех, кто в иной ситуации, глядя в глаза, не смог бы хладнокровно убить человека. Обратимся к описанию реального похищения и единственно правильной линии поведения, которую сумели найти жертвы.

«И у Олега, и у Валерия на секунду возникла мысль: «Оказать сопротивление! Попытаться бежать!» Подчиниться террористам, сесть к ним в машину, мягко говоря, не хотелось. Невольно будешь упираться! И они это делали. Но, будучи людьми подготовленными, во всяком случае теоретически, и к таким экстремальным ситуациям, они на все реагировали в пределах, которые автоматически устанавливались мгновенной оценкой обстоятельств и их возможных последствий. Ребята видели искаженные злой решимостью лица террористов-фанатиков, их крайне возбужденное психическое состояние и понимали - серьезное сопротивление или попытка бегства бессмысленны. По привычке контролируя обстановку вокруг себя и починяясь грубой силе, они опасались, что у кого-то из этих фанатиков откажут нервы и он нажмет на спусковой крючок. Тогда произойдет непоправимое... В такой ситуации приходилось думать не о сопротивлении, а о том, чтобы лишний раз не «дернуться» и тем самым не спровоцировать бандитов, не дать им «сорваться на стрельбу»[300].

В итоге, выбранная тактика оказалась единственно оптимальной. Необходимое время было выиграно, террористы не «сорвались», стрельба на поражение не началась, и через некоторое время заложники были успешно освобождены из плена усилиями своих

товарищей.

Как справиться со страхом?

Лучше всего, для начала, не поддаваться ему. Причем главное - не поддаваться самому сильному, «отложенному» страху. В первые минуты, как мы уже видели, страх обычно не настолько силен: он не успевает быстро и целиком овладеть человеком, противостоять ему помогает инерция предыдущего состояния. А вот потом, часто уже после исчезновения конкретной угрозы, приходится тяжело. Но и с этим страхом можно справиться. Для этого надо, прежде всего, научиться легко переключаться, не «застрывать» на уже прошедших ситуациях, не «пережевывать» их слишком долго, многократно возвращаясь к одним и тем же событиям. И просто... не бояться. Особенно не следует бояться того, вероятность чего не столь уж и велика. Между прочим, очень часто люди, напротив, не умеют бояться того, чего опасаться следует.

По американским данным, около трети людей, опрошенных социологами, говорят о боязни ходить ночью по улицам в своем районе, и что преступлениями, внушающими им наибольшие опасения, являются нападения с применением физического насилия. В своей основе опасение оказаться жертвой такого преступления является результатом страха перед незнакомым человеком, что, в свою очередь, усиливает недоверие к людям и, в целом, социальную нестабильность. И дело не только в том, что публика больше всего боится преступлений с применением насилия - то есть, таких, которые случаются наименее часто. Гораздо большую опасность представляют собой другие случайности повседневной жизни - такие, как автомобильная авария или катастрофа на транспорте, несчастный случай дома или даже неправильно оказанная первая медицинская помощь. Мы почему-то не боимся, например, укола в поликлинике - а ведь таким образом очень даже просто можно заполучить ВИЧ-инфекцию, заболеть СПИДом.

Значит, первое правило, которое обычно помогает справиться со страхом, - умение правильно оценить реальность и масштабы угрозы, а также возможность получить помощь. Никогда не замуривайте от страха глаза - наоборот, постарайтесь пошире их раскрыть и оглядеться вокруг. Здесь нет мелочей, все может иметь большое значение: один ли преступник, вырывающий у вас сумочку; не видно ли выходящего из-за угла случайного прохожего, способного вам помочь; не слышно ли чых-нибудь шагов по лестнице, и т. д. Все это может спугнуть насильника или, по крайней мере, отвлечь его внимание. Для вас же это - шанс на то, чтобы вырваться, поднять тревогу, получить необходимую помощь и содействие.

Но если уж вы не справились с собой, поддались страху и оказались временно «ослепленными», то постарайтесь побыстрее справиться с этим состоянием. Для этого полезно знать хотя бы самые простые психологические техники. Например, существует такой наиболее простой психологический прием: почувствовали страх - начните медленно и глубоко дышать: глубокий вдох - медленный выдох. Еще раз, еще и еще разок. И так хотя бы раз десять. Даже если сумочку вырвали и преступник уже убежал далеко, это поможет вам быстрее прийти в себя и поднять тревогу. Если же возникшая угроза имеет другой характер (скажем, преступник не сумочку вырывает, а требует выкуп за вашего ребенка) и события развиваются не настолько уж и стремительно, то подобного рода «кислородное успокоение» будет иметь еще больший смысл. Таким образом, вы сможете эффективно использовать имеющееся время, чтобы полностью адаптироваться к возникшей ситуации и включить в работу ошеломленное было сознание. А там, глядишь, пробудившийся разум уже сам придумает что-нибудь полезное.

Еще один прием рассчитан на более сложную ситуацию. Допустим, что вы оказались под завалом в результате взрыва. Вокруг обломки бетона, а между ними - маленькая ниша, и в ней - вы. Положение сложнейшее, прежде всего - своей неопределенностью и неустойчивостью. Поддадитесь панике, начнете «дергаться» в разные стороны - задвигаются окружающие вас бетонные плиты, и нынешнее сравнительно терпимое положение станет уже невыносимым. Значит, надо прежде всего успокоить себя - так, чтобы не совершать лишних произвольных движений. Для этого очень полезным бывает просто поговорить с самим собой, причем назвав себя несколько раз по имени. Разговор с собой полезен тем, что он переводит во внешний план внутренние, часто запутанные переживания - он их как бы распутывает, выстраивает в стройную цепочку причинно-следственные связи, объясняет то,

что произошло и в каком положении вы оказались. Такая размеренная беседа с самим собой успокаивает, нормализует сердечный ритм, другие вегетативные проявления. Называя себя по имени, вы обращаетесь к памяти детства - ведь именно в детстве мы в максимальной степени защищены, находимся в безопасности, и именно в детстве нас называют по имени.

Есть и еще один полезный прием. Вспомните девушку Джулию из описания К. Изарда: она разозлилась на преступника, вырвавшего ее сумочку, и весь страх куда-то прошел. Разозлитесь посильнее на что-нибудь или кого-нибудь: на ситуацию, на себя, на другого человека. Злость вытеснит страх, вам захочется немедленно действовать, и тогда вы перестанете бояться.

Страх можно вытеснять страхом. Приведем пример из несколько иной сферы, свидетельствующий о возможности такого эффективного вытеснения.

«Бывший военный разведчик А., отличавшийся, по мнению его коллег, «абсолютным бесстрашием», рассказал нам, что после первых пребываниях среди врагов (в роли одного из них) он стал бояться, что когда-нибудь может быть разоблачен. «Однажды, когда я готовился к очередной заброске на вражескую территорию, чувство тревожности было особенно сильным. Тогда я нарочно стал усиливать его, уверяя себя, что я когда-нибудь обязательно буду разоблачен и погибну. Напало чувство страха, оно было таким сильным, что я как бы пережил в мыслях и чувствах собственную смерть. После этого я уже не испытывал страха. Дважды, когда я бывал на грани провала, моя невозмутимость смущала моих противников и давала мне время уйти от опасности» (из рассказа А.). Известны способы дзенского (чаньского) тренинга, ведущие, в частности, к ликвидации тревожности и к самообладанию через переживание в мыслях и чувствах собственной смерти»[\[301\]](#).

Техники такого рода достаточно сложны и не доставляют большого удовольствия, однако часто они оказываются вполне эффективными.

Не поддавайтесь ужасу

Конечно, легко сказать - «не поддавайтесь ужасу», - а как ему не поддаться, если он тихо подползает и охватывает вас, как удав, - липкий, противный, парализующий...

Как учит русская поговорка, клин клином вышибают. На этом основана довольно простая психологическая техника. Если вы вдруг чувствуете, что вас действительно охватывает ужас, постарайтесь вытеснить его... не меньшим, а, лучше, еще большим ужасом. Для этого представьте себе самое страшное, что вообще теоретически может случиться в жизни с близкими, дорогими вам людьми - детьми, супругом, родителями. Представьте себе их находящимися на грани, буквально, между жизнью и смертью. И тогда для их спасения мобилизуется ваш организм, и новый, но теперь уже мобилирующий, страх вытеснит прежний, демобилирующий ужас.

Ужас - это всего лишь сильный страх. Объясните себе это, разьясните, что на самом деле единственное действительно ужасное в жизни - это смерть. Значит, пока вы еще живы, нечего заранее ужасаться - надо что-то предпринимать, надо действовать. Продолжая просто ужасаться, вы можете потерять, не исключено, свой самый последний, единственный шанс на то, чтобы выбраться из кризисной ситуации.

Любопытный пример преодоления сильнейшего страха смерти, дошедшего до крайней степени эмоционального состояния - состояния ужаса, приводит свидетель поведения советских заложников, захваченных в свое время в Бейруте. Для одного из них психологически эффективным оказалось внутреннее отчуждение от ситуации заложничества.

«Так, Спирин, как он признался позже, подавлял страх смерти целенаправленным самоотчуждением, дающим возможность воспринимать себя как бы со стороны и осознавать мало значимость своей, отдельно взятой жизни по сравнению с глобальными явлениями и понятиями и осознанием естественности и неотвратимости смерти вообще. На этом фоне предстоящая гибель казалась лишь некоторым ускорением неизбежного перехода в небытие. И наконец, положительно ориентированные мысли о том, что отведенный последний отрезок жизни был прожит, в общем-то, неплохо и интересно (а это само по себе немало), что после

тебя что-то останется - результаты твоего труда, потомство, твой духовный след в памяти других».

В преодолении страха (ужаса) смерти имеют значение многие факторы. Среди них и способность отвлечься от кажущейся неизбежной перспективы, и единство переживаний, обнаруживаемое при откровенных разговорах с товарищами по несчастью, и даже ожидаемый способ умерщвления.

«Ожидаемый способ умерщвления - расстрел - воспринимался ими как наиболее подходящий, поскольку он мгновенный и безболезненный. «Свою пулю не услышишь». После многократного проигрывания варианта расстрела он сделался как бы более «привычным» и менее пугающим. Человек ведь чаще всего боится неизвестного, здесь же доля неизвестного была сведена к минимуму. Поэтому они продолжали жить в плену относительно нормальной, насколько это возможно, жизнью, не думая постоянно о худшем, спокойно, и с внутренней готовностью относились к его вероятному приходу»[\[302\]](#).

Что касается сугубо индивидуальных способов преодоления ужаса, то надо помнить: практически все основные психологические техники усмирения ужаса те же, что и в случае страха. Выровняйте дыхание, поскорее насытите кровь кислородом - станет спокойнее. Поговорите с собой, что называется, «про себя», называя себя по имени, - восстановится самоидентификация, постепенно «всплывет» чувство защищенности. Наконец, разозлитесь по сильнее хотя бы на самого себя - за то, что ухитрились «влипнуть» в такую ситуацию.

Не помогает? Все еще стоите, открыв перекошенный рот, и не можете ни рукой, ни ногой двинуть, столб столбом? Значит, нервы у вас действительно не в порядке. Когда (и если) выкрутитесь из такой жуткой ситуации, обязательно сходите к невропатологу - тут нужны медицинские рекомендации. Обычный человек вполне может овладеть собой и регулировать свои эмоциональные состояния и без помощи врачей.

Как остановить панику?

Воздействие на паническое поведение, в конечном счете, представляет собой всего лишь частный случай психологического воздействия на любое стихийное поведение - прежде всего, на поведение толпы. Здесь действует единое по отношению к любой толпе правило: прежде всего, необходимо снизить общую интенсивность эмоционального заражения, вывести людей из-под гипнотического воздействия данного состояния и рационализировать, индивидуализировать его психику. В толпе любой человек лишен индивидуальности - он представляет собой всего лишь часть массы, разделяющую ее эмоциональное состояние, починающую ей все свое поведение.

Вот почему террористы любят осуществлять свои акции именно в толпе, в местах массового скопления людей: в толпе достаточно испугать лишь нескольких человек даже небольшим взрывом, как страх, ужас, а вместе с ними и паника быстро овладеют всей массой. Именно поэтому следует избегать массовых сборищ, концертов, дискотек, митингов, демонстраций в периоды повышенной опасности терроризма. Необходимо специально предупреждать людей о возможных сложных ситуациях и провокациях, чтобы свести к минимуму фактор неожиданности и испуг. Наконец, желательно отвлекать внимание людей от возможных источников страха и стараться не взвинчивать, а снимать эмоциональное напряжение.

В мировой практике накоплен опыт создания специальных противопанических систем и служб. Они включают в себя и кризисное (резервное) руководство - как для отдельных мероприятий, так и для страны в целом; размещение в толпе специально проинструктированных людей, умеющих выполнять команды и не поддающихся панике; подготовку средств звуковещательной техники для немедленного восполнения дефицита необходимой в случае паники информации и воспроизведения ритмичной музыки или популярных хоровых песен.

Рассуждая о необходимости выработки специальных антитеррористических мер, мало кто думает о необходимости создания специальной «антипанической» службы. А ведь борьба с паникой - одна из основных задач Министерства по делам гражданской обороны и

чрезвычайным ситуациям. Для ее решения нужно иметь и заранее подготовленные теле- и радиопрограммы, и разработанные эвакуационные маршруты, и подготовленных специалистов - не в пугающей ОМОНовской форме, а с простыми белыми повязками, мегафонами и плакатами типа «следуйте за мной».

В панике, как особом состоянии психики большого скопления людей, есть и некоторые специфические моменты. Сама ситуация порождает определенные вопросы, ответы на которые дают возможность прогнозировать поведение и останавливать действия охваченной паникой толпы. Во-первых, это вопрос о том, кто станет образцом для подражания собравшихся. После появления угрожающего стимула (звук сирены, клубы дыма, первый толчок землетрясения, первые выстрелы или разрыв бомбы) всегда остается несколько секунд, когда люди «переживают» (точнее, «пережевывают») происшедшее и готовятся к действию. Здесь им можно и даже нужно «подсунуть» желательный пример для вполне вероятного подражания. Кто-то должен первым крикнуть; «Ложись!», или «К шлюпкам!», или «По местам!» Соответственно, те, кто первыми исполняют эту команду, становятся образцами для подражания со стороны других. Жесткое, директивное управление людьми в панические моменты - один из наиболее эффективных способов прекращения паники.

Такие методы бывают особенно эффективны в сочетании с экстренным введением нового, причем достаточно привычного, знакомого людям стимула, вызывающего привычное, спокойное и размеренное поведение. Это может быть появление вождя на телеэкране, исполнение национального гимна или, по особой советской традиции, фрагментов балета «Лебединое озеро». Важно еще и то, чтобы такой привычный стимул носил ритмичный характер -- ведь паника аритмична по самой своей природе.

Ритм в случаях паники, как и стихийного поведения вообще, играет особую роль. Стихийное поведение - это неорганизованное, лишённое внутреннего ритма. Если такого «водителя ритма» нет в толпе, его должно задать извне. Широкую известность приобрел случай, происшедший в 1930-е годы после окончания одного из массовых митингов на Зимнем велодроме в Париже. Люди, ринувшись к выходу, начали давить друг друга, и все шло к трагическому концу. Однако в проеме лестницы оказалась группа приятелей-психологов, которые, сообразив, что может сейчас начаться, начали громко и ритмично скандировать потом уже знаменитое: «Не - тол - кай!» Скандирование было мгновенно подхвачено большинством, и паника прекратилась. Другой, политический, пример действия того же механизма - постоянное, в течение ряда десятилетий, использование американскими борцами за гражданские права афроамериканцев известной песни «Мы победим!» при противостоянии полиции или национальной гвардии.

Известен эпизод и с пожаром в парижской Гранд-опера, когда толпа также готова была броситься вон из задымившего здания, сметая все на своем пути, однако была остановлена необычным образом. Несколько отчаянных смельчаков, встав во весь рост в одной из лож второго яруса, начали орать (пением это было трудно назвать) национальный гимн. Через несколько секунд к ним стали присоединяться соседи. Постепенно и остальные начали если не петь, то все-таки останавливаться - национальный гимн все же. В итоге, театр встретил, как всегда, припоздавших пожарных исполнением гимна, к которому они также присоединились... Затем людей вывели, а пожар потушили.

Роль ритмической и, отдельно, хоровой ритмической музыки имеет огромное значение для регуляции массового стихийного поведения. Например, она может за секунды сделать его организованным. Вспомните многократно проклятые субботники и воскресники, демонстрации и прочие массовые или псевдомассовые акции советской эпохи. Не случайно все они встречали нас бравурной, маршевой, зажигающей музыкой. «Нас утро встречает прохладой...», - помните? Роль хорового пения солдат во время марша (знаменитое «Запевай!») вообще известна испокон веков. Не случайно большинство революционных песен, написанных в разные времена, разными людьми в разных странах, имеют очень сходную внутреннюю ритмическую структуру. Возьмите такие из них, как чилийская «Venceremos», американская «We shall overcome», французская «Марсельеза», польская «Варшавянка» или наша «Вихри враждебные веют над нами». Сам их внутренний ритм, наряду с боевым словесным содержанием изначально был своеобразным средством противостояния страху и панике в критических ситуациях.

Соответственно, известны и противоположные приемы. Хотите сорвать митинг политических противников? Подгоните к его месту радиофицированный автобус и начните транслировать что-нибудь типа «Вы жертвою пали...» или любого реквиема для начала ваших оппонентов-ораторов станет просто очень плохо слышно. Вместо их зажигательных речей людьми будет овладевать траурное настроение. Через несколько минут народ начнет расходиться. Тем самым, вместо мажорных усилятся минорные в частности, панические эмоции и чувства. Различных примеров такого рода можно привести немало.

«Самое главное: если началась паника... необходимо избавить людей от ощущения «загнанности в угол». Надо открыть все двери и проходы, громко, через мегафоны, объявлять о том, куда и как надо выбираться из толпы. Трагедия в Тбилиси в апреле 1989 года произошла во многом из-за дикой, воинствующей некомпетентности (рука не поднимается написать - злого умысла) властей, перекрывших все пути отхода с площади перед Домом правительства, все улицы и переулки, кроме одного-единственного проспекта Руставели, по которому как раз и были пущены навстречу толпе БТРы»^[303].

Это принципиально важно. Если вы чувствуете, что начинается или только может начаться паника, поспешите выбраться из толпы, на открытое пространство и покажите пути выхода другим людям. Паника страшна не тем, что всем становится страшно, а тем, что в состоянии паники люди давят друг друга.

Умерим агрессию

Агрессия - пожалуй, наиболее «горячая» форма поведения: она содержит в себе чрезвычайно мощный эмоциональный заряд. Сами выражения «выведенный из себя», «несдержанный», «доведенный до белого каления» подчеркивают это. Значит, главной задачей является снизить этот эмоциональный накал, умерить его.

Разумеется, агрессия бывает разной. Холодное насилие террориста трудно называть агрессией - это, скорее, просто нападение. Об эмоциональной агрессии говорят в случаях ответных эмоций - например, об агрессии человека, который до этого был сильно испуган, но горит жаждой отмщения обидчику. Конечно, заранее рассчитанную и давно сформировавшуюся агрессию террориста обычным людям в обычных ситуациях умерить трудно. Однако иногда и это возможно и, безусловно, полезно. Как говорится, попытка - не пытка, в самом буквальном смысле этих слов.

Иногда бывает достаточно сильно удивить нападающего на вас человека. Известный прием - вовремя задать самый странный и неожиданный вопрос. Например, «а что это у вас с ухом?» Обычно человек в ответ хватается за ухо или переспрашивает, что вы имеете в виду. Тему можно развить: «Я врач, и точно знаю - так начинается рак кожи». Как правило, в ответ следует замешательство, которым можно воспользоваться: попытаться ускользнуть, ударить, обезоружить противника. Выбить его из равновесия - этого бывает достаточно для того, чтобы приглушить агрессию. Известно, что многие женщины сумели избежать сексуального насилия, буквально ошеломив насильника заявлениями типа: «У меня сифилис».

Неплохой прием - резкое демонстративное подчинение. Как правило, агрессивный человек настроен на ваше сопротивление, которое ему придется преодолевать. Если вы ведете себя противоположным, не запрограммированным им способом, он может растеряться. Этим можно воспользоваться.

Не менее важной проблемой является снижение агрессии значительного количества окружающих вас людей. Даже если агрессия направлена вовсе не на вас, она все равно опасна: трудно бывает вырваться из такой толпы. Захватив вас, она может причинить вам реальный ущерб. Да и вообще: ходи потом (после разгона такой толпы милицией, например), разбирайся, доказывай, что тебя «здесь не стояло», что ты здесь пи при чем, и вообще, случайно оказался.

Экспериментально установлено: часто одного лишь простого присутствия человека, демонстрирующего модель неагрессивного поведения, бывает вполне достаточно, чтобы нейтрализовать агрессию, исходящую от других или провоцируемую другими людьми. Аналогичное действие обычно оказывает возможность или угроза мести немедленной или

отсроченной, «обещаемой». Чем выше вероятность возмездия по отношению к нашему обидчику, тем ниже вероятность нашего агрессивного поведения. Естественно, и наоборот: чем выше вероятность отмщения, тем менее агрессивным становится обидчик.

Наконец, важным является умение умерить собственную агрессию. Она редко бывает полезной. Скорее наоборот: агрессия порождает агрессию, и неизвестно, чем закончится ваше столкновение со столь же агрессивным человеком. Гораздо полезнее сохранять холодную голову, не поддаваться эмоциям и тем самым перехитрить врага, хотя, безусловно, иногда полезной бывает имитация сильного агрессивного состояния (типа «я вас всех сейчас разорву»). Это то, что в криминальном мире называется «брать на понт», и подчас дает эффективный результат.

Снижению уровня агрессии способствует общее снижение уровня возбуждения человека. Не зря советуют: «попей водички», «расслабься», «не напрягайся». Считается, что агрессию снижают или сдерживают три основных фактора: атрибуция, смягчающие обстоятельства, оправдания или выяснение причин.

Атрибуция - это наше восприятие причин, объяснение себе того, что происходит. Вас раздражает, если важный телефонный разговор внезапно прерывается. Но имеет значение, почему это произошло. Бросил ли собеседник трубку или просто случились неполадки на линии? Если вы вообразите первое, то ваша встречная агрессия будет оправданной и, естественно, усилится. Если же вы допустите второе, то уровень агрессивности сразу снизится. В жизни часто бывают ситуации, которые можно толковать по-разному. Действительно ли продавец в магазине хотел обидеть вас или же он просто неуклюже выразился? Неужели другой водитель намеренно «подрезал» вас на повороте или же он просто не заметил вас? В таких ситуациях мы пытаемся определить, почему другие ведут себя так, а не иначе. Выводы, к которым мы приходим, оказывают сильнейшее влияние на склонность прибегать к агрессивным действиям.

Смягчающие обстоятельства - это те объяснения, которые вы сами можете найти в действиях другого человека, или же то, что он может привести в свое оправдание. Экспериментально установлено, что предварительное объяснение и объяснение постфактум способствуют снижению уровня агрессии. Стоит нам заранее узнать, что человек находится в состоянии гнева, то это подавляет желание агрессивно ответить на его оскорбительные слова в ваш адрес. Однако для этого, разумеется, вы сами не должны поддаваться эмоциям - иначе это снизит вашу способность к переработке сложной информации о других людях. Не зря говорят: когда в дверь стучатся эмоции, разум выпрыгивает из окна. Не будьте импульсивны - найдите и оцените должным образом смягчающие обстоятельства.

Извинения и оправдания, «возмещение ущерба». Известно: если приносимые вам извинения искренни, а приводимые доводы убедительны и к тому же вам готовы возместить нанесенный ущерб, то вы можете быстро «растаять». Тогда ваш гнев «улетучится».

Если же извинения кажутся неискренними, а оправдания фальшивыми, это может даже усилить гнев. Однако здесь многое зависит от вас: как вы воспримете эти извинения и объяснения? Если вам захочется смирить агрессию, они вас удовлетворят. Если нет - вряд ли что-то поможет. Известны, однако, бытовые примеры, когда на требование «дай закурить!» (привычное начало для бытовой агрессии со стороны уличной шпаны, которой требуется эмоционально «разогреть» себя вашим прогнозируемым отказом) человек начинал искренне приносить извинения и объяснять, почему он не может этого сделать («вчера бросил курить», «забыл купить» и т. д.). Ошеломленные таким поведением агрессоры обычно сразу терялись, испытывали смущение, медлили или вовсе даже отказывались от своих намерений. Проверьте на себе: смогут ли вас удовлетворить извинения и оправдания в той или иной ситуации? Если да, то попробуйте применить этот прием - повредить он, по крайней мере, не может.

Хорошими средствами предотвращения агрессии обычно являются демонстрация сопереживания (эмпатия), удачная шутка и призыв к сексу. Известно: человек не способен осуществлять две несовместимые реакции в одно и то же время. Невозможно одновременно находиться в состоянии восторга и депрессии. Значит, можно снизить гнев и агрессию, вызывая чувства, не совместимые с ними. Прежде всего, это юмор, демонстративное сопереживание («разделение проблем») и пробуждение сексуального возбуждения. С одной

стороны, известны случаи, когда женщинам удавалось избавиться от домогательств насильника, высмеяв его («Очень хочется? Давно никто не давал? Не получается?»). С другой, известны и противоположные примеры: некоторым женщинам, попавшим в заложники, удавалось избежать немедленной смерти, склонив террориста к интимной близости. Иногда удавалось снизить агрессию террористов, демонстрируя готовность понять и разделить его проблемы. Известно, что «стокгольмский синдром» связан не только с возникновением привязанности жертвы к террористу, но и, напротив, с возникающей привязанностью террориста к жертве. Такое сближение как раз и происходит за счет «снятия» агрессии через демонстрацию понимания причин, принуждающих человека к агрессии.

Американский опыт массовых беспорядков и борьбы с ними позволил выработать целый ряд различных мер, снижающих вероятность даже относительно массовой агрессии, которая может создать ситуацию хаоса и беспорядков. Прежде всего, это рекомендации властным структурам, однако в целом ряде случаев эти рекомендации можно использовать и обычным людям.

«В районах, где существует опасность возникновения беспорядков, комиссия призывала полицию к сдержанности и к проведению главным образом профилактических мер. Полицейским чинам следует настойчиво разъяснять наличие... потенциально взрывоопасной ситуации и указывать на необходимость действовать крайне осмотрительно во избежание инцидентов, могущих быстро перерасти в широкие волнения. Нужно ввести программу интенсивных тренировочных занятий по отработке техники прекращения беспорядков, причем особое внимание следует уделять минимальному использованию силы и применению огнестрельного оружия. Важным фактором является поддержание строгой дисциплины в группах, выделяемых для прекращения беспорядков. Это связано с необходимостью сдерживания эскалации любых провокационных инцидентов. Важнейшей заботой властей, прежде всего муниципальных, является сохранение тесных личных контактов с местными жителями»[\[304\]](#).

Умеете ли вы открывать дверь?

Казалось бы - странный вопрос. Однако этот «пустячок» имеет большое значение. Во-первых, потому, что вы не всегда знаете, кто там, за дверью. Во-вторых, дверь может быть и заминирована. Общее правило: открывая дверь, вы должны чем-то прикрывать себя - так, чтобы вас было не слишком хорошо видно тому, кто там, за дверью. Чтобы в вас было трудно попасть, если захотят выстрелить. Чтобы не пораниться осколками, если что-нибудь взорвется. Еще одно общее правило: если это в вашей власти, сделайте так, чтобы наиболее часто открываемые вами двери открывались наружу, а не вовнутрь. Дверь, открываемую наружу, очень трудно выломать. Знаете, почему в СССР квартирные двери по ГОСТу открывались вовнутрь? Потому, что на этом еще в 1930-е годы настояли ЧК и милиция. Добились же они этого для своего, а не нашего удобства: так было гораздо сподручнее врываться в квартиры к неблагонадежным гражданам. В эпоху массовых репрессий некогда было тратить время на мороку с дверьми, открывающимися наружу. До революции их строили именно так. Да и двери были покрепче, чем советские, фанерно-картонные (особенно в «хрущобах»).

Если вы открываете дверь на себя, входя в помещение, обязательно прикрывайтесь этой самой дверью. Стойте за ней, а не рядом с ней - ни в коем случае не останавливайтесь в пустом дверном проеме... Если дверь открывается вовнутрь, встаньте так, чтобы вас прикрывал дверной косяк. Естественно, эти правила работают при входе в помещение. Если вы находитесь внутри и открываете дверь входящему, все работает с зеркальной точностью. Тогда вы успеете увидеть того, кто за дверью, раньше, чем он увидит вас. Лишняя секунда может спасти жизнь.

Если вы открываете кому-то, стоит обратить внимание на некоторые детали. Так, в частности, вначале вы можете (и должны) убедиться, что гость - званый, что именно этого человека вы ждали, и посмотреть в «глазок», поговорить через щель, держа дверь на цепочке. Далее - как уже говорилось. И никогда сразу не распахивайте дверь настежь - тогда у

незваного гостя будет возможность сразу оценить всю ситуацию или бросить в открытую дверь что-нибудь нехорошее - например, гранату. Если же дверь, не дай бог, заминирована, то медленно открываемая дверь может успеть защитить вас от смертоносных осколков. Дверь, открытая рывком и сразу настежь, делает вас абсолютно беззащитным, оставляет «голеньким» перед лицом опасности.

Кто живет рядом с вами?

Знаете ли вы своих соседей по лестничной площадке? В нормальных ли вы с ними состоите отношениях? Придете ли вы им на помощь в сложной ситуации, и придут ли они, если понадобится, на помощь вам? Поймете ли вы, проходя мимо, что человек, возящийся у соседской двери, это не сам «поддавшийся» сосед, никак не могущий попасть ключом в замочную скважину, а совершенно чужой человек, пристраивающий у двери взрывпакет или еще что-нибудь опасное?

Опять-таки внешне все это - очень простые вопросы. Однако, как известно, многие из нас, живущих в больших городах, просто не знают в лицо своих соседей. Тут уж не до доверия и взаимопомощи - хотя бы познакомиться надо. Сделайте это, пожалуйста. И не откладывайте надолго: ведь соседи по лестничной площадке - это то ближайшее человеческое сообщество, которое обязано обеспечивать взаимную безопасность. На этаже, на лестничной площадке, а хорошо бы и во всем подъезде, люди должны знать друг друга и доверять друг другу. Тогда любой чужой человек всякий раз будет «как на ладони» и не надо будет слишком волноваться насчет того, надежно ли заперты двери в подвал или на чердак.

Хорошо бы уверенно узнавать в лицо своего дворника, почтальона, слесаря-сантехника из ЖЭКа, участкового милиционера. У этого участкового, кстати, всегда есть телефон, который стоит записать в легко и, главное, быстро доступном месте. Да и телефон ЖЭКа надо держать на виду, чтобы не тратить часы на его поиск, когда вас начнет заливать прорвавшийся водопровод или кипяток из батареи центрального отопления.

Особенно пристальное внимание надо обращать на появление в подъезде, на этаже, в соседней квартире временных жильцов, снимающих чье-то жилье. Это - источник потенциальной опасности. Присмотритесь к новым соседям и решите, надолго ли они поселились (это всегда понятно по составу семьи, вещам, мебели), серьезные ли это люди, чем они занимаются. И не считайте чем-то неприличным обратить на этих людей внимание ЖЭКа или своего участкового милиционера - пусть хотя бы проверят, есть ли у этих людей договор о сдаче квартиры в поднаем. На каких, собственно, основаниях они здесь живут? Поверьте, такое внимание - оно не для налоговой службы (хотя и это не вредно), а для вашей безопасности.

Почтовые ящики

Отдельная тема - это наши почтовые ящики и то, что в них теперь подчас попадает. История распространения бацилл сибирской язвы в США осенью 2001 года всех научила: биологический терроризм - это страшная мина замедленного действия. Биотеррор всегда приходит тихо и незаметно, в аккуратном почтовом конверте, через обычный почтовый ящик. Хотите избежать этого? Прежде всего, контролируйте свой почтовый ящик. Не позволяйте использовать его в качестве мусорного ящика или склада для хранения наркотиков живущим по соседству наркоманам. Обращайте внимание на все непривычное, что может в нем оказаться. И конечно, осторожно открывайте его, не дергая слишком сильно - а то ведь бывает и так, что соседские дети за ниточку обычный капсюль привязали, а рядом с ним - открытый коробок спичек. Страшного ничего не случится, но руку обжечь вполне возможно.

Теперь - самое главное. Не спешите вскрывать конверты с незнакомым обратным адресом, с неизвестным вам отправителем. В последнее время у нас очень популярной стала так называемая адресная рассылка рекламной продукции -- почтовая реклама различных фирм, всевозможных товаров и услуг. Информационные базы данных с фамилиями, адресами и даже телефонами стали общедоступными - вот и обращаются к вам коммерческие фирмы по

имени-отчеству. Говорят, повышение спроса оправдывает затраты на такую рекламу. Думаю, однако, что очень скоро она резко пойдет на убыль: осторожные люди уже перестали вскрывать незнакомые конверты такого рода. И правильно делают. Мы, конечно, не в Америке живем, но если какой-нибудь террорист захочет устроить массовый террористический акт в большом городе, то легче всего ему будет замаскировать свои конверты с бациллами хоть сибирской язвы, хоть чумы или оспы под банальную и всем привычную почтовую рекламу. Народ у нас, к сожалению, все еще слишком доверчив. А «белая смерть», как уже окрестили биотеррор, приходит незаметно.

О пользе утюгов

Один из самых сильных страхов нашего времени - биотерроризм. Террористы давно рассчитали выгоду биологического оружия. В 1970-е годы считалось: военная операция против гражданских лиц в заданной зоне размером в один квадратный километр с применением обычного оружия обойдется в 2000 долларов, с применением ядерных снарядов - в 800 долларов, с применением нервно-паралитических газов - в 600 долларов и только... в один доллар, если будет применено биологическое оружие. Если с тех пор цены и выросли, то соотношение осталось примерно тем же. Предельно легким является и производство биологического оружия - никак не сложнее производства героина, чем уже давно занимаются даже неграмотные афганцы.

В 2001 году весь мир был напуган рассылаемыми по почте бациллами сибирской язвы. Задолго до этого американские исследователи смоделировали бактериологическую атаку на Нью-Йорк (точнее, на остров Манхэттен) с использованием всего лишь 90 литров патогенной субстанции, распыляемой при помощи мощного пульверизатора:

«В тот день, когда сложатся благоприятные метеорологические условия, при легком юго-западном ветре (12 км/ч) небольшой корабль, перемещающийся со скоростью 6 узлов, сможет примерно за три часа преодолеть расстояние в 32 км, отделяющие Бэттери-Парк (южная оконечность Манхэттена) от Сити-Айленд (на входе в Лонг-Айлендский пролив)... При условии, что половина тех, кого выбрали в качестве мишени, подвергнутся нападению, а из этих людей только половина будет заражена легочной формой бактериальной сибирской язвы, и, наконец, если умрет только половина этих пораженных (а это очень осторожные оценки), их будет более 600 000 человек».

Так что не зря в западных странах резко выросли в цене и сразу же были раскуплены противогазы. У нас, разумеется, этого не заметили, а если заметили, то понадеялись на пресловутое русское «авось». Хотя некоторые отечественные предприниматели заработали неплохие деньги, срочно перепродав на Запад огромные запасы наших противогазов, сохранившихся на складах гражданской обороны. Как бы для самих себя хватило. Купите противогаз, пока он еще не по «мировым ценам» у отечественных спекулянтов. Или просто найдите в гараже свой старый, еще с советских времен завалившийся, и приведите его в порядок.

В борьбе с сибирской язвой помогают и более простые средства. Сталкиваясь с пресловутым «белым порошком» в любом виде, держите наготове утюг. Проглаживание бацилл сибирской язвы горячим утюгом гарантированно убивает возбудителей этого заболевания. И вообще, как можно чаще пользуйтесь утюгом. Гладьте нижнее белье, футболки - все, что прикасается к телу. Особенно тщательно обрабатывайте детскую одежду. Так вы избавитесь от множества микробов, помимо сибирской язвы.

Места скопления людей

Для того чтобы чувствовать себя совсем спокойно, желательно иметь в радиусе хотя бы одного-двух метров пустое пространство вокруг себя. Лучше, конечно, чтобы такой пустоты было метра три, а идеально - пять. Но об этом в нашей скученной жизни приходится только мечтать. Как минимуму пространства должно быть достаточно для того, чтобы нельзя было чем-нибудь достать ваше тело, как говорят специалисты, «несанкционированным образом».

Понятно, что в нашей жизни, с ее транспортными проблемами, об этом даже мечтать не приходится. И все же - не лезьте в давку, даже если очень хочется поскорее доехать до дома или работы. Лучше выходите пораньше, с запасом времени.

Не жмитесь в одну кучу с другими людьми на автобусной остановке - люди могут оказаться разными. В давке проще простого «пырнуть» ножом или сунуть шило в бок. Там любой осколок даже от незначительного взрыва может стать смертельным. Остановки общественного транспорта - удобное место для того, чтобы оставить там, на лавочке или под лавочкой, взрывное устройство. Давно уже обещают власти делать их такими, чтобы не было легко бьющегося и далеко разлетающегося стекла. В развитых странах, между прочим, остановки общественного транспорта из хороших пуленепробиваемых материалов - и чинить редко приходится, и в отношении осколков безопасно. Нам приходится рассчитывать только на себя. Значит, смотрите внимательно по сторонам. Подозрительный человек, подозрительный предмет, что-то вроде бы «случайно» забытое кем-то на остановке, в автобусе, метро, - все это может оказаться вовсе даже не случайным.

Научитесь «читать» людей. Потенциальный террорист часто замечен: он слишком напряжен, он «дергается», у него «бегают» глаза. Он все время озабочен тем, чтобы выполнить задание, но не попасться в руки правоохранительных органов, - и это отражается на его поведении. Часто и внешний вид может выдать такого человека. Он редко бывает одет прилично, но редко выглядит и откровенным «бомжем». Чаще всего это что-то среднее, хотя и с уклоном в сторону «бомжеватости»: шапочка надвинута на глаза, одежда такая, что не жалко, но удобная для быстрого передвижения... Кстати, обращайте внимание на знаменитые стенды под названием «Не проходите мимо» - там вывешивают и фотографии, и фотороботы людей, подозреваемых в терроризме. А то милиция жалуется: на этот розыск уходят огромные деньги, тратятся тонны бумаги, но в последние годы люди просто перестали обращать на них внимание. И напрасно. Как говорили древние: предупрежден ~ значит, защищен. Мы как-то незаметно стали болезненно самоуверенными. Считаем, что беда нас не коснется. Ленимся подойти к такому стенду и посмотреть.

Приходя в кино, обращайте внимание не только на экран, но и на своих соседей, на то, нет ли чего-нибудь лишнего, подозрительного под вашим креслом. Особенно насторожитесь, если кто-то из рядом сидящих внезапно покидает зал. Взгляните, хотя бы мельком, не «забыл» ли он что-нибудь, уходя. Обратите внимание билетера на странное поведение таких соседей. И не бойтесь ложной тревоги, не бойтесь показаться смешным. Лучше пусть будет тысяча ложных сигналов, чем один «провороненный» террористический акт.

Никогда не поддавайтесь соблазнам. Не поднимайте брошенную или оставленную кем-то, якобы случайно, красивую авторучку, зажигалку, пачку сигарет. Не подбирайте ничего привлекательного - особенно, в яркой упаковке. Поверьте старой английской поговорке - бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Привычка жить на халяву глубоко ошибочна. Помните: другие люди не глупее нас с вами. То, что нам кажется «забытым» или «потерянным», слишком часто оказывается просто специально для вас подброшенным. В мире давно известны многочисленные случаи минирования таких предметов террористами. Более того, именно они часто специально начиняются взрывчаткой. Такие мины-ловушки рассчитаны, прежде всего, на несмышленных детей, но достаточно часто от них страдают и взрослые.

Как вы ходите по улицам?

К сожалению, большинство из нас ходит примерно одинаково - в основном, глядя себе под ноги. Смотреть же надо по сторонам, причем внимательно. Так можно заранее увидеть и потенциального террориста, и подозрительный предмет, и просто опасную компанию уличной шпаны в подворотне. Конечно, в нашем климате, с долгой зимой, это не просто. Под ноги приходится смотреть, чтобы не поскользнуться на гололеде. Значит, надо попробовать делать так: осмотрели окрестности, потом - под ноги; потом - опять по сторонам, и т. д. Это называется «сканированием местности».

На улице многое имеет значение. Это не только движущийся, но и припаркованный на

краю дороги, у обочины автотранспорт. Хорошо известно, что взрыв припаркованного в людном месте или около жилых домов автомобиля - один из излюбленных приемов террористов. Обращайте самое пристальное внимание на такие брошенные машины. Если заметили у своего дома незнакомый автотранспорт, стоящий без присмотра несколько дней, - попробуйте выяснить у соседей, кому он принадлежит, почему именно здесь брошен. Или хотя бы не поленитесь позвонить своему участковому, в крайнем случае, в ЖЭК - они примут необходимые меры.

Остерегайтесь на улице не только пьяных, но и празднующихся подростков - и они могут быть опасны. Входы в подвал, на чердак должны быть всегда и надежно закрыты. Лестничные площадки не должны стать приютом для бомжей и наркоманов. Домофоны должны работать, а не пропускать всех подряд в ваш подъезд. Наконец, перед входом в подъезд должен гореть свет, как и на лестничных площадках.

Помните: как правило, террористы - чужаки, пришлые люди, посторонние в вашем городе. Свои редко станут взрывать дома, в которых, возможно, живут их собственные родственники. Чужой же человек всегда замечен. Он не знает, где находятся всем известные места, расспрашивает дорогу, иногда интересуется тем, что для нормального человека либо давно известно и привычно, либо просто не придет в голову узнавать. Вы, например, знаете, где находится ближайшее отделение милиции? Либо знаете, либо вам и знать этого не надо. А вот террористу это крайне необходимо знать - с этой стороны его может предостерегать опасность. Так что присмотрись внимательнее к празднующемуся человеку, который вдруг интересуется, где же здесь милиция. Спросите, зачем это ему понадобилось. И посмотрите, как он будет реагировать. Если что-то покажется вам подозрительным, странным или просто непонятным, предложите проводить его до милиции, а там попросите сотрудников проверить документы такого вот любознательного человека. Так, просто на всякий случай.

Кое-что о мусоре

Как уже говорилось, особое внимание надо уделять собственному двору, детской площадке: это тоже излюбленные места террористов. Часто взрывные устройства могут маскироваться под какие-либо предметы, якобы брошенные около мест для сбора мусора - хотя это и не очень приятно, и пахнет иногда, но вот вам совет: лучше присматривайтесь внимательнее к таким местам, когда сами выбрасываете мусор. Глядишь, сумеете вовремя разглядеть что-нибудь странное или, на худой конец, тикающий звук часового взрывателя вовремя услышите.

Остерегайтесь урн для мусора. Именно в них, как свидетельствует, в частности, богатая на террористические акты ближневосточная статистика, чаще всего кладет террорист свое адское устройство. Поэтому в свое время власти Израиля не пожалели денег и сделали все мусорные урны в городах... прозрачными. И очень многие террористические акты стали предотвращаться, что называется, в зародыше: любой, кто подходил к такой симпатичной урне, чтобы бросить недокуренную сигарету или сунуть бумажку от мороженого, сразу замечал в ней что-то необычное. Далее следовало обращение к ближайшему полицейскому, затем приезд специалистов и, наконец, быстрое разминирование. Некоторое время назад, после нескольких взрывов в Москве, столичные власти пообещали заменить и у нас урны для мусора. К сожалению, все эти обещания так до сих пор и не выполнены даже в столице. Что уж говорить о других городах нашей необъятной родины. А жаль. Ведь затраты на это, как выяснилось, не такие большие, а результат, как говорится, налицо.

Удобно ли вы одеваетесь?

Одеваться надо достаточно удобно на тот случай, если внезапно возникнет чрезвычайная ситуация - например, по каким-то причинам вдруг придется спасаться бегством. Иногда приходится просто диву даваться, глядя на то, в каких замечательных шубах - в буквальном смысле, до пят, - ходят наши славные женщины в метро или пытаются вскарабкаться на подножку автобуса. Не будем говорить о том, что большая часть нашей

страны располагается все-таки не за Полярным кругом, а несколько южной. В конце концов, это дело вкуса, а пар, по русской пословице, костей не ломит. Дело, однако, не во вкусах. Да и метро - не баня. Речь о другом: о том, что в случае опасности, тревоги или паники эти милые женщины в таких шубах до пят далеко не убегут. Хуже того: почти наверняка, при малейшей попытке ускорения, они довольно быстро упадут, растянутся на улице или на полу. Тогда возникнет «пробка» на пути эвакуации: на одну упавшую повалятся еще несколько, и груда барахтающихся тел станет непреодолимым препятствием. А если это случится на эскалаторе? Так все и посыплется кубарем вниз, вместо того чтобы выбираться вверх.

Верхняя одежда должна быть удобной и практичной. Посмотрите на Запад: думаете, у тамошних женщин шуб нет или их мужья слишком бедны и купить жене шубу не в состоянии? Или что они все там поголовно вступили в общество охраны животных, запрещающее носить одежду из шкур невинно убиенных животных? Нет, не беднее они нас, а всего лишь гораздо умнее. Знают, куда ходить в шубах, а куда в более практичной одежде. На работу, например, или по магазинам, не говоря уж об оптовых рынках, в шубах там почему-то не ходят. В театр или в гости ~ пожалуйста. Но тогда не пользуются общественным транспортом. Ради такого не частого дела готовы на такси потратиться. Конечно, нам Запад - не указ, но все же, согласитесь, тут есть над чем подумать.

Удобной должна быть и обувь. Это опять обращение к милым дамам: каблуки очень опасны в общественном транспорте не только для окружающих, но и для вас самих. Конечно, обувь должна быть красивой. Но, прежде всего, она должна быть удобной, по сезону теплой и как можно более практичной. В том числе и с учетом требований элементарной безопасности.

Отдельный разговор - о крупногабаритных предметах. Если в метро еще есть какие-то ограничения, то в автобусах и другом наземном транспорте ни о каких ограничениях и думать не приходится. Поэтому «чемоданы оккупантов» типа «великая Германия», тюки разного рода и даже огромные ящики сплошь и рядом загораживают не только проходы в транспорт, но и - главное! - выходы из него. Не таскайте с собой громоздкие предметы - возьмите такси. И другим, кого увидите с подобной поклажей, посоветуйте сделать то же самое. Поверьте: все окружающие вас в этом очень горячо поддержат.

О «внутреннем» употреблении

Это - разговор о том, что мы употребляем вовнутрь, то есть пьем и едим. Тут есть совсем очевидные моменты: не надо покупать несвежие продукты и пить «паленую» водку. Но практике известны и гораздо более изощренные вещи. Несколько лет назад в США была раскрыта группа террористов, умело вскрывавших упаковки популярных лекарств и подменявших целебное содержимое капсулами с ядом. Потом этот «товар» шел в продажу через самые обычные аптеки. После нескольких странных смертей данный террористический акт был раскрыт, а дальнейшее распространение таких «лекарств» было предотвращено. Правда, занимавшихся этим делом террористов сразу схватить не удалось - видимо, они куда-то вовремя перебазировались.

В свое время в Афганистане террористы применяли против советских граждан и не такое. Оцените: террористы ухитрились использовать против нас даже отравленную водку. Отличить ее можно было по маленькой дырочке на пробке: именно через нее шприцем впрыскивалось ядовитое вещество. Также с помощью медицинской иглы яд впрыскивался во фрукты, в арбузы и дыни. И это было еще более эффективно. Тут, правда, «найти дырочку» при покупке было намного сложнее. Соответственно, и жертв было больше. В архивах полиции США и европейских стран можно обнаружить множество свидетельств самых разных угроз бактериологического заражения упаковок детского питания, дел об арестах сумасшедших, выращивавших ядовитые грибы или растения в своих палисадниках, чтобы поставить на службу той или иной «великой идее».

Что можно посоветовать? Следите тщательнее за всем, что используется для самого главного, внутреннего употребления. Покупайте еду и напитки в тех местах и торговых точках, где проверяют качество продаваемых товаров. Сохраняйте чеки на купленные товары, чтобы хоть по чеку милиция могла найти тех, кто был связан с террористами. Задумайтесь

над благородной мыслью: ваша смерть предотвратит новые смерти. Утешение, конечно, слабое, но, если не хотите погибать, как можно внимательнее следите за своим «внутренним употреблением». Люди, будьте бдительны!

Вода

К сожалению, наши водопроводы крайне уязвимы для террористических акций. Вместе с водой человек может допустить в организм и отравляющие химические вещества, и бактериологическое оружие. Дальше все зависит от того, что окажется более удобным для террористов. По американским данным, для того чтобы убить человека, выпившего полчашки воды из резервуара вместимостью 5 миллионов литров, нужно, по меньшей мере, десять тонн цианистого калия, тогда как всего 500 граммов такого бактериологического вещества, как *salmonella typhi*, прекрасно справятся с той же задачей. Террористам важна себестоимость. Жертвам - все равно.

Для того чтобы снизить опасность террористического поражения через воду, не пожалейте денег на фильтры. Достаточно доступные по цене, они защитят вас от большинства химических добавок. Если в фильтре есть хотя бы немного серебра, это повышает шансы на то, что будут убиты микробы - возбудители многих заболеваний. Если в фильтре серебра нет, никто не мешает вам бросить кусочек этого замечательного металла в чайник или другую емкость, в которой вы отстаиваете воду перед ее употреблением. Кстати, это желательно делать хотя бы потому, что вода у нас и без террористов далеко не самого лучшего качества.

Если говорить о самом необходимом минимуме, то воду надо обязательно кипятить. К сожалению, до сих пор многие пренебрегают этой простейшей мерой безопасности и пьют воду прямо из-под крана. Опасное легкомыслие.

О транспорте

Владельцам личного автотранспорта следует внимательнее относиться к своим средствам передвижения. Пока в России минированы автомобили исключительно богатых людей. Заказные взрывы трудно назвать террористическими актами. Хотя... как посмотреть. Это ведь тоже террор - запугивание бизнесменов, - хотя и не массовый, а, так сказать, для «узкого круга»: соответственно, локальный ужас. Однако на Среднем Востоке и даже в Европе накоплен богатый опыт минирования чужих автомобилей именно в террористических целях. Не исключено, что этот опыт может перекинуться и на Россию. А это значит, что, подходя к своему автомобилю, очень полезно убедиться, нет ли на дверных замках следов «несанкционированного доступа», не свисает ли с днища пара лишних проводков. К сожалению, и в отношении транспорта внимательность наших сограждан оставляет желать лучшего. Автору самому довелось быть свидетелем ситуации, когда человек вышел из подъезда, сел в родные «Жигули», завел мотор и... машина стояла на кирпичках: минувшей ночью злоумышленники сняли с нее се четыре колеса и поставили на кирпичные столбики. Взревевший мотор уронил машину «на брюхо». Незадачливый водитель получил довольно-таки серьезные травмы. Автомобилю досталось еще больше.

Транспорт - это не только автомобили. Всем известно, что именно самолеты являются излюбленным инструментом террористического воздействия. Их угоняют, минировать, взывают, сбивают ракетами. На самолетах врезаются в небоскребы. Мало что зависит от пассажира, садящегося в крылатую машину, по сути, он вынужден целиком и полностью отдаться авиакомпании, довериться работникам аэропорта и экипажу. И все-таки здесь также мы можем быть полезными. Ведь террористы не сразу вскакивают и объявляют самолет захваченным. Тем более, не сразу они приступают к насильственным действиям. В самолете все связано одной нитью: если самолет упадет, то погибнут и террористы. Даже камикадзе в этом случае не смогут осуществить свои цели - отдать жизнь ради какой-то цели. Значит, в самолете есть ограничения и в поведении террористов. Давайте присматриваться друг к другу с самого начала, а при первых подозрительных признаках конфиденциально сообщать о своих

подозрениях экипажу. Ныне почти в каждом самолете есть сотрудник спецслужб. Он сможет принять меры, если своевременно (в смысле, заблаговременно) получит необходимую информацию.

Отдельно - о метро

Опыт японских террористов из секты «Аум Синрике», осуществивших теракт в токийском метро, к сожалению, быстро забыли. А зря.

«Утром 20 марта 1995 года, в час пик, пять вагонов на трех линиях токийского метрополитена были заражены при помощи маленьких пакетиков, в которых содержался газ зарин. Итог: 12 погибших и более 3000 раненых или тяжелобольных. Через несколько недель после теракта секта «Аум Синрике», руководимая Секе Асахарой, взяла на себя ответственность за этот теракт. В нескольких километрах от горы Фудзи полицейские обнаружили мастерскую, где изготовлялся отравляющий газ зарин»[\[305\]](#).

Речь идет о распространении ядовитых паров в закрытом пространстве, при котором эффект от заражения усиливается взрывом насилия, порождаемого паникой. Расследование террористического акта в токийском метро показало, что террористы хорошо разработали способы распыления: они даже приобрели две уменьшенные радиоуправляемые модели вертолетов, способные перевозить многие килограммы ядовитых веществ. Вскоре после теракта был арестован один из членов секты. У него был найден металлический чемоданчик-ловушка, послуживший подтверждением того, что готовились и другие теракты, схожие с тем, что произошел в метро. В чемоданчике находилась автономная система аэрозольного разбрызгивания, состоящая из вентилятора, вибратора и трубки, заполненной жидкостью. Именно эта ядовитая жидкость и должна была разбрызгиваться при помощи виброустройства. Устройство управлялось ультразвуковыми сигналами.

Это значит, что опасность такого теракта вполне реальна. Пожалуйста, если вдруг в метро вы почувствуете резкий неприятный запах и увидите, что вы не одиноки в своих ощущениях, не стесняйтесь. Помните: если дышать через любую тряпку, смоченную любой жидкостью, шансы на спасение возрастают. Тряпка может быть любой - хотя бы частью вашей одежды, рубашкой, футболкой, майкой. Любой может быть и жидкость. Только еще раз: без ложной скромности.

Наши дети

Именно дети, как известно, - наше счастье. Это самая большая наша радость, если у них все благополучно, и наша самая страшная боль, если с ними что-нибудь случается. Но именно дети, к сожалению, представляют собой самый уязвимый и потому самый привлекательный объект для террористов. Все мы хорошо помним, что идея заложничества как такового возникла достаточно давно с практики похищения именно детей. Всем известное понятие «kidnapping» означает похищение людей вообще, хотя начиналось все именно с детей. Все, что будет далее сказано, представляет собой свод в общем-то банальных, достаточно известных правил предосторожности. Однако к ним полезно периодически обращаться, и это удобно делать, когда они представлены в достаточно компактном виде.

Никогда не оставляйте ребенка дома одного, хотя бы до 10-12 лет. Помните: может случиться все что угодно, и достаточно только одной роковой случайности, чтобы потом помнить о ней всю жизнь. Любая квартира содержит массу опасностей для ребенка. Их спектр огромен: от мимоходом включенного газа или случайного пожара в результате короткого замыкания электропроводки - до целенаправленного вторжения чужого человека. Все это может повлечь за собой необратимые последствия.

Никогда не выпускайте ребенка одного на улицу, хотя бы до 10-12 лет. Не оставляйте ребенка одного у входа в магазин, в аптеку, отделение связи, во дворе, даже около собственного подъезда. Даже на даче ребенок никогда не должен один гулять за пределами вашего «участка». И здесь может случиться всякое, и здесь достаточно только одной роковой случайности, чтобы потом страдать всю оставшуюся жизнь.

Добейтесь того, чтобы ваш ребенок на всю жизнь предельно четко усвоил: надо настороженно относиться к чужим людям. Весь мир для ребенка должен жестко делиться на «своих» и «чужих». Чужому нельзя открывать дверь. С чужим не о чем разговаривать во дворе. От чужого на улице нельзя принимать подарки. С чужим нельзя никуда идти, садиться в автомобиль, уезжать на автобусе и т. п. С чужими людьми никогда нельзя садиться в один лифт.

Воспитывайте у ребенка наблюдательность. Поверьте, она будет полезна как ему, так и вам. Ребенок должен уметь внимательно смотреть по сторонам и подмечать все, что происходит вокруг. Дети часто замечают то, что мы, взрослые, пропускаем «между глаз». Научите ребенка не просто наблюдать, а еще и рассказывать вам обо всем, что он заметил необычного во дворе, на улице, вокруг дачи. Не исключено, что его детские наблюдения приведут вас к серьезным, уже взрослым умозаключениям и выводам.

Ребенок должен знать: все, что ему необходимо, он получает от вас и только от вас. В крайнем случае, от кого-то, но в вашем присутствии и, обязательно, с вашего одобрения. Значит, ничего нельзя подбирать на улице - ни яркой игрушки, ни красивой бумажки. Значит, никогда и ничего нельзя брать у незнакомых людей - ни мороженого, ни пирожного; ни напитков, ни сигареты, ни шприца.

Ребенок не должен тащить в дом ничего из того, что он все-таки может найти во дворе или на даче. Ни брошенной кем-то игрушки, ни забытой авторучки; ни красивой банки, ни симпатичной бутылки; ни найденной на скамейке книги, ни выброшенного кем-то конверта с редкой маркой; ни бездомной собаки, ни приبلудной кошки. Все это может быть источником реальной или потенциальной опасности.

Никакие детские слезы никогда не должны стать поводом для того, чтобы вы дали «слабину». Ваше «нет» всегда должно значить именно «нет», а не «быть может». Ребенок должен твердо знать и понимать слова «можно» и «нельзя». Все, что вы сочтете допустимым для ребенка (новая игрушка, собака, кошка), должно пройти через ваши руки, быть проверено вами и соответствующим образом обработано.

Резюме

Когда работа над книгой подходила к концу, пришло сообщение о новой страховой компании, которая прямо сейчас разворачивает свою деятельность в Подмосковье. За сравнительно небольшую сумму (100 рублей) в этой компании можно застраховаться... от незнакомых конвертов с подозрительным порошком. Тогда, в случае получения вами по почте такого конверта, вы сможете обратиться в эту самую страховую компанию, и ранее уплаченные вами деньги (эта самая страховка) пойдут на исследование конверта и экспертизу порошка. Расчет этих страховщиков до предела прост: люди не верят, что в случае угрозы террористического акта им будет куда обратиться. Они не верят в помощь властей, например, но готовы довериться таким страховщикам. Самое удивительное, что уже за первую неделю деятельности этой компании ее агентам удалось застраховать сотрудников нескольких отделений связи.

В ближайших планах компании - страхование жителей многоэтажек от прямого попадания в дом угнанного самолета. Пока, правда, нет никаких гарантий того, что подобная услуга найдет широкий спрос в Подмосковье. Хотя... кто знает?

Во всяком случае, пример оказался заразительным. Уже через несколько дней еще шесть российских страховых компаний объявили о создании Российского антитеррористического страхового пула. В него вошли Военно-страховая компания, «Ингосстарх», «Интеррос-Согласие», «РЕСО-Гарантия», «Росгосстрах», РОСНО. Они объявили, что создание такого пула страховщиков вызвано резким повышением спроса со стороны крупных промышленных предприятий и компаний на страхование от террористических актов. Это объясняется массовым страхом после событий 11 сентября 2001 года в США.

Обычно, при страховании крупных объектов, террористический акт считается стандартным исключением из перечня страховых событий - это, так сказать, супер форс-

мажор. Теперь же участники пула готовы включить риск террористического акта в традиционные договоры «огневого» страхования имущества промышленных предприятий и иных организаций, а также в полисы страхования авиационных и морских рисков. Кроме того, теперь возможно страхование исключительно на случай террористических актов. На сегодняшний день пул может принимать на себя ответственность по этому риску на сумму до 11 миллионов долларов США по каждому страховому договору. В случае заключения договоров на большие суммы риски планируется перестраховать на международном рынке в специализированных компаниях.

После террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне стоимость страхования имущества на случай терроризма на международном рынке выросла в несколько раз и сегодня составляет около пяти процентов от страховой суммы. Участники пула намерены принимать на страхование риск терроризма по ставке 0,02-0,25%. При этом страховая защита может распространяться на объекты, расположенные на территории как России, так и стран СНГ.

Это выглядит уже гораздо более серьезно. Однако, поверьте, самая надежная гарантия - это вы сами. Если вы будете соблюдать хотя бы минимальные правила безопасности, то вероятность стать жертвой террористического акта сразу же снизится в несколько десятков раз, что дешевле и, главное, надежнее любой страховки. Правильно писали когда-то классики советской сатиры и юмора: «Спасение утопающих - дело рук самих утопающих!»

За юмористическим образом стоит очень серьезная проблема. Надо учитывать психологию терроризма. Ведь террористы - это актеры, которые все время, а особенно в моменты осуществления террористических акций, чувствуют себя на сцене. Они искренне верят, что их действиями восхищаются, что они останутся героями и мучениками, борцами за правое дело в памяти потомков. Зависимость от публики - уязвимое место терроризма. Справедливо сказано:

«Террористов можно и нужно обезвреживать и наказывать, однако победить терроризм как явление можно будет только тогда, когда в обществе создастся такая атмосфера, что все, в том числе и сами террористы, поймут, что даже для тех, кто разделяет их политические или религиозные взгляды, они, в лучшем случае, являются опасными сумасшедшими. Именно такое понимание заставило отказаться от борьбы террористов Германии и Италии. Борьба с террористами должно государство, но победить их может только общество»[\[306\]](#).

И еще одна цитата - как почва для размышлений:

«Может быть, самое лучшее, что может придумать цивилизованный мир в качестве ответа варварству, - продолжать как ни в чем не бывало прежнюю жизнь. Помня об угрозе и всячески готовясь к ее отражению, но без чрезвычайности. В конце концов, стоять на своем - на своих гуманистических ценностях, на выработанных десятилетиями законах международного права - это тоже способ ведения войны. А войн без потерь и даже временных поражений не бывает»[\[307\]](#). Так что решайте сами, как относиться к терроризму.

Литература

1. Abdalla I.-S. The Third world in crisis // IPDA Dossier. - 1981. - № 26.
2. Amini S. A critical assessment of 'All S'hari'ati's theory of revolution. - In: Iran: Essays on a revolution In the making / Ed. by Jahbari A., Olson R. Lexington: Univ. Press, 1981.
3. Ayatollah Khomeini. Weisheiten, Warnungen, Waisungen. - Munchen: Aus Verlag, 1979.
4. Balta P., Rulleau C. L'Iran insurge: 1789 an Islam? Un tourant du monde? - P.: Sindbad, 1979.
5. Becker E. The terror of death. - In: Stress and coping. An anthology. - N. Y.: Plenum, 1977.
6. Luksemburg R. Bericht in den Grundungsparteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands - B.: Spartakusbund, 1919.
7. Blauner R. Whitewash Over Watts // Trans-Action. - 1966. - March-April. - № 2.
8. Bull N. Experimental investigation of the body-mind continuum in affective states // Journal of Nervous and Mental Diseases. - 1951. - № 113.
9. Bunian and Fisher. The Bolshevik Revolution, 1917-1918. - Stanford: Univ. Press 1934.
10. Business Week. - 2001. - November 5. - № 41.
11. Cohen E. A. Human Behavior in the Concentration Camp. - L. Academic Press, 1954.
12. Coser L. Continuities in the Study of Social Conflict. - N. Y.: Norton, 1967.
13. Dekmegian R. H. The anatomy of Islamic revival // Middle East Journal. - 1980. - Vol.34.-№1.
14. Drobisch K. Uber den Terror und seine Institutionen in Nazideutschland. In: Faschismus Forschung. - B.: Folk

Verlag, 1949.

15. Durkheim E. Le suicide: etude de sociologie. - Paris, 1897.
16. Eysenk H.J. Crime and Personality. - Boston: Univ. Press, 1964.
17. Enciclopedia of Psychology / Ed. by H.J. Eysenk, W. Arnold and R. Meih. - N. Y.: Plenum, 1972.
18. Frankl V. E. Ein Psychologe erlebt das Konzentrationslager. - Wien: Aus Verlag, 1946.
19. Guardian. - 1979. -January 22.
20. Harrington M. Is America by Nature a Violent Society? // New York Times Magazine. - 1968.-April 29.-№ 4.
21. Is the Ayatollah a heretic? // Times. - 1980. - April 28.
22. Izard C E. The face of emotion: - N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1971.
23. Kapferer R. Renaissance des Islam - ein Teil der Kulturrevolution in Dritten Welt.
24. Aus Politik und Zeitgeschichte. - № 5152/80. - 1980. - 20 Dezember. JanovitzM. Social Control of Escalated Riots. - Chicago: Univ. Press, 1968.
25. Jansen G. H. The Militant Islam of Imam Khomeini: a new phenomenon. - L.: Muslim Publ., 1985.
26. Les Regies de la Methode Sociologique. - Paris, 1927.
27. Lockhart Bruce R. H. Memoirs of a British Agent. - L., 1932.
28. McCleud S. The Jihad Palladin // Times. - 1996. - May 6.
29. Milgram S. Some conditions of obedience and disobedience to authority // Human Relations. - 1965. - № 18.
30. Michael Bakunins sozialpolitischer Briefwechsel mit Alexander Herzen und Ogarjow. - B., 1895. New York Times. - 1968. -July 4.
31. O'Braien C The position of Islam in the life and politics of Sudan // West Africa. - 1982. - Vol. 65. - № 65.
32. Pospiszyl K. Psychologiczna analiza wadliwych postaw społecznych młodzieży. - W-wa: Ossolineim, 1973.
33. President's Commission on Law Enforcement and Administration of Justice, Task Force Report; Crime and its Impact - an Assessment. - W.: The Free Press, 1967.
34. Razi G. H. Development of political institutions in Iran and. scenarios for the future / Iran: Essays on a revolution in the making. - N. Y.: Norton, 1982.
35. Rowan J. Psychological aspects of society. - L.: Academic Press, 1978. - B. 4. The structured crowd.
36. Sandis Credit Islamic Law with Keeping Crime Rate Down // International Herald Tribune. - 1984. -January 12.
37. Strayaf A. Future of Khomeini and World Islam. - L.: Muslim Publ, 1985.
38. The portrait of ayatollah Khomeini // Guardian. - 1979. -January 22.
39. Tomkins S. S. Affect, imagery, consciousness. - Vol. 1. The positive affects. - N. Y.: Plenum, 1962.
40. Tomkins S. S. Affect, imagery, consciousness. - Vol. 2. The negative affects. - N. Y.: Plenum, 1963.
41. Vellay C. Discours et Rapports de Robespierre. - P., 1908.
42. Vischer A. L. Die Stacheldrahtkrankheit. - Zurich: Folk Veriag, 1918.
43. WalzerM. The Islam explosion // New Republic. - 1979. - December 8.
44. WindE. de. Confrontarie met de dood // Folia psychiat. Need. - 1949. - № 6.
45. ZedlerB. The ayatollah Khomeini and his concept of an Islamic republic // International philosophical quarterly. - 1981. - Vol. 21. - № 1.
46. Zilboorg G. Fear of death// Psychoanalitic Quarterly. - 1943. - Vol. 12.
47. Агеев А. Великая репрессия // Профиль. - 2001. - № 36.
48. Агеев А. Наступил XXI век // Профиль. - 2001. - № 34.
49. Акунин Б. Статский советник. - М.: Захаров, 2001.
50. Амелин В. Н. Социология политики. - М.: изд-во МГУ, 1992. Америка: взгляд из России (до и после 11 сентября). - М.: ФОМ, 2001.
51. Антоний. Догматическое богословие. - Киев, 1862.
52. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. - Париж: YMCA-PRESS, 1955.
53. Бланк А. С. Старый и новый фашизм. - М.: Политиздат, 1982.
54. Бовин А. Е. Иранская революция. Хроника, документы, размышления // Иностранная литература. - 1980. - № 7.
55. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. - М., 1909.
56. Введенский А. Религиозное сознание язычества. - Т. 1. - М., 1902.
57. Военный энциклопедический словарь. - М.: Воениздат, 1983.
58. Галкин А. А. Германский фашизм. - М.: Политиздат, 1967.
59. Ганнушкин П. Б. Избранные труды. - М.: Медицина, 1964.
60. Гевара Че Э. Партизанская война // Иностранная литература. - 1961. - № 4-5.
61. Гевара Че Э. Эпизоды революционной войны. - М.: Политиздат, 1973.
62. Гозман Л. Я., Шестопал Е. Б. Политическая психология. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
63. Горький М. Жизнь Клима Самгина // Горький М. Полное собрание сочинений: В 25 т. - Т. 21. - М.: Наука, 1974.
64. Гросс Х.-Э., Вольф К.-П. Че: «Мои мечты не знают границ». - М.: Прогресс, 1984.
65. Гуляев Ф. Нет пророка в своем отечестве // Профиль. - 1999. - № 35.
66. Гусев Д., Матвейчев О., Хазеев Р., Черпаков С. Уши машут ослом. Современное социальное программирование. - Пермь: Alex J. Bakster Group, 2002.
67. Давыдов Ю. Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. - М.: Наука, 1977.
68. Давыдов Ю. Н. Савинков Борис Викторович, он же В. Ропшин. Предисловие // Савинков Б. Избранное. - М.: Московский рабочий, 1990,

69. Джекебаев У. С. О социально-психологических аспектах преступного поведения. - Алма-Ата: Респ. книжн. изд-во, 1971.
70. Дубовик О. Л. Принятие решения в механизме преступного поведения и индивидуальная профилактика преступлений. - М.: Наука, 1977.
71. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. - Одесса, 1900.
72. Евгеньева Т. В. Психология религии и проблемы работы с верующими. - М.: ИОН, 1988.
73. Жаккар Р. Именем Усамы бен-Ладена. - М.: ОЛМА-Пресс, 2002.
74. Подвиг. - Журнал Московской патриархии. - 1956. - № 6.
75. Изард К. Е. Психология эмоций. - СПб.: Питер, 2000.
76. Известия. - 1917. - 30 октября (12 ноября).
77. Известия. - 1917. - 6(19) декабря.
78. Камю А. Чума // Камю А. Избранное. - М.: Радуга, 1988.
79. Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Т. 1,2. Большевицкая революция. 1917-1923.-М.: Прогресс, 1990.
80. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. - М.: Наука, 1983.
81. Конан-Дойль А. Дьяволова нога // Конан-Дойль А. Собрание сочинений: В 8 т. - М.: Правда, 1966. Т. 3.
82. Коровиков А. Исламский экстремизм в арабских странах. - М.: Наука, 1990.
83. Коупленд Н. Психология и солдат. - М.: Воениздат, 1960.
84. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. - М.; Наука, 1982.
85. Лаврецкий И. Эрнесто Че Гевара. - М.: Политиздат, 1972.
86. Лебон Г. Психология социализма // Литературное обозрение. - 1991. - № 6.
87. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. 5-е изд. - М.: Госполитиздат, 1967-
88. 1984. Т. 5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. 5-е изд. - М.: Госполитиздат, 1967-
89. 1984. Т. 34-37. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. 5-е изд. - М.: Госполитиздат, 1967-
90. 1984. Т. 50. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Политиздат, 1975. Личко А. Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков. - М.: ЭКСМО, 1999.
91. Макиавелли Н. Государь. - М.: Планета, 1990.
92. Манасов М. Жизнь, отданная революции: Послесловие / Гросс Х. Э., Вольф К. П. Че: «Мои мечты не знают границ». - М.: Прогресс, 1984.
93. Манфред А. 3. Великая французская революция. - М.: Наука, 1983.
94. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 т. 4-е изд. - М.: Госполитиздат, 1951-1984. Т. 4-7.
95. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 т. 4-е изд. - М.: Госполитиздат, 1951-1984. Т. 23.
96. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. - М.: Прогресс, 1966.
97. Чекисты пересчитали экстремистов. - Московский комсомо. пец. - 2002. - 21 января. Морозов Г. В., Лунц Д. Р., Фелинская Н. И. Основные этапы развития отечественной судебной психиатрии. - М.: Медицина, 1976.
98. Независимая газета. - 2001. - 5 декабря.
99. Нечипоренко О. М. От первенца фараона до наших дней // Советник президента. - 2002.-№ 2.
100. Ожегов С. И. Словарь русского языка. - М.: Русский язык, 1986.
101. Ольшанский Д. В. Афганистан на рубеже национального примирения: борьба за расширение социальной базы революционной власти (Политико-психологический и страноведческий очерк) // Ислам и политика. - Вып. 5. - М.: ИОН, 1988.
102. Ольшанский Д. В. «Афганский синдром» // Литературное обозрение. - 1990. - № 3.
103. Ольшанский Д. В. Политико-психологический словарь. - М.: Академический проект, 2002.
104. Ольшанский Д. В. Паника // Психология современной российской политики. - М.: Академический проект, 2001.
105. Ольшанский Д. В. Смысловые структуры личности участников афганской войны // Психологический журнал. - Т. 12. - 1991. - № 5.
106. Ольшанский Д. В. Страх // Психология современной российской политики. - М.; Академический проект, 2001.
107. Ослон А. 10 тезисов о Новой Эпохе // Америка: Взгляд из России (до и после 11 сентября). - М.: ФОМ, 2001.
108. Перфильев Ю. Террор. Бейрут - жаркий октябрь. - М.: XXI век - Согласие, 2000.
109. Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. 2. - М.: Правда, 1990.
110. Политическая психология / Под общ. ред. А. А. Деркача, В. И. Жукова, Л. Г. Лаптева. - М.: Академический проект, 2001.
111. Политический словарь. - М.: Госполитиздат, 1940.
112. Преснякова Л. Терракты в США: что потом? // Америка: взгляд из России (до и после 11 сентября). - М.: ФОМ, 2001.
113. Происхождение религии в понимании буржуазных ученых. - М.: Госиздат, 1932.
114. Славутипская И. Без Усамы - с усами. - Профиль. - 2001. - 15 октября. - № 38.
115. Личная жизнь в эпоху террора. - Профиль. - 2001. - 5 ноября. - № 41.
116. Психологи о терроризме («круглый стол») // Психологический журнал. - Т. 16. - 1995. - Хо 4.
117. Психология. Словарь. - М.: Политиздат, 1990.
118. Пуховский И. Н. Психотравматические последствия чрезвычайных ситуаций. - М.: Академический проект, 2000.

119. Пятый созыв ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. - М., 1919.
120. Ратинов А. Р. Личность преступника: Психологические аспекты // Новая Конституция и актуальные вопросы борьбы с преступностью. - Тбилиси: Мцниереба, 1979.
121. Революционная Россия. - 1905. - 4 февраля. - № 60.
122. Савинков Б. Воспоминания террориста// Савинков Б. Избранное. - М.: Московский рабочий, 1990.
123. Савинков Б. Конь бледный // Савинков Б. Избранное. - М.: Московский рабочий, 1990.
124. Словарь иностранных слов. - М.: Русский язык, 1989. ?
125. Советский энциклопедический словарь. - М.: Сов. энциклопедия, 1980. Социальная психология. - М.: Политиздат, 1975. Троцкий Л. Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. - Т. 2. - Берлин, 1930. Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. - М.: Московский рабочий, 1991. Фейербах Л. Избранные философские произведения: В 3 т. М.: Мысль, 1983. Т. П. Философский энциклопедический словарь. - М.: Сов. энциклопедия, 1983. Фокс В. Введение в криминологию. - М.: Прогресс, 1980. Франка В. Человек в поисках смысла. - М.: Прогресс, 1990.
126. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» // Фрейд З. Избранное Т. 1.-Л.:Academia, 1969.
127. Фролов Э. Д. Огни Диоскуров. Античные теории переустройства общества и государства. - Л.: Наука, 1984.
128. Фромм Э. Иметь или быть? - М.: Прогресс, 1990.
129. Хейзинга Й. Осень средневековья. - М.: Наука, 1988.
130. Хомейни Р. Пайам-э имам бэ монасэбат-фэ салгард-э пируэи-йе энкелаб золами. - Джемхури-йе эслами. - Тегеран. - 1980. - 12 февраля.
131. Шелдон С. Если наступит завтра. Пески времени: Романы. - М.: АСТ, 1998.
132. Шур Э. М. Наше преступное общество. - М.: Прогресс, 1977.
133. Юридический энциклопедический словарь. - М.: Сов. энциклопедия, 1987.
134. Яблоков И. Н. Социология религии. - М.: Наука, 1979.
135. Яблонский Л. Шайка делинквентов как промежуточная группа // Социология преступности. - М.: Прогресс, 1966.

-
- [1] Чекисты пересчитали экстремистов // Московский комсомолец. 2002. 21 января.
 - [2] Жаккар Р. Именем Усамы бен-Ладена. – М.: ОЛМА-Пресс, 2002. – С. 19-20
 - [3] Там же.
 - [4] Фокс в. Введение в криминологию. – М.; Прогресс, 1980. – С. 26.
 - [5] См .: New York Times. 1968. July 4. P. 1.
 - [6] Шур Э. Наше преступное общество. – М.: Прогресс, 1977. – С. 99.
 - [7] Психологи о терроризме («круглый стол») // Психологический журнал. Т. 16. 1995. № 4. С. 48.
 - [8] Уши машут ослом. Современное социальное программирование / Гусев Д., Матвейчев О., Хазеев Р., Чернаков С. - Пермь: Alex J. Vakster Group, 2002. – С. 136.
 - [9] Коровиков А. Исламский экстремизм в арабских странах. – М.: Наука, 1990. – С. 11.
 - [10] Сов. энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1980. – С. 1335.
 - [11] См.: Юридический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1987.
 - [12] Ожегов С. И. Словарь русского языка. - М.; Русский язык, 1986. - С. 691.
 - [13] Словарь иностранных слов. - М.; Русский язык, 1989. - С. 505.
 - [14] Военный энциклопедический словарь. – М.: Воениздат, 1983. – С. 736.
 - [15] См .: Izard C. E . The face of emotion. - N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1971.
 - [16] Изард К.Е. Психология эмоций - СПб Питер, 2000 - С 293.
 - [17] Психологи о терроризме («круглый стол»)/Психологический журнал Т.16 1995 №4 С. 40.
 - [18] Коупленд Н. Психология и солдат, - М.; Воениздат, 1960. - С. 32-33.
 - [19] Агеев А. Наступил XXI век// Профиль. 2001. 17 сентября. С. 4.
 - [20] Гозман Л. Я. Гл. 11. – Гозман Л. Я, Шестопап Е. Б. Политическая психология. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. С. 314-315.
 - [21] Фролов Э. Д. Огни Диоскуров. Античные теории переустройства общества и государства. – Л.: Наука, 1984. - С. 29.
 - [22] Политическая психология / Под общ. ред. А. А. Деркача, В, И. Жукова, Л. Г. Лаптева. - М.: Академический проект, 2001. – С. 355.
 - [23] Политическая психология / Под общ. ред. А. А. Деркача, В, И. Жукова, Л. Г. Лаптева. -

- М.: Академический проект, 2001. – С. 350.
- [24] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 23. - С. 761.
- [25] Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – С. 401.
- [26] Encidopedia of Psychology / Ed. by H.J. Euzcnk, W. Arnold and R. Mcili. - N. Y.: Plenum, 1972. - P. 86.
- [27] Политическая психология / Под общ. ред. Л. А, Деркача, В, И. Жукова, Л. Г. Лаптева. - М.: Академический проект, 2001. – С. .372.
- [28] Гозман Л. Я., Шестопал Е. Б. Политическая психология. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996, – С. 291-292.
- [29] Нечипоренко О. М. От первенца фараона до наших дней // Советник президента. 2002. № 2, С, 7.
- [30] См.: Шелдон С. Если наступит завтра. Пески времени: Романы, – М.: АСТ, 1998. – С. 562, 568.
- [31] См.: Савинков Б. Конь бледный//Савинков Б. Избранное. – М.; Московский рабочий, 1990. – С. 318,310.
- [32] Давыдов Ю. Савинков Борис Викторович, он же В. Ропшин. Предисловие // Савинков Б. Избранное. – М.: Московский рабочий, 1990. – С. 9.
- [33] Давыдов Ю. Савинков Борис. Викторович, он же В. Ропшин. Предисловие // Савинков Б. Избранное. -М.; Московский рабочий, 1990. – С. 77.
- [34] Ленин В. И. Полн. собр. соч. - Т. 37. – С. 59-60.
- [35] Политический словарь. - М.: Госполитиздат, 1940. - С. 569-570.
- [36] Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. 2. - М.: Правда, 1990. - С. 71-73.
- [37] Макиавелли Н. Государь. - М.: Планета, 1990, - С. 22.
- [38] Макиавелли Н. Государь. - М.: Планета, 1990. - С. 26-29.
- [39] Манфед А.З. Великая французская революция. - М.: Наука, 1983. - С. 146.
- [40] Манфред А. 3. Великая французская революция. - М.: Наука, 1983. - С. 154-155.
- [41] Vellay C. Discours et Rapports de Robespierre. - P., 1908. - P. 332.
- [42] Манфред А. 3. Великая французская революция. - М.: Наука, 1983. - С. 156.
- [43] Манфред А. 3. Великая французская революция. - М.: Наука, 1983. - С. 202.
- [44] МанфредА. 3. Великая французская революция. - М.: Наука, 1983. - С. 198.
- [45] Маркс К, Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 299.
- [46] Там же, с. 494.
- [47] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 175.
- [48] См. резкую критику большевистского террора с опорой на работы и личные высказывания Ф. Энгельса, предпринятую К. Каутским в работе : Terrorismus und Kommunismus: ein Beitrag zur Naturgeschichte der Revolution. - В., 1919.
- [49] Luksemburg R. Bericht tiber den Grundungsparteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands - В.: Spartakusbund, 1919. - S. 52.
- [50] Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 5. С. 7.
- [51] Там же,Т.34.-С. 190-191.
- [52] Политический словарь. - М.: Госполитиздат, 1940. - С. 570.
- [53] Акунин Б. Статский советник. - М.: Захаров, 2001. - С. 20.
- [54] Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 63.
- [55] Карр Э. История Советской России. Кн. 1: тт. 1, 2. Большевистская революция. 1917-1923. - М.: Прогресс, 1990. - С. 136-137.
- [56] Известия. 1917. 30 октября (12 ноября).
- [57] Там же, 6(19) декабря.
- [58] Bunian and Fisher. The Bolshevik Revolution, 1917-1918. - Stanford: Univ. Prgss. 1934. - P. 578.
- [59] Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 311.
- [60] Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 182.
- [61] См. : Lockhatt Bruce R. H. Memoirs of a British Agent. - L., 1932. - P. 275-276.
- [62] Карр Э. История Советской России. Кн. 1: тт. 1, 2. Большевистская революция. 1917-1923. - М.: Прогресс, 1990. - С. 142.
- [63] Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 50. С. 143-144.

- [64] Пятый созыв ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. - М., 1919.-С. 11.
- [65] Карр Э. История Советской России. Кн. 1: тт. 1, 2. Большевицкая революция. 1917-1923. - М: Прогресс, 1990. - С. 145.
- [66] Drobisch K. иБег den Terror und seine Institutionen in Nazideutschland. In: Faschismus Forschung. - В.: Folk Verlag, 1949.-S. 157-180.
- [67] Галкин А. А. Германский фашизм. - М.: Политиздат, 1967. - С. 346.
- [68] Политическая психология / Под общ. ред. А. А. Деркача, В. И. Жукова, Л. Г. Лаптева. - М.: Академический проект, 2001. - С. 375.
- [69] Бланк А. С. Старый и новый фашизм. - М.: Политиздат, 1982. - С. 118-119.
- [70] См .: Milgram S. Some conditions of obedience and disobedience to authority // Human Relations. - 1965. - № 18. - V. 18. - P. 57-75.
- [71] Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. - М.: Московский рабочий, 1991. - С. 128.
- [72] Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. - М.: Московский рабочий, 1991. - С. 133-135.
- [73] Лебон Г. Психология социализма // Литературное обозрение. - 1991. - № 6. - С. 81.
- [74] Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» // Фрейд З. Избранное. Т. 1. - Л.: Academia, 1969. - С. 89.
- [75] См.: Независимая газета. 2001. 5 декабря. С. 7.
- [76] Business Week. 2001. November 5.
- [77] См.: Личная жизнь в эпоху террора // Профиль. 2001. 5 ноября. № 41. С. 44.
- [78] Business Week. 2001. November 5. № 41.
- [79] См.: Америка: взгляд из России (до и после 11 сентября). - М.: ФОМ, 2001. - С. 181-194.
- [80] Профиль. 2001. №41. С. 46.
- [81] Политическая психология / Под общ. ред. А. А. Деркача, В. И. Жукова, Л. Г. Лаптева. - М.: Академический проект, 2001. - С. 369.
- [82] Давыдов Ю. Савинков Борис Викторович, он же В. Ропшин. Предисловие // Савинков Б. Избранное. - М.: Московский рабочий, 1990. - С. 11.
- [83] Революционная Россия. № 60. 1905. 4 февраля.
- [84] Давыдов Ю. Савинков Борис Викторович, он же В. Ропшин. Предисловие// Савинков Б. Избранное. -М.: Московский рабочий, 1990. - С. 11.
- [85] Савинков Б. Воспоминания террориста// Савинков Б. Избранное. - С. 70-71.
- [86] Цит. по: Савинков Б. Конь бледный // Савинков Б. Избранное. - М.: Московский рабочий, 1990. - С. 72.
- [87] Агеев А. Наступил XXI век // Профиль. 2001. № 34. С. 4-5.
- [88] Терракты в США: реакции // Америка: взгляд из России (до и после 11 сентября). - М.: ФОМ, 2001. С. 151-161.
- [89] Коупленд Н. Психология и солдат. - М.: Воениздат, 1960. - С. 33-34.
- [90] Becker E. The terror of death. - In: Stress and coping. An anthology. - N. Y.: Plenum, 1977. - 310.
- [91] Zilboorg G. Fear of death // Psychoanalytic Quarterly. - 1943. - Vol. 12. - P. 465-467.
- [92] См.: Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. - М.: Наука, 1983. - С. 260-269.
- [93] Изард К. Э. Психология эмоций. - СПб.: Питер, 2000. - С. 293-294.
- [94] См .: Tomkins S. S. Affect, imagery, consciousness. - Vol. 1. The positive affects. - N. Y.: Plenum, 1962; Tom-kins S. S. Affect, imagery, consciousness. - Vol. 2. The negative affects. - N. Y.: Plenum, 1963.
- [95] Преснякова Л. Терракты в США: что потом? // Америка: взгляд из России... - С. 181-194.
- [96] Изард К. Э. Психология эмоций. - СПб.: Питер, 2000. - С. 312.
- [97] Ослон А. 10 тезисов о Новой Эпохе. - М.: ФОМ, 2001. - С. 10.
- [98] Изард К. Э. Психология эмоций. - СПб.: Питер, 2000. - С. 316.
- [99] Конан-Дойль А. Дьяволова нога // Конан-Дойль А. Собр. соч.: В 8 т. - Т. 3. - М.: Правда, 1966. - С. 331.
- [100] См . Bull N. Experimental investigation of the body-mind continuum in affective states //Journal of Nervous and Mental Diseases. - 1951. - № 113. - P. 512-521.
- [101] Давыдов Ю. Савинков Борис Викторович, он же В. Ропшин. Предисловие// Савинков Б. Избранное. -М.: Московский рабочий, 1990. - С. 10.

- [102] Цит. по: Bull N. Experimental investigation of the body-mind continuum in affective states //Journal of Nervous and Mental Diseases. - 1951. - № 113. - P. 520.
- [103] Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. 2. - М.: Правда, 1990. - С. 474.
- [104] Камю А. Чума // Камю А. Избранное. - М.: Радуга, 1988. - С. 150,154,158, 164.
- [105] Ослон А. 10 тезисов о Новой Эпохе. - М.: ФОМ, 2001. - С. 13.
- [106] Ожегов С. И. Словарь русского языка. - С. 259.
- [107] Пуховский Н. Н. Психотравматические последствия чрезвычайных ситуаций. - М.: Академический проект, 2000. - С. 85.
- [108] Агеев А. Великая репрессия // Профиль. 2001. № 36. С. 22.
- [109] Социальная психология. - М.: Политиздат, 1975. - С. 293-294.
- [110] Социальная психология. - М.: Политиздат, 1975. - С. 296.
- [111] Пуховский Н. Н. Психотравматические последствия чрезвычайных ситуаций. - М.: Академический проект, 2000. - С. 75-82.
- [112] Ольшанский Д. В. Страх // Ольшанский Д. В. Психология современной российской политики. - М. Академический проект, 2001. - С. 464.
- [113] Цит. по: Изард К. Э. Психология эмоций. - СПб.: Питер, 2000. - С. 312-313.
- [114] Ослон Л. 10 тезисов о Новой Эпохе. - С. 14.
- [115] Ослон А. 10 тезисов о Новой Эпохе. - М.: ФОМ, 2001. - С. 15.
- [116] Rowan J. Psychological aspects of society. - L.: Academic Press, 1978. - В. 4. The structured crowd. - P. 34.
- [117] Горький М. -Жизнь Клима Самгина//Горький М. Поли. собр. соч.; в 25т. -Т. 21. - М.: Наука, 1974. - С. 467-475.
- [118] Rowan J. Psychological aspects of society. - L.: Academic Press, 1978. - В. 4. The structured crowd. -P. 38-39.
- [119] Цит. по: Шур Э. М. Наше преступное общество. - М.: Прогресс, 1977. - С. 193.
- [120] Психология. Словарь. - М.: Политиздат, 1990. - С. 9-10
- [121] Шур Э. М. Наше преступное общество. - М.: Прогресс, 1977. - С. 199.
- [122] См. : Vischer A. L. Die Stachelndrahtkrankheit. - Zurich: Folk Verlag, 1918.
- [123] Cohen E. A. Human Behavior in the Concentration Camp. - L. Academic Press, 1954.
- [124] Франкл В. Человек в поисках смысла. - М.: Прогресс, 1990. - С. 133.
- [125] См. Frankl V. E. Ein Psychologe eriebt das Konzentrationslager. - Wien: AusVerlag, 1946.
- [126] Франкл В. Человек в поисках смысла. - М.: Прогресс, 1990. - С. 136.
- [127] См. Wind E. de. Confrontatie met de dood // Folia psychiat. Neerl. - 1949. - № 6. - P. 1-7.
- [128] Франкл В. Человек в поисках смысла. - М.: Прогресс, 1990. - С. 132.
- [129] См. : Cohen E. A. Human Behavior in the Concentration Camp. - L. Academic Press, 1954.
- [130] Франкл в. Человек в поисках смысла. - М.: Прогресс, 1990. - С. 137-138.
- [131] Франкл В. Человек в поисках смысла. - М.: Прогресс, 1990. - С. 142.
- [132] Гозман Л.Я., Шестопап Е. Б. Политическая психология. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. - С. 303-304.
- [133] Гозман Л. Я., Шестопап Е. Б. Политическая психология. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. - С. 305-308.
- [134] Пуховский Н. Н. Психотравматические последствия чрезвычайных ситуаций. - М.: Академический проект, 2000. - С. 84.
- [135] Психологи о терроризме («круглый стол») // Психологический журнал. Т. 16. 1995. № 4. С. 40.
- [136] Гозман Л.Я.,Шестопап Е.Б. Политическая психология. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. - С. 311-312.
- [137] Перфильев Ю. Террор. Бейрут - жаркий октябрь. - М.: XXI век - Согласие, 2000. - С. 79.
- [138] Савинков Б. Воспоминания террориста // Савинков Б. Избранное. - М.: Московский рабочий, 1990. - С. 154.
- [139] См.: Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Политиздат, 1975.
- [140] См. : Michael Bakunins sozialpolitischer Briefwechsel mit Alexander Herzen und Ogarjow. - В., 1895.
- [141] Психологи о терроризме («круглый стол») // Психологический журнал. Т. 16. 1995. № 4. С. 40.

- [142] Там же. - С. 47.
- [143] Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. - М.: Наука, 1982. - С. 164.
- [144] Савинков Б. Воспоминания террориста // Савинков Б. Избранное. - М.: Московский рабочий 1990 -С.235.
- [145] Психологи о терроризме («круглый стол») // Психологический журнал. Т. 16.1995. № 4. С. 44-45.
- [146] Джекебаев У. С. О социально-психологических аспектах преступного поведения. - Алма-Ата: Респ. книжн. изд-во, 1971. - С. 67.
- [147] Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. - М.: Наука, 1982. - С. 166.
- [148] Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. - М.: Наука, 1982. - С. 168.
- [149] См. Дубовик О. Л. Принятие решения в механизме преступного поведения и индивидуальная профилактика преступлений. - М.: Наука, 1977.
- [150] Ратинов А. Р. Личность преступника: Психологические аспекты. - В кн.: Новая Конституция и актуальные вопросы борьбы с преступностью. - Тбилиси: Мцниереба, 1979. - С. 162.
- [151] Ратинов А. Р. Личность преступника: Психологические аспекты // Новая Конституция и актуальные вопросы борьбы с преступностью. - Тбилиси: Мцниереба, 1979. - С. 76.
- [152] Психологи о терроризме («круглый стол») // Психологический журнал. Т. 16. 1995. № 4. С. 42.
- [153] Шур Э. Наше преступное общество. - М.: Прогресс, 1977. - С. 99.
- [154] Ганнушкин П. Б. Избранные труды. - М.: Медицина, 1964. - С. 121-122.
- [155] См.: Морозов Г. В., Лунц Д. Р., Фелинская Н. И. Основные этапы развития отечественной судебной психиатрии. - М.: Медицина, 1976. - С. 269.
- [156] Личко А. Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков. - М.: ЭКСМО, 1999. - С. 10.
- [157] Личко А. Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков. - М.: ЭКСМО, 1999. - С. 15-16.
- [158] Пуховский Н. Н. Психотравматические последствия чрезвычайных ситуаций. - М.: Академический проект, 2000. - С. 59.
- [159] Несмотря на значительные трудности, некоторых наблюдавшихся нами лиц, связанных с террористической деятельностью, все же удавалось обследовать известными психологическими методиками - в частности, с помощью Миннесотского многофазного личностного теста и ряда других методик.
- [160] Durkheim E. Le suicide: etude de sociologie. - Paris, 1897. - S. 38.
- [161] Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. - М.: Прогресс, 1966. - С. 303, 309.
- [162] Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. - М., 1966. - С. 311-312.
- [163] См. : Les Regies de la Methode Sociologique. - Paris, 1927. - P. 86-89.
- [164] Шелдон С. Если наступит завтра. Пески времени: Романы. - М.: АСТ, 1998. - С. 506-507.
- [165] Перфильев Ю. Террор. Бейрут - жаркий октябрь. - М.: XXI век - Согласие, 2000. - С. 119.
- [166] Гозман Д. Я., Шестопап Е. Б. Политическая психология. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. - С. 312.
- [167] Шелдон С. Если наступит завтра. Пески времени: Романы. - М.: АСТ, 1998. - С. 571.
- [168] Там же, с. 582.
- [169] Савинков Б. Воспоминания террориста // Савинков Б. Избранное. - М.: Московский рабочий, 1990. - С. 153.
- [170] Савинков Б. Конь бледный // Савинков Б. Избранное. - М.: Московский рабочий, 1990. - С. 370.
- [171] Blauner R. Whitewash Over Watts // Trans-Action. - 1966. - March-April. № 2- P. 9.
- [172] Coser L. Continuities in the Study of Social Conflict. - N. Y.: Norton, 1967. - P. 103.
- [173] См.: Дубовик О. Л. Принятие решения в механизме преступного поведения и индивидуальная профилактика преступлений. - М.: Наука, 1977. - С. 44.

- [174] Савинков Б. Избранное. - С. 97-101.
- [175] Пуховский Н. Н. Психотравматические последствия чрезвычайных ситуаций. - М.: Академический проект, 2000. - С. 70.
- [176] Пуховский Н. Н. Психотравматические последствия чрезвычайных ситуаций. - М.: Академический проект, 2000. - С. 72-73.
- [177] Пуховский Н. Н. Психотравматические последствия чрезвычайных ситуаций. - М.: Академический проект, 2000. - С. 73.
- [178] Ольшанский Д. В. Афганистан на рубеже национального примирения: борьба за расширение социальной базы революционной власти (Политико-психологический и страноведческий очерк) // Ислам и политика. - Вып. 5. - М.: ИОН, 1988. - С. 71.
- [179] Цит. по: Савинков Б. Избранное. - С. 67.
- [180] Цит. по: Савинков Б. Избранное. - С. 38.
- [181] Цит. по: Давыдов Ю. Савинков Борис Викторович, он же В. Ропшин. Предисловие // Савинков Б. Избранное. - М.: Московский рабочий, 1990. - С. 8.
- [182] Цит. по: Савинков Б. Воспоминания террориста // Савинков Б. Избранное. - М.: Московский рабочий, 1990. - С. 190.
- [183] Фромм Э. Иметь или быть? - М.: Прогресс, 1990. - С. 134.
- [184] См.: Савинков Б. Избранное. - С. 169-171.
- [185] См.: Eysenk H.J. Crime and Personality. - Boston: Univ. Press, 1964.
- [186] Pospiszyl K. Psychologiczna analiza wadliwych postaw społecznych młodzieży. - W-wa: Ossolineim, 1973. - S. 239.
- [187] Гозман Л. Я., Шестопап Е. Б. Политическая психология. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. - С. 312.
- [188] Гозман Л. я., Шестопап Е. Б. Политическая психология. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. - С. 312-314.
- [189] Яблонский л. Шайка делинквентов как промежуточная пзуппа / Социология преступности. - М.: Прогресс, 1966. - С. 356.
- [190] Политическая психология / Под общ. ред. А. А. Деркача, В. И. Жукова, Л. Г. Лаптева. - М.: Академический проект, 2001. - С. 382.
- [191] Политическая психология / Под общ. ред. А. А. Деркача, В. И. Жукова, Л. Г. Лаптева. - М.: Академический проект, 2001. - С. 382.
- [192] Там же, с. 385-386.
- [193] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.7. С. 287-288.
- [194] Цит. по: Соколов С. Бульжник - орудие демократа? // Комсомольская правда. 1991. 30 июля.
- [195] Подробнее см.: Давыдов Ю. Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. -М.: Наука, 1977.
- [196] Подробнее см.: Давыдов Ю. Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. -М.: Наука, 1977. с. 266.
- [197] Давыдов Ю. Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. - М.: Наука, 1977. - С. 269.
- [198] Политическая психология / Под общ. ред. А. А. Деркача, В. И. Жукова, Л. Г. Лаптева. - М.: Академический проект, 2001. - С. 382.
- [199] Давыдов Ю. Савинков Борис Викторович, он же В. Ропшин. Предисловие // Савинков Б. Избранное. - М.: Московский рабочий, 1990. - С. 9.
- [200] Политическая психология / Под общ. ред. А. А. Деркача, В. И. Жукова, Л. Г. Лаптева. - М.: Академический проект, 2001. - С. 387.
- [201] Политическая психология / Под общ. ред. А. А. Деркача, В. И. Жукова, Л. Г. Лаптева. - М.: Академический проект, 2001. - С. 389.
- [202] Там же, с. 332.
- [203] Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. - М., 1909. - С. 49.
- [204] Там же, С. 41, 44.
- [205] Там же, С. 43.
- [206] Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. - М., 1909. - С. 42-43.
- [207] Там же, с. 47.

- [208] Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. - М., 1909. - С. 47.
- [209] Амелин В. Н. Социология политики. - М.: изд-во МГУ, 1992. - С. 77.
- [210] Амелин В. Н. Социология политики. - М.: изд-во МГУ, 1992. - С. 84-87.
- [211] Политическая психология / Под общ. ред. А. А. Деркача, В. И. Жукова, Л. Г. Лаптева. - М.: Академический проект, 2001. - С. 389.
- [212] Жаккар Р. Именем Усамы бен-Ладена. - М.: ОЛМА-Пресс, 2002. - С. 168-169.
- [213] Антоний. Догматическое богословие. - Киев, 1862. - С. 188.
- [214] Введенский А. Религиозное сознание язычества. - Т. 1. - М., 1902. - С. 138.
- [215] Фейербах Л. Избранные философские произведения в 3 тт. - Т. II. - М.: Мысль, 1983. - С. 355.
- [216] См.: Подвиг. - Журнал Московской патриархии. - 1956. - № 6. - С. 46.
- [217] Евгеньева Т. В. Психология религии и проблемы работы с верующими. - М.: ИОН, 1988. - С. 57.
- [218] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. - Одесса, 1900. - С. 134.
- [219] Яблоков И. Н. Социология религии. - М.: Наука, 1979. - С. 45.
- [220] Цит. по: Происхождение религии в понимании буржуазных ученых. - М.: Госиздат, 1932. - С. 63-64.
- [221] Ольшанский Д. В. Афганистан на рубеже национального примирения: борьба за расширение социальной базы революционной власти (Политико-психологический и страноведческий очерк). - М.: ИОН, 1998.-С. 69-71.
- [222] Хейзинга Й. Осень средневековья. - М.: Наука, 1988. - С. 208.
- [223] Хейзинга Й. Осень средневековья. - М.: Наука, 1988. - С. 10-11.
- [224] Троицкий Л. Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. - Т. 2. - Берлин, 1930. - С. 336-337.
- [225] Троицкий Л. Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. - Т. 2. - Берлин, 1930. - С. 337-338.
- [226] Гросс Х.-Э., Вольф К.-П. Че: «Мои мечты не знают фаниц». - М.: Прогресс, 1984. - С. 255.
- [227] Манасов М. Жизнь, отданная революции: Послесловие / Гросс Х. Э., Вольф К. П. Че: «Мои мечты не знают границ». - М.: Прогресс, 1984. - С. 258.
- [228] Лаврецкий И. Эрнесто Че Гевара. - М.: Политиздат, 1972. - С. 243.
- [229] Гевара Че Э. Партизанская война // Иностранная литература. - 1961. - № 4-5; Гевара Че Э. Эпизоды революционной войны. - М.: Политиздат, 1973, и др.
- [230] Жаккар Р. Именем Усамы бен-Ладена. - М.: ОЛМА-Пресс, 2002. - С. 122-123.
- [231] Савинков Б. Избранное. - М.: Московский рабочий, 1990. - С. 110.
- [232] Перфильев Ю. Террор. Бейрут - жаркий октябрь. - М.: XXI век - Согласие, 2000. - С. 82-83.
- [233] Цит. по: Жаккар Р. Именем Усамы бен-Ладена. - М.: ОЛМА-Пресс, 2002. - С. 34.
- [234] Цит. по: Славутинская И. Без Усамы - с усами // Профиль. 2001. 15 октября. X» 38. С. 16.
- [235] Ayatollah Khomeini. Weisheiten, Warnungen, Waisungen. - Munchen: Aus Verlag, 1979. - S. 21.
- [236] См. : Kapferer R. Renaissance des Islam - ein Teil der Kulturrevolution in Dritten Welt. - Aus Politik und Zeitgeschichte. - № 5152/80. - 1980. - 20 Dezember. - S. 4-8.
- [237] См.: Перфильев Ю. Террор. Бейрут - жаркий октябрь. - М.: XXI век - Согласие, 2000. - С. 66.
- [238] См. : Sandis Credit Islamic Law with Keeping Crime Rate Down // International Herald Tribune. - 1984. -January 12. - P. 5.
- [239] Ольшанский д. Афганистан: трудный путь к миру // Политическое образование. 1987. № 10. С. 124-125.
- [240] Жаккар Р. Именем Усамы бен-Ладена. - М.: ОЛМА-Пресс, 2002. - С. 185-196.
- [241] Жаккар Р. Именем Усамы бен-Ладена. - М.: ОЛМА-Пресс, 2002. - С. 85-86.
- [242] Фролов Э. Д. Огни Диоскуров. - Л.: Наука, 1984. - С. 32.
- [243] Шур Э. М. Наше преступное общество. - М.: Прогресс, 1977. - С. 190-191.
- [244] Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. - Париж: YMCA-PRESS, 1955. - С. 51.
- [245] Harrington M. Is America by Nature a Violent Society? // New York Times Magazine. --

1968. - April 29. -№4.-P. 11.

[246] Janovitz M. Social Control of Escalated Riots. - Chicago: Univ. Press, 1968. - P. 10-11.

[247] Kerner Report. - P. 136-137.

[248] Шур Э. М. Наше преступное общество. - М.: Прогресс, 1977. - С. 194.

[249] Цит. по; Савинков Б. Избранное. - М.: Московский рабочий, 1990. - С. 121.

[250] Гуляев Ф. Нет пророка в своем отечестве // Профиль. 1999. № 35. С. 74.

[251] Бовин А. Е. Иранская революция. Хроника, документы, размышления // Иностранная литература. 1980. № 7. С. 244.

[252] Strayaf A. Future of Khomeini and World Islam. - L.: Muslim Publ., 1985. - P. 5.

[253] The portrait of ayatollah Khomeini // Guardian. - 1979, - January 22.

[254] Dekmegian R. H. The anatomy of Islamic revival // Middle East Journal. - 1980. - Vol. 34. - № 1. - P. 12.

[255] Razi G. H. Development of political institutions in Iran and, scenarios for the future / Iran: Essays on a revolution in the making. - N. Y.: Norton, 1982. ~ P. 55-76.

[256] Ссылаясь на «одного тегеранского университетского деятеля», эти слова приводили французские исследователи в цитированной работе П. Барта и К. Рулло.

[257] Вака Р., Rulleau C. L'Iran insurge: 1789 an Islam? Un tourant du monde? - P.: Sindbad, 1979. - P. 88.

[258] Zedler B. The ayatollah Khomeini and his concept of an Islamic republic // International philosophical quarterly. - 1981. ~ Vol. 21. - № 1. - P. 83-99.

[259] Хомейни Р. Пайам-э имам бэ монасэбат-фэ салгард-э пируэи-йе энкелаб золами // Джемхури-йе эслами. Тегеран. 1980.12 февраля. С. 1. (Послание имама к иранскому народу по случаю годовщины исламской революции).

[260] Amini S. A critical assessment of 'All S'hari'ati's theory of revolution. - In: Iran: Essays on a revolution In the making/ Ed. by jahbari A., Olson R. Lexington; Univ. Press, 1981. - P. 77-103.

[261] Цит по : Mourada K. Rivalite apres le depart du Chah // Nouvel observateur. - 1979. - Janvier 15.

[262] Guardian. - 1979. -January 22.

[263] Balta P., Rulleau C Op. cit. - P. 161.

[264] Там же , p. 159.

[265] См.-Jansen G. H. The Militant Islam of Imam Khomeini: a new phenomenon. - L: Muslim Publ., 1985. - P. 17.

[266] Следует особо отметить, что Хомейни удалось навязать такое индивидуально-личностное противостояние президенту США Дж. Картеру. По сути признав это, Картер лично возглавил операцию по спасению заложников - сотрудников посольства США в Тегеране. Провал же этой операции стал личным провалом Картера, а не США - речь идет о последовавшем вскоре после этого поражении на президентских выборах. «Победа» Хомейни также была его личной победой - победой индивидуальности, надевшей маску богочеловека и противопоставившей себя и людям, и социальным системам.

[267] Abdalla I.-S. The Third world in crisis // IPDA Dossier. - 1981. - № 26. - P. 12.

[268] Is the Ayatollah a heretic? // Times. - 1980. - April 28. - P. 33.

[269] Вака Р., Rulleau C. L'Iran insurge: 1789 an Islam? Un tourant du monde? - P.: Sindbad, 1979. - P. 87.

[270] Вака Р., Rulleau C. L'Iran insurge: 1789 an Islam? Un tourant du monde? - P.: Sindbad, 1979. - P. 24.

[271] Griffith E. Islam on the march // Readers digest. - 1979. - Vol. 112. - № 6. - P. 85.

[272] Walzer M. The Islam explosion // New Republic. - 1979. - December 8. - P. 17-25.

[273] Jensen G.H. Militant Islam.-L: Pan books, 1980.-P . 203.

[274] O'Braien C. The position of Islam in the life and politics of Sudan // West Africa. - 1982. - Vol. 65. - № 65. -P. 6-1.

[275] Жаккар Р. Именем Усамы бен-Ладена. - М.: ОЛМА-Пресс, 2002. - С. 28.

[276] Жаккар Р. Именем Усамы бен-Ладена. - М.: ОЛМА-Пресс, 2002. - С. 41.

[277] Там же, с. 51.

[278] McCleud S. The Jihad Palladin // Times. - 1996. - May 6.

[279] Жаккар Р. Именем Усамы бен-Ладена. - М.: ОЛМА-Пресс, 2002. - С. 56.

- [280] Pakistan. - 1997. - March 18.
- [281] Жаккар Р. Именем Усамы бен-Ладена. - М.: ОЛМА-Пресс, 2002. - С. 58.
- [282] Жаккар Р. Именем Усамы бен-Ладена. - М.: ОЛМА-Пресс, 2002. - С. 64-65.
- [283] Жаккар Р. Именем Усамы бен-Ладена. - М.: ОЛМА-Пресс, 2002. - С. 177.
- [284] Жаккар Р. Именем Усамы бен-Ладена. - М.: ОЛМА-Пресс, 2002. - С. 160-161.
- [285] Известия. - 2001. - 8 декабря.
- [286] Агеев А. Великая репрессия // Профиль. 2001. № 36. С. 19.
- [287] См.: Ольшанский Д. В. «Афганский синдром» // Литературное обозрение. 1990. № 3. С. 9-18; Ольшанский Д. В. Смысловые структуры личности участников афганской войны // Психологический журнал. - Т. 12. - 1991. - № 5. - С. 120-131, и др.
- [288] Ольшанский Д. В. Смысловые структуры личности участников афганской войны // Психологический журнал. Т. 12. 1991. № 5. С. 127-128.
- [289] Ольшанский Д. В. Смысловые структуры личности участников афганской войны // Психологический журнал. Т. 12. 1991. № 5. С. 129-130.
- [290] Жаккар Р. Именем Усамы бен-Ладена. - М.: ОЛМА-Пресс, 2002. - С. 107.
- [291] Жаккар Р. Именем Усамы бен-Ладена. - М.: ОЛМА-Пресс, 2002. - С. 178.
- [292] Жаккар Р. Именем Усамы бен-Ладена. - М.: ОЛМА-Пресс, 2002. - С. 108-110.
- [293] Жаккар Р. Именем Усамы бен-Ладена. - М.: ОЛМА-Пресс, 2002. - С. 227.
- [294] Гуляев Ф. Нет пророка в своем отечестве // Профиль. 1999. № 35. С. 76.
- [295] Психологи о терроризме («круглый стол») // Психологический журнал. Т. 16., 1995. № 4. С. 37.
- [296] Агеев А. Великая репрессия // Профиль. 2001. № 36. С. 20-21.
- [297] Гозман Л. Я., Шестопап Е. Б. Политическая психология. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. - С. 390.
- [298] Гусев Д. Г., Матвейчев О. А., Хазеев Р. Р., Черпаков С. Ю. Уши машут ослом // Современное социальное программирование. - Пермь: Alex J. Bakster Group, 2002: - С. 136.
- [299] President's Commission on Law Enforcement and Administration of Justice, Task Force Report: Crime and its Impact - an Assessment. - W.: The Free Press, 1967. - P. 13.
- [300] Перфильев Ю. Террор. Бейрут - жаркий октябрь. - М.: XXI век - Согласие, 2000. - С. 50.
- [301] Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. - М.: Наука, 1983. - С. 262-263.
- [302] Перфильев Ю. Террор. Бейрут - жаркий октябрь. - М.: XXI век - Согласие, 2000.- С. 105.
- [303] Ольшанский д. В. Психология современной российской политики. - М.: Академический проект, 2001. - С. 475.
- [304] Шур Э. М. Наше преступное общество. - М.: Прогресс, 1977. - С. 199.
- [305] Жаккар Р. Именем Усамы бен-Ладена. - М.: ОЛМА-Пресс, 2002. - С. 249-250.
- [306] Гозман Л. Я., Шестопап Е. Б. Политическая психология. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. - С. 315.
- [307] Агеев А. Наступил XXI век // Профиль. 2001. № 34. С. 7.

Дмитрий Ольшанский
Психология терроризма
Издательство: Питер, 2002 г.
Твердый переплет, 288 стр.
ISBN 5-94723-102-6
Тираж: 5000 экз.
Формат: 70x100/32